Устьянцев В. А.

У83 Флагман: Роман. — М.: Воениздат, 1987. — 351 с.

1 р. 70 к.

Роман посвящен сегодняшней жизни военных моряков. Командующий флотом Малинин, командир большого противолодочного корабля Гвоздев, журналист Волжанин, медсестра Валя — эти и другие герои романа изображены не только в сфере своей служебной деятельности — автор показывает жизнь во всем ее многообразии, в сложном, порой трагическом, переплетении судеб.

У $\frac{4702010201\text{-}218}{068(02)\text{-}87}$ 140-87

ББК 84Р7

Виктор Александрович Устьянцев

ФЛАГМАН

Редактор *О. А. Бабинская*
Н. Н. Пшеницкий
Я. В. Поляков

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Москва гудела, как потревоженный улей. Это сходство усиливалось тем, что выросли новые кварталы с плоскими высокими домами, удивительно напоминающими соты. В руслах улиц кипел и сердито ворчал нескончаемый поток автомобилей. Но на крыше выделенного вице-адмиралу Александру Михайловичу Малинину лимузина тревожно мелькал синий огонь, перед ним послушно расступались другие машины, освобождая резервную полосу.

Водитель был опытным, вел машину уверенно, пожалуй даже нахально, лишь возле вокзала на Садовом кольце слегка притормозил и, полуобернувшись к Малинину, как бы извиняясь, пояснил:

— Тут, товарищ командующий, много деревенских, они со своими мешками так и лезут под колеса...

В его тоне было столько презрения к деревенским с мешками, что Александр Михайлович поежился и оскорбленно подумал: «Тебе бы эти мешки потаскать на своем горбу!»

И невольно вспомнилось, как они с матерью за двенадцать километров таскали в город мешки с картошкой и ведра с варенцом, чтобы потом, продав их на городском рынке, купить на толкучке хоть какую-нибудь одежонку и обувку, потому что ни ему, ни младшим сестренкам не в чем было идти в школу. Правда, теперь с тяжелыми-то мешками едут чаще из города в деревню. Вон женщина тащит сетку с венгерскими яблоками килограммов на пятнадцать, а мужичок в дубленке и пыжиковой шапке направляется к автобусу с охапкой батонов колбасы, несет ее, как дрова. И надпись «На Москву» на спинках выстроившихся цепочкой у вокзала автобусов приобретает иронический оттенок, пожалуй, стоило бы добавить к ней восклицательный знак.

«Да, как все изменилось за последние годы! — подумал Александр Михайлович. — А вот в лучшую ли сторону? Конечно, в деревне тоже хотят есть яблоки, только там их раньше выращивали сами...»

И опять невольно вспомнилось, как он однажды повез на курорт мать. За всю свою жизнь она дальше их районного городишки и не бывала, а о море и вовсе не имела представления, как, впрочем, не представляла, что такое отпуск, тем более — на курорте. В то время Александр Михайлович был уже начальником штаба флота, и командующий отдал в его распоряжение двухэтажный коттедж, расположенный на территории флотского санатория.

Когда Александр Михайлович показал матери все: холл, гостиную и комнаты особняка — и спросил, в которой она хотела бы поселиться, мать изумилась:

— Дак это чё, мы разве одне тут жить будем?

— Одни.

— Дак тут же почти всю нашу деревню уместить можно. А других-то людей, чё, на этом курорте нет?

— Есть. Но они живут вон в том большом корпусе. Правда, потеснее. А нам вот тут полагается.

— Ну, ежели полагатца... — Мать недоверчиво посмотрела на него и еще раз удивилась: — Это скоко же места! И ба́ско-то как все!

Она выбрала самую маленькую, какую-то подсобную комнатенку, в которую тут же перетащили из спальни кровать.

Потом, на пляже, глядя на распластанные на топчанах тела, мать опять удивлялась:

— Дак чё оне, эдак цельными днями ничё и не делают, токо валяютца?

— Они целый год работали, — пытался оправдать отдыхающих Александр Михайлович.

— Эдак-то ишо и не такие брюха́ належать можно! — осуждающе заметила мать.

На четвертый день она заявила:

— Ты, Саня, оставайся тут, а я домой поеду. Картошку пора копать, а то скоро заморозки пойдут.

— Да без тебя ее выкопают! Дам телеграмму, попросят кого-нибудь.

— Сроду не нанимали, а тут нате какие баре...

Уговорить ее не удалось. Александр Михайлович решил поехать вместе с нею и позвонил эвакуатору, чтобы заказать билеты. Мать и тут поставила условие:

— Токо ты обчий вагон заказывай, а то чё мы, как сычи, всю дорогу сюда сидели вдвоем? На народе-то оно веселее.

И они поехали в общем вагоне. И оказалось, действительно веселее. На столик каждый вываливал в общую кучу

свои дорожные припасы, только чай был казенный, жиденький, с запахом веника, но и его выдували стакана по три-четыре на душу за один раз. Потом все остатки пиршества сгребали кому-нибудь в освободившуюся авоську и садились за карты. Зато какие были разговоры!

Пожалуй, только в дальней дороге, да еще с незнакомыми людьми, человек бывает столь откровенен, не опасаясь, что этой его обнаженностью души кто-то воспользуется ему во вред. Один сойдет пораньше, другой — попозже, третий может вместе с тобой сойти и на конечной станции, но вы тут же и разойдетесь в разные стороны и, скорее всего, больше ни разу и не встретитесь, зато облегчите друг перед другом душу...

Тут говорили обо всем: о погоде, об урожае, о рыночных и закупочных ценах, о семейных делах, о нынешней моде и о политике. Пожалуй, о политике говорили даже чаще, и всякий раз эти разговоры заканчивались чьим-нибудь вздохом:

— Только бы войны не было!..

Когда попутчики узнали, что Александр Михайлович — человек военный, то буквально засыпали его вопросами: какая она сегодня, наша армия, действительно ли способна дать отпор любому агрессору, не получится ли, как в сорок первом? В этих вопросах ощущалась не просто тревога, а и глубокое понимание того, что сохранить мир сегодня может именно наша сила, способная остановить агрессора...

Назначение Малинина командующим флотом ни для кого не было неожиданным. Любители прогнозов в кабинетах, курилках давно уже прочили ему эту должность. Малинин около тридцати лет проплавал на кораблях, прошел все ступени флотской лестницы, не перескочив ни через одну из них. Конечно, знаменитый нахимовский сундук тоже проплавал двадцать лет, но так сундуком и остался. Были и среди нынешних адмиралов и «сундуки», и паркетные шаркуны, стремительно делавшие карьеру, но даже они назначение Малинина приняли как справедливое, отдавая дань уважения уму и опыту Александра Михайловича.

Но сам Малинин не испытывал тщеславного удовлетворения. Он воспринял это назначение как неизбежность, как новую, еще более тяжкую ношу, которую взвалили на его плечи и которую — хоть ты тресни! — надо тащить. Кому-то ведь надо же копать картошку!

Пришедшая ему на ум метафора хотя и казалась удачной, однако командовать флотом — это все-таки не картош-

ку копать. И он сейчас думал о том, что вот был он первым заместителем командующего флотом, нередко оставаясь за него, исполнял и его обязанности, дело вроде бы знает, но как неизмеримо возросла теперь степень его личной ответственности. И назойливо пульсировала тревожная мысль: «А потяну ли я этот воз?»

Занятый размышлениями, он не заметил, как машина выскочила за город, на шоссе стало свободнее, и водитель гнал на предельной скорости. Лишь чуть сбавив ее в воротах аэродрома, он выскочил прямо на летное поле и лихо подкатил к самолету. Экипаж выстроился у трапа, и едва Малинин вылез из машины, как от строя отделился маленький полноватый человек и, стараясь четко печатать шаг, пошел навстречу. Меховая куртка придавала его и без того не очень стройной фигуре вид этакого неуклюжего увальня, да и шаг он печатал не очень четко, однако голос его оказался неожиданно бодрым и звонким:

— Товарищ командующий, машина к полету готова. Командир экипажа подполковник Зайчиков.

Пожимая летчику руку, Александр Михайлович вглядывался в его лицо. Оно было под стать фигуре: круглое и добродушное, с полными губами и носом сапожком. И так напоминало многие лица мужиков из вологодских деревень, что Малинин невольно спросил:

— Откуда вы родом?

— Москвич. — Подполковник глянул куда-то за спину Малинина, должно быть в сторону родной Москвы, и вздохнул. Похоже, на этот раз ему не удалось побывать там.

— Ну что ж, раз готовы, то полетим, — сказал Малинин и стал подниматься по трапу.

Самолет был новой модификации. Первый салон, с диванами, платяным шкафом из красного дерева, просторным креслом и огромным столом, на котором можно расстелить и карту, предназначался для самого командующего, следующий был обычным, как на всех других самолетах, там должны были размещаться сопровождающие его лица. Но сейчас он летел один и испытал угрызения совести, вспомнив, как удивилась мать, узнав, что они будут жить вдвоем в коттедже...

Сняв и повесив в шкаф шинель и фуражку, он сел в кресло, и тотчас над головой щелкнуло и донесся несколько искаженный динамиком голос командира экипажа:

— Товарищ командующий, получено «добро» на вылет. Разрешите взлет?

Нажав кнопку на панели над столом и включившись в сеть, Александр Михайлович разрешил:

— Добро!..

Сначала тонко засвистели, потом все басовитее загудели турбины, и самолет мягко тронулся с места. Выйдя по рулежке на взлетно-посадочную полосу, он как бы споткнулся обо что-то, замер и сердито зарычал, набирая обороты турбин. Снег на обочине полосы сначала закудрявился, затем теплый ветер турбин прибил его. Самолет вздрогнул и побежал вперед; серая бетонная лента взлетной полосы натягивалась все туже и туже, замелькало многоточие расставленных на обочине прожекторов; вот и оно слилось в сплошную линию, самолет качнулся, какую-то долю мгновения, казалось, неподвижно повисел в воздухе, потом круто полез вверх. По мере того как он поднимался все выше и выше, расплывались земные краски, утрачивалась их яркость, казалось, не самолет врезается в белую вату облаков, а сама земля погружается в них. И только еще не замерзшие реки отчетливо сохраняли свои очертания и в большом теле земли были похожи на тонкие жилы, наполненные густой темной кровью.

Александр Михайлович летал довольно часто и всякий раз, когда самолет поднимал его над облаками, испытывал такое ощущение, будто отрывается от земли навсегда, и в нем возникала тоска по этой земле, она становилась ему почему-то дороже, ближе, он ощущал почти физическую связь с землей, со всем, что на ней есть...

Щелкнуло в динамике, кто-то из экипажа включился в сеть. По голосу он не узнал кто — кажется, второй пилот или радист спросил его:

— Товарищ командующий, что вы предпочитаете: чай или кофе?

Он предпочитал кофе, но почему-то в последнее время начало прыгать давление, и он не без сожаления и даже как бы обреченно ответил:

— Спасибо. Медики уверяют, что чай полезнее, — и тут же спохватился: наверное, не следовало в первом же полете намекать экипажу, что он уже в том возрасте, когда приходится считаться и с мнением медиков.

Еще более огорчило его то, что он не смог по голосу угадать, кто спрашивал. Оказалось, что обязанности стюарда выполняет не второй пилот и не радист, а штурман. Он принес чай, хлеб, сыр, масло. От предложения Александра Михайловича разделить с ним трапезу отказался:

— Спасибо, мы уже почаевничали перед вылетом. К тому же у меня дела.

В иллюминаторе под слегка подрагивающим, покрытым испариной крылом плыли облака, в редких разрывах их иногда мелькала далеко внизу теперь уже не различимая в деталях, подернутая дымкой земля. И, как облака под крылом, с такими же короткими разрывами, проплывали в памяти Александра Михайловича воспоминания...

В сорок втором году, когда ему было двенадцать лет, вернулся с фронта, после госпиталя, отец. Но через два месяца снова слег. Однажды, когда они остались в избе вдвоем, отец подозвал его и сказал:

— Вот что, Саня. Маловато тебе годков-то, всего двенадцать, а надо привыкать к тому, что скоро ты останешься без отца.

— Что ты, тятя! Тебе вон уже легче стало, и врачи говорят...

— Мало ли что они говорят, я-то лучше их знаю... И тебе это вот зачем говорю: чтобы ты заранее был готов. Ты хоть и не совсем маленький, а и не окреп еще, и тебе нельзя сразу бросать мешок на спину, его надо насыпать помаленьку, не то надорваться недолго... Так вот я тебе, может, самую верхнюю досыпку сделаю... Но только это — между нами. Ни мать, ни девчушки не должны ни о чем догадываться. А тебе надо привыкать...

Он откинулся на подушку, закрыл глаза и замолчал. Должно быть, ему опять стало невыносимо больно, он долго боролся с этой болью, на лице его выступили крупные капли пота. Но когда он открыл глаза, в них не было ни боли, ни тоски, а была лишь улыбка, немного виноватая, с веселой снисходительностью к себе. И эта улыбка оказалась столь неожиданна, что Саньку резко полоснуло по сердцу и он заплакал.

— А вот это уж ни к чему, — мягко упрекнул отец. А когда Санька немного успокоился, добавил: — Ты уж, брат, держись. Надо!

Потом отец протянул руку, положил ее на колено сына и легонько пожал его. Санька схватил руку отца и прижал ее к щеке. Она слабо двигалась, эта похудевшая, почти прозрачная, отцовская рука, еле выбралась из Санькиных ладоней и легла на голову.

— Жизнь, сынок, интересная штука. Но... короткая. Тело человека слабее его духа, но когда-нибудь умом своим он научится одолевать все недуги тела... — Он опять скривился от боли и, видимо поняв, что на этот раз ему не удаст-

ся преодолеть ее, сразу перешел к главному: — Я хочу, чтобы ты в жизни хоть что-нибудь сделал полезное для людей, а не только для самого себя...

Именно тогда, сразу после смерти отца, у Саньки созрело твердое решение стать врачом.

Но когда он окончил десятилетку, Таська перешла лишь в седьмой класс, а Шурка — только в четвертый. А в медицинском институте надо было учиться шесть лет, общежития не давали, стало быть, пришлось бы снимать угол, а на стипендию даже не прокормишься. Рассчитывать на помощь матери не приходилось: на трудодень в колхозе выдавали по четыреста граммов зерна.

И он поступил в высшее военно-морское училище. Он никогда не видел моря, его не увлекала флотская романтика, но из военных училищ в ту пору только морские были высшими. Ему предоставлялась возможность бесплатно и на всем готовом получить высшее образование и еще помогать матери: в училище давали стипендию. Четыре года он был лучшим курсантом, окончил училище с отличием, но ни любви к морю, ни удовлетворения своим образованием не испытывал. Только позднее, проплавав несколько лет на кораблях, он привязался к морю и, убедившись, что его служба — тоже для людей, перестал сожалеть, что не выучился на врача.

2

Александр Михайлович попросил командира сделать над бухтой круг.

Сверху, с высоты примерно пятисот метров, бухта была похожа на огромную кувшинку, распустившуюся на голубой глади залива. Гавани, обрамленные белым кружевом подступавших к ним домов, напоминали лепестки, причалы тычинками торчали то тут, то там, а стоявшие на якорях в центре бухты корабли как бы образовывали венчик. На выходе из фарватера, словно две мухи, торчали два тральщика, несущие брандвахту.

Когда самолет сел, Александр Михайлович увидел выстроившихся у кромки поля адмиралов и генералов. Очевидно, тут были все его заместители, начальники управлений и служб флота. Многих из них он знал давно по совместной службе на кораблях, с некоторыми встречался на различных совещаниях в Москве, а вон тот генерал и вовсе незнакомый. Должно быть, это начальник финансовой

службы флота, им только недавно ввели генеральские категории, и остроумный флотский люд незамедлительно нарек их «генералами от бухгалтерии».

Пока все по очереди представлялись ему, Александр Михайлович думал о том, что церемония эта, уже устоявшаяся, может быть, не так уж и необходима: зачем сразу столько людей одновременно отрывать от дел, ведь все равно придется с каждым из них потом знакомиться более основательно? И постарался ускорить ее, отчего она получилась несколько торопливой и суховатой, что сразу насторожило некоторых из встречавших. По машинам расходились молча, с деловитой озабоченностью на лицах.

Малинин пригласил в свою машину первого заместителя вице-адмирала Михаила Пантелеевича Завьялова и члена Военного совета флота вице-адмирала Николая Васильевича Бородулина. Того и другого он знал достаточно хорошо и поэтому сразу заявил:

— Теперь мы будем служить вместе, и я попрошу вас обоих отнестись к этому как к неизбежности. По крайней мере, я рад и надеюсь, что мы будем щедро делиться друг с другом и розами и розгами, которыми нас будет одаривать начальство.

— Ну, насчет роз, пожалуй, слишком оптимистично, — улыбнулся Бородулин.

Шутливое начало разговора несколько сгладило впечатление от официальной церемонии, и разговор потек легко и непринужденно. Он продолжался часа три и в кабинете командующего, пока Завьялов не прервал на какой-то фразе Бородулина:

— Что же это мы, Николай Васильевич, все о делах да о делах! Да и отдохнуть с дороги командующему надо...

За ужином, памятуя об указе Петра Первого, запрещающем в кают-компаниях вести служебные разговоры, о делах не говорили.

— Как в городе со снабжением? — спросил Малинин.— Например, всегда ли есть в магазинах молоко?

Завьялов и Бородулин недоуменно переглянулись, и Александр Михайлович пояснил:

— С молоком у меня связаны не самые веселые воспоминания об этом городе. Я ведь именно здесь начинал офицерскую службу. Город был тогда закрытый, рынка не было, а в магазинах все полки уставлены лишь банками с крабами, черной и красной икрой и горчицей. Других продуктов не водилось, даже хлеб не всегда можно было купить, не говоря уже о молоке. Правда, водки в магазинах

тоже не
достать.
А вот
шек-то чем
родился сы
молочка ил
жены прис
де было в
привозили
В пять утр
крывались
быть на ко
женого в о
клоски отк
работы так
выдавали в
утра тащил
предъявить,
Но вскор
ман Никифо
выделять по
Однако бла
во флотской
ром мичмана
нособственни
продать или
уезжать в др
ву у него ни
и запрещало
лось ему уво
ревню. Межд
боцмана, как
источник сто
А мне оп
и бежать зан
Но вот пр
эти бытовые
скольким бли
крыли рынок,
и овощи, и фр
— И мора
командующий
— А таков
навестим горо
му времени ц

тоже не продавали, но любители всегда знали, где ее можно достать.

А вот с молоком просто беда вышла. Между тем детишек-то чем-то тоже надо было кормить. У меня в то время родился сынишка, ему надо и манную кашку сварить, и так молочка или кефиру попить, а где их возьмешь? И тут наши жены приспособились варить кашу из мороженого. В городе было несколько киосков, торговавших мороженым, но привозили его из областного центра тоже нерегулярно. В пять утра у киосков уже выстраивалась очередь. Но открывались они в девять, когда офицерам полагалось уже быть на кораблях, а продавали только по три порции мороженого в одни руки. И сколько мы ни добивались, чтобы киоски открывали пораньше, но изменить распорядок их работы так и не смогли. Правда, удалось добиться, чтобы выдавали по три порции и на детей, и теперь их в пять утра тащили на руках и везли в колясках к киоскам, чтобы предъявить, так сказать, в натуральном виде.

Но вскоре мне повезло. Боцман с нашего корабля, мичман Никифоров, имевший троих детей, купил корову и стал выделять по кружке молока в день и для моего сынишки... Однако блаженствовали мы недолго: месяца через полтора во флотской газете появился весьма злой фельетон, в котором мичмана Никифорова в пух и прах разгромили за частнособственничество. Мичман оказался перед дилеммой: либо продать или зарезать корову, либо увольняться в запас и уезжать в другое место. Но после фельетона покупать корову у него никто не отважился, а резать ее было жалко, да и запрещалось резать коров, если они не больные. Пришлось ему уволиться в запас и вместе с коровой уехать в деревню. Между прочим, флот тогда потерял такого отличного боцмана, каких нынче и трудно сыскать, а мой сынишка — источник столь необходимого ему витаминного питания.

А мне опять приходилось вскакивать в половине пятого и бежать занимать очередь в киоск.

Но вот приехал новый командующий флотом и почти все эти бытовые проблемы решил очень просто. Он выдал нескольким близлежащим колхозам пропуска, в городе открыли рынок, и там появилось не только молоко, но и мясо, и овощи, и фрукты...

— И мораль сей басни?.. — спросил Бородулин, когда командующий умолк.

— А такова, что завтра мы с вами, Николай Васильевич, навестим городские власти. Договоритесь с ними. Но к этому времени пусть нам подготовят справки об обеспечено-

сти офицеров и сверхсрочников жильем, о необходимом количестве мест в детских садах и яслях. Надо подумать и о том, чем флот может помочь городу...

Бородулин пошел к себе, чтобы договориться о встрече с «отцами» города, а Малинин и Завьялов направились в штаб флота.

С составом сил флота Александра Михайловича ознакомили еще в Москве, но сейчас, глядя на карту оперативной обстановки, он понял, что там было лишь общее знакомство; для того чтобы вникнуть в дело основательно, потребуется, быть может, не одна неделя, и тут ничего нельзя откладывать, потому что можно увязнуть в текучке и упустить что-то важное.

«Надо побывать на кораблях, и начать, пожалуй, следует с соединения контр-адмирала Еремеева. Корабли у него разбросаны чуть ли не по всем морям и океанам: один в Баренцевом море, два в Средиземном, два в Индийском океане, несколько кораблей на Черном море. Интересно, как он умудряется управлять соединением?»

То ли дело было в лейтенантские времена Малинина! Тогда бригада эскадренных миноносцев, в которой он служил, если и выходила в полном составе на учения, то шла, как правило, кильватерной колонной и отрывалась от базы на какие-нибудь сотню-другую миль, и если находилась в море неделю, то это уже считалось много. А теперь плавают по нескольку месяцев и корабли даже одного соединения находятся друг от друга за тысячи миль.

— Михаил Пантелеевич, а не лучше ли крейсер у Еремеева перевести вот в этот район? — спросил Малинин, указав место на карте.

— В связи с тем что американцы перебрасывают сюда авианосное соединение? — уточнил Завьялов.

— Вот именно. Надо бы поглядеть... Интересно, что мы тут надо?

— Видимо, в одной из прибрежных стран назревают какие-то события.

«Теперь командующему мало быть хорошим флотоводцем, надо быть еще и дальновидным политиком», — вспомнил Александр Михайлович фразу, сказанную ему в Москве, и попросил подготовить информацию о политической обстановке в странах, расположенных на побережье этого района. Правда, в Москве его знакомили и с этим, но сейчас обстановка в мире меняется стремительно и надо иметь свежие данные.

3

Предшественник Александра Михайловича Малишина адмирал Ковригин был человеком опытным и неглупым, но крайне вспыльчивым. Он мог взорваться по какому-нибудь пустячному поводу, и тогда гнев его падал не только на голову оплошавшего, доставалось любому подвернувшемуся под руку, порой и ни в чем не повинному. Правда, Ковригин был и отходчив, не злопамятен, но не считал нужным извиниться даже тогда, когда, остыв, понимал, что был не прав. А уж когда он вызывал к себе на ковер для очередного, как он сам говорил, «вливания», ничего хорошего это не предвещало. После таких «инъекций» люди хватались за сердце. И Александр Михайлович не мог не заметить, как при его появлении поднималась легкая паника, как моряки старались не попадаться ему на глаза, как умный и хорошо знающий свое дело офицер порой начинал заикаться и не мог толково объяснить самые простые, хорошо известные ему вещи.

Шло время, новый командующий побывал во всех базах, выходил в море на кораблях, однако ни громов, ни молний не метал, хотя зорко подмечал недостатки и строго спрашивал за упущения по службе. Но спрашивал именно с провинившихся, назначал сроки устранения недостатков и обязательно проверял, устранены ли они. Все это делалось спокойно, с желанием помочь, с пониманием того, что оплошать или недоглядеть может каждый.

Все на флоте поняли, что новый командующий не из «паркетных» адмиралов, сам хорошо знает служебные обязанности каждого корабельного офицера, до тонкостей разбирается в технике и его, как говорится, на мякине не проведешь. А о его пребывании на одном из сторожевых кораблей уже на другой день говорили чуть ли не на всем флоте.

Прибыв на сторожевой корабль, командующий сразу приказал сниматься с якоря и выходить в море. Пока выбирались из гавани и шли фарватером, он сидел на мостике и ни во что не вмешивался, однако внимательно приглядывался к действиям командира, вахтенного офицера, штурмана, рулевого и сигнальщиков. Потом попросил принести ему комбинезон, переоделся и, спускаясь с мостика, сказал командиру:

— Через пять минут дадите максимальный ход и будете

держать его полчаса. А я спущусь в машину, погляжу, как там наши «духи» себя чувствуют.

— Разрешите мне оставить за себя старшего помощника и сопровождать вас?

— Не надо, я сам найду дорогу.

И видно было, что командующий знает эту дорогу: хорошо ориентируется в переплетениях трапов, палуб и коридоров. Но за каким лешим ему лезть в машинное отделение, в эту преисподнюю, где и на среднем-то ходу стоит такая несусветная жарища, а от грохота трещат барабанные перепонки? А тут еще на максимальном ходу!

Все думали, что после этого командующий вернется на мостик отдышаться и больше уже не сойдет с него. Но, выйдя из машинного отделения, он стал обходить боевые посты, побывал и у минеров, и у артиллеристов, заглядывал даже в трюмы.

Когда он зашел в рубку радиометристов, на станции работал молодой матрос, недавно допущенный к самостоятельному несению вахты. Изображение на экране было нечетким, но радиометрист даже не пытался его отрегулировать.

— Дайте-ка я попробую, — попросил командующий.

Радиометрист, еще не знавший командующего в лицо, окинул его насмешливым взглядом и проронил:

— Одна пробовала да родила.

Однако уступил место, полагая, что этот человек в комбинезоне кто-нибудь из заводских специалистов, прибывших на корабль два дня назад.

Командующий сел за станцию, покрутил рукоятки настройки, открыл заднюю крышку, проверил схему, потом посидел в задумчивости перед экраном и сказал:

— По-моему, сервомоторчик барахлит. А как вы думаете?

Радиометрист посмотрел на экран и пожал плечами:

— А по-моему, все в норме.

— Давайте спросим у старшины, — предложил командующий. — Надо полагать, он лучше нас с вами в этом деле разбирается.

Вызвали старшину.

— Нельзя ли сделать изображение более четким? — спросил командующий.

— Сейчас попробуем, — ответил старшина и, сев за станцию, стал регулировать контрастность и яркость. Потом откинулся на спинку стула и убежденно сказал: — Сервомотор давно пора менять.

Командующий торжествующе посмотрел на молодого ра-

диометриста: дескать, что я говорил? Матрос понял его взгляд и но без интереса спросил:

— И как вы догадались?

— Тут, брат, не гадать надо, а знать. Вот у старшины учитесь.

Старшина, оправдывая не то себя, не то молодого матроса, пояснил:

— Я давно заметил, что он барахлит, две заявки уже подавал, да говорят — на складе сервомоторчиков нет.

— Понятно, — сказал командующий и, выйдя из рубки, отправился по другим боевым постам.

Весть о том, что командующий ходит по кораблю, дошлась и до кормовых постов, и когда Александр Михайлович пришел туда, возле бомбосбрасывателя его уже встречал командир боевой части три. Осмотрев пост, командующий спросил:

— А почему в бомбосбрасывателях у вас глубинные бомбы изготовлены не окончательно?

— Согласно инструкции они должны быть изготовлены предварительно.

— Так вот вам моя инструкция: готовить окончательно!

— А как же быть с прежней инструкцией?

— Придется отменить. Вернемся в базу, издам по этому поводу приказ.

«Вот так — от сервомотора до приказа бомбить, — думал командир БЧ-3, уже знавший о разговоре командующего с радиометристами. — Сколько же ему надо знать! И сколько на нем ответственности! Ведь то же указание бомбить в своих водах неопознанную подводную лодку может иметь такие последствия, которые и предвидеть трудно...»

А потом был разбор, на котором командующий не забыл и об окончательном изготовлении глубинных бомб, и о злосчастном сервомоторчике, и о многом другом, подмеченном им во время похода. Приглашенный на разбор командир соединения контр-адмирал Еремеев за все свои двадцать с лишним лет службы не помнил столь конкретного, обстоятельного и полезного разбора.

4

Информация о разборе, проведенном командующим на стороженом корабле, быстро распространилась по флоту. Ею обменивались и на официальных совещаниях и сборах офи-

церов, она поступала и по «тряпичному телеграфу» и обрастала такими подробностями, которых на самом деле и не было.

Поэтому, когда командиру большого противолодочного корабля «Стремительный» капитану третьего ранга Гвоздеву сообщили, что завтра к нему нагрянет командующий флотом, да еще и со «свитой», он в первую очередь вызвал к себе в каюту старпома, начпрода и главного боцмана.

— К завтрашнему утру корабль надо буквально вылизать от киля до клотика. Приниматъ приборку буду сам, — сказал он главному боцману. — Вопросы есть?

— Никак нет, все ясно.

— Действуйте.

Когда боцман ушел, Гвоздев обратился к начпроду лейтенанту Бурковскому:

— Вот что, любезнейший. Вытаскивайте все свои заначки, и чтобы обед был как в лучших домах Лондона.

Лейтенант пощипал кончик рыжего уса:

— Понял.

— Тогда действуйте.

Когда и начпрод ушел, Гвоздев, пересев на диван и жестом пригласив старшего помощника сесть рядом, озабоченно спросил:

— Какие имеются предложения у вас, Василий Григорьевич?

— Выходить в море будем?

— Пути начальства неисповедимы. Корабль всегда должен быть готов к выходу.

— Так. Это я беру на себя. — Старпом загнул мизинец на левой руке. — Во-вторых, надо основательно настропалить вахтенных офицеров.

— Этим займусь я, — сказал Гвоздев.

— Есть! — ответил старпом и загнул второй палец.

Когда у него уже не хватало пальцев на обеих руках, они разошлись.

И до отбоя командир мунтровал в ходовом посту офицеров, допущенных к несению походной вахты, подкидывая им наиболее каверзные вопросы; старший помощник, казалось, был одновременно всюду — не успевал утихнуть его бас, распекавший зазевавшегося или нерадивого матроса в одном месте, как уже в другом голос его, дающий указания, мягко рокотал; начпрод, успевший уже по неофициальным каналам выяснить, что командующий родом с Вологодчины, вместе с коками и привлеченными для такого экстренного случая баталером и начфином корабля, надев

фартуки, лепили пельмени; а главный боцман лез ладонью за горячую трубу паропровода, куда широкая матросская ладонь и протиснуться-то не могла, но где с помощью ветоши, смоченной раствором стирального порошка, казалось, вылизано все до последней пылинки, и находил все-таки еще одну и заставлял перемывать и во второй, и в третий раз.

И все были даже несколько разочарованы, когда командующий, прибыв на корабль, не сунулся не только за трубу, но и не заглянул ни в один отсек или выгородку, а прошел по верхней палубе от кормы до носовой надстройки, поднялся на ходовой пост, прихватил по пути со штурманского столика секундомер, уселся в жестком кресле на левом крыле мостика и, щелкнув кнопкой секундомера, сказал командиру:

— Объявляйте учебно-боевую тревогу.

Раскатисто зазвенели в гулкой утробе корабля колокола громкого боя, закрякали ревуны, прогрохотали по стальным трапам и палубам матросские яловые ботинки, в динамике прозвучали первые доклады: «Боевая часть-один к бою готова», «Боевая часть...», а командующий безучастно смотрел на вьющихся возле мусорного рукава чаек и лишь изредка поглядывал на секундомер. И только после того как Гвоздев доложил о готовности корабля к бою и походу, адмирал отвлекся от чаек, щелкнул кнопкой секундомера и показал циферблат Гвоздеву.

— Увы, не блещем! — смущенно сказал командир, глянув на циферблат, и повинно опустил голову, как бы потораплива даже: «Чего уж там, секите сразу!»

Но командующий сечь его подстриженную по последней моде голову не стал, а дал несколько вводных. Когда они были исполнены, оценивать действия командира и других офицеров тоже не стал, а только сказал Гвоздеву:

— Вас, старшего помощника и заместителя по политической части попрошу в флагманскую каюту, — и пошел к трапу.

Пока разыскали застрявшего на вертолетной палубе замполита, в флагманской каюте уже собралась вся «свита» командующего. Тут были «флажки» * почти всех специальностей, во время тревоги они находились на командных пунктах и боевых постах и, должно быть, уже успели доложить командующему свои выводы. И Гвоздев обвел лица

---

* Флагманские специалисты *(морской жаргон)*.

флагманских специалистов пристальным взглядом: «Интересно, кто из них какой кукиш нам приготовил?»

Похоже, командующий расшифровал его настороженный взгляд и, подавив улыбку, сказал:

— Садитесь-ка вот сюда, поближе.

Только теперь Гвоздев заметил, что ему, старшему и замполиту оставлены места возле стола командующего, и с отчаянной решимостью, как будто собираясь броситься в пропасть, шагнул к столу. За ним нерешительно, опасаясь задеть колени тесно набившихся в каюту «флажков», стали пробираться к столу старшой и замполит. Когда все уселись, командующий, устало откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Ну, командир, докладывайте: какую ногу у вас больше жмет?

Гвоздев, вскинув на командующего недоуменный взгляд и попутно обежав им всех присутствующих, тихо признался:

— Обе, товарищ командующий.

— Поясните.

— Во-первых, — Гвоздев по старшинской привычке загнул мизинец на левой руке, — корабль только что из ремонта. Часть экипажа помогала заводским специалистам и многому у них научилась. И считаю, что технически это наиболее подготовленные люди. Но попутно они прихватили из заводской вольницы изрядную дозу, как бы это сказать... — Он поискал наиболее подходящее слово, но, не найдя его, произнес привычное: — Недисциплинированности.

— Разгильдяйства, — уточнил кто-то сидевший у двери, но командующий взглядом осадил его.

— Во-вторых... — тут Гвоздев удержал себя от того, чтобы не загнуть другой палец, но заметил, что за него это сделал пунктуальный старшой, — во-вторых, часть матросов и старшин списана к нам с других кораблей. А списывают, как вы, очевидно, знаете, не самых лучших...

Командующий согласно кивнул, и Гвоздев уже более твердым голосом продолжал:

— В-третьих, прибывшее на корабль на учебных отрядов молодое пополнение еще не плавало и, следовательно, не имеет опыта...

Гвоздев выжидательно посмотрел на командующего, стараясь понять, как тот отнесся к этим трем пунктам его доклада.

Но на лице командующего не отразилось ни удивления,

ни недоволь
равнодушно
— И что
Гвоздев
— У ме
паж, но нет
этом заявле
но старшим
коллектив н
всего в длит
«Ну, пол
пока рановат
а вот в море
Капитан
линию. Но
к первым вп
лить о люля
корабельной
до небес: я о
именно на эт
от должности
назначения, н
Таких «за
охотно. Их л
большого труд
приглядеть се
Александр
ных и робких
счастливо и бл
постепенно и
ные и старател
Гвоздев, су
другим. В не
фальши, откры
«Его прямо
флагманским с
командующий.
понравился ему
признавал личн
ния, знаний и д
ственное мерило
И сейчас, ст
мысленно рассуж
«Заводской р
специалистов. Он

ни недовольства, и, пожалуй, слишком бесстрастно, почти равнодушно, он спросил:

— И что же вы предлагаете?

Гвоздев поморщил лоб и убежденно заявил:

— У меня есть почти полностью укомплектованный экипаж, но нет коллектива. — Он заметил, как дернулся при этом заявлении замполит, видимо, хотел что-то возразить, но старпом удержал его за рукав. — У причала мы боевой коллектив не сколотим. Нам нужны выходы в море, лучше всего в длительное плавание.

«Ну, положим, в длительное плавание тебе выходить пока рановато, — мысленно возразил командиру Малинин,— а вот в море действительно пора тебя посылать».

Капитан третьего ранга Гвоздев чем-то понравился Малинину. Но Александр Михайлович недоверчиво относился к первым впечатлениям, по крайней мере, старался не судить о людях именно по этим впечатлениям. Всякое в его корабельной практике бывало. Иной наговорит семь верст до небес: и о корабельной службе он всю жизнь мечтал, и именно на этот корабль (бригаду, эскадру — в зависимости от должности Малинина) мечтал попасть, с трудом добился назначения, и вот...

Таких «заверителей» Александр Михайлович брал неохотно. Их дальнейшую службу предсказать не составляло большого труда. Через год, а то и пораньше, они успевали приглядеть себе теплое местечко на берегу.

Александр Михайлович предпочитал им слегка растерянных и робких, служба у которых складывается не сразу счастливо и благополучно, а потом из них не вдруг, а как-то постепенно и логично вырастают хорошие офицеры, скромные и старательные.

Гвоздев, судя по всему, не принадлежит ни к тем, ни к другим. В нем есть смелость, но есть и скромность без фальши, открытость, что ли.

«Его прямота и откровенность показались некоторым флагманским специалистам непочтительностью», — думал командующий. То, что командир «Стремительного» сразу понравился ему, — настораживало. В службе Малинин не признавал личных симпатий и антипатий; в оценке поведения, знаний и действий своих подчиненных применял единственное мерило — справедливость.

И сейчас, стараясь оценить все именно по этой мерке, мысленно рассуждал так:

«Заводской ремонт — хорошая школа для корабельных специалистов. Они же там могли обнаружить все внутренно-

ти механизмов и приборов, в которые им на корабле и заглядывать не положено, потому что внутренности эти под заводской пломбой: «Без изготовителя не вскрывать». Стало быть, в смысле технической подготовки этой части экипажа Гвоздев абсолютно прав. Что касается заводской вольницы, то, без сомнения, они из нее тоже кое-что почерпнули. Ну, может, и не совсем разгильдяйство, а все же...»

Александр Михайлович вспомнил, как лет двенадцать или тринадцать назад он тоже стоял в заводском ремонте и его экипаж поднабрался от заводских не только опыта и знания техники. И тогда выход в море сразу поставил все на свои места. «Значит, по первому пункту своих условий Гвоздев в принципе прав», — подытожил Малинин.

Со вторым пунктом было гораздо сложнее.

За годы командования группой, подразделением, боевой частью, кораблем, соединением, эскадрой Александр Михайлович хорошо усвоил, что если вышестоящее командование предписывает передать на другие корабли самых лучших матросов, то отдают самых худших, но с хорошими характеристиками. Как правило, при этом командование не считает нужным объяснять, во имя чего делаются эти перемещения, вот и валят по принципу: «На тебе, боже, что нам негоже».

Благо, если бы это касалось только матросов и старшин. На памяти Александра Михайловича было немало случаев и посерьезнее. Например, в пору, когда он командовал крейсером, кадровики пытались навязать ему старпома на место ушедшего в академию толкового моряка, а сам Малинин хотел выдвинуть на эту должность не менее толкового командира боевой части со своего же корабля. Был, конечно, у кадровиков повод для недоумения: почему на должность старшего помощника он предлагает не помощника, которому согласно логике и полагалось бы занять место старпома, а командира боевой части, который и в помощниках-то ни одного дня не прослужил.

На должность старпома кадровики предложили тогда капитана третьего ранга Быстрова. Александр Михайлович помнил его по училищу, они заканчивали его вместе, потом как-то разбрелись по разным флотам и на какое-то время потеряли друг друга из виду. Но кадровики вспомнили, что они учились вместе, и, давая на просмотр папку с личным делом Быстрова, осторожно оговорились:

— Разумеется, если вы не будете возражать...

Однако Малинин решительно возразил, хотя в личном деле Быстрова были сплошь и рядом такие характеристики

и аттестации, с которыми впору было бы стать и командиром корабля, и даже командовать эскадрой. Вспоминая Быстрова курсантской поры, Александр Михайлович не мог отказать ему в способностях, но...

Вот это «но» утвердилось не только в его мнении. Хотя флот уже в ту пору плавал во всех морях и океанах, порой даже корабли, приписанные к одной базе, не встречались годами; однако не только земля, но и моря слухом полнились. Александр Михайлович не очень-то доверял слухам, они ведь бывают разными: иногда специально распускаются завистниками, чтобы скомпрометировать обошедшего их по службе способного человека, не говоря уже о талантливом, про которого, как правило, распространяются самые невероятные слухи и сплетни.

Александр Михайлович, решительно возражая против Быстрова, руководствовался не только слухами. На памяти Малинина был случай, когда перед самым выпуском из училища Быстров подставил помощнику командира курсантской роты такую подножку, что тот, не ожидая подвоха, растерялся и ничего не смог сказать в свое оправдание, хотя сказать ему было что. Начальство с ходу нарекло помкомроты «мямлей» и чуть было не поставило на его место способного выпускника лейтенанта Быстрова. Однако, разобравшись, назначило Быстрова на весьма незначительную должность в штаб чуть ли не самой отдаленной базы. Но в штаб! Уже одного этого для Быстрова было достаточно, чтобы извлечь пользу, он в срок получал очередные воинские звания, должности, и к тому времени, когда Малинин стал командиром корабля, Быстров служил уже в штабе флота и по штатной категории был равен ему.

Конечно, тот давний факт курсантских времен мог быть и случайным. Не исключено, что после этого, как говорится на собраниях и в казенных бумагах, Быстров «в корне пересмотрел свое поведение». К тому же у Быстрова, пусть и случайно попавшего в штаб, были современные знания, которыми не обладали его опытные, но уже поотставшие от жизни начальники. И он не спекулировал своими знаниями, но почти незаметно подсовывал их начальству как бы его же собственное мнение. Именно пот за эту его деликатность подсовывания его ценили.

Продвигавшие Быстрова начальники все-таки успели догадаться, что есть преграды, через которые переступать не следует.

Теперь дальнейшему продвижению по службе Быстрова непредвиденно сильно мешало отсутствие цензa корабель-

ной службы. Вот и приглядел он «трамплин» в виде должности старшего помощника командира корабля, отчетливо понимая, что не соответствует ей, но понимая также, что сложившаяся практика работы с молодыми кадрами позволит ему продержаться в этой должности довольно долго, во всяком случае, достаточно, чтобы получить хотя бы очередное воинское звание.

А практика была такова: к назначенному на новую должность специалисту какое-то время приглядываются, и это естественно; потом начинают учить и помогать, что тоже вполне закономерно; затем, убедившись, что помочь ему нельзя по причине полнейшей его неспособности справлять эту должность, ставят вопрос о его замене. Но тут вступает в действие в общем-то правильный, но не всегда уместно применяемый принцип воспитания молодых кадров. Годик, а то и все два старшие начальники вполне безуспешно пытаются «вырастить» молодой кадр и, окончательно убедившись в бесполезности этого занятия, думают, куда бы его поскорее сбыть. Самый лучший вариант — отправить на учебу на какие-нибудь курсы, а то и в академию, снабдив хорошими характеристиками и аттестациями. Если с учебой сорвется, с такими характеристиками можно представить и на небольшое повышение, то есть на выдвижение, лишь бы подальше от себя.

Видимо, кадровики намекнули Быстрову, что командир возражает против его назначения старшим помощником, и тот прислал Малинину письмо. Нет, это была не слезная просьба: «Возьми!» Это был целый трактат о значении флота и его боевой готовности в современной международной обстановке, о взглядах на жизнь и личной ответственности каждого за судьбу Отечества. Пожалуй, не зная автора, этот трактат можно было бы издать отдельной брошюрой.

Но Александр Михайлович автора знал и ответил ему со всей прямотой и откровенностью. И приобрел столь же откровенного недоброжелателя в штабе флота. Быстров, кажется, не упустил ни одного случая, чтобы не помешать Малинину решить в штабе даже какой-нибудь пустяковый вопрос, а если уж не помешать, то хотя бы повлиять с его решением. Видимо, не без его участия назначение старшего помощника Малинину длилось несколько месяцев.

«Надо бы как-то поломать эту практику, — думал сейчас командующий, — но как бы тут вместе с водой не выплеснуть и ребенка... Что бы там ни было, а Гвоздев полу-

чил с других кораблей по самые лучшие «подарки». И здесь он опять же прав...»

Что касается третьего условия командира корабля, то тут и сомневаться не приходилось, что коллектив пока не сложился. И напрасно замполит передернулся: ему, видимо, показалось, что задевают его престиж. Но он так же, как и Гвоздев, не виноват в этом. «А может, еще и не вполне представляет значение коллектива, — думал Александр Михайлович. — Он, пожалуй, усвоил только то, что нельзя допускать, чтобы один человек тиранил весь коллектив. Но, наверное, еще не понял, что так же недопустимо, когда масса подавляет хотя бы одного человека. Особенно когда от ее имени действует тоже один, в руки которого дана власть...»

Эта мысль настигла командующего уже у верхней площадки трапа, и прервала ее звучно поданная Гвоздевым команда «Смирно!». Пожимая командиру руку, Малинин внимательно посмотрел ему в глаза. В них затаилось ожидание: что же все-таки ответил командующий на его вопросы?

— Ваши доводы показались мне убедительными, — сказал Александр Михайлович. — Но многое будет зависеть и от нас. Что же касается выходов в море — это я вам твердо обещаю.

— Есть! — радостно отозвался Гвоздев.

Провожая взглядом направляющееся к машинам начальство, он стал мысленно проверять, все ли у него готово к выходу в море.

Но тут к нему обратился начальник продовольственной службы корабля лейтенант Бурковский:

— Товарищ командир, а как же с обедом-то? Мы вот и пельменей наготовили.

— По-моему, у нас на корабле еще никто не страдал отсутствием аппетита.

— Значит, подавать на общий стол?

— Вы, как всегда, весьма догадливы.

— Есть! — уныло согласился лейтенант и побрел на камбуз.

«Раз командующий пообещал, то медлить с приказом о выходе в море он не будет, — думал Гвоздев, наблюдая, как вытягивается в цепочку кавалькада машин, отходящих от причала. — Возможно, сразу пошлют на несколько месяцев. А как же Полина?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Капитана третьего ранга Гвоздева медперсонал родильного отделения военно-морского госпиталя считал самым беспокойным «будущим папашей».

Причины для беспокойства у Вениамина Александровича Гвоздева были более чем серьезными: его жену Полину госпитализировали задолго до предполагаемых родов. У нее был отрицательный резус-фактор. К тому же слабое сердце.

Врачи предупреждали, что рожать ей рискованно, однако Полина решила рискнуть.

Естественно, что состояние ее здоровья внушало беспокойство не только врачам, Вениамин Александрович волновался и часто звонил в госпиталь. И как-то так получалось, что его телефонные звонки чаще всего приходились на дежурство Вали Новосельцевой.

Впрочем, удивляться этому, пожалуй, не следовало: во-первых, Гвоздев почти всегда звонил после девятнадцати, до этого часа он был занят на службе, откуда позвонить не мог — коммутатор военной гавани с городом внутренние телефоны не соединял, а прямые были только у больших морских начальников, к которым Гвоздев не смел обратиться; во-вторых, Валя Новосельцева заступала на дежурство именно в девятнадцать ноль-ноль, поскольку работала в родильном отделении госпиталя по совместительству в ночную смену, а днем исполняла обязанности воспитательницы старшей группы детского сада. Это было и необходимо (следующей осенью она намеревалась поступить в медицинский институт именно на педиатрический факультет), и удобно: дети после обеда спали, и перед ночной сменой — через две ночи на третью — ей удавалось подремать хотя бы часик; словом, все у нее складывалось хорошо, обе ее службы как нельзя лучше работали на ее будущую специальность педиатра.

Конечно, как и на всякой работе, случались и неприятности, среди детей в садике попадались избалованные и даже истеричные, но дети в этом не были виноваты, и к ним Валя относилась гораздо терпимее, чем к капризным родителям.

Вале казалось, что Полина Поликарповна Гвоздева из всех рожениц была, пожалуй, самой кроткой. Она безуко-

рязненно соблюдала распорядок дня, щадила всех окружающих, послушно и пунктуально выполняла все назначения врачей и советы сестер, ее поведение вполне можно было бы описать в качестве примера в стенгазете «За здоровое потомство», которую раз в месяц мучительно рожал весь медперсонал родильного отделения госпиталя.

Куда как сложнее было изъясняться, даже по телефону, с ее супругом.

— Позовите Гвоздеву Полину Поликарповну! — командно, каким-то железным голосом, орал он в трубку, как будто на этом конце провода был провинившийся матрос. Этот командный, требовательный тон вызывал у Вали чувство неприязни и протеста, ей хотелось осадить его, но всякий раз она растерянно отвечала:

— Минуточку! — и бежала звать Полину, которую, как назло, поместили в конце коридора, в самой дальней палате.

В той палате Валя старалась задержаться подольше под любым предлогом, лишь бы нечаянно не подслушать разговор этого самого Гвоздева с женой. Не только потому, что она считала неприличным подслушивать чужие разговоры, — Валя почему-то боялась этого «железного» Гвоздева. Она и внешне представляла его похожим на гвоздь: длинным, прямым и тонким, с сухощавым волевым лицом, в широченной фуражке-мичманке, похожей на шляпку гвоздя, и непременно в лакированных ботинках, — этаким самодовольным и высокомерным хлыщом. Возможно, это ее представление шло от книг Станюковича или Соболева, а может, и от собственных наблюдений: на кораблях служили в основном молодые офицеры, и они были стройны, всегда подтянуты и немного щеголеваты.

И каково же было удивление Вали, когда она увидела Гвоздева — низенького, чуть полноватого, с залысинами, отчего голова его казалась непомерно большой. Но сильнее всего Валю поразило его лицо — круглое, с толстыми, раскатанными губами. Оно было бы вполне законченным лицом этакого добродушного простачка, если бы еще и нос на нем был истинно славянским — сапожком. Однако нос был прямой и тонкий, очень красивый, он как-то совсем не шел к этому широкому, полному лицу, казалось, был взят с какого-то другого, «классического». Видимо зная об этом и пытаясь как-то уравновесить столь разительное несоответствие, Гвоздев отпустил усы, но они росли редкими рыжеватыми кустиками и казались еще более неуместными. Создавалось впечатление, что все лицо составлено из отдель-

ных частей, как автомобиль, собранный любителем из деталей от машин разных марок.

Флотская форма, хотя вся аккуратно отглаженная и хорошо ушитая, как-то не шла Гвоздеву. Если бы надеть на него мешковатый пиджак и широкие штаны с пузырями на коленях, в облике его была бы бо́льшая завершенность.

— Вам кого, товарищ капитан третьего ранга? — строго спросила Валя.

— А, Минуточка! — обрадованно воскликнул он и раскатал толстые губы в такой доброжелательной улыбке, что Валя невольно тоже улыбнулась и уже мягче спросила:

— Вас кто сюда пустил?

День был неприемный, и Валя сразу сообразила, что до ее поста дежурной сестры на четвертом этаже, да еще в родильное отделение, куда посетителей вообще не пускают, законным путем он проникнуть не мог. Вероятно, в интонации ее вопроса он почувствовал подозрительность, это привело его в смущение, и он робко представился:

— Гвоздев я, капитан третьего ранга Гвоздев Вениамин Александрович...

Видимо, лицо Вали выразило крайнюю степень удивления, но Гвоздев расценил причину его по-своему и повторил:

— Гвоздев я... Моя жена тут у вас... Полина Поликарповна, вы ее еще к телефону подзываете, я вас по голосу узнал,—поспешно, как бы оправдываясь, выпалил он и смущенно пояснил: — Я ведь в море ухожу. Видимо, надолго. Поэтому меня там, внизу, — он для убедительности указал пальцем на пол, — пропустили. Может, и вы пропустите?

— Нет, в палату нельзя, Полина Поликарповна там ведь не одна лежит.

— Так позовите ее, мы тут поговорим! — В его голосе опять прорезались уже привычные Вале командные нотки. Но на этот раз она не растерялась, а строго остановила его:

— Вы бы, товарищ Гвоздев, потише, тут больные. И дети!

— Да, конечно. — Он сразу сник и приглушенно сказал: — Извините, привычка.

— Не самая лучшая! — назидательно заметила Валя, невольно следуя его «железному» тону, хотя и поняла уже, что нужды в нем больше нет.

— Может быть, — задумчиво согласился Гвоздев и взглянул на нее удивленно, наверное, только сейчас и поняв, что его резкость не всегда уместна.

А Валя вд
Видимо, он
ность, непохо
лейтенантов,
шку и даже
— Тут вам
врач, прогонит
строить? — зад
то и дело захо
с ним лучше в
го на уме. Его
лась к нему и
бы покровител
смешливое бла
жало ее.

«Лучше все
ника отделения
нета начальник
ля Гвоздева туд
ее:

— Только не
— Хорошо.
ангел-хранитель

ления, Валя, она
появиться дежур
жен моряков, о
ее с морем.

До того как
матерью жили в
ка в громадной
нимся чуть ли
бавимся на П
ездила на неоси
чонки прыгали в
щей кухне стояло
очередь к горелка
были большие, в
тайком от пожари
Еще более длинны
положенных в дал

А Валя вдруг догадалась, отчего у него эта резкость. Видимо, он компенсировал ею свою «невоенную» внешность, непохожесть на молодых, стройных, как кипарисы, лейтенантов, весьма склонных к традиционному флотскому шику и даже пижонству. И Валя посочувствовала ему.

— Тут вам тоже находиться нельзя: увидит дежурный врач, прогонит вас и отругает меня. Где бы мне вас пристроить? — задумалась она. В ординаторской нельзя, туда то и дело заходит дежурный. Сегодня дежурит Григоренко, с ним лучше не связываться, никогда не знаешь, что у него на уме. Его в отделении не любили, Валя тоже относилась к нему недоверчиво, хотя, казалось, он даже вроде бы покровительствовал ей. Но снисходительное, слегка насмешливое благодушие, с каким он обращался с нею, обижало ее.

«Лучше всего, пожалуй, пустить их в кабинет начальника отделения», — наконец решила Валя. Ключ от кабинета начальника хранился в столе дежурной сестры. Завела Гвоздева туда, Валя сходила за Полиной и предупредила ее:

— Только ненадолго, а то мне попадет.

— Хорошо. Спасибо вам, Валюша, вы прямо-таки мой ангел-хранитель.

2

Пока Гвоздевы находились в кабинете начальника отделения, Валя, опасливо поглядывая на дверь, из которой мог появиться дежурный врач, размышляла о нелегкой участи жен моряков, о своей судьбе, так неожиданно связавшей и ее с морем.

До того как приехать в этот приморский городок, они с матерью жили в Москве. У них была небольшая комнатенка в громадной квартире с длинным коридором, протянувшимся чуть ли не на весь Столешников переулок и загибавшимся на Петровку. По коридору ребятня свободно ездила на велосипедах, мальчишки играли в футбол, а девчонки прыгали в нарисованных на полу классиках. В общей кухне стояло двенадцать газовых плит, но всегда была очередь к горелкам, хотя многие из тех, у кого комнаты были большие, выгородили в них собственные кухоньки и тайком от пожарников держали там электрические плитки. Еще более длинные очереди выстраивались по утрам у расположенных в дальнем углу коридора туалетов.

Мать работала во Второй градской больнице на полторы ставки, дома бывала редко, едва успевала что-нибудь приготовить поесть и вздремнуть часа три-четыре. Поэтому жизнь Вали протекала в основном в коридоре, среди веселого гомона и шумных драк, которые то и дело затевали мальчишки. Впрочем, драки усмирялись быстро: в отличие от взрослых, дети не умели враждовать долго.

О своем отце Валя ничего не знала. Когда она спрашивала о нем у матери, та говорила, что отец погиб в море во время шторма, и тут же переводила разговор на другую тему. Но в семейном альбоме сохранилась одна фотография, которая почему-то нравилась Вале больше других.

Яркий, солнечный день. Перед зданием с белыми колоннами полукругом стоят моряки, среди них — в белых халатах — врачи и сестры. Бабушка на этой фотографии уже старенькая, из-под белого колпака выбиваются седые пряди волос. А мать совсем молоденькая, почти девочка. Моряки тоже все молодые и красивые. Щурясь от солнца, все улыбаются.

Мать сказала, что эта фотография сделана в Севастополе, когда она вместе с бабушкой работала там в госпитале.

Как-то Валя спросила:

— А моего папы тут нет?

— Нет, — сердито ответила мать и, поспешно захлопнув альбом, спрятала его в комод.

Что-то в этой поспешности насторожило Валю, и у нее впервые зародилось подозрение, что мать сказала неправду. Потом Валя много раз тайком доставала альбом и вглядывалась в лица на фотографиях, пытаясь угадать, кто мог быть ее отцом, рассматривала себя в зеркало, чтобы найти хоть какие-нибудь черты сходства с кем-то из моряков. И порой ей казалось, что она похожа то на одного, то на другого, она буквально изучала одно лицо за другим и убеждалась, что похожа только на мать. Однако все лица запомнила хорошо.

И когда однажды увидела идущего по коридору моряка с букетом цветов, то сразу узнала его: он был с той фотографии. Она даже вспомнила, что он стоял вторым справа.

А он все шел и шел по коридору, разглядывая номера на дверях комнат. До их двери было еще далеко, можно было догнать и показать, но у Вали ноги будто приросли к полу, она стояла и со страхом ожидала, что он пройдет мимо их комнаты, что он пришел к кому-то другому.

Но он остановился перед их дверью, поправил фуражку, одернул китель, спрятал букет за спину и тихо постучался

Матери дома не было, ответить ему никто не мог. Немного подождав, он постучал сильнее и, сняв фуражку, прислонился ухом к двери. «Сейчас уйдет и, может быть, уже никогда больше не вернется! — с ужасом думала Валя. — Надо подойти, позвать его в комнату, попросить подождать маму».

Но она все еще не могла сдвинуться с места. Выросшая в этом коридоре, где дети умели отстаивать свою самостоятельность, она была далеко не робкого десятка, ее даже мальчишки побаивались. А сейчас она, не понимая, что с ней происходит, стояла как вкопанная. А вокруг галдели ничего не подозревавшие девчонки, делившие конфетные фантики.

Между тем моряк постучался в соседнюю комнату, из нее выглянула тетя Дора и стала что-то объяснять. Потом пошарила взглядом по коридору и, увидев Валю, окликнула:

— Валя! Голошубова! Иди-таки домой, к вам гость!— и захлопнула дверь перед носом моряка. Тетя Дора была в очередной ссоре с матерью.

Тут девчонки притихли и кто-то из них подтолкнул Валю в спину. И сразу пропала робость. Подбежав к моряку, Валя радостно сообщила:

— А я вас сразу узнала!

— Да? — вскинув густые брови, удивился он. И тут же, сдвинув их вплотную на переносице, спросил: — Это каким же образом?

— А вот отгадайте!

Моряк пожал плечами.

— Ладно, идемте, я покажу. — Валя взяла его за руку, ввела в комнату, усадила на кушетку и предложила:— Только сначала закройте глаза и не открывайте, пока я не скажу. Только, чур, не подглядывать!

Она достала из комода альбом, отыскала ту самую фотографию, но, прежде чем разрешить моряку открыть глаза, долго сравнивала его лицо с тем, что на фотографии. Разница была. Тот, что на фотографии, был худеньким, скуластым, а у этого лицо круглое. У того лоб гладкий, а у этого над правой бровью синеет шрам. Но брови одинаковые — густые, почти сросшиеся на переносице. И нос прямой и тонкий. А вот уши, так уж других таких поискать моряка ни у кого нет: они смешно оттопырены, словно у мышонка, кажется, вот-вот зашевелятся.

— А теперь открывайте! — приказала Валя.

Моряк открыл глаза, и у Вали сразу не осталось никаких сомнений: глаза были те самые!

— Вот это вы и есть! — уверенно сказала Валя, ткнув пальчиком во второго справа.

Моряк взял альбом, вгляделся в фотографию и радостно воскликнул:

— А ведь и верно — я!

Потом долго еще рассматривал фотографию и вздыхал:

— А вот это Костя. Теперь он на Балтике... И Мишка там же... А Володька уволился в запас... А Нина-то как? Где она?

— Какая Нина?

— Ну, вот эта же.

— Мама-то? Она на работе.

Моряк положил альбом на стол и пристально посмотрел на Валю.

— Так, стало быть, ты ее дочь. И как это я сразу не догадался? Ведь ты же на нее как две капли воды похожа.

— Другие тоже говорят, что похожа.

— А вот я не сразу заметил. Как-то не разглядывал тебя. Наверное, потому, что не предполагал, что у нее есть дочь. Тебя как зовут?

— Валей.

— Ну да, соседка же тебя окликала, а я тоже как-то не обратил внимания... Так вот, значит, какие пироги... — Моряк окинул взглядом комнату и, задержавшись на портрете дедушки, висевшем на стене, кивнул на него: — А отец что, тоже на работе?

— Да это же дедушка! Он давно умер. А папа мой погиб на море во время шторма. Разве вы его не знали?

— Нет, даже и не слышал о нем никогда. — Моряк опустил голову, тяжело вздохнул и начал было пояснять:— Море, оно, знаешь, большое...

Но тут вошла мать. Увидев моряка, она выронила из рук авоськи и стала медленно оседать самя. Вот уже опустилась на колени, сейчас упадет лицом вниз. Валя бросилась к ней, но моряк опередил ее: подхватил мать на руки, положил ее на кушетку, расстегнул верхнюю пуговицу на кофточке и крикнул Вале:

— Воды!

Пока Валя наливала из чайника воду, он успокаивал мать:

— Ну что ты, Ниночка? Сейчас все пройдет... Мне надо было как-то предупредить, но я так спешил, когда узнал твой адрес...

А мать ил
Валей чашку,
рика и, подтяг
то и дело повто
— Петя... П
— Ну, успо
теперь, — говор
щеки, соленые
Валя стоял
не знала, что
лась от моряка
серьезно сказал
— А это, П
ди, это твой оте
Но Валя, вы
наты, по пути
дальний угол к
самокаты, и дол
чего плачет — с
так внезапно, ч
тить. Обида же
за ее спиной, я
ще, соседки шеп
— Безотцовш
А один раз,
на тетю Дору, та
— Уйми свою
Тогда Валя е
но догадывалась,
после того, как
комнату, упала л
А еще было с
чонок водили их
а иногда и шлеп
мороженое поку
ровки.
И вот сейчас
слились в одну с
сразу поверила,
он был? Почему
что он утонул,
раньше? И почем
ли мать не зовут
выбежать, попасть

А мать плакала и... улыбалась. Отстранив протянутую Валей чашку, она вдруг вскинула руки, обхватила шею моряка и, подтянувшись к нему на руках, стала целовать его, то и дело повторяя:

— Петя... Петя... Петенька!

— Ну, успокойся, милая. Все хорошо, все будет хорошо теперь, — говорил моряк и тоже целовал мать в губы, в щеки, соленые от слез.

Валя стояла с чашкой в руках посередине комнаты и не знала, что делать. Наконец мать увидела ее, отстранилась от моряка, торопливо смахнула остатки слез со щек и серьезно сказала:

— А это, Петенька, наша с тобой дочь. Валюша, подойди, это твой отец.

Но Валя, вместо того чтобы подойти, выбежала из комнаты, по пути расплескав воду из чашки. Она забилась в дальний угол коридора, где стояли велосипеды, коляски и самокаты, и долго стояла там и плакала. Она не знала, от чего плачет — от радости или от обиды. Радость свалилась так внезапно, что Валя еще не успела ее как следует ощутить. Обида же копилась долго. Валя не раз слышала, как за ее спиной, иногда сочувственно, а чаще всего осуждающе, соседки шептались:

— Безотцовщина! Что с нее спрашивать?

А один раз, когда Валя в коридоре нечаянно налетела на тетю Дору, та кричала матери:

— Уйми свою бандитку нагулянную!

Тогда Валя еще не понимала, что такое «нагулянная», но догадывалась, что слово это особенно плохое, потому что после того, как тетя Дора произнесла его, мать влетела в комнату, упала лицом в подушку и долго рыдала.

А еще было обидно, что отцы других мальчишек и девчонок водили их в зоопарк и в кино, покупали мороженое, а иногда и шлепали. А она ни разу не была в зоопарке и мороженое покупала сама на углу Столешникова и Петровки.

И вот сейчас все эти маленькие прошлые обиды как бы слились в одну большую Обиду и хлынули на отца. Валя сразу поверила, что этот моряк и есть ее отец. Но где же он был? Почему ни разу даже не написал? Мать говорила, что он утонул, но ведь он жив! Почему же не приехал раньше? И почему даже сейчас, когда он нашелся, ни он, ни мать не зовут ее, не ищут? Она же могла и на улицу выбежать, попасть под машину...

Валя выплеснула на чашки остатки воды и пошла в свою комнату.

Мать и моряк (Валя хотя и признала его, но даже мы ленно не решалась произнести непривычное для нее сл «отец») сидели за столом и рассматривали альбом. Ва успела заметить, что раскрыт он в том месте, где были к клеены ее фотографии.

— Ну что, успокоилась? — спросила мать.

Валя ничего не ответила, поставила чашку на стоявш в углу табуретку, покрытую клеенкой и служившую пы хопным столом. Мать подошла к ней, обняла, подвела к п шетке, усадила и серьезно заговорила:

— Вот что, доченька, ты уже достаточно взрослая, чт бы понять если не все, то многое... Не обвиняй папу. В всем виновата только я. Когда мы расставались, я ему н сказала, что у меня будешь ты. И адреса не оставила, а сказала даже, что еду в Москву. А он все эти годы иск меня. Оказывается, Голошубовы — очень распространенна фамилия, они есть в каждом городе, а в Москве их две т сячи семьсот сорок три человека, и половину из них отц обошел... Так что вини не его, а меня. И постарайся про тить.

Валя простила их обоих, но та большая Обида, даже и деленная пополам, угасла не сразу. Она оставалась и тог когда они переехали в этот приморский городок и посел лись у кого-то из знакомых отца. Окончательно она угас наверное, в тот день, когда отец получил комнату и, п нимая фужер с шампанским, сказал:

— С новосельем вас! А раз новоселье, то и все мы ж жны стать Новосельцевыми. Вот ведь какой каламбур лучается!

В тот же день они пошли в загс и все взяли фамил отца — стали Новосельцевыми.

В те годы городок был еще совсем маленьким, га только начинала строиться и на рейде стояли на якор как правило, всего три-четыре корабля. На одном из и служил отец. Он часто и надолго уходил в море, Ва матерью оставались одни и ждали его. Пожалуй, самы мительным в этом ожидании была неизвестность. Они вали, когда он вернется: через день, через неделю или рез месяц. Они ждали его каждый день; мать, подбрас в печку лишний совок угля, говаривала:

— Хотя и жарковато будет, но отец, наверное, прои в море.

Уголь им приходилось носить мешками на галаш

было километрах в п
дой была тоже далек
Даже обед мать
дил день, другой, тр
ло. И каждый день,
сколько томительным
Валя слышала, как он
ся. А ведь ей рожать
дверь кабинета начал

ший помощник команд
Григорьевич Калистрато
— Представьте — пу
торжественно ответил Г
— Похоже, жена ва
Калистратов и нацелилс
ния. Но прежде чем он
кто-то из куривших нав
дернув ногу, буркнул:
— Вот шустрик!
Матрос, напусть вы
все интонационные пере
это за поощрение и, подо
ступеньки трапа, лихо с
кость обходилась недешев
блеска поручни обжигали
забыть корабельному аску
зову, томившемуся от бе
вражьей практики.
Пожалев ладони матро
того, что вчера не успел
его жену Юлю. Она
обычно уезжала в
вчера на берег не с
этот раз она к матер
щения здесь. Когда
Григорьевич уже
это утром. Ш

было километрах в полутора от их домика. И колонка с водой была тоже далеко.

Даже обед мать готовила с расчетом на отца. Но проходил день, другой, третий, пятый, десятый, а его все не было. И каждый день, принося разочарование, становился настолько томительным, что мать иногда не выдерживала, и Валя слышала, как она плачет по ночам...

«Вот и Полина Гвоздева не знает, когда ее муж вернется. А ведь ей рожать», — посочувствовала Валя, глядя на дверь кабинета начальника родильного отделения.

3

— И пустили? В родильное отделение? — удивился старший помощник командира капитан третьего ранга Василий Григорьевич Калистратов.

— Представьте — пустили! — несколько хвастливо и торжественно ответил Гвоздев.

— Похоже, жена ваша без вас родит, — посочувствовал Калистратов и нацелился ногой в люк машинного отделения. Но прежде чем он донес ногу до люка, в него сунулся кто-то из курящих наверху матросов, и Калистратов, отдернув ногу, буркнул:

— Вот шустрик!

Матрос, наизусть выучивший не только лексику, но и все интонационные переливы старпомовского голоса, счел это за поощрение и, подогнув ноги, чтобы не цепляться за ступеньки трапа, лихо скользнул вниз. Обычно такая лихость обходилась недешево: отполированные до зеркального блеска поручни обжигали ладони до мяса, что доставляло работу корабельному эскулапу Борису Павловичу Коновалову, томившемуся от безделья, поскольку моряки почему-то даже насморком не могли ему помочь в приобретении врачебной практики.

Пожалев ладони матроса, Гвоздев заодно и пожалел о том, что вчера не успел рассказать Калистратову, что видел его жену Юлю. Она не работала и, когда муж уходил в море, обычно уезжала в Ленинград к матери. Сам Калистратов вчера на берег не сходил, и Юля просила передать, что на этот раз она к матери не поедет, а будет ждать его возвращения здесь. Когда Вениамин вернулся на корабль, Василий Григорьевич уже спал, и Гвоздев решил, что сообщит ему это утром. Но утра у них не было: сигнал учебно-

боевой тревоги бросил их сразу в круговерть хотя и не суматошного, но насыщенного до сотых долей секунды рабочего дня. Вот только перед выходом из гавани и успели они обмолвиться несколькими фразами и тут же погрузились каждый в свои заботы.

О том, что поход предстоит нелегкий и длительный, Гвоздев знал, потому и оставил этой милой и доброй медсестре Минуточке телефон дежурного по базе; может, найдут способ и на корабль сообщить, кто родится — мальчик или девочка. Хотя вряд ли найдут, такого рода сведения шифровками не сообщаются.

За кормой таяли последние огоньки городка...

У многих городов ныне есть главное их назначение. Есть города-металлурги, города-химики, города-университеты. Главное назначение этого городка — встречать и провожать корабли. Загрузив их ненасытные трюмы и отсеки провизией и боеприпасами, город провожает корабли в море. Провожает тихо, без оркестров и прощальных взмахов рук, без поцелуев и слез. Чаще всего корабли бесшумно отваливают от причалов ночью или под утро.

Сегодня запись в вахтенном журнале гласила:

«05 ч. 48 мин. Снялись с якоря».

Минус двадцать четыре и две десятых — так сообщили синоптики. Здесь такая температура бывала редко, и то при очень тихой погоде. А погода была тихая, дым из труб электростанции и не охваченных центральным отоплением деревянных финских домиков поднимался почти вертикально.

Мороз ударил внезапно, никто даже не предполагал, что бухта покроется довольно толстым панцирем льда. Всю ночь, расчищая проход для большого противолодочного корабля, растаптывал этот лед портовый трудяга буксир. И капитан буксира отставной мичман Константин Анисимович Варфоломеев про себя удивлялся: «И чего их в такой мороз куда-то еще понесло?»

Ночь не позволяла разглядеть, кто стоит на мостике большого противолодочного корабля. Константину Анисимовичу корабль вообще не было видно, только мелькали в свете ходовых отличительных огней зеленые и красные иголки не то изморози, не то истоптавших на потянувшем с моря ветру снежинок. И Варфоломеев подумал: «А может, это в мой «Стремительный» в кильватере шлепает? И там на мостике стоит Венька Гвоздев — он же теперь командир...»

Мичман Варфоломеев уволился в запас именно со «Стремительного»; правда, командиром корабля был тогда

не Гвоздев, а Еремеев, тоже толковый мужик, теперь, сказывают, в адмиралах ходит. А Венька тогда был совсем еще зелененьким лейтенантом в не обмявшемся по фигуре кителе, младшим штурманом, «штурманенком», как его называли, несмотря на его офицерское звание.

Веньку Гвоздева он знал давно, еще с тех пор, когда они вместе служили на эскадренном миноносце. Варфоломеев был тогда боцманом, а Гвоздев — штурманским электриком. Так по штурманской части и пошел, после окончания высшего военно-морского училища попал на большой противолодочный корабль, куда к тому времени перевели и Константина Анисимовича.

Встретились они как родные и с тех пор подружились еще крепче. Хотя и поменялись ролями: теперь Вениамин был старше по званию, но никогда этого не показывал, никакого такого гонору не проявлял. И после того как Константин Анисимович увлекся со службы и принял этот буксир, дружба их нигде не [illegible]. Хотя один из них на буксире топтал лед, вытаскивая за «шиздрю», то есть за якорный клюз, из гавани на рейд всякую крупную посудину и расталкивал по заливам более мелкую, а другой служил на большом противолодочном корабле и блистал золотыми погонами с двумя просветами. На свадьбе у Гвоздева Константин Анисимович был посаженым отцом.

«Давно ли все это было, всего три года назад, — вспомнил Варфоломеев. — Вот и Полина скоро родит, может, и без Вельки; надо бы ее навестить...»

А на мостике большого противолодочного корабля в это время, прячa в кулак огоньки сигарет, торопливо и жадно хватая табачный дым, офицеры перебрасывались короткими замечаниями:

— Туман-то какой густой — хоть ножом режь!

— А уж морозец-то так и хватает за уши.

— Вы бы лучше делом занялись, шустрики, — останавливает их своим любимым словечком капитан третьего ранга Калистратов. Обычно это словечко звучало как похвала, но на сей раз в интонации старпома было и нечто предостерегающее, и молодые офицеры притихли.

Корабль вообще был очень молодым, все, как говорится, ключевые позиции принадлежали младшим офицерам. Они да еще несколько более опытных специалистов хорошо разбирались в этом напичканном электроникой чреве корабля, языке выскакивающих на многочисленных табло и дисплеях красно-желто-зеленых цифр. Еще на стапеле, ког-

да «Стремительный» строился, именно младшие офицеры доставляли немало забот проектировщикам.

Но самозабвенно отдаваясь волшебству неопровержимых цифр, сами они в этих цифрах не то чтобы растворялись, а как бы нивелировались, теряли свою индивидуальность.

И раньше других общий язык с ними нашел Калистратов. По способу постижения элементарных истин он делил молодых офицеров на две группы.

Первая — «натуралисты», «шустрики», а в начальной стадии — «офонаревшие», ибо сперва они берут в руки фонарь, лезут по всем отсекам и закоулкам, все пощупают сначала своими руками, а потом уж садятся за чертежи, обнаруживая в них массу невидимых даже конструкторскому глазу неточностей. В технических спорах с проектировщиками «шустрикам» просто цены не было.

Вторую группу Калистратов именовал «чертежниками», а чаще всего «черт-те-штопниками». Они больше корпят над чертежами и схемами, на «натуру» спускаются лишь в крайних случаях, уникально запоминают массу совершенно ненужных вещей и абсолютно беспомощны в технических спорах.

Василий Григорьевич считал, что если их, как ленивых лошадок, регулярно подстегивать, то они доберутся до среднего уровня; отдельные, аккуратно ступая по служебной лестнице, с годами могут достичь и высокого положения. Но вершин вряд ли достигнут.

А Калистратова устраивали только вершины.

— Братья мои младшие, — наставлял он лейтенантов,— не возлагайте бремя ответственности на чужие плечи дорожь того, как ощутите это бремя на своих, умейте отвечать за свои деяния, это облагораживает душу и весьма стимулирует шевеление ваших мозговых извилин.

Диапазон знаний самого Калистратова был настолько велик, что казался неограниченным.

Как-то он потребовал от заводских переставить один механизм на другое место. То отказались, сославшись на строгий запрет что-либо переставлять без изменений в проекте. Вызвали проектировщика из научно-исследовательского института. Выслушав Калистратова, он согласился с его предложением, но надо было рассчитать нагрузку на консоли. Проектировщик долго корпел над добрым десятком формул, что-то у него не получалось. Василию Григорьевичу это надоело, он взял у проектировщика листок с расчетами, просмотрел его, обнаружил ошибку и через пять

минут выдал конечный результат. Конструктор сначала не поверил. С полчаса пересчитывал, оказалось — точно.

— Apparo! — похвалил удивленный проектировщик.

— А у нас тут все такие, — скромно сообщил Калистратов.

— Ну, ребята, мне тут больше делать нечего, — сказал проектировщик и уехал.

И все-таки главным в Калистратове были не его поистине потрясающие знания. С его способностями он мог бы работать в любой отрасли народного хозяйства и везде имел бы успех. Секрет этого успеха был бы не в его личном обаянии, не в энциклопедических знаниях и умении «нюхать обстановку», а в таланте организатора, основывающемся на глубоком понимании дела и психологии людей.

«Он мог бы стать директором крупного завода, начальником главка, а то и министром, — думал иногда Гвоздев. — А вот судьба распорядилась иначе. А сколько еще таких, весьма нужных народному хозяйству людей отвлечены на службу! Но ничего не поделаешь: они нужны и здесь, может быть даже больше, чем на гражданке».

Калистратов раньше других почувствовал, что именно молодые офицеры определяют и осуществляют научно-техническую революцию, являются ее проводниками и мускулами. Они обладают тем научным потенциалом, которого подчас не хватало их старшим начальникам. Калистратова справедливо называли душой экипажа. Но это было не совсем точно. Точнее — кумир. У него было множество поклонников, обожателей и подражателей. Впрочем, подражать Калистратову трудно — остроумие буквально било из него фонтаном. Под этот фонтан попадать остерегались: иногда его струями смывался авторитет оппонента.

Даже заядлые острословы предпочитали с ним не состязаться, но поддерживали самые лучшие отношения. Достойными соперниками ему были в этом смысле лишь капитан-лейтенант Геннадий Петров и лейтенант Василий Самохвалов. Правда, Самохвалов пришел на корабль позже, но Калистратов, пожалуй, даже раньше Гвоздева сумел оценить его эрудицию. А Петров начал служить на «Стремительном» еще со стапеля, и Василий Григорьевич с ним по-настоящему дружил. Но дружба их напоминала вооруженное перемирие на уровне сверхдержав. Они противостояли друг другу на равных, но с разными преимуществами. Народ старался почаще их «сцеплять», ибо поединок их всегда содержал в себе немало познавательного в техническом плане и поучительного — в житейском.

Пока вовсю заливается пулемет Геннадия Петрова, тяжелая артиллерия капитана третьего ранга Калистратова выжидательно молчит. Но вот у Петрова кончилась лента, и Василий Григорьевич выпустил свой первый снаряд.

— Накрытие! — фиксируют наблюдатели.

А Геннадий уже заправил в казенник очередную ленту. Он не любит поражений.

Но сейчас капитан-лейтенанта Петрова на мостике нет, он сидит в посту энергетики и живучести корабля, а Самохвалов в штурманской выгородке, и Калистратов, нагнав с мостика «шустряков», напоминает:

— Вахтенные, смотреть внимательнее!

И почти тотчас вахтенный сигнальщик «отсыревшим» голосом докладывает:

— Прямо по носу — чистая вода! «Вышибала» отваливает вправо.

Вслед за ним докладывает и лейтенант Самохвалов:

— До выхода в точку осталось пять минут.

— Есть! — негромко отвечает командир. — Ложиться на курс двести семьдесят семь градусов.

Все это было привычно для офицеров корабля, не раз ходивших в дальние плавания. Однако экипаж еще не знал, куда и зачем идет корабль на этот раз и надолго ли отрывается от родных берегов.

Но лейтенант Самохвалов уже расстелил на своем столике первую ходовую карту, придавил свинцовыми грузиками углы, нанес точку поворота и проставил время. И каждый, проходивший мимо выгородки штурмана, старался будто бы невзначай через его плечо взглянуть на карту. Но смотрели не на точку поворота, а на край карты, в который упиралась проложенная из этой точки линия генерального курса, потом бросали взгляд на масштабную сетку, прикидывали расстояние, делили его на скорость корабля, и почти у всех получалось, что по этой карте они будут идти около четырех суток.

4

Командующий оказал не самую лучшую услугу Гвоздеву, «выгнав» корабль в море на следующее же утро по тревоге. Сразу же выяснилось, что к столь внезапному выходу в море корабль не вполне готов. Топливные цистерны были заполнены до отказа, боезапас получен полностью, а вот провизионные кладовые, имея излишки крупы и макарон

не были пополнены необходимыми запасами картофеля, рыбы, растительного масла и специй. Начпрод запоздало дал заявку на автомашину, и ее обещали прислать лишь к девяти утра, а корабль снялся с якоря в пять сорок восемь.

— Что теперь прикажете делать, любезнейший? — почти ласково спрашивал начпрода Гвоздев.

Лейтенант интендантской службы Бурковский, знавший цену этому почти ласковому тону командира, переминался с ноги на ногу и с надеждой поглядывал на сидевшего в ходовом посту командира соединения контр-адмирала Еремеева, не особенно рассчитывая на его заступничество, но полагая, что присутствие старшего начальника несколько собьет температуру разгневанному командиру. Однако Еремеев делал вид, что не слышит их разговора.

— Виноват, товарищ командир, — упало признался Бурковский. — Замотался. А тут еще эти пельмени...

— Вы доложите, какие у вас есть конкретные предложения.

У лейтенанта конкретных предложений не было, и он, опять переступив с ноги на ногу, виновато потупился и почесал кончик рыжеватого уса.

— Допустим, я всю вашу службу посажу с удочками ловить рыбу. Хотя бы на одну уху для всего экипажа вы наловите?

Лейтенант глянул за корму на высоко поднятый винтами кипящий буруп.

— На таком ходу — вряд ли. Рыба, она ведь тоже не дура. Разве что на одну сковородку натаскаем.

— И на чем будете жарить? — еще более ласково спросил Гвоздев.

— Масло можно из него выжать, — подсказал лейтенант Самохвалов, бравший пеленг на оконечность мыса. Записав отсчет, окинул долговязого и от этого казавшегося еще более тощим Бурковского с головы до ног и добавил: — Как раз постное и выжмется. Правда, больше четвертинки не наберется...

Низкорослого и полноватого Самохвалова за глаза матросы называли «кранцем». Самохвалов жестоко ограничивал себя в пище, но никак не мог сбросить даже килограмма веса и, должно быть, завидовал Бурковскому, который нещадно истреблял мучное и сладкое, но не мог набрать тоже ни одного килограмма. Их своеобразное соперничество не раз служило удобным поводом для подначек. Флотский люд горазд на всякого рода розыгрыши и шутки, но и в этом есть строго ограниченное неписаной традицией правило: се-

ли кого-либо одного «выволакивает» начальство, остальные сочувствуют ему и, по возможности, помогают. И сейчас зубоскальство штурмана было неуместным, и Гвоздев сам одернул его:

— Вы лучше своим делом займитесь.

И штурман поспешно нырнул в свою выгородку.

— Командир, — позвал контр-адмирал Еремеев, — разрешаю заход в квадрат тридцать четыре двадцать восемь.

Гвоздеву не надо было заглядывать в карту оперативной обстановки, чтобы убедиться, что в этом квадрате сейчас находятся два рыболовных траулера. Вскоре радиометристы обнаружили их, но прошло еще немало времени, пока их увидели сигнальщики: посыпался липкий снег и видимость стала совсем никудышной.

Большой противолодочный корабль и один из траулеров переморгнулись прожекторами, и Гвоздев приказал готовить к спуску барказ. Не полагаясь на расторопность лейтенанта Бурковского, командир отправил на траулер и своего помощника капитан-лейтенанта Авдеева. Волна была небольшая, корабль лениво перекатывался с борта на борт, но барказ бросало, как щепку, — он то взлетал на гребень, то исчезал из виду. Когда сигнальщики доложили о том, что он подошел к борту траулера, Гвоздев облегченно вздохнул.

На крупу и макароны удалось выменять не только рыбы и постного масла, но и четыре мешка картошки. Ее подняли первой, и в спущенную за борт сетку вместе с мешками погрузили и лейтенанта Бурковского. Отдав Нептуну все содержимое желудка, он стал похож на выброшенную на берег медузу, лицо у него желто-зеленое, как водоросли. Самостоятельно передвигаться он не мог, и двое матросов отнесли его в каюту.

— Теперь от него только усы да ботинки и остались, — посочувствовал лейтенанту рулевой.

— Ничего, привыкнет, — сказал контр-адмирал Еремеев.

Собственно, только один Еремеев и знал, что никакой необходимости в этом обмене с рыбаками не было. Корабль выходил не в длительный поход, а всего лишь на двенадцать суток, и оставшегося в провиантских кладовых картофеля и рыбы вполне хватило бы. Но и столь несложная операция для еще не сплававшегося экипажа была полезна. Уж для лейтенанта Бурковского — во всяком случае.

А ветер усиливался, он растолкал по краям неба грязные сугробы туч, выглянуло солнце, но море раскачивалось

все сильнее, к
этому времени
дев подал ком
— По вер

Оставив за
ход корабля.

Вахту несл
лось немало м
опытных матро
глядывали за
и подменяли т
матроса. Но не
лее простую р
от морской бол
работа. Стоит
лезнь окончате
и в третий и в
чистую палубу
только на перви
боту, про себя с
потом сам же бу
самым помог ем
своенравной и к

Сигнал учеб
рике. Влетев на
что корабль гот
каз. Гляпун на
что налет будет
с разных сторон
поступали докла
жил, что и зени
Гвоздев принял
ние, но контр-адм

— Пойдемте-к
этим зрелищем се

Гвоздев с тре
ника. Калистрато
тесь, постараюсь
старшим поочеред
службы, по начин
БЧ-3 и минно-тор
нетно-артиллерийс
мирал Еремеев и п
тельника» старшему

все сильнее, и корабль начал зарываться носом в волну. К этому времени успели все закрепить по-штормовому, и Гвоздев подал команду:

— По верхней палубе не ходить!

Оставив за себя старшего помощника, сам он начал обход корабля.

Вахту несла вторая смена, но на боевых постах находилось немало моряков и из других смен, особенно наиболее опытных матросов, старшин и мичманов. Они не просто приглядывали за молодыми моряками и помогали им, а иногда и подменяли того или иного вконец укачавшегося молодого матроса. Но не давали свалиться в койку, поручали ему более простую работу. Они знали древнее флотское правило: от морской болезни нет более эффективного лекарства, чем работа. Стоит человеку хоть немного расслабиться, как болезнь окончательно сломит его. И не беда, если старшина и в третий и в четвертый раз заставит протирать и без того чистую палубу или переборку, это кажется бессмысленным только на первый взгляд. Иной матрос, выполняя такую работу, про себя окрестит старшину и деспотом, и тупицей, но потом сам же будет благодарить его за то, что старшина этим самым помог ему преодолеть себя, выстоять в борьбе с очень своенравной и коварной стихией.

Сигнал учебной тревоги застал Гвоздева в четвертом кубрике. Влетев на главный командный пункт, он сразу понял, что корабль готовится к отражению самолетов «противника». Глянув на планшет воздушной обстановки, он понял, что налет будет «звездным», самолеты идут тремя группами с разных сторон. С боевых постов и командных пунктов поступали доклады о готовности, вот и командир БЧ-2 доложил, что и зенитный и ракетный дивизионы к бою готовы. Гвоздев привык было к микрофону, чтобы дать целеуказание, но контр-адмирал Еремеев удержал его:

— Пойдемте-ка, Вениамин Александрович, полюбуемся этим зрелищем сверху. А за вас пусть старпом повоюет.

Гвоздев с тревогой поглядел на своего старшего помощника. Калистратов успокаивающе кивнул: мол, не волнуйтесь, постараюсь сделать все как надо. Гвоздев знал, что старпом поочередно прошел все ступеньки корабельной службы, но начинал он свою офицерскую деятельность с БЧ-3 и минно-торпедное оружие знал куда лучше, чем ракетно-артиллерийское. Может, именно поэтому контр-адмирал Еремеев и поручил отражать налет воздушного «противника» старпому, отлучив от этого дела командира?

А в воздухе уже закружилась такая карусель, что Гвоздев и сам едва успевал следить за обстановкой. Самолеты атаковали корабль тремя группами с разных высот и направлений, но почти одновременно сбросили мишени. Тут важно было распределить огневые средства по целям, и Калистратов сделал это быстро и правильно. Гулко застучали зенитные автоматы, окутав корабль дымом и пламенем, с кормовой установки ушла в воздух первая пара ракет. Но надо было не только вести огонь, но и уклоняться от налета, чтобы не подставить атакующей группе борт по всю видимую ширину цели. Хорошо, что на руле сейчас стоит сам командир отделения рулевых, он мгновенно реагирует на все команды старпома, Калистратов пока вполне успешно маневрирует и курсом и ходом, то стопоря его, то увеличивая до самого полного.

Но тут акустики доложили об обнаружении подводной лодки, и сразу все многократно усложнилось. Что предпримет старпом? Отбиваясь от авиации, на противолодочном зигзаге уклонится от атаки подводной лодки или сам решит ее атаковать?

Калистратов решил атаковать. Решение было смелым, контр-адмирал Еремеев, мысленно одобрив его, все-таки усомнился, что старпом справится с выполнением сразу двух задач.

Если налет авиации на «Стремительный» был запланирован еще до выхода корабля в море, то появление в полигоне подводной лодки было сюрпризом даже для командира соединения. И Еремеев подумал, не перпуть ли на главный командный пункт Гвоздева, но Калистратов уже начал атаку подводной лодки из носовой реактивной бомбовой установки.

Вспышка на полубаке. Он сразу окутывается оранжевым облаком, из которого одна за другой вырываются и устремляются в небо реактивные бомбы. И вот уже вдали, почти у самого горизонта, поднимаются султаны воды, сливаясь в огромную клумбу. Она оседает медленно, будто нехотя погружается в море.

За вспышкой и облаком ни Еремеев, ни Гвоздев не заметили, что одна реактивная бомба отклонилась от курса, потому что в это время переключили свое внимание на новую группу самолетов, заходящую с кормы. Но отклонение бомбы заметили сигнальщики, тотчас доложили вахтенному офицеру, и тот даже успел запеленговать еле заметный всплеск одиночной бомбы далеко в стороне от места падения всей серии.

А между тем акустики доложили:

— Пеленг меняется вправо, тон эха ниже!

Значит, командир лодки решил уклониться от преследования.

— Вперед самый полный! — командует Калистратов. — Курс сто семьдесят два!

Звякает машинный телеграф, корабль, вздрогнув, точно испуганный конь, набирает ход. Палуба, чуть накренившись на циркуляции, уходит из-под ног. Акустики надежно удерживают контакт с лодкой и почти непрерывно докладывают пеленг и дистанцию. И вот уже с кормовых бомбосбрасывателей доносится:

— Первая... Вторая...

Правда, под воду уходят не глубинные бомбы, а вместо каждой серии бросают обычную гранату, взрыв ее не причинит лодке вреда, но попадание обозначит. И если посредник зафиксирует его, то командиру лодки не позавидуешь, на разборе ему придется выслушать не самые ласковые слова. А если не зафиксирует, те же слова будут переадресованы Калистратову.

Впрочем, обстоятельный разбор можно провести лишь после того, как Еремееву будут представлены кальки маневрирования и выписки из вахтенных журналов «Стремительного» и подводной лодки и будет проявлена отснятая летчиками кинопленка. Пока же Еремеев мог дать лишь предварительную оценку и уже собрался было похвалить капитана третьего ранга Калистратова за решительные и грамотные действия, когда вахтенный офицер доложил об отклонении одной реактивной бомбы от курса.

Гвоздев зашел в штурманскую выгородку и проложил на карте из точки залпа пеленг, взятый вахтенным офицером. Угол отклонения составил пятьдесят восемь градусов.

— Это невероятно! — усомнился Гвоздев. — Может, вы ошиблись?

— Нет, все точно, — ответил вахтенный офицер, показывая свои записи. — Можете спросить у сигнальщиков.

Гвоздев спустился на сигнальный мостик. Старшина сигнальной вахты подтвердил, что видел отклонение бомбы, и показал запись в вахтенном журнале. Оказывается, он даже успел взять пеленг визиром и замерил расстояние до места падения бомбы.

— Хорошо, что в полигоне не было других кораблей, а то бы всадили эту бомбу кому-нибудь в борт, — сказал Еремеев. — Лично разберитесь во всем и составьте акт. Проверьте весь боекомплект этой партии.

Подняли всю документацию, проверили каждую из оставшихся бомб этой партии и ни в одной из них не нашли никакого дефекта. Долго ломали голову над тем, почему могло случиться такое большое отклонение, и решили, что у этой злосчастной бомбы была какая-то неполадка при изготовлении, а заводской ОТК проморгал ее. Составили акт, отпечатали его в трех экземплярах, с тем чтобы копии направить в штаб флота и на завод-изготовитель.

А пока контр-адмирал Еремеев отправил шифровки на все корабли своего соединения с запрещением использовать реактивные бомбы этой партии изготовления на практических стрельбах.

4

Истинную причину отклонения реактивной бомбы знал лишь командир группы лейтенант Гребенюк. Мог догадаться о ней и старший матрос Косолапов, но он пока даже не знал, что одна из бомб с носовой установки упала в стороне от других.

А все началось с того, что еще три недели назад, когда «Стремительный», выйдя из заводского ремонта, получил боезапас, при заряжании носовой РБУ старший матрос Косолапов уронил одну из бомб на палубу. Лейтенант Гребенюк осмотрел бомбу и, не найдя видимых повреждений, приказал заряжать. Бомба вошла в ствол с небольшим усилием, Гребенюк приказал перезарядить, и при повторном заряжании бомба вошла в ствол легко.

После залпа лейтенант Гребенюк еще раньше сигнальщиков увидел, что одна бомба отклонилась от курса, и сразу понял, что это именно та, которую уронил Косолапов. Видимо, при падении у нее погнулся стабилизатор, и вот сейчас ее повело в сторону. Полагая, что, кроме него, никто не заметил отклонения, Гребенюк не стал о нем докладывать. «Зачем катить бочку на себя? — подумал он. — Начнут разбираться, влепят мне выговор, попробуй его потом выскрести из личного дела».

Узнав, что отклонение заметили и сигнальщики, и вахтенный офицер и даже занесли всплеск, лейтенант Гребенюк сообразил, что теперь степень его вины возрастет: к тому, что он разрешил зарядить упавшую на палубу бомбу в ствол, добавится не только сокрытие этого факта, но и несвоевременный доклад об отклонении ее от курса. А ведь именно ему и полагалось первым заметить это от-
клонение.

Когда ком
документацию
приемки боез
чить старшего
где тот с пяти

Видя, как
безуспешно п
лейтенант Гре
сейчас, а позж
меев. Тогда к
признание, мо
уж он, лейтен
говор побыстре

Однако ког
в заводском де
все обойдется
причину откло
других последс
ли о нем распр

Он не знал,
ровки не тольк
флота.

Упомянув на утр
димых в одной
гал, что они зац
ственник Малин
внимания на сто
тылом, то и масс
ложил:

— Давайте-ка
учатся.

Махалов не у
адмирала Кулеш
землился перед
его, потому что в
лание матросско
— А может, и
ций? — предложи

Когда командир корабля потребовал всю техническую документацию и начал поэтапно проверять все, начиная от приемки боезапаса и до залпа, Гребенюк поспешил назначить старшего матроса Косолапова дежурным по столовой, где тот с пяти утра и до отбоя крутился как белка в колесе.

Видя, как командир корабля и командир боевой части безуспешно пытаются понять причину отклонения бомбы, лейтенант Гребенюк все-таки решил доложить о ней, но не сейчас, а позже, когда сойдет с борта контр-адмирал Еремеев. Тогда командир корабля, учтя его чистосердечное признание, может ограничиться всего лишь выговором, а уж он, лейтенант Гребенюк, поусердствует, чтобы этот выговор побыстрее сняли.

Однако когда все пришли к выводу, что причина где-то в заводском дефекте, и составили акт, Гребенюк решил, что все обойдется и без его доклада. В конце концов он-то знал причину отклонения. Это был единичный случай, никаких других последствий он за собой не мог повлечь, так стоит ли о нем распространяться?

Он не знал, что контр-адмирал Еремеев отправил шифровки не только на корабли своего соединения, но и в штаб флота.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Заместитель командующего по тылу контр-адмирал Махалов, упомянув на утреннем докладе о тыловых учениях, проводимых в одной из военно-морских баз, никак не предполагал, что они заинтересуют командующего флотом. Предшественник Малинина адмирал Ковригин обычно не обращал внимания на столь частные события, а если уж занимался тылом, то в масштабе всего флота. А Малинин вдруг предложил:

— Давайте-ка вместе посмотрим, чему и как они там учатся.

Махалов не успел предупредить командира базы контр-адмирала Кулешова, и когда вертолет командующего приземлился перед штабом базы, Кулешов даже не встретил его, потому что в это время принимал у строителей новое здание матросского клуба.

— А может, и вы клуб посмотрите, товарищ командующий? — предложил Махалов.

Предложение это, высказанное как бы мимоходом, случайно, безразличным тоном, на самом деле было сделано с дальним прицелом. Строительство матросского клуба начинал сам Махалов, когда был командиром этой базы. Причем клуб строился не по типовому, а по индивидуальному проекту, с большим размахом, о каковом другие командиры баз и мечтать-то не смели, потому что у них не было ни средств, ни материалов, ни подрядных организаций. А Махалов нашел все! Правда, средства он значительно перерасходовал, за что и схлопотал выговор, но побывавший в базе Главнокомандующий Военно-Морским Флотом приказал убытки покрыть за счет тех, кто эти средства недоиспользовал, а Махалова выдвинул на должность заместителя командующего, по достоинству оценив его энергию, инициативность и хватку делового человека.

Но магия махаловского авторитета долго еще мешала новому командиру базы контр-адмиралу Кулешову. Вот и сейчас, обнаружив массу недоделок и отказавшись подписать акт приемки матросского клуба, он услышал, как за его спиной начальник строительного управления сказал кому-то:

— Да, это вам не Махалов.

При этом нельзя было понять, сказал ли он о Махалове иронически или одобрительно.

Кулешов проглотил эту пилюлю, так и не почувствовав ее вкуса.

А вскоре появился и сам контр-адмирал Махалов. Явление его народу при одной только мысли о нем было как бы знамением, но за спиной Махалова начальник строительного управления разглядел более высокий чин — «полного» адмирала — и рванулся навстречу ему, попутно отметив про себя, что Кулешов, тоже сунувшийся было доложить первым, очень интеллигентно уступил ему дорогу.

— Начальник строительного управления полковник Тевосян!

— Очень приятно. — Новый командующий, пожалуй тоже слишком интеллигентно, поймал услужливо протянутую ему руку и, повернувшись к Кулешову, спросил: — Как идет война со строителями, Игорь Васильевич?

— Не без потерь, — ответил Кулешов.

— И у кого же их больше? — лукаво сощурив глаза спросил командующий.

— У меня, конечно, — почти обреченно, но, может быть несколько театрально произнес Кулешов, сразу схватив ни-

строение
ном, но у
Осмотре
мандующи
— Сдел
Подбодр
управления
— А во
Малини
лешова, тот
извинялся
— Разре
что вам обы
В комна
не оцикле
ительный м
был свежеок
— Зачем
— Не зн
там и там, —
— Это я
будет радиор
и антенны.
проектом они
Пол в спо
ханы в пусты
— У меня
А на что мы
кетбола, где
лейбольной се
Кулешов кив
ния, — сейчас
А как я буду
алов, ни фонд
— Сколько
эти раны? — с
тельного управ
Тот не заду
— За четыр
— Ну да, к
Да нам для тог
не меньше двух
ца и то сделали
— Игорь Ва
ведомость, — с

строение командующего. И добавил тоже пропитым тоном, но уже вполне серьезно: — Да вы сами убедитесь.

Осмотрев вестибюль, библиотеку и зрительный зал, командующий одобрительно заметил:

— Сделано со вкусом и перспективой.

Подбодренный этой оценкой, начальник строительного управления пожаловался:

— А вот командир базы не принимает.

Малинин вопросительно глянул на контр-адмирала Кулешова, тот в свою очередь посмотрел на Махалова, как бы извиняясь перед ним, и решительно предложил:

— Разрешите, товарищ командующий, показать вам то, что вам обычно не показывают? — и повел всех за сцену.

В комнатах для президиума и артистической полы были не оцинкованы, батареи не покрашены, всюду валялся строительный мусор. В третьей комнате солдат-строитель долбил свежеокрашенную стену.

— Зачем вы это делаете? —спросил командующий.

— Не знаю. Мне велели пробить три дыры — вот тут, там и там, — указал солдат. — Вот я и пробиваю.

— Это я распорядился, — сообщил Кулешов. — Здесь будет радиорубка, нужны отверстия для проводки кабелей и антенны. Строители почему-то забыли их сделать, хотя проектом они предусмотрены.

Пол в спортивном зале был неровным и напоминал барханы в пустыне.

— У меня же тут все покалечатся! — сказал Кулешов.— А на что мы будем вешать шведскую стенку, щиты для баскетбола, где гнезда для установки стоек и оттяжек для волейбольной сетки, деревянные решетки на окнах? Они, — Кулешов кивнул на начальника строительного управления, — сейчас меня умасливают, а подпишут акт и уйдут. А как я буду доделывать после них? У меня же ни материалов, ни фондов, ни специалистов нет.

— Сколько вам потребуется времени, чтобы зализать эти раны? — спросил командующий у начальника строительного управления.

Тот не задумываясь ответил:

— За четыре дня управимся.

— Ну да, к первому числу, — усмехнулся Кулешов. — Да вам для того, чтобы один пол перестелить, понадобится не меньше двух недель. Настилали-то вы его больше месяца и то сделали нечто вроде стиральной доски.

— Игорь Васильевич, составьте подробную дефектную ведомость, — сказал командующий Кулешову. — Если по-

...ить по темным углам, то недоделок тут еще много набе-
...ется. А вам, товарищ Тевосян, — командующий повернул-
...ся к начальнику строительного управления, — на устране-
...ние их даю двадцать дней.

— Есть! — уныло ответил тот. Квартальный план, а следовательно, и премиальные у его управления теперь горели синим пламенем. Он с надеждой посмотрел на контр-адмирала Махалова, но тот равнодушно отвернулся и вслед за командующим направился к выходу.

Когда вышли на улицу, командующий сообщил Кулешову:

— Вообще-то мы приехали посмотреть учения тыла базы. С чего начнем?

— Ближе всех тут развернута подвижная ремонтная мастерская. Но на «Волге» мы туда не проедем. Сейчас я вызову «уазик».

Пока ждали «уазик», Махалов предложил осмотреть городской сквер и пляж. Они тоже были его детищем, и он гордился ими не меньше, чем матросским клубом. Сквер действительно был хорош даже зимой. Он полукругом обрамлял бухту, каждая аллея была засажена определенным видом деревьев, тут росли и береза, и липа, и сирень, и акация. Небольшую поляну с фонтаном в центре украшали серебристые ели.

— Деревья и кустарники тут плохо приживались, — пояснял Махалов, — чернозем пришлось возить аж из Тамбовской области. Одиннадцать вагонов привезли.

— И во что это обошлось? — спросил командующий.

Махалов отшутился:

— Так ведь известно, что за морем телушка — полушка, да рубль — перевоз.

Больше всего поразило Малинина на пляже сооружение, напоминающее восточный дворец. Венчалось оно круглой башней с узорами из разноцветного кирпича, стилизованной под минарет.

— И что тут помещается? — спросил Малинин.

— Внизу медпункт и спасательная станция, а на башне смотровая площадка.

— А зачем? Ведь вся бухта и отсюда хорошо видна.

— Ну, все-таки... — замялся Махалов, — сверху она как-то видней. И потом, главком тут раза три-четыре в году бывает, и вам придется сюда частенько наезжать.

— Вот теперь все ясно, — иронически сказал Александр Михайлович и спросил у Кулешова: — Может, нам, Игорь

Васильевич, для этого минарета штатную должность муллы ввести?

Кулешов усмехнулся:

— Мне бы лучше столовую построить. А то на весь городок из общепитовских заведений есть лишь детское кафе с банкетным залом, где ребятишки справляют дни рождения.

Осмотрели и это кафе. Оно тоже было построено с размахом и вкусом. В трех залах стены, расписанные картинками из сказок и детских мультфильмов, аквариумы с рыбками, маленькие столики с причудливыми светильниками, изготовленными тоже по мотивам сказок, создавали особый, почти фантастический мир детства.

Но детей тут было мало, в школе или занятия, и лишь несколько дошколят уплетали мороженое и пирожные. В основном же за столиками сидели взрослые. Был обеденный перерыв, и многие рабочие и служащие пришли сюда, довольствуясь теми же пирожными и мороженым; некоторые, правда, догадались прихватить с собой хлеб и колбасу.

Банкетный зал был оборудован с помпезностью шикарного столичного ресторана. «Надо будет натравить на Махалова финансистов, — подумал командующий. — Пусть почаще контролируют его, а то он с такими купеческими замашками скоро выпустит нас в трубу».

Увидев запасный выход из зала, Александр Михайлович предложил Кулешову:

— А почему бы вам, Игорь Васильевич, не открыть столовую именно здесь? Человек шестьдесят — семьдесят одновременно тут могут обедать.

— А кухня?

— Где-то же пекут они пирожные и ватрушки? Пойдемте-ка посмотрим.

Кухня оказалась огромной, там можно было поставить по меньшей мере еще четыре плиты. Нашлись подсобные помещения и для кладовой, и для раздевочной, и для холодильников.

— Вот вам и выход из положения, — сказал Александр Михайлович, намеренно обращаясь не к Кулешову, а к Махалову.

— А как же дети? — обиженно спросил тот.

— Детей, конечно, надо любить. Но им остаются три их зала. А дни рождения пусть справляют с родителями, в семье. Нечего их с малолетства приучать к роскошным банкетам.

Возле кафе стояли два «уазика». Но и на них они едва добрались до лесопосадочной полосы, в которой развернулась подвижная ремонтная мастерская. Встретил их капитан, должно быть, он только что вылез из-под машины: шинель была выпачкана снегом и грязью; это его настолько смущало, что он начал заикаться. Когда капитан, повесив на сучок дерева аккуратно вычерченную схему расположения, начал неуверенно ползать по ней указкой, Махалов сердитым шепотом спросил у Кулешова:

— И где вы откопали этого рохлю?

— Вообще-то он толковый специалист, — ответил Кулешов и предложил капитану: — А может, мы лучше прямо на местности все посмотрим?

То ли капитан уже оправился от волнения, то ли на местности ориентировался лучше, чем на схеме, но как-то сразу преобразился и объяснял все толково и коротко. Видно было, что он досконально разбирается в деле и специалисты у него хорошо обучены, действуют быстро и уверенно. Когда дошли до мойки, командующий спросил:

— А воду где будете брать?

— Вот там, в совхозе. До скважины тут триста двадцать восемь метров.

— А почему бы вам не развернуться именно там? — предложил командующий. — У них ведь на площадке готовности стоят всего два трактора и один комбайн.

— Я предлагал, но, говорят, надо соблюдать маскировку. — Капитан покосился на только что подъехавшего начальника тыла базы и добавил: — А какая уж там маскировка, когда зима и все деревья голые?

— Вот именно. — Командующий повернулся к начальнику тыла базы, полноватому, но очень подвижному капитану второго ранга: — Это же смешно: десятки здоровых парней рядом с совхозом играют в прятки, а там трактора и комбайны ремонтировать некому. Вы бы вместо макетов-то лучше на настоящей технике поработали. И вам польза, и совхозу помощь.

— У меня и бывшие трактористы есть, и комбайнеры, и даже один специалист по сеялкам... — сказал окончательно осмелевший капитан.

Директор совхоза обрадовался:

— Ох, как вы нас выручите! У меня с ремонтом прямо-таки завал. Разумеется, совхоз всю работу оплатит, хотите — наличными, хотите — по перечислению.

— Платить не надо, мы же ваш хлеб-то едим, — возразил командующий.

— Так-то оно так, а все-таки хотя бы пяток кабанчиков я вам подкину.

— Ну, пяток не надо, а один для матросского котла сгодится, — согласился Малинин.

Когда вышли от директора совхоза, он спросил у Кулешова:

— Дальше что будем смотреть, Игорь Васильевич?

— Тут неподалеку развернут полевой госпиталь, — опередив командира базы, сообщил начальник тыла, должно быть стараясь загладить вину за непродуманное размещение ремонтной мастерской.

— Уже свернут и перебазируется в другое место, — опроверг Кулешов.

— Как? — удивился начальник тыла. — Я же там был часа полтора назад.

— А не подумали о том, что разворачивать его там не имело никакого смысла?

— Почему?

— Потому что рядом расположен санаторий, и если начнутся боевые действия, отдыхающих там не будет, зато будут вам готовые лечебные кабинеты, медицинское оборудование, палаты, кухня и даже медперсонал. А весь ваш палаточный госпиталь я перекинул в район села Яблоневого, где даже сельской амбулатории нет...

Командующий делал вид, что не прислушивается к разговору контр-адмирала Кулешова с начальником тыла, но остался доволен, что урок с детским кафе и ремонтной мастерской пошел им на пользу.

2

Техническое подразделение располагалось в глубокой лощине, с двух сторон неплохие подъездные пути, лишь в одном месте дорогу пересекал глубокий овраг, но через него уже перекинули достаточно надежный мост, находчиво использовав для этого понтонную секцию и обычные железнодорожные рельсы. Все технические посты укрыты в утепленных палатках, а в жилом кубрике и столовой поставлено дополнительное отопление. По веселым лицам матросов, старшин, мичманов и офицеров, по тому, как гордо оглядывали они свое хозяйство, было видно, что им самим нравится этот палаточный городок.

— Ну что же, устроились вы тут неплохо, — похвалил и

командующий, осмотрев все помещения. — А теперь покажите, как вы умеете работать.

Работали они тоже неплохо, на всех этапах проверки ракет не только укладывались в нормативы, но кое-где даже перекрывали их, и на проверочный стол ракеты легли на несколько минут раньше предусмотренного нормативами времени. Там автоматическую проверку всех систем одновременно двух ракет осуществляла электронная машина. Она была компактной и удобной в обслуживании, на ней работал всего один оператор. Малинин вспомнил, как еще совсем недавно такую проверку наполовину делали вручную, вскрывая многочисленные люки и горловины, ставя над ними флажки, а электронная машина выполняла лишь часть работы, была громоздкой, ее обслуживало человек двенадцать, и на проверку систем одной ракеты времени уходило во много раз больше. А сейчас на две ракеты потратили считанные минуты. «Надо будет написать конструкторам благодарственное письмо», — решил он.

Однако мысль о таком письме тотчас отпала, когда он стал наблюдать за погрузкой ракет на автомашины.

Мало было угодить в подготовленное для ракеты ложе, надо, чтобы все крепежные отверстия в ложе и в корпусе ракеты совпали абсолютно точно. Секунды, выигранные матросами и электронной машиной на проверке, съела погрузка. Они еле уложились в положенное по нормативам время.

— Так ведь это еще днем и при тихой погоде. А если ночью и при ветре и снеге, сколько вы будете возиться? — спросил командующий у мичмана Колесникова.

— Пожалуй, раза в два больше.

— Если останетесь в живых или не покалечитесь. — Малинин обернулся к контр-адмиралу Кулешову: — Впредь запрещаю кому-либо находиться под ракетой во время погрузки.

— Есть! — ответил за Кулешова мичман Колесников. И добавил: — Только ведь, товарищ командующий, не мы такое дурное крепление придумали.

— Я вас и не обвиняю, — смягчился Александр Михайлович и опять повернулся к Кулешову: — Я могу отсюда связаться с вице-адмиралом Завьяловым?

— Конечно. Прошу! — Кулешов проводил Малинина на командный пункт.

Связь была хорошей, Завьялов ответил тотчас же.

— Михаил Пантелеевич, я попрошу тебя срочно позвонить в головной институт и сказать конструкторам, что, из

нашему мнению, система крепления ракет при перевозке никуда не годится. Они там дырок понавертели, в них никак не попадешь. Пусть подумают, как обойтись без этих дырок.

— Хорошо, я свяжусь немедленно.

— И сообщи мне о результатах этих переговоров. Я тут пробуду еще не менее часа.

— Есть.

Малинин вышел из палатки, в которой размещался командный пункт, и стал наблюдать за погрузкой второй ракеты. Однако вскоре его позвали на командный пункт:

— Вас просит вице-адмирал Завьялов.

— Ну что, Михаил Пантелеевич, связались? — спросил Малинин.

— Связаться-то связался, да боюсь, что толку от нашего разговора будет мало. Конструкторы говорят, что не их дело заниматься такими пустяками, как крепление.

— Ишь ты, какие чистоплюи!

— Удивительное совпадение, но я именно так их и обозвал.

— Обиделись?

— Наверное. Но обещали подумать.

— Разговор они могут и забыть. Надо им послать бумагу и все время тормошить. Ладно, я сам на них нажму. Без меня пока обходишься?

— Пока — да.

— Я вернусь к семнадцати. В восемнадцать тридцать у меня прием посетителей.

— Я знаю. Буду ждать.

— До встречи.

Крепление второй ракеты уже закончили, и мичман Колесников, сняв шинель, отряхивал ее от снега и грязи.

— Ну и как? — спросил у него Малинин.

— Опять еле-еле уложились, товарищ командующий. А можно же все сделать проще и удобнее.

— А как — проще?

— Ну там бандажи использовать или хомуты. С ходу трудно решить, надо подумать.

— Вот и подумайте. Сколько вам понадобится времени?

— Так ведь мало придумать. Надо еще сделать и опробовать. Полагаю, что на это понадобится недельки две, а может, и побольше.

Малинин подозвал начальника тыла базы:

— На три недели освободите мичмана Колесникова от всех работ и занятий. Если ему понадобятся еще люди, вы-

делите. По его заявке механические мастерские должны выполнять все работы незамедлительно.

— Есть!

— А вдруг у меня ничего не получится? — усомнился мичман Колесников, надевая так и не отчистившуюся от грязи шинель.

— Ну, попытка не пытка. Постарайтесь, чтобы получилось как надо.

— Уж я постараюсь, — пообещал мичман. И, застегнув на шинели последнюю пуговицу, вытянулся в струнку: — Разрешите идти, товарищ командующий?

— Да, пожалуйста, — разрешил было Малинин, но тут же передумал: — Впрочем, садитесь-ка в машину. Посмотрим, как эти ракеты будут разгружать. Кстати, Игорь Васильевич, кому их готовили?

Дивизиону ракетных катеров, — доложил контр-адмирал Кулешов.

— Вот туда мы сейчас и поедем.

3

Решение командующего поехать в дивизион ракетных катеров контр-адмирал Игорь Васильевич Кулешов воспринял не только без энтузиазма, но и с тревогой. Он был в этом дивизионе шесть дней назад и обнаружил там множество беспорядков. Да и о каком порядке могла идти речь, если даже территория дивизиона, расположенного на окраине поселка, не была ограждена, туда мог зайти любой, кому не лень.

Кулешов для наведения порядка дал командиру дивизиона капитану третьего ранга Роговцеву две недели, и сейчас тот наверняка бросил весь личный состав на строительство забора.

Но, еще не доехав до дивизиона, Кулешов убедился, что дела обстоят иначе. Никакого забора и в помине не было, поставлены лишь два столба, обозначающие ворота, подле одного из них скучающе топтался часовой. Что он тут охранял, понять было невозможно, потому что на территорию можно было беспрепятственно пройти с любой другой стороны. И часовой не помешал ни мальчишкам, катавшимся возле казармы с горки, ни козе у камбуза, должно быть ждавшей там угощения, ни торговке, разложившей свой товар на пустом ящике у входа в дивизионную биб-

лиотеку. Мусор
ки не расчище
Похоже, кроме
лано.

Кулешов ск
причал, и кома
торговки. Пока
слал замполита
пели навести к
диться, чтобы
подошли машин
Колесниковым
отозвал в сторо
ранга Роговцева
— Почему вы
чего из того, что
— Так ведь
— Каких мате
— Например,
явку, но мне отка
Кулешов подоз
— Почему не
лючую проволоку
— Потому что
сяч метров, а у м
— А зачем вам
— Так ведь я
да, то так оно и
ман за записной к
раздумал, потому
— Я ему предл
щитом, а поверх п
локу, но он отказа
ряда. Можно подум
ется, — усмехнулся
— Завтра же за
еще нужно, и пусть
него прапорщика и
коподил всеми рабо
— Есть!
— Ну ладно, —
скатал Кулешов Ро
как вы утверждаете
вам нужны были м
сить, с крыш сне

лиотеку. Мусорная свалка так и не была вывезена, дорожки не расчищены, окна не помыты, снег с крыш не убран. Похоже, кроме тех двух столбов на въезде, ничего и не сделано.

Кулешов сказал водителю, чтобы тот ехал прямо на причал, и командующий, кажется, не заметил ни козы, ни торговки. Пока он обходил корабли, Игорь Васильевич послал замполита дивизиона в казарму, чтобы хоть там-то успели навести какой-нибудь порядок, а заодно и распорядиться, чтобы приготовили обед для адмиралов. И когда подошли машины с ракетами и командующий с мичманом Колесниковым стали наблюдать за разгрузкой, Кулешов отозвал в сторону командира дивизиона капитана третьего ранга Роговцева и спросил:

— Почему вы за шесть дней не сделали абсолютно ничего из того, что я приказал вам сделать?

— Так ведь материалов нет, товарищ контр-адмирал.

— Каких материалов?

— Например, колючей проволоки не дают. Я подал заявку, но мне отказали.

Кулешов подозвал начальника тыла базы:

— Почему не удовлетворили заявку дивизиона на колючую проволоку?

— Потому что он запросил ее девять с половиной тысяч метров, а у меня и на всю базу столько нет.

— А зачем вам столько проволоки?

— Так ведь я все подсчитал. Если делать в четыре ряда, то так оно и выходит. — Роговцев полез было в карман за записной книжкой, где у него были эти расчеты, но раздумал, потому что начальник тыла пояснил:

— Я ему предложил поставить забор из плакобетонных щитов, а поверх них пустить в один ряд колючую проволоку, но он отказался, хочет, чтобы непременно в четыре ряда. Можно подумать, что он тут тюрьму строить собирается, — усмехнулся начальник тыла.

— Завтра же завезите им щиты, раствор и все, что там еще нужно, и пусть начинают строить. И дайте им толкового прапорщика или сержанта от строителей, чтобы руководил всеми работами. А то они тут нагородят!

— Есть!

— Ну ладно, — не смягчаясь, а уже почти обреченно сказал Кулешов Роговцеву, — на ограждение территории, как вы утверждаете, материалов у вас не было. А какие вам нужны были материалы, чтобы убрать свалку, сбросить с крыш снег, помыть окна, расчистить дорожки?

Роговцев, потупившись, молчал.

«Придется отстранять его от должности командира дивизиона, — с грустью думал Кулешов. — А ведь он был хорошим командиром звена, потому и выдвинули его на повышение. Кого же вместо него назначить? И куда девать Роговцева? Опять на звено? Но к нему там отнесутся как к безнадежному «погорельцу»...»

Разгрузку ракет уже закончили, вернувшийся на причал замполит доложил, что обед готов, и контр-адмирал Кулешов подсказал Роговцеву:

— Приглашайте всех обедать, вы тут хозяин, — и про себя добавил: «Правда, хозяин никудышный».

Игорь Васильевич опасался, что и с обедом обязательно что-нибудь напортачат. Но, к его удивлению, обед на этот раз был приготовлен на славу. Оказывается, замполит успел развернуться и пригласил на кухню жену мичмана Широкова, в прошлом работавшую в одном из ленинградских ресторанов. Все на столе было оформлено так красиво, хоть пиши натюрморт.

Однако командующий, обозрев этот натюрморт, обедать в кают-компании не стал, а отправился в общий зал, нашел свободное место за одним из столов и сел с матросами. Ему хотели принести обед из кают-компании, но он запретил.

— Я уж лучше по старой памяти из общего бачка поем. Не обделю? — спросил он у сидевших за столом матросов.

— Ну что вы, товарищ адмирал! У нас все равно половина остается, — ответил самый бойкий матрос и, взяв чумичку, до краев наполнил командующему тарелку, стараясь зачерпнуть со дна, погуще.

— А остатки съедаете? — вспомнил древнюю как мир шутку командующий.

— Съели бы, да не хочется.

Катерников кормили по повышенным нормам, но не поэтому они съедали только половину. Попробовав винегрет с ржавой селедкой, перепаренный суп с макаронами и опять же слипшиеся в комок макароны со свиной тушенкой, Александр Михайлович заметил:

— А кок у вас, видать, не очень большой фантазер. Я попрошу кого-нибудь из вас сходить на камбуз и пригласить его сюда.

Кок, длинный и тощий парень в замызганной, когда-то белой куртке и не менее замызганном, съехавшем набок колпаке, представился:

— Матрос Клементьев!

Командующий протянул ему руку. Клементьев испуганно посмотрел на нее, потом быстро вытер о подол куртки свою, осторожно протянул ее навстречу и, когда командующий пожал его ладонь, выдернул ее поспешно, как из огня. И тотчас же, глядя в потолок, будто читая на нем названия блюд, начал докладывать, что он приготовил на обед.

— Это я уже знаю, — сказал Малинин, допивая компот из сухофруктов, пожалуй единственное съедобное блюдо. — Только вот не пойму никак, почему и на первое и на второе вы приготовили макароны. Вам что, других продуктов не дают?

— Дают. — И, опять уставившись в потолок, будто прочитывая там названия продуктов, кок начал перечислять, что имеется на продовольственном складе. Перечень получился довольно длинный.

— Ну вот видите, сколько у вас возможностей для разнообразия. Вы где-нибудь учились поварскому делу?

— Никак нет! Только дома. Отца у меня нет, мать на полторы ставки работала, а у меня еще две младшие сестренки. Вот я и готовил. А когда служил на катере и мы надолго выходили в море, я и для экипажа готовил. Ребятам вроде бы нравилось. Об этом от кого-то узнало начальство, вот меня и назначили дивизионным коком.

— А хотите поехать на курсы, научиться этому делу как следует?

— Можно, — подумав, согласился кок. И философски добавил: — В жизни все пригодится.

— Жена на тебя молиться будет, — заметил матрос, наливавший Малинину суп.

— Так ведь я не женат.

— Но ведь женишься же когда-то?

— Наверное. Только мне еще целых два года служить. И потом, хорошую-то сразу не найдешь. Нынче девчонки пошли все больше курящие и пьющие, а мне такую не надо, — убежденно сказал кок.

— Ну, за повара-то и хорошая пойдет, — заметил все тот же бойкий матрос. — Это тебе не какой-нибудь инженеришка с окладом сто двадцать ре в месяц. Купишь машину, построишь дачу и заживешь себе как кум королю.

— Что я тебе, жулик какой-нибудь? — басовито, даже с хрипотцой, обиделся кок.

— Извини, это я так, к слову сказал.

— Слова тоже надо выбирать. Как и жену. Ты-то, небось, как уволишься в запас, так сразу и женишься на первой же подвернувшейся под руку.

— А что? Одна не поправится, другую найду. А другая не подойдет, третья отыщется! — подзадоривал кока бойкий матрос.

— Как был у тебя ветер в голове, так и остался, — осуждающе заметил кок. Сам он, видимо, был человеком серьезным и Малинину понравился.

Потом Александр Михайлович поговорил с женой мичмана Широкова. Она не работала, потому что в поселке не то что ресторана, даже столовой не было, а на какую-нибудь другую работу, не по специальности, ей не хотелось идти.

— Оформите ее вольнонаемной служащей, — сказал командующий капитану третьего ранга Роговцеву. — А матроса Клементьева отправьте на курсы коков, он согласен.

— Неужели вы сами не могли решить этот вопрос? — упрекнул потом начальник тыла бывшего замполита дивизиона. — Почему сам командующий флотом должен заниматься такими пустяками?

— Это не пустяки, — поправил его контр-адмирал Кулешов и подумал: «Надо посоветоваться с начальником политотдела, что делать с замполитом. За беспорядки в дивизионе с него тоже следует спросить. Хорошо еще, что командующий спешит на прием и не успел заглянуть в казарму. Там тоже черт ногу сломит...»

4

Кроме установленных еще до него часов приема посетителей в своем кабинете Малинин стал проводить в Доме офицеров так называемый открытый прием, привлекая к нему представителей управлений и служб флота, всех своих заместителей, кроме первого, оставшегося за него в штабе. Вопросы, которые можно было решить сразу, решались тут же, другие, требовавшие изучения, брали на контроль и устанавливали сроки их решения.

Еще вчера Александр Михайлович изучил характер вопросов, предложений, заявлений и жалоб, которые придется рассматривать на этот раз. Большинство их касалось жилищной проблемы, значительная часть была связана с переводами и перемещениями по службе, немало было и

тензий к благоустройству, медицинскому обслуживанию и снабжению отдельных, особенно отдаленных, гарнизонов, были жалобы и помельче.

К сожалению, до сих пор самую острую — жилищную проблему тоже быстро не решишь. Наверное, все записавшиеся на прием полагают, что командующий сразу вот возьмет да и выдаст им ордера на квартиры. Он и рад бы это сделать, но не может, тут важно, чтобы соблюдались очередность, гласность и не было злоупотреблений. За этим пусть строго следит заместитель по строительству и расквартированию.

Финансовые недоразумения более грамотно решит «генерал от бухгалтерии».

А вот с тремя посетителями он должен разобраться лично.

Один из них — командир боевой части с крейсера капитан третьего ранга Верхолетов просит перевести его на любой другой флот. Просьбу о переводе мотивирует семейными обстоятельствами, но какими именно, не объясняет. Надо узнать, что это за обстоятельства, может быть, просьбу действительно следует удовлетворить, хотя жаль терять такого офицера. Командир корабля характеризует его как отличного специалиста и воспитателя и не находит на крейсере лучшей кандидатуры на должность старшего помощника: нынешний его старпом следующей осенью поступает в академию.

Другой посетитель — наладчик электронно-вычислительных машин Георгий Сергеевич Терехин. Вопрос, с которым он обращается, сформулирован так: «О сокращении количества ЭВМ на кораблях и пунктах управления».

Корабли сейчас буквально напичканы электроникой, она поставляет столько информации, что не только человек не успевает ее осмыслить, но подчас и сами эти «мыслящие» машины. Вниру бы увеличивать их количество, и наверное, увеличили бы еще, но неизменно возникает проблема: куда их ставить? А вот Терехин предлагает сократить. Парадокс? А может, это и есть выход из положения?

Третий из заинтересовавших Малинина посетителей — слесарь-сантехник домоуправления Никаноров придет с предложением, как лучше напоить город и флот. Это тоже очень важная проблема, хотя и сезонная. Зимой и городу и флоту воды хватает, но с весны и до поздней осени за счет приезжающих к морю «дикарей» население города почти утраивается, к тому же именно в это время много воды идет на полив садовых участков, и ее катастрофичес-

ки не хватает. Поэтому летом водопровод в городе работает только утром и вечером по два часа.

Воду искали многие министерства и ведомства, просверлили бурами все окрестности, но так и не нашли. Не раз уже обсуждался вопрос о том, чтобы снова закрыть город, но ведь тяга людей к морю не мода, а забота о здоровье, и главным образом о здоровье детей. Правительство находит возможность в летние месяцы почти утроить снабжение города продовольствием, а вот с водой дело обстоит хуже некуда.

Может, у этого сантехника из домоуправления действительно есть толковые предложения по радикальному решению этой проблемы? Для компетентного решения надо пригласить на прием специалистов из городского управления — как оно там называется? Кажется, управление водоснабжения и канализации. Александр Михайлович намеревался сделать это еще утром, но помешало неожиданное для него самого решение поехать на учения тыла отдаленной базы. И в разговоре по телефону со своим первым заместителем вице-адмиралом Михаилом Пантелеевичем Завьяловым командующий как-то забыл попросить его пригласить на прием компетентного представителя этой организации. Вспомнив об этом уже после взлета, Александр Михайлович тут же, прямо из вертолета, связался с Завьяловым. Но тот и без напоминания догадался пригласить и этого представителя, и Малинин в который уж раз убедился, что с первым заместителем ему повезло.

Секретарь Военного совета по списку, строго соблюдая очередность, приглашал посетителей одного за другим, направляя их прямо к Малинину и досадуя на то, что такой порядок лишь затягивает время приема. Все равно от командующего посетитель пойдет к одному из его заместителей и тот вполне компетентно решит вопрос или объяснит невозможность его решения. Но такова уж психология людей: если уж «сам» что-то пообещает, то это будет сделано. И с приходом нового командующего, умевшего держать свое слово, поток посетителей возрос более чем в два раза. На столько же возрос и объем работы секретаря Военного совета, но он не роптал, убеждаясь, что новый командующий не играет в демократизм, а действительно старается во всем разобраться и, по возможности, помочь людям.

Наладчик электронно-вычислительных машин Терехин был в списке девятым. Он пришел с объемистым портфелем, поставив его на колени, расстегнул замки, но доставать ничего не стал, а спросил:

— Вы знаете, кто самые большие бездельники на флоте?

Малинин пожал плечами.

— Так вот, самые большие бездельники — электронно-вычислительные машины.

— Час от часу не легче! Мало людей-бездельников, так теперь еще и машины! — удивился Александр Михайлович.

— Вот именно, — подтвердил Терехин и пояснил: — Дело тут вот в чем. Мы сейчас взяли курс на интенсификацию труда и повышение его производительности. В этом смысле есть еще резервы и у людей, но у машин этих резервов больше. Вот смотрите. — Он начал извлекать из портфеля схемы и раскладывать их на столе. — У нас что ни программа, то машина. Но ведь корабль ту или иную задачу решает не круглосуточно. Он решает то одну, то другую, и, следовательно, в какой-то данный момент работает лишь одна машина, а остальные простаивают. Но ведь можно в одну машину заложить такую универсальную программу, которая будет решать все задачи.

— Так за чем же дело стало?

— Тут есть одна тонкость. Все знают, что «умной» машину делает программист. Но не все знают, что программисты бывают разные. Есть проблемные программисты, которые непосредственно закладывают в машину ту или иную программу, а есть системные программисты. Они считаются более одаренными, потому что, если говорить несколько упрощенно, как бы задают программу проблемным программистам. Но это сущая ерунда, потому что и те и другие вроде как замок и ключ к нему. Одно без другого бессмысленно. Это все равно что у меня будет только замок, — Терехин похлопал ладонью по замку портфеля, — а у вас, извините, только ключ. Чтобы открыть портфель, нам обязательно надо встретиться. А у нас системные и проблемные программисты разобщены! — Терехин почему-то вознес перст к потолку, полагая, наверное, что этим привлечет больше внимания к последнему факту.

Но Малинин и без того слушал внимательно, однако насторожился, когда Терехин сказал:

— Закладывая в машину ту или иную программу, про-

блемщик порой не знает, какие еще есть разработки по этой программе, может быть даже более совершенные.

— А разве нет какого-нибудь информационного центра, где можно было бы об этом узнать? — удивился Александр Михайлович.

— Есть. Называется этот центр Государственным фондом алгоритмов и программ. Но беда в том, что не все разработки туда попадают.

— Почему?

— Потому что системный программист, сдав туда разработку, не знает, когда она будет внедрена и будет ли внедрена вообще. Ну и немаловажную роль играет и тот факт, что он за нее ничего не получит. Он сидит на окладе и материально не заинтересован в такой разработке, им движет голый энтузиазм. Поэтому ему выгоднее отдать ее непосредственному потребителю, то есть какой-либо отрасли или даже заводу. Кстати, помимо того, что они ее быстро внедрят, они выплатят за нее и материальное вознаграждение. А флот — не какая-нибудь общепитовская контора, у нас машины выполняют специфические задачи, и не каждый системный программист только на свой страх и риск возьмется за ту или иную разработку по нашим темам.

— Что вы предлагаете?

— Соединить ключ с замком. Вот тут я сделал кое-какие расчеты. — Терехин протянул командующему перфорированный лист бумаги с колонками цифр. Стало быть, расчеты он делал на ЭВМ.

Но Александр Михайлович отложил лист в сторонку и сказал:

— Извините, Георгий Сергеевич, но вот так, на бегу, я вряд ли разберусь, насколько все ваши расчеты точны и реальны. Если вы не возражаете, я приму еще двоих посетителей, а потом мы где-нибудь уединимся и побеседуем без помех и более обстоятельно.

— Да, конечно, тут много людей, а следовательно, и шума. Трудно сосредоточиться, — согласился Терехин, засовывая в портфель расчеты и схемы.

— Пригласите товарища... — командующий заглянул в список, — Никаноров Иван Савельевич.

К его немалому удивлению, Никаноров пришел тоже с портфелем. Правда, его портфель был настолько потерт, что теперь уже трудно было установить его первоздан... цвет. Должно быть, Никаноров не один год таскал в нем разводные ключи, прокладки, краны.

— Мичман
решите сесть, то
— Да, пожал
— Есть! —
ясь, точно опуст
доклада, прикин
ля тоже схемы и
— Разрешите
Никаноров вскоч
— Да вы сяд
— Извините,
ясь на стул.
— Недавно ув
— Да давнень
лось. Все-таки д
— Спасибо за
вич.

Никаноров каш
— Вот все сч
тает, а по-моему,
лишки образуются
ком много у нас е
за год ее утекло
другими слесарями
Данные по своему
вот что вышло по
Малинину листок с

Он был аккурат
ми на несколько г
рыв труб», «прочие
ставлены цифры в
бесполезно утекаю
истине астрономичес

— Если вы обра
Игорь ткнул пальце
тась, что больше все
Они чаще всего выхо
ко заводов, мы в осн
вот какая конструкц
схему, по расстилать
фель. — Ну, вам в
конструкции, по там
строя. Я тут малость

— Мичман запаса Никаноров! — доложил он. — Разрешите сесть, товарищ командующий?

— Да, пожалуйста.

— Есть! — бодро ответил Никаноров и, не оборачиваясь, точно опустился на стул. Видимо, он заранее, еще до доклада, прикинул расстояние до него.

К изумлению Малинина, Никаноров извлек из портфеля тоже схемы и листок с колонками цифр.

— Разрешите докладывать, товарищ командующий? — Никаноров вскочил со стула.

— Да вы сидите, Иван Савельевич.

— Извините, — смущенно сказал Никаноров, опускаясь на стул.

— Недавно уволились в запас?

— Да давненько уже: девятый год пошел. А вот въелось. Все-таки двадцать пять календарных отслужил.

— Спасибо за службу. Я вас слушаю, Иван Савельевич.

Никаноров кашлянул в кулак и начал:

— Вот все считают, что у нас в городе воды не хватает, а по-моему, у нас ее не только хватит, но даже излишки образуются, если к делу с головой подойти. Слишком много у нас ее зазря утекает. Вот я посчитал, сколько за год ее утекло только по нашему жэку. Потолковал с другими слесарями, у них примерно столько же получается. Данные по своему жэку я перемножил на все конторы, и вот что вышло по всему городу. — Никаноров протянул Малинину листок с расчетами.

Он был аккуратно разделен синими и красными линиями на несколько граф: «краны», «сливные бачки», «прорыв труб», «прочие неисправности»... В каждой графе проставлены цифры в кубометрах. Глянув в итоговую графу бесполезно утекающей воды, Малинин был поражен поистине астрономической цифрой.

— Если вы обратите внимание на эту графу, — Никаноров ткнул пальцем в листок с расчетами, — то убедитесь, что больше всего воды утекает через сливные бачки. Они чаще всего выходят из строя. Их изготовляет несколько заводов, мы в основном получаем с ленинградского. Тут вот какая конструкция. — Никаноров развернул и показал схему, но расстилать ее на столе не стал, а сунул в портфель. — Ну, вам в это вникать незачем, есть и другие конструкции, но там тоже арматура быстро выходит из строя. Я тут малость покумекал и предлагаю более про-

стую и более надежную. — Он показал другую схему и тоже сунул ее в портфель. — Я не стал бы вас беспокоить, товарищ командующий, но еще полгода назад я послал на три завода-изготовителя свои предложения и ни от одного из них не получил ни ответа ни привета.

«Небось там тоже чистоплюи сидят, — подумал Малинин, вспомнив разговор Завьялова с конструкторами ракет. — Или не хотят, чтобы разработанную учеными мужами от сантехники столь несовершенную арматуру заменить другой, придуманной каким-то слесарем из ЖЭКа? Сколько мы еще теряем на том, что кто-то, вцепившись в служебное «стуло», упрямо отстаивает честь давно уже изъеденного молью мундира!»

— Вот я и подумал, — продолжал Никаноров, — раз заводы не хотят менять конструкцию, то мы и без них обойдемся. Наладить производство арматуры у нас в городе будет несложно. Бачки нам делать не надо, мы будем получать их с завода и только менять арматуру. Надо лишь, чтобы у нас был один поставщик, а не разные.

— А их арматуру будем выбрасывать? — спросил Терехин, внимательно слушавший их разговор.

— Кое-что, например поплавок, мы можем использовать нашее.

— А не проще ли договориться с заводом, чтобы он поставлял нам бачки без арматуры, а мы будем ставить на них свою?

— Не согласятся они, у них же тогда план по валу сгорит.

Малинин подозвал начальника Дома офицеров:

— У вас не найдется свободной комнаты?

— Методический кабинет свободен.

— Вот и проводите туда товарищей, — сказал Малинин и попросил Терехина: — Пожалуйста, проверьте расчеты Ивана Савельевича и вместе подумайте, что мы можем сделать. Да, — вспомнил Малинин, — у нас же где-то здесь есть представитель управления водоснабжения и канализации.

Представителя нашли, и они втроем ушли в методический кабинет, а командующий попросил пригласить капитана третьего ранга Верхолетова.

— Мне не совсем ясны причины, по которым вы хотите перевестись на другой флот. Причем на любой другой. Что вам не нравится наш?

— Наоборот, мне бы не хотелось уходить отсюда, но обстоятельства вынуждают.

— Кто-нибудь в
мал? — спросил М
двое детей. Переводы
семьи были не столь
— Нет, все здор
сказал: — Тут при
ствия.

— А ну-ка пойдем

Когда они зашли
Малинин спросил:

— Так что же за

— Вообще-то я е
и не сказал о ней
сказать, иначе и вы
тов немного помялся
меня полный разлад.

— Вот даже как?!

— Вы не подумай
ну, как это часто бы
мы поняли, что охлад
двое детей. Ну, сначал
сохранить семью. Пото
неприязнь постепенно
ничего плохого сказать
ные мы с нею люди, и
сто невыносимой. А гл
и чувствовать. Казалос
разойтись. Сначала мы
дети! Они же будут чу
больные старушки на
самым еще больше тра
что лучше мне перевест
мают, что я там жду п
сать не стану. А на вре
а теперь, к моей матери
Слушая Верхолетова
себя на том, что сочувс
стывать, что существу
шего употребляем, а все
шься», «не сошлись ха
мышка на парткомиссии
ейное разложение». А
ельства сложатся
ных, когда совм
нарной, по

— Кто-нибудь в семье заболел и ему не подходит климат? — спросил Малинин, вспомнив, что у Верхолетова двое детей. Переводы по причине болезни одного из членов семьи были не столь уж редкими.

— Нет, все здоровы. — Верхолетов огляпулся и тихо сказал: — Тут причина более деликатного, что ли, свойства.

— А ну-ка пойдемте со мной.

Когда они зашли в кабинет начальника Дома офицеров, Малинин спросил:

— Так что же за причина?

— Вообще-то я ее стараюсь держать в секрете, потому и не сказал о ней командиру корабля. А вам придется сказать, иначе и вы не согласитесь на перевод. — Верхолетов немного помялся и решительно заявил: — В семье у меня полный разлад. Мы с женой ненавидим друг друга.

— Вот даже как?!

— Вы не подумайте, что кто-то из нас один виноват, ну, как это часто бывает... Нет, тут все сложнее. Когда мы поняли, что охладели друг к другу, у нас уже было двое детей. Ну, сначала не подавали виду, терпели, чтобы сохранить семью. Потом начались взаимные обиды, упреки, неприязнь постепенно перерастала в ненависть. Я не хочу ничего плохого сказать о моей жене, но слишком уж разные мы с нею люди, и наша совместная жизнь стала просто невыносимой. А главное, дети начали многое замечать и чувствовать. Казалось бы, выход есть самый простой — развестись. Сначала мы так и решили. Но ведь опять же дети! Они же будут чувствовать себя ущемленными, а сердобольные старушки на скамеечках начнут их жалеть и тем самым еще больше травмировать. Поэтому мы и решили, что лучше мне перевестись на другой флот. Пусть все думают, что я там жду получения квартиры, но я ее и просить не стану. А на время моего отпуска буду брать детей в деревню, к моей матери...

Слушая Верхолетова, Александр Михайлович поймал себя на том, что сочувствует ему. «Мы как-то перестали учитывать, что существует любовь, даже слово это уже редко употребляем, а все чаще говорим: «сошелся», «разошелся», «не сошлись характерами». И спешим вытащить человека на парткомиссию и влепить ему выговор «за моральное разложение». А если никакого разложения нет, а обстоятельства сложатся вот таким образом, как у Верхолетовых, когда совместная жизнь становится не только кошмарной, но и преступной? А ведь иной, опасаясь полу-

чить выговор и испортить карьеру, так и будет всю жизнь терпеть и сам мучиться и мучить других... — И вдруг подумал: — А если он просто хочет сбежать от семьи? Начнется у него «вольная» жизнь, и загуляет он во всю...»

Малинин стал разглядывать Верхолетова. Не красавец, но и не урод, лицо обыкновенное, каких встречается много. Подстрижен коротко, не в пример пышным флотским пижонам. Форма подогнана по фигуре, видно, что аккуратен, но без щегольства, свойственного ловеласам. Держится с достоинством, хотя и несколько смущен тем, что вынужден посвящать в свои интимные дела постороннего человека. Взгляд прямой и открытый, хотя и грустный. Нет, так притвориться нельзя, иначе надо быть очень хорошим актером.

Александру Михайловичу понравилось, что Верхолетов не стал сваливать всю вину на жену, не сказал о ней ничего дурного. Видимо, решение они приняли правильное, но что же будет дальше? Ведь оба они еще молодые.

— Вам сколько лет? — спросил Александр Михайлович.

— Тридцать четыре.

— И что же вы, так и будете до самой старости жить один?

— Мы договорились с женой, что предоставляем друг другу полную свободу.

— Да ведь договор-то у вас получается неравноправный. Допустим, там, куда вы поедете служить, вам встретится женщина по душе. Вы-то можете жить с нею, а как быть вашей жене, если ей тоже кто-то понравится? Бросить детей она не может, привести в дом чужого человека тоже не может, чтобы не травмировать детей. Вы об этом подумали?

Верхолетов посмотрел на командующего удивленно и ответил растерянно:

— Нет. Признаться, мы как-то не допускали, что обстоятельства могут сложиться таким образом.

— Но ведь могут! Так что обсудите с женой и такой вариант. А против вашего перевода на другой флот я в принципе не возражаю.

— Спасибо, товарищ командующий.

Пока Малинин разговаривал с Верхолетовым, Терехин успел проверить расчеты Никанорова, а представитель управления водоснабжения составил проект письма в министерство коммунального хозяйства республики. Поблагода-

рив Никанорова и пообещав информировать его о том, как будет продвигаться его предложение, Малинин вопросительно взглянул на вошедшего в комнату начальника Дома офицеров. Тот сообщил, что командующего просит к телефону вице-адмирал Завьялов.

— Тут пришла радиограмма от Еремеева, — доложил Завьялов. — Вам надо принять по ней решение сегодня же.

— Хорошо, выезжаю.

Малинин поехал в штаб. Зная, что Еремеев ушел в море на «Стремительном», он терялся в догадках, что же там могло произойти.

Когда он прочитал шифровку Еремеева, Завьялов сообщил:

— Еремеев дал на корабли своего соединения указание не использовать реактивные глубинные бомбы этой партии изготовления.

— И правильно сделал. Надо такое же указание срочно дать по всему флоту.

— Я уже подготовил. — Завьялов вынул из папки и положил перед командующим листок с текстом радиограммы. Тот, прочитав, подписал ее. — Через три часа должны начаться учения по противолодочной обороне в соединении контр-адмирала Горина, и тоже с применением РБУ. Я предлагаю отложить их на сутки.

— Согласен. Надо все реактивные бомбы этой партии изготовления снять с кораблей и назначить компетентную комиссию для расследования, включив в нее военного представителя с завода-изготовителя.

— Я тут прикинул, кого в нее включить. — Завьялов вынул из папки и положил на стол список членов комиссии. В списке значились именно те люди, которые и были нужны, в том числе и военпред с завода.

— Что надо еще решить сегодня? — спросил Малинин.

— Остальное — мелочи, я с ними сам разберусь и завтра доложу.

— И будешь сидеть всю ночь? Нет уж, давай вместе разбираться.

Но оказалось, что в большинстве более мелких дел Завьялов уже разобрался и отдал соответствующие распоряжения, ждал лишь докладов об исполнении.

— Поехали по домам, — предложил командующий.

Но не успели они одеться, как зашел член Военного совета Бородулин и сообщил:

Звонил контр-адмирал Кулешов. У командира «Стремительного» капитана третьего ранга Гвоздева при родах умерла жена. Ребенок жив.

Малинин тотчас связался по селектору с оперативным дежурным флота:

— Прикажите «Стремительному» немедленно возвращаться в базу.

Отключившись от оперативного, Александр Михайлович долго сидел в задумчивости, размышляя о Гвоздеве, его докладе о состоянии дел на корабле, его настойчивом желании поскорее выйти в море.

— Вот что, Николай Васильевич, — сказал он Бородулину, — пошлите-ка радиограмму Еремееву, пусть как-то там подготовит Гвоздева. А Кулешов пусть сделает все, что положено в таких случаях: вызовет родственников, встретит их, все организует к похоронам...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Мальчик родился крупный, росту в нем было пятьдесят четыре сантиметра, а весу — четыре килограмма шестьсот семьдесят граммов. Может, поэтому и рождался трудно, врачам пришлось прибегнуть к кесареву сечению.

Казалось, Полина перенесла операцию сносно, лишь один раз у нее начал пропадать пульс, но его быстро восстановили. В обед она даже выпила чашку бульона. Но к вечеру ее состояние резко ухудшилось, и, несмотря на все принятые меры, спасти ее не удалось.

Когда Валя Новосельцева заступила на дежурство, Полину уже отнесли в морг. Валя, вспомнив, что Гвоздев оставил ей телефон дежурного, тут же позвонила ему. Оказалось, дежурный уже все знал и сообщил, что в госпиталь только что выехал сам контр-адмирал Кулешов. Валя побежала вниз, чтобы предупредить об этом начальника госпиталя, но адмирал был уже там. Вместе с ним приехал и Константин Анисимович Варфоломеев, в последнее время раза три или четыре приносивший Полине передачи. Сейчас, увидев Валю, он растерянно спросил:

— Как же это, а?

Валя пожала плечами и напомнила:

— Родственникам надо бы сообщить.

— Так ведь у нее родни-то и не было, детдомовская она. А у Вениамина мать и сестра живут на Урале, где-то в Челябинской области, однако, где именно, не знаю.

— Уже запросили облвоенкомат, — сообщил адмирал, — но ответа пока нет.

— А может, конверты поискать с обратным адресом? — посоветовал Константин Анисимович. — Я знаю, что сестра писала Вениамину.

— Тогда придется вскрывать квартиру, — засомневался было адмирал.

— Так ведь все равно придется, — вздохнул Варфоломеев. — У нее с собой ключи должны быть. — И, повернувшись к Вале, сказал: — Ну-ка, девушка, погляди в палате. В тумбочке или еще где у вас там...

Валя мигом взбежала на свой четвертый этаж, но, по мере того как она приближалась к палате, в которой лежала Полина, шаги ее как-то невольно замедлялись, она боялась туда входить, хотя и знала, что Гвоздева умерла не в этой палате, а в реанимационной.

Конечно, Валя Новоселькова работала в госпитале и готовилась стать врачом, но она ужасно боялась покойников и, даже когда хоронили ее мать, старалась не смотреть на нее, взглянула лишь один раз, когда гроб уже стали закрывать. А потом приколачивали крышку гвоздями, и каждый удар молотка звучал так оглушительно, как будто возле са́мого уха стреляли из пушки.

В палате осталось всего три кровати, четвертую, на которой лежала Полина Гвоздева, вынесли, и в правом углу у окна образовалось пустое пространство, оно казалось сейчас огромным и мрачным, а тумбочка возле подоконника — сиротливо-одинокой. Все женщины в этой палате уже родили, им полагалось сейчас спать, но они даже не лежали, а все трое сидели на одной, первой от двери, кровати, завернувшись каждая в свое одеяло, и, видимо, говорили о Полине. При появлении Вали примолкли и выжидательно смотрели на нее, как показалось Вале — с укором.

— Мне велено ключи от ее квартиры поискать, — смущенно сказала Валя и с надеждой спросила: — Может, кто из вас видел их?

Но они промолчали, и Валя направилась к тумбочке и уже присела перед ней, не решаясь открыть ее сразу.

— Погляди у нее в кошельке или в косметичке, — раздалось за ее спиной.

Просто открыть тумбочку и то было страшно, а лезть в косметичку — нет, это было уже выше ее сил. Теперь

Ей показалось, что за дверцей тумбочки она увидит лишь ужасную черную пустоту, за которой уже ничего нет и никогда не будет. Она едва не вскрикнула, однако сумела сдержаться, чтобы не пугать и без того перепуганных женщин.

Дрожащей рукой Валя открыла дверцу тумбочки и боязливо заглянула внутрь. Ни кошелька, ни косметической сумочки не было видно, в верхнем отделении лежали мыльница, расческа, зубная щетка в зеленом футлярчике и тюбик пасты «Поморин». Еще стояли в красивой коробочке флакон французских духов, пузырек валерьяновых капель, чайная чашка и блюдце с мельхиоровой ложечкой, пачка цейлонского чая и банка индийского растворимого кофе.

В нижнем отделении с одной стороны аккуратной стопочкой было сложено белье, а с другой — три последних номера журнала «Иностранная литература», записная книжка и донельзя затрепанный том «Краткой медицинской энциклопедии». За ним-то и обнаружила Валя кошелек и косметичку. Открыв ее, осторожно вынула круглую серебряную пудреницу, носовой платок, патрончик губной помады и в самом низу нашла ключи. Их было три, прицепленных к металлическому кольцу. Валя боязливо, двумя пальцами вытянула их за это кольцо и опустила в карман халата. На всякий случай прихватила и записную книжечку.

Вот за эту книжечку и ухватился Константин Анисимович:

— Тут должен быть адрес, потому что, когда Вениамин уходил в море, Полина сама посылала деньги его матери.— Полистав книжечку, нашел нужную страницу: — Вот и адрес: Челябинская область, деревня Сафоново. Гвоздева Аграфена Севастьяновна и Шумова Татьяна Александровна, надо полагать, у сестры-то фамилия мужняя.

Адмирал тут же куда-то позвонил и продиктовал адрес, фамилии и текст телеграммы.

2

Контр-адмирал Василий Петрович Еремеев, получив шифровку о срочном возвращении «Стремительного» в базу, решил, что корабль возвращают, чтобы разобраться в причинах отклонения от цели реактивной бомбы. Но вскоре радист принес другую радиограмму:

Еремееву, Афанасьеву

При родах скончалась жена Гвоздева. Сын жив. По возможности подготовьте Гвоздева до прихода в базу.

Бородулин.

Еремеев растерянно гляпул на матроса, тот грустно покачал головой и указал взглядом на радиограмму, напоминая, что надо расписаться. Поставив в уголке подпись, Василий Петрович предупредил:

— Чтобы никто...

— Как можно! — обиделся радист.

Да, уж кого-кого, а его не стоило предупреждать...

— Пригласите ко мне замполита.

Недавно назначенный заместителем командира «Стремительного» по политической части капитан третьего ранга Афанасьев не знал, как подготовить командира к столь печальному сообщению.

— Когда оштвартуется, вас может позвать командир базы с прокладкой курса и калькой маневрирования... — единственное, что сумел сказать Гвоздеву и Еремеев.

Это не вызвало ни удивления у Гвоздева, ни тревоги, так было всегда: после похода командир, замполит и штурман являлись в штаб с прокладкой и калькой маневрирования, а у Еремеева оставалось чувство вины и беспомощности. Выходило, что всю тяжесть объяснения с Гвоздевым он перекладывал на командира базы контр-адмирала Кулешова...

Миновали поворотный буй, и большой противолодочный корабль лег на входной створ. Прямо по носу открылась вся бухта. Раскинувшийся на побережье городок был весь в снегу и как бы прикорнул в полудреме, лишь окраина его жила бурно: там патыканы ажурные стрелы кранов, зияют над котлованами клыкастые пасти экскаваторных ковшей, выбрасывающих скалистый грунт, копошатся люди в клетях строительных лесов, опутавших строящиеся дома.

Еремеев невольно остановил взгляд на втором доме слева. Именно в этом доме, который предназначался для офицеров и мичманов «Стремительного», в связи с рождением ребенка должен был получить отдельную квартиру капитан третьего ранга Гвоздев...

Вспомнив об этом, Василий Петрович опять испытал чувство стыда и неловкости и заранее мысленно повинился перед контр-адмиралом Кулешовым: «Не придумали мы, как об этом сказать поделикатнее».

А корабль уже приближался к причалу, и простым, не вооруженным оптикой глазом можно было подробнее разглядеть все, что делается на берегу.

— Смотрите-ка, наш-то дом вроде бы подрос, — с гордостью заметил лейтенант Самохвалов.

Вахтенный офицер капитан-лейтенант Геннадий Петров поправил очки, покосился на командира и вздохнул:

— Может, и мне комнатка найдется.

«Найдется», — мысленно ответил ему Гвоздев, но вслух ничего не сказал, чтобы не сглазить утвержденный еще до похода план заселения дома. И дело тут было вовсе не в суеверии, а в опыте: иногда хозяйственники ломали эти планы настолько доказательно, что им и возразить было нечего. «А Геннадию в любом случае надо выхлопотать хотя бы комнатенку», — твердо решил Гвоздев.

Капитан-лейтенант Петров два года назад женился на студентке консерватории. Теперь-то она уже солистка какого-то ансамбля, но до сих пор живет в Ленинграде, ожидая, когда муж получит хоть какую-нибудь жилплощадь.

— По местам стоять, на якоря становиться! — скомандовал Гвоздев и, намеренно отвернувшись от вахтенного офицера, навострил уши. Вообще-то «духов», как еще в старом флоте называли механиков, вахтенными офицерами не назначали. Преобразившись из прокопченных в машинном отделении «духов» в стерильно-чистых электронщиков, механики и теперь не удостаивались чести нести вахту на мостиках. Назначение Петрова вахтенным офицером, да еще при швартовке, вызвало не только недоумение, но и серьезные опасения.

Однако Гвоздев знал, что делает, предвидел и эти опасения, потому и посоветовался прежде с Калистратовым и Афанасьевым.

Замполит сказал:

— Сейчас это полезно и для дела, и для самого Петрова. Однако надо бы подстраховать его, все-таки первый раз.

Калистратов глянул на замполита сочувственно, почесал затылок и решительно заявил:

— Не надо страховать! Он сам отлично управится, без пятнек. — И, словно бы подчеркивая, что сейчас нисколько не волнуется, старпом рассказывает Самохвалову очередную байку: — Один старый мастер часто ругал собственные изделия. «Зачем ты это делаешь?» — спросил его менее искусный ремесленник, громко расхваливающий свой товар на всех рынках города. «Видишь ли, — ответил старик, — люди знают, что мастер врет, и только вещь говорит о нем правду».

— Понятно, — сказал Самохвалов и встревоженно посмотрел на своего дружка Геннадия Петрова.

Петров отдавал все необходимые распоряжения в должной последовательности и непререкаемо: в голосе его прорезались уверенные, командные нотки, вызвавшие у всех находящихся на мостике немалое удивление и беспокойство.

Но Петров ничего не перепутал, и все облегченно вздохнули, когда он вовремя приказал отдать оба якоря.

На причале кроме Кулешова их встречали член Военного совета вице-адмирал Бородулин и корреспондент флотской газеты капитан-лейтенант Волжанин. Причину появления их в базе объяснять Василию Петровичу Еремееву было не нужно, он с благодарностью подумал, что Бородулин очень кстати прихватил с собой Виктора Волжанина.

Виктор три года был замполитом «Стремительного» и иногда писал во флотскую газету, там нет-нет да и публиковались его корреспонденции и очерки. Возможно, в литературном отношении они и уступали публикациям профессиональных флотских журналистов, но были интереснее самим материалом: они шли от жизни и были острее. И когда корабль стал в заводской док, редактор флотской газеты переманил Виктора к себе, убедив, что его призвание — именно журналистика. Гвоздев расценил это чуть ли не как предательство, но дружеские отношения между ними сохранились.

Когда вывалили с правого борта трап и спустили катер, Еремеев сел в него. Сойдя на причале и доложив, как положено, члену Военного совета, он виновато добавил:

— Мы еще ничего не сказали Гвоздеву. Просто не нашли, как лучше.

— Ну что же. — Бородулин повернулся к Волжанину: — Придется это сделать вам.

Волжанин кивнул и в штаб вместе с адмиралами не пошел, а решил подождать Гвоздева у входа. Виктор и сам был настолько потрясен случившимся, что не сразу пришел в себя. «А что же будет с Вениамином, когда он узнает? И как же все-таки ему сказать об этом?» — размышлял он.

Сначала он решил сообщить Вениамину, что у него родился сын. Потом дать ему поостыть от радости и сказать, что приехала его мать, потому что здоровье Полины вызывает опасения. Ну а потом уж действовать по обстановке...

А Гвоздев тем временем, уложив в ледериновый «патрон» ходовые карты и собрав в папку кальки маневрирования и выписки из вахтенных журналов, стал переодеваться. Меняя рабочее обмундирование на береговое, он уловил тонкий аромат духов и вспомнил, как Полина, прощаясь с ним в госпитале, слегка смочила духами лацканы тужурки.

— Зачем? — спросил он, зная, что его тужурка на все время плавания останется висеть в шкафу.

— Чтобы там, в море, ты почаще вспоминал нас, — сказала Полина и погладила живот. — Это очень стойкие духи. Французские, «Шанель» номер шесть. Помнишь, я их в Москве купила?

Он не помнил. Тогда у них между поездами оставалось восемь часов. Эти часы Полина употребила на то, чтобы приобрести в «Детском мире» все необходимое ребенку, обежала еще несколько магазинов, но ни в один из них Вениамин не заходил и потому накурился до штормовой тошноты, ожидая ее у входов в универмаги, успевая лишь в ближайших их окрестностях обозреть столицу.

Подходя к штабу, он еще издали увидел возле часового Виктора Волжанина, нетерпеливо мерявшего тагами особенно ухоженный здесь тротуар, и удивился. Еще более удивился, когда разглядел бледное лицо Виктора.

— Ты, Веня, туда не ходи. — Волжанин кивнул на здание штаба. — Не к спеху. Лучше поедем домой.

— А как же разбор? И это? — Гвоздев поднял «патрон» с ходовыми картами и папку с остальными документами.

— Это потом, — отмахнулся Виктор и передал весь багаж выскочившему из подъезда лейтенанту Самохвалову.

«А этот как тут оказался? — недоумевал Гвоздев. Самохвалов должен был оставаться на борту и без разрешения командира боевой части не имел права сойти на берег. — Разболтался парень, а все потому, что старший помощник слишком уж благоволит ему».

И уж совсем встревожился Гвоздев, когда после этого Волжанин сунул его в черную «Волгу» и властно сказал водителю, старшему матросу, прославившемуся на всю базу стойкой молчаливостью и неприступностью:

— Давай жми, парень, к нему домой.

Тревога не помешала Гвоздеву заметить, что двое матросов на КПП поспешно распахнули перед машиной литые чугунные ворота с тяжелыми якорями на каждой их половине, через которые сам контр-адмирал Кулешов проез-

жал лишь после тщательной проверки документов, хотя даже самый молодой матрос знал его в лицо.

И когда водитель безошибочно повел по колдобинам машину именно к деревянному, уже с облезлой краской, неблагоустроенному финскому домику Гвоздева, куда адмиральская «Волга» сроду и не заезжала, Вениамин спросил у Виктора:

— Что-то случилось?

Волжанин пожевал губы, выждал, пока миновали очередную колдобину, и уже на ровном месте тихо подтвердил:

— Да, Веня, случилось.

3

На похороны собралось чуть ли не полгородка, особенно много было моряков. Порой надрывно-скорбно, а чаще тихо и жалобно, еще более раздирая душу, рыдали трубы духового оркестра, кричали и стонали в небе вспугнутые музыкой чайки.

Из родни прилетела только мать Гвоздева Аграфена Севастьяновна. Это была маленькая и сухонькая старушка с исхлестанным морщинами лицом, из-под черного платка выбивались жиденькие седые пряди волос. Ее вели под руки сын Вениамин и отставной мичман Варфоломеев, рядом с ними шел и терапевт из госпиталя с дежурной сумкой, набитой лекарствами.

Валя Новосельцева держалась поодаль, она все еще боялась смотреть на покойницу, да и не хотела: лучше пусть останется в памяти Полина такой, какой Валя видела ее в последний раз.

Вице-адмирал Бородулин, как все поняли, специально прилетевший на эту печальную церемонию, сказал речь, но почему-то он больше говорил не о самой Полине Поликарповне Гвоздевой, а вообще о женах моряков, об их нелегкой доле и даже назвал их жизнь подвигом. Зато Константин Анисимович Варфоломеев рассказывал только о Полине, перечислил все ее достоинства и как жены моряка, и как хозяйки, и как человека вообще. Валя с ним была согласна, потому что за эти полтора месяца не только хорошо узнала Гвоздеву, а и, можно сказать, подружилась с ней. Потом еще говорили две женщины: одна от работы (Полина работала на ТЭЦ инженером), а другая, должно быть, соседка.

Когда Валя услышала, как заколачивают гроб, то вспомнила свою мать и заплакала. Вслед за другими бросила в

могилу горсть мерзлой земли, а когда начали засыпать могилу лопатами и комья глухо застучали о крышку, отошла еще дальше, чтобы не слышать этого стука. Так и стояла поодаль и оставалась, пока не насыпали и не разровняли над могилой холмик и не уложили венки. Мать Гвоздева Агрофену Севастьяновну опять под руки отвели в стоящую неподалеку адмиральскую машину, и едва она отъехала, как и все остальные начали расходиться. Сначала строем прошел духовой оркестр, а за ним потянулись и остальные. Вокруг могилы остался большой утоптанный круг; на чистом, выпавшем этой ночью снегу следы людей казались особенно грязными; Валю это покоробило, и она опять заплакала.

Могила ее матери находилась на другом конце кладбища, дорожки давно не расчищали, и Вале пришлось брести по колено в снегу. Сметя варежкой снег со скамеечки, поставленной ею прошлым летом, Валя собралась было сесть, но услышала сзади чье-то тяжелое дыхание и обернулась. Мичман Варфоломеев, стараясь попадать в оставленные ею следы, балансируя руками, приближался к ней. Добравшись до скамейки, сел рядом и сказал:

— Ну и шажок же у вас! — сдернул ботинок и, выгребая из него снег, спросил: — У вас тут кто похоронен?

— Мама.

— Вон оно что! — Варфоломеев снял шапку, надел ботинок, привстал и поклонился.

Почему-то это растрогало Валю, и она неожиданно для себя стала рассказывать, как они жили с матерью в Москве, как отец нашел их, как приехали сюда. Когда она сказала, что отец погиб три года назад, спасая смытого волной за борт матроса, Варфоломеев спросил:

— Так ты Новосельцева?

— Да.

— Знал я твоего отца. Хороший был человек. Теперь-то его все знают на флоте. Его урок запомнят надолго.

— Какой урок? — не поняла Валя.

— Ну, как же... Мы вот внушаем матросам: сам погибай, а товарища выручай. Особенно отличаем тех, кто не пожалел жизни для спасения своего командира. А о том, что и командир должен не жалеть жизни для спасения своего подчиненного, напоминаем как-то редко. А ваш отец всем показал, что это не просто уставная обязанность, а прежде всего — человеческая. Потому-то и помнят о нем на флоте. А мать-то давно?..

— Через два месяца после его гибели... Инфаркт.

— Ну да, какое сердце столь бед выпесет... Стало быть, ты круглая сирота. Вот и Полинин мальчонка... Ах, Полина, Полинушка...

— Ей нельзя было рожать.

— Так ведь кто знал, что так получится?

— Она знала.

Варфоломеев удивленно посмотрел на Валю:

— Как это знала?

— А вот так и знала, что может быть и такой исход. И все-таки решилась.

— А Венька, то есть муж, знал?

— Вряд ли.

Мичман закурил. Он хватал дым торопливо и жадно, видимо, хотел им что-то заглушить в себе. Докурив сигарету до самого фильтра, сунул ее в сугроб и сказал:

— А ведь я пришел звать тебя на поминки.

— А сколько сейчас времени? — спохватилась Валя.

— Двенадцать минут третьего.

— Ой, мне бежать надо! Я ведь всего на полтора часа из садика отпросилась, пока дети спят. Скоро они проснутся, надо их напоить кефиром, одеть и вести на прогулку.

— Подменил бы кто.

— Да ведь некому. У нас две воспитательницы болеют.

4

Аграфена Севастьяновна пришла в тот же вечер, видимо сразу после поминок, в сопровождении Константина Анисимовича Варфоломеева. Скорее, он был не сопровождающим, а кем-то вроде переводчика, ибо Аграфена Севастьяновна сильно стеснялась, а Константин Анисимович, поймав ее робкий взгляд, переводил его на по-военному четкий, почти приказной язык:

— Мальчонку надо бы поглядеть!

— Его только что покормили, он спит. Лучше бы не будить, — возразила Валя.

— Тогда другое дело, — согласился было Константин Анисимович, но, глянув на Аграфену Севастьяновну, подозрительно спросил: — Чем кормили-то?

— А есть тут одна хорошая женщина, с Полиной в одной палате лежала, — пояснила Валя, — у нее молоко лишнее.

— Что за женщина? Надо поглядеть! — потребовал было строго Варфоломеев, но под взглядом Аграфены Сева-

стьяновны вдруг как-то сник и уже мягче осведомился: — А ему-то хватает?

— Хватает, — заверила Валя.

Усадив Аграфену Севастьяновну на диван, а сам прочно утвердившись на стуле, стоявшем по другую сторону стола дежурной медсестры, Варфоломеев по-военному коротко доложил Вале:

— Так вот, есть такое соображение: бабушка Аграфена заберет внука с собой.

— Да как же вы его повезете, трехдневного-то? — позмутилась Валя. И стала пояснять ничего не смыслящему в этих делах Варфоломееву: — И кто его там кормить будет? Есть у вас в деревне такие, кто только что родил и у кого лишнее молоко?

На этот раз Аграфена Севастьяновна ответила сама, без «переводчика», и довольно грустно:

— Ноне мало кто и в деревне-то рожает.

— Ну вот! — торжествующе, обращаясь не к бабушке, а именно к Варфоломееву, сказала Валя. — А если уж вы решили забрать младенца с собой, то подождите хотя бы месяц-другой. Дайте ему окрепнуть.

— Это так! — согласился Варфоломеев. — Как, бабушка, поживешь тут пару месяцев?

— А куда мне торопиться? — пожала остренькими плечиками Аграфена Севастьяновна. — Оно и правильно: мальчонке хоть маленько, а для дороги подрасти надо. Однако, девица, ты мне его покажи хоть, когда проснется.

И, видимо настроившись на долгое ожидание, старушка вдруг обессиленно откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза.

— Вам нехорошо? — встревожилась Валя и полезла в стоявший за спиной холодильник. — Я вам сейчас капель дам. Или лучше валидол?

— Сроду я никаких капель не пила, и не надо мне их, — отказалась Аграфена Севастьяновна. — Просто я маленечко приустала, так, если можно, прилягу ненадолго.

Валя мигом принесла из незаселенной палаты подушку и одеяло, аккуратно уложила старушку и только после этого сообразила: «Бабуля-то хотя с виду и сухонькая, но, видать, крепкая. Сюда летела с пересадкой чуть ли не двое суток, да еще похороны...»

Пока она укладывала старушку, Константин Анисимович успел перекурить на чердачной площадке, и сейчас от него несло густым запахом табака.

— Я так соображаю, — хриплым шепотом начал он, на-

клонясь через стол к Вале и дыша на нее смесью табака и винного перегара («Ну да, поминки же были», — тут же оправдала его Валя), — Аграфене Севастьяновне и верно лучше пожить здесь. И ей будет легче, и Вениамину не так одиноко. А внука ты ей все-таки покажи.

— Хорошо, — пообещала Валя и посоветовала: — А вы пока идите вниз, там в вестибюле есть кресло, тоже можете вздремнуть.

Наверное, Варфоломеев еще не дошел до вестибюля, как Валя уронила голову на стол, едва успев подложить под нее локти, и тотчас провалилась, как в пропасть, в глубокий, глухой сон.

Но даже из этой пропасти ее вытянул едва доносившийся из-за стены тоненький писк; скорее всего, он принадлежал сыну Полины Поликарповны, но у того голосочек хотя и тоже тоненький, но сильнее. Или Алевтинин? Не успела Валя сообразить, кому этот голосок принадлежит, как из дверей палаты выглянула Антонина Петровна:

— Это моя! Таня!

И не ошиблась: пищала именно ее девочка.

Накормив грудью девочку, еще не обретшую на этой грешной земле своего имени, Антонина передала ее на руки Вале и, зевнув, сказала:

— Неси и Полининого. Заодно уж.

— Так ведь он спит! — возразила Валя. — Кстати, пришла его бабушка, она хочет посмотреть на него и на вас...

— А пусть смотрит! — взбодрилась вдруг Антонина, стряхивая с себя остатки сна. — Однако не торопись, дай я хоть приведу себя в порядок. — И, достав из тумбочки головную щетку, стала раздирать ею свалявшиеся волосы.

Старалась она, кажется, напрасно, потому что Аграфена Севастьяновна на нее лишь едва глянула и не отрывала взгляда от мальчонки.

— Лоб-то, видать, Полинин, и носик маленько вздернут. А глазенки, как и у Вениши, смолистенькие. И особливо губки его — раскатистые! — удовлетворенно заключила она.

Насчет губ Валя сразу с ней согласилась, припомнив, как Гвоздев раскатал их при первой встрече, воскликнув: «А, Минуточка!» А вот насчет «смолистеньких глаз» не сразу согласилась: глаза у мальчонки были еще неопределенного цвета.

Передавая Вале отвалившегося от груди мальчонку, Антонина Петровна успела шепнуть:

— Ты вот что: опустевшее-то место займи, поставь кровать, но не заселяй ее.

— Ладно, — пообещала Валя.

— Ты это сегодня же исполни, а то тут как-то пусто и бабы боится этого угла.

— Хорошо, я сделаю.

— А бабушка-то обо мне не самого лучшего мнения, — заметила Антонина и посоветовала: — Ты ей анализы мои покажи, может, это ее убедит?

— Ну зачем уж так-то?

— А чтобы мнение у этой бабки перевернуть!

Может, и права была Антонина, ибо мнение о ней Афанасьевна Севастьяновна высказала весьма неопределенное:

— Тощеватa, на вид вся жуколенькая, однако ядреная, — резюмировала она. — К мальчонке жалостливая, дай ей бог здоровья...

А когда Валя уносила младенца, придержала ее в коридоре и шепотом спросила:

— Какое имя-то они ему придумали?

— Не знаю, об этом у нас с Полиной как-то и разговора не было.

— Тогда вот что я тебе скажу, девша: ты присоветуй-ка Веньке, то есть сыну-то моему, назвать мальчонку Константином. Ну, хотя бы в честь его друга, который меня сюда привел. Он с виду только суровый, а душа-то у ево мягкая. Заслуживат!

5

С той ночи и стали называть мальчонку Константином, но имя это оказалось трудновыговариваемым, и сначала Антонина, а потом и весь медперсонал стали ласково именовать его Коськой. И не только врачи, сестры и нянечки волновались за него и хотели чем-то помочь, но и роженицы, отдавая свою нежность собственным чадам, хоть немножко, но оставляли ее и для него. Его голое теперь уже все различали среди других, и каждый старался, как мог: кто-то позовет отвлекшуюся на более неотложные дела дежурную сестру, кто-то предложит покачать его, а кто-то просто спросит: «Ну как он там?» И хотя днем по очереди дежурили другие сестры, большинство этих предложений и вопросов адресовалось Вале Новосельцевой.

«Почему именно мне?» — недоумевала она, не подозревая, что все уже заметили, как она сама относится к Коське, как ласкает его и какая при этом у нее улыбка.

Особенно усердствовала Алевтина. Похоже, она обладала даром не только сочувствия, но и деятельного участия

в чужих бедах. Самой ей это, видимо, доставляло удовольствие, но порой она проявляла свое участие так энергично, что еще больше усугубляла ощущение беды. Именно она устроила сбор средств в помощь Коське и совала Вале помятые пятерки и десятки.

— Да вы что? — возмутилась Валя, отталкивая ее руку. — Зачем это? Он что, нищий?

— И верно, Аля, зря ты все это затеяла, — поддержала Антонина. — Нехорошо как-то... Ты лучше раздай обратно эти деньги.

Алевтина смотрела на них с явной обидой. Антонина Петровна забрала у нее деньги:

— Ладно, сама верну.

— Да что я такого сделала? — недоумевала Алевтина.

Антонина Петровна с укором глянула на нее. И лишь после того как вышла Валя, пояснила:

— Не все деньгами измеряется, — и уже сердито добавила: — И диссертациями!

Когда самой Антонине Петровне пришел срок выписываться, она сразу засомневалась:

— А кто же Коську кормить станет? Не Алевтина же!

И несмотря на то что в вестибюле нетерпеливо прохаживался ее муж с неизвестно откуда доставленным букетом гвоздик, а на счетчике местного таксомотора выскакивали совершенно невероятные для здешних мест цифры и на незаселенной четвертой кровати лежала его кровная дочь, завернутая исключительно в закордонные пеленочки и подгузнички, Антонина Петровна, информированная и о букете и о такси, вдруг решительно заявила:

— Валь, слётай вниз и скажи моему цветочному, что у меня осложнение, я тут еще задержусь. Я ведь в этот букет мало верю, он же парня ждал...

И когда Валя, не привыкшая врать, весьма невнятно и сбивчиво объяснила ее мужу, что Антонину Петровну сегодня не выпишут, то обнаружила в нем такое искреннее огорчение, что постаралась хоть как-нибудь утешить его. Но сразу убедилась, что огорчила еще больше, и, поспешно ретировавшись, вернулась на свой четвертый этаж.

Девочка, догола распеленутая, весело работала ножками и ручками, а Коська столь же весело, но более старательно сосал грудь Антонины.

— Погляди, какой жадный, — сказала Антонина Вале.— Будто чует, что в последний раз.

— Как же последний, если вы мне велели сказать мужу, что у вас осложнение? — встревожилась Валя.

— Все верно! — успокоила ее Антонина и, похлопав Коську по розовой ягодице, пояснила: — Вот оно, осложнение-то!

Если Антонина совершенно инстинктивно, по-матерински жалела Коську, то Валя Новосельцева испытывала к этому розовому голопопику какую-то особую, ей самой непонятную нежность.

«Интересно, если бы у меня был свой ребенок, как бы я относилась к Коське?.. А может, это просто жалость? Его ведь все жалеют... Может, так, как и я... А если не только жалость, то что еще? Материнское чувство? Но ведь не я его родила. Скорее — тысячелетний инстинкт материнства. Но почему я его не ощущаю так, когда вожусь с другими малышами, хотя всех их тоже люблю?»

А Коська словно чувствовал, что вот эта сестра в белом халате относится к нему как-то иначе, чем другие, и улыбался ей. Даже Антонине Петровне, кормившей его грудью, он улыбался реже. Может, и в нем уже жила тысячелетняя потребность в ласке и нежности?..

Это уже потом Валя узнала от рожениц, что Коська в его возрасте еще не мог ни различать ее, ни тем более как-то выделять, но не поверила, все собиралась проверить по учебникам, но так и не успела.

Значит, что-то было в ней самой? А что?

Чувство неприязни к Гвоздеву, которое возникло в телефонных разговорах, после встречи с ним хотя и угасло, но и особой симпатии к нему не возникало. Полина нравилась ей просто как добрая и отважная женщина, решившаяся на такой рисковавший и трагически окончившийся шаг.

«Значит, сам Коська? А почему? Только из сострадания? Но ведь и у Алевтины — тоже сострадание...»

Впрочем, об этом Валя задумалась только однажды, после неприятной сцены с деньгами. Потом она, уже не задумываясь, привязывалась к Коське все больше и больше и уже засобиралась перейти из детского садика в ясли, если удастся уговорить Аграфену Севастьяновну и Гвоздева оставить ребенка здесь, а не везти в какую-то захолустную деревеньку, где и больницы-то нет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Тому, что «Стремительный» успешно отбил налет авиации и одновременно атаковал подводную лодку, в штабе флота не удивились: так и должно быть. А вот отклонившийся

реактивная бомба серьезно обеспокоила командование. И еще не успел корабль вернуться в базу, как туда уже прилетел представитель штаба контр-адмирал Курганов.

Валентин Иванович Курганов служил в штабе флота давно, при нем сменилось уже трое командующих, но сам он, в свое время известный всему флоту командир, по службе больше не продвигался и был, кажется, обижен этим. Во всяком случае, почти всех молодых адмиралов, в том числе и Еремеева, считал выскочками и был к ним особенно придирчив. В ответ они платили ему неприязнью и за глаза называли его динозавром.

Еремеева он сразу предупредил:

— На снисхождение не рассчитывайте, виновные будут строго наказаны.

— Зачем же так сразу пугать нас, Валентин Иванович? — усмехнулся Еремеев. — Надо сначала разобраться. Может, и виновных-то не окажется.

— Как это не окажется? — удивился Курганов, видимо убежденный, что так не бывает.

— Посмотрим, что покажет техническая экспертиза.

Курганов поморщился: похоже, он был недоволен тем, что Еремеев назначил экспертизу без согласования с ним, но вслух своего недовольства не выразил, сказал лишь:

— Ладно, не будем терять время. Пусть мне принесут личные дела всех офицеров корабля.

Еремеев понял, что Курганов, как и многие инспектирующие, будет искать причину отклонения бомбы в недостатках обучения и воспитания (уж очень это удобная, ни к чему не обязывающая инспектирующих формула), и невольно подумал, что, скорее всего, он «зацепится» за Калистратова.

И не ошибся. Просмотрев все папки с личными делами, Курганов отложил личное дело Калистратова и стал изучать его особенно внимательно. В одной из ранних аттестаций было записано, что лейтенант Калистратов «порой проявляет невыдержанность характера, доходящую до грубости, со старшими по должности и воинскому званию». Правда, в последующих аттестациях об этом больше не упоминалось. Зато значились утеря документов подчиненным и выговор по партийной линии. А вот и по служебной линии — строгий выговор за несвоевременную покраску корабля.

Об этом курьезном случае помнил и Курганов. Тогда корабли готовились к параду в честь Дня Военно-Морского Флота. Калистратов, учтя прогноз погоды, предсказывающий на следующую неделю дожди, покрасил свой корабль

раньше других, без особого на то указания. За это командир соединения и влепил ему строгача. Остальные корабли красили уже в дождь, и на парад они вышли пестрыми, с подтеками на бортах и надстройках. А «Стремительный» сиял, как новенький юбилейный рубль, и даже не очень щедрый на похвалу бывший командующий флотом наградил Калистратова именными часами. Но выговор, вынесенный командиром соединения, так и остался в личном деле Калистратова.

Зная острый язычок Калистратова и его неуступчивость и опасаясь, как бы тот сгоряча не наговорил чего-нибудь лишнего, Еремеев решил под каким-либо предлогом на время разбора заслать старпома куда-нибудь подальше.

Но Курганов назначил разбор на другой же день, приказав явиться в штаб командиру корабля, его старшему помощнику, заместителю по политической части и командиру БЧ-3. Флагманские специалисты соединения и базы о предстоящем разборе были уведомлены заранее.

Разбор проходил в кабинете командира соединения контр-адмирала Еремеева. Курганов занял место за его столом, а Василий Петрович намеренно сел на диван в дальнем углу, как бы подчеркивая этим, что хотя и выступает здесь в роли лица «нейтрального», но тем не менее, как старший начальник, он готов разделять с командиром корабля ответственность за случившееся, тем паче что в это время сам находился на борту «Стремительного».

Доклад Гвоздева был хотя и кратким, но настолько точным и исчерпывающим, что даже Курганов не потребовал никаких дополнительных уточнений. Лишь флагманский минер спросил:

— На каком основании вы указали в акте, что причина отклонения бомбы в заводском дефекте?

— Потому что иных причин мы пока не нашли, — искренне признался Гвоздев.

— Неубедительно.

— Согласен. Может быть, техническая экспертиза и не подтвердит это заключение. Однако применение бомб этой партии изготовления в дальнейшем надо было приостановить, поэтому я тотчас по инстанции доложил о случившемся.

— Но ведь кто-то же виноват в этом! — воскликнул Курганов. — Если вы, командир, не нашли конкретного виновника, то сообщите хотя бы, что вы сами думаете по этому поводу! Ведь произошло чепе, а у вас какое-то слишком уж благодушное настроение.

Последняя фраза была настолько неуместна, что все посмотрели на Курганова с недоумением. «Что он городит?» — возмутился и Еремеев и встревоженно взглянул на Гвоздева.

Но тот, кажется, не нуждается в его заступничестве, говорит сдержанно и твердо:

— Да, чепе есть чепе, и отвечать за него буду прежде всего я, как командир корабля, перекладывать вину на стрелочника не собираюсь. Но чепе — следствие, а для меня важно установить причину. А если она не в чьей-то личной ошибке, а в техническом отказе? У нас многое еще в стадии испытаний и освоения. Это техника, и к тому же новая. Вы, очевидно, читали записки командиров американских кораблей, у них еще не то было...

— Так ведь то у них! — насмешливо вставил Калистратов. — А у нас, сами понимаете, ничего подобного не должно быть. Мы же самые передовые.

«Какой черт его за язык тянет? — досадливо подумал Еремеев. — Сейчас он распалит Курганова, и тот уж постарается на нас всех собак навешать».

И точно: Курганов будто только и ждал этой реплики. Побагровев, он напустился на старпома:

— Вот вы тут зубоскалите, а между тем беспорядков у вас на корабле хоть отбавляй... — И Курганов стал перечислять. Судя по всему, он просмотрел личные дела не только офицеров, но и всех матросов, старшин и мичманов «Стремительного» и сейчас сыпал фактами, как из рога изобилия. Правда, это были всего лишь мелкие нарушения, но их, как и на любом корабле, набралось не так уж мало. — Вот такая, товарищ Калистратов, некрасивая статистика получается. Между прочим, большинство этих нарушений — следствие слабой требовательности именно старшего помощника командира, непосредственно отвечающего за поддержание на корабле уставного порядка.

Калистратов вскинул голову, намереваясь что-то возразить, но замполит Афанасьев успел дернуть его за рукав, напоминая о необходимости быть сдержанным и вежливым. Эта проклятая необходимость вынудила Калистратова улыбнуться напоказ, якобы в знак согласия, что несколько удивило Еремеева, знавшего характер старпома, и совсем уж озадачило контр-адмирала Курганова, не ожидавшего от Калистратова такого смирения.

Может быть, все и обошлось бы мирно, если бы Курганов, обманутый улыбкой Калистратова, не заметил:

— Хорошо, что вы хоть с этим-то согласны.

— А вот я-то как раз и не согласен! — решительно возразил Калистратов.

— С чем именно?

— Со всем! — еще более решительно заявил Калистратов.

— Ну-ка поясните. Это даже любопытно, — с деланным благодушием попросил Курганов, не сумев, однако, скрыть раздражения. Волнение исказило лицо Курганова, широко открытые глаза лихорадочно блестели, лоб, словно увеличившийся в размерах, покрылся испариной, вздулись синие вены на висках, и стало особенно заметно, что он уже далеко не молод.

Калистратов резко встал.

— Видите ли, товарищ контр-адмирал, есть три вида лжи: просто ложь, наглая ложь и статистика.

— Вот как? — Теперь уже от благодушия Курганова не осталось и следа. — Конкретнее!

— Пожалуйста. Вот вы приняли самовольный уход на казармы старшего матроса Шарафутдинова. Во-первых, Шарафутдинов не самовольно ушел из казармы, а его послал с поручением капитан третьего ранга Белоглазов, не предупредив об этом дежурного. Стало быть, виноват не Шарафутдинов, а Белоглазов. — Калистратов обернулся к сидевшему тут же командиру БЧ-3 Белоглазову, тот согласно кивнул.

— Какое это имеет значение? Нарушение-то было!

— Было, но уже другого порядка и другим лицом. Во-вторых, — усилил голос Калистратов, не давая Курганову перебить себя, — во-вторых, старший матрос Шарафутдинов уволен в запас семь месяцев назад, следовательно, в этом походе он не участвовал и никакого отношения к отклонению бомбы не имеет...

Курганов покраснел. Он понимал, что ему нечего возразить Калистратову, и пожалел, что в погоне за количеством фактов как-то не подумал, что они могут не только не сработать, а даже обернуться против. И, опасаясь, как бы старпом не преподнес очередной сюрприз, поспешил прервать его:

— Вам бы в адвокаты податься, товарищ Калистратов, у вас там дело пошло бы лучше, чем здесь.

— Возможно. Но я полагаю, что я-то как раз и здесь на своем месте.

Это был вполне прозрачный, хотя и грубоватый намек на то, что не на месте Курганов. Но Курганов сделал вид, что не понял намека и еще сдерживался.

— А выполнение задачи чуть не завалили!

— Но ведь не завалили же!

— Но бомба-то почему-то же отклонилась! — Теперь уж Курганова прорвало, он стал перечислять и личные «доблести» Калистратова, которых за ним числилось немало.

И чем больше кипятился адмирал, тем спокойнее и достойнее отвечал ему старпом.

Сосредоточив огонь на Калистратове, контр-адмирал Курганов как-то забыл об остальных. Все сидели молча, опустив глаза, лишь изредка вскидывая на представителя штаба флота взгляды, полные какого-то жалостливого недоумения. Перехватив один из таких взглядов, Курганов как бы очнулся и решительно хлопнул ладонью по столу:

— Ну ладно, хватит! Все свободны!

Когда офицеры, стараясь не греметь стульями, поднялись и поспешно вышли, Курганов спросил у все еще сидевшего в углу Еремеева:

— Ну а ты что скажешь?

— До заключения технической экспертизы разбор вообще проводить не следовало.

— Может быть, может быть... — Курганов побарабанил пальцами по столу и неожиданно спросил: — Слушай, Василий Петрович, неужели я и в самом деле того... устарел?

Еремееву стало жаль его, пожалуй, следовало начать уверять его в обратном или хоть как-то утешить. Но Василий Петрович врать так и не научился и поэтому лишь молча пожал плечами.

2

Когда старший матрос Косолапов узнал, что из-за оброненной им бомбы с кораблей снимают всю серию и с ней разбирается комиссия аж из самой Москвы, то сразу понял, что ему надо немедленно во всем признаться. Иначе комиссия, не установив причину отклонения бомбы, «арестует» и забракует всю серию. «А сколько же на нее труда, металла, денег потрачено, и все это псу под хвост?» — думал он, направляясь в каюту лейтенанта Гребенюка. В том, что его накажут по всей строгости, Косолапов не сомневался, хотя и не сам он сунул эту бомбу в ствол, а ему приказали. Но сваливать всю вину только на лейтенанта считал несправедливым. «В конце концов у меня своя голова на плечах, мог и подумать о последствиях, и если уж не доглядел, так нечего и оправдываться».

Едва лейтенант Гребенюк увидел в двери своей каюты старшего матроса Косолапова, как по выражению его лица догадался, с чем тот пожаловал.

Гребенюк и раньше недолюбливал Косолапова. Он почти всегда молчалив и угрюм.

«Не понимаю, за что его матросы любят», — подумал лейтенант.

А Косолапова, несмотря на его почти всегда мрачный вид, в команде действительно любили за неторопливую рассудительность и основательность. Если уж признаться честно, то он, лейтенант Гребенюк, именно Косолапова должен благодарить за то, что подразделение вышло в передовые.

Началось с того, что на комсомольском собрании, где обсуждались социалистические обязательства, докладчик зачитал опубликованную во флотской газете заметку о почине моряков подразделения старшего лейтенанта Лыкова. Вообще-то разного рода почины рождались чуть ли не каждый месяц, к ним относились скептически, потому что они мало чем отличались друг от друга и сводились в основном к выполнению уставных обязанностей, которые и без починов все должны выполнять беспрекословно, точно и в срок. Но этот почин заинтересовал комсомольцев, потому что, во-первых, подразделение Лыкова из соседнего соединения кораблей было аналогичным подразделению Гребенюка, во-вторых, в нем содержались конкретные обязательства, в частности, лыковцы собирались перекрывать все нормативы в среднем на тридцать процентов. Вокруг этой цифры и разгорелся спор.

— Очередная липа, — сказал один. — Все нормативы проверены и научно обоснованы. Ну, где-то там можно еще выжать секунду-две, но чтобы перекрыть на тридцать процентов — нереально. Есть просто пределы физических возможностей.

— Почему невозможно? — возразил другой. — Нормативы в свое время были действительно научно обоснованы. Но ведь техника изменилась, да и мы неграмотнее стали, у всех вон среднее, а то и высшее образование.

Большинство не разделяло его оптимизма, в том числе и сам лейтенант Гребенюк.

И вдруг поднялся матрос Косолапов. Кубрик наумленно притих. Еще бы! Из Косолапова и так-то слова не вытянешь, а чтобы он выступил на собрании — такого никто не помнил.

— А мы что, Лыковым шиты? — скаламбурил Косолапов, и все рассмеялись, но вскоре опять притихли. — Я вот тут прикинул и решил, что смогу перекрыть нормативы в полтора раза. А раз я могу, то почему не могут другие?

— Ну, ты даешь, Вася! — удивленно воскликнул кто-то в дальнем углу кубрика. — Надорвешься ведь, пупок развяжется, а все равно на полторы нормы не потянешь.

— Хорошо, раз вы не верите, то я докажу на деле. Только дайте мне хотя бы недельку потренироваться.

И всю эту неделю он гонял себя до седьмого пота. Сначала матросы наблюдали за ним просто как зрители, потом один решил попробовать сам, за ним потянулся другой. Через неделю Косолапов почти на всех операциях перекрыл нормативы более чем в полтора раза, а через три с половиной месяца этих показателей достигло все подразделение и стало лучшим на корабле. Косолапову присвоили звание «старший матрос», многие повысили классность и были награждены нагрудным знаком отличника, а лейтенанту Гребенюку объявил благодарность в приказе сам командующий флотом.

И вот теперь все рушилось по милости того же Косолапова. Конечно, в глубине души лейтенант Гребенюк больше признавал собственную вину, но ведь не урони Косолапов эту злосчастную бомбу, и он, Гребенюк, не принял бы столь ошибочного решения. А теперь вон шорох пошел не только по всему флоту, но и до самой Москвы докатился, и неизвестно, чем все это кончится.

— Что у вас, Косолапов? — неприязненно спросил лейтенант, делая вид, что матрос прервал какое-то важное его занятие, хотя никакими делами он до этого не был занят.

— Я узнал, что из-за отклонения той бомбы с кораблей снимают всю партию и начала работать комиссия. Сама она причины не установит, только время потеряет. Надо бы доложить, в чем дело.

За снисходительной улыбкой Гребенюк постарался скрыть охватившую его тревогу.

— А вы уверены, что отклонилось именно та бомба, которую вы уронили? — По тому, как было сделано ударение на этом «вы», Косолапов понял, что Гребенюку хочется всю вину свалить только на него.

— За все сто процентов, конечно, не ручаюсь, но на девяносто девять уверен, что это именно та бомба, которую я уронил. — Он не только сделал ударение на этом «я», но даже предложил: — А хотите, я скажу, что вы ничего не видели?

— За кого вы меня принимаете? — Гребенюк встал с кресла, застегивая пуговицы на синей рабочей куртке и никак не попадая в петли. У Косолапова оказалось достаточно времени, чтобы отступить в коридор офицерских кают и не помешать лейтенанту выйти, сильно хлопнув дверью.

К каюте командира боевой части лейтенант направился быстрым, решительным шагом, но по мере приближения шаг лейтенанта Гребенюка заметно терял твердость. Косолапов уже подумал было, что лейтенант вернется, но тот, одернув куртку перед каютой Белоглазова, пожалуй, даже слишком громко постучался в нее и, получив разрешение войти, решительно перешагнул через комингс*. Однако вскоре вышел из каюты вслед за ее хозяином — капитаном третьего ранга Белоглазовым; оба направлялись в командирскую. Гребенюк следовал за Белоглазовым на некотором отдалении и в каюту командира не вошел, а остановился перед дверью, ожидая, когда его позовут. Вскоре его позвали.

Но ожидаемого разноса не последовало.

— Вот что, любезнейший, — [illegible] Гвоздев, садясь за стол, — извольте написать рапорт с подробнейшим объяснением всего случившегося, в том числе мотивов вашего поведения. Желательно, чтобы в конце его вы указали, что дальнейшее свое пребывание на корабле считаете невозможным.

Лейтенант Гребенюк, не ожидавший, что с ним обойдутся так круто, растерянно молчал.

Командир нажал клавишу на панели селектора и, когда ему ответил дежурный по кораблю, приказал:

— Спускайте катер и предупредите всех съезжающих на берег офицеров, что отходим через десять минут.

— Есть!

Отключив селектор, командир обратился к Белоглазову:

— Если вы, Валерий Николаевич, тоже намерены сойти на берег, то поторопитесь.

— Сегодня не моя очередь, а вот его. — Белоглазов кивнул на понуро стоявшего у двери лейтенанта.

— Ему съезд на берег я не разрешаю. Пусть займется рапортом, завтра к подъему флага он должен лежать у меня на столе. — Командир припечатал ладонь к зеленому сукну письменного стола.

— Есть, к подъему флага! — ответил Гребенюк, думая почему-то не о рапорте, а о том, что это мягкое сукно на

---

* Комингс — высокий металлический порог перед входом в отсек или другое помещение на корабле.

столе неуместно: каждый раз, подписывая какую-нибудь бумагу, командир вынужден подкладывать под нее что-нибудь более твердое.

3

«Стремительный» стоял на якоре недалеко от берега, и командирский катер дошел до него минут за десять. Глядя, как один за другим офицеры выскакивают на причал, лейтенант Гребенюк жгуче завидовал им. Сейчас те, кто успел обзавестись семьей, пойдут домой и начисто отрешатся от всех корабельных дел и забот. Холостяки двинутся кто куда: одни на свидание, другие в Дом офицеров на танцы, третьи завалятся в ресторан и тоже отрешатся от служебных забот. «Вот бы и мне сейчас напиться в стельку и забыть обо всем на свете», — подумал Гребенюк.

Эта мысль мелькнула как-то мимолетно, он было тут же о ней и забыл и, бросив окурок в обрез, направился в свою каюту, чтобы сесть за составление рапорта. Но его внимание привлек стрекот моторов, и, глянув за борт, он увидел проходящий недалеко от «Стремительного» барказ с соседнего корабля, до отказа набитый увольняющимися на берег матросами. Возле рулевого стоял лейтенант, и Гребенюк узнал в нем однокашника по училищу Бориса Прокудина. Борис тоже заметил его и приветливо помахал рукой.

Гребенюк посмотрел на верхнюю площадку трапа, возле нее торчал лишь вахтенный матрос. Старший помощник и дежурный по кораблю, проводив командира, разошлись каждый по своим делам. «Забегу в ближайший гастроном, куплю бутылку и с первой же оказией вернусь», — решил Гребенюк и отмашкой показал Прокудину, чтобы тот подошел к трапу. Барказ подошел так, что, спрыгнув в него с нижней площадки трапа, Гребенюк оказался рядом с Прокудиным.

Вахтенный у трапа матрос Шарапов сначала подумал, что лейтенант просто не успел вместе с другими офицерами уйти на командирском катере. Но, увидев высунувшийся в вырез лейтенантской шинели синий воротник рабочей куртки, Шарапов решил, что тот отправляется по делам в штаб соединения или на какой-нибудь береговой склад. Полагая, что лейтенант идет туда с разрешения только что стоявшего тут старшего помощника командира, Шарапов не стал докладывать дежурному по кораблю.

На синюю куртку обратил внимание и Прокудин и поэтому спросил:

— Ты на берег по делам?

— Да. — Гребенюку ничего не оставалось как соврать. Но тут он вспомнил, что ни документов, ни денег у него с собой нет, они остались в тужурке. И попросил Прокудина: — Одолжи мне рублей пятнадцать, а то я второпях забыл взять деньги. Надо сигаретами запастись...

— Пожалуйста. — Борис протянул ему четвертную.

— А ты, конечно, к Лиде?

— Да. И знаешь, я, кажется, женюсь на ней.

— Одобряю и даже завидую.

Он и в самом деле завидовал Прокудину. Тот как-то познакомил его с Лидой, она понравилась Гребенюку. Красивая и веселая, она лишь на первый взгляд казалась этакой беззаботной щебетуньей; поговорив с ней, Гребенюк убедился, что она довольно умна и умеет быть серьезной.

Самому Гребенюку на девушек почему-то не везло, хотя он не был робким и застенчивым, знакомился легко и в любой компании чувствовал себя непринужденно. Он знал, что из своих знакомых по крайней мере двум девушкам — Марине и Тане — он нравится, но ни к одной из них не питал особой привязанности, хотя и не упускал возможности воспользоваться их благосклонностью. Можно и сейчас пойти к любой из них, но он был намерен вернуться на корабль и даже договорился с Борисом, что баркас подождет его минут пятнадцать — двадцать.

Но в ближайшем гастрономе винный отдел был уже закрыт, оставалось мало надежды, что удастся купить бутылку и в следующем, и Гребенюк зашел в ресторан. Однако там решительно отказали продать водку на вынос, пришлось сесть за столик и заказать легкую закуску. Официант, предчувствуя немалые чаевые, проявил небывалую расторопность и быстро принес все, что нужно.

Однако напиться «в стельку» лейтенант Гребенюк не успел. Едва наполнил он вторую рюмку, как к столику подошел незнакомый капитан-лейтенант и, извинившись перед молодой парой, сидевшей за этим же столиком, сказал:

— Можно вас на минутку, товарищ лейтенант?

Гребенюк встал и вслед за ним вышел в вестибюль. Там прохаживались два старших лейтенанта с патрульными значками и повязками. Капитан-лейтенант вынул из кармана и натянул на рукав такую же повязку, видимо, он был старшим офицерского патруля.

— Товарищ лейтенант, вы не находите, что появляться в ресторане в рабочей куртке не вполне прилично?

— Я только на минутку заскочил.

— Какое это имеет значение — на сколько? — Капитан-лейтенант достал блокнот и ручку, чтобы записать фамилию и номер войсковой части. — Попрошу ваше удостоверение личности.

— У меня нет документов.

— В таком случае придется пройти в комендатуру. — Капитан-лейтенант сунул блокнот и ручку в карман. — Однако сначала пойдите и рассчитайтесь с официантом.

Официанта в зале не оказалось.

Подойдя к своему столику, Гребенюк опрокинул в рот вторую рюмку и, не закусывая, встал. Положил на край стола деньги и зачем-то пояснил молодой паре:

— Срочно вызывают на корабль.

— Да, вашей жизни не позавидуешь, — искренне посочувствовала девушка.

Парень же не смог спрятать в усиках усмешку.

Капитан-лейтенант одного из патрульных офицеров послал сопровождать Гребенюка в комендатуру, а с другим отправился дальше. Они отошли уже довольно далеко, когда Гребенюк спохватился: «Надо бы хорошенько попросить капитан-лейтенанта, может, он и так отпустил бы». Он оглянулся, но патруля уже не было видно, должно быть, повернул за угол.

Старший лейтенант, сопровождавший Гребенюка в комендатуру, на просьбу отпустить ответил отказом:

— Вы же отлично понимаете, что я не могу этого сделать.

— Ну, скажите, что я убежал.

— А потом меня же и заставит искать вас. И я вас найду, а вы получите еще более строгое взыскание.

— У меня их и без этого хватает.

— Наверное, частенько заглядываете в такие вот заведения?

— Нет, тут совсем другое... — И Гребенюк рассказал о своих злоключениях с упавшей бомбой.

— Я кое-что слышал, — сказал старший лейтенант. — С нашего корабля тоже сняли бомбы этой партии изготовления. Стало быть, по вашей милости.

В тоне, каким это было сказано, не ощущалось ни участия, ни осуждения, и Гребенюк решил, что старший лейтенант не все понял. Но тот вдруг задумчиво произнес:

— Так в жизни и бывает: стоит хоть раз поступиться совестью даже в самом малом, как все покатится.

— Вы что же, считаете меня совсем уж пропащим человеком? — обиделся Гребенюк.

— Нет, почему же? Теперь от вас самого зависит, как жить дальше.

— К сожалению, не только от меня. Командир уже решил списать меня с корабля.

— Ну и что? Спишут на другой корабль или даже на берег, может быть, вообще уволят с флота, но разве дело только в этом? У вас впереди еще вся жизнь, и надо думать, как жить дальше.

— «Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»? — усмехнулся Гребенюк.

— Вы напрасно иронизируете, — грустно сказал старший лейтенант.

Дальше, до самой комендатуры, они шли молча.

4

Контр-адмирал Еремеев, выслушав Гвоздева, тотчас позвонил командующему флотом. Тот упрекнул:

— Что же вы сразу-то не разобрались? Ведь вы сами в то время были на «Стремительном». Что прикажете теперь докладывать главкому?

— Виноват, товарищ командующий! — только и ответил Еремеев.

— Ну ладно, — уже мягче сказал командующий. — Хорошо еще, что сейчас узнали причину отклонения бомбы от курса, а не после того, как всю партию отправят на свалку. Отправку бомб с кораблей пока приостановите. Но мы еще не можем быть абсолютно уверены, что отклонилась именно эта бомба. Благо она учебная и не разорвалась. Лежит себе где-нибудь на грунте и посмеивается над нами. Надо послать в полигон водолазов, пусть найдут и поднимут ее. Только после этого будем принимать окончательное решение.

— Я уже приказал поднять ее и назначил техническую экспертизу.

Положив трубку, Василий Петрович тяжело вздохнул и спросил Гвоздева:

— Чем еще порадуешь, командир?

— Больше нечем.

— И на том спасибо.

— А лейтенанта Гребенюка надо немедленно отстранить от должности и списать с корабля. Делайте с ним, что хотите, но мне такой офицер не нужен! — решительно заявил Гвоздев.

— А кем я тебе его заменю? У меня лишних лейтенантов в загашнике нет. И надо еще разобраться, он ли один виноват. А если старший матрос Косолапов и ему не доложил? Так что сначала побеседуй с Косолаповым. Сегодня же. Утром доложишь.

«Значит, с матерью я опять не увижусь, а в госпиталь тем более не успею», — прикинул Гвоздев.

Вернувшись на корабль, он вызвал старшего матроса Косолапова.

— Садитесь и рассказывайте, как все произошло, — попросил он, когда Косолапов вошел в его каюту.

— А разве лейтенант Гребенюк вам не объяснил? — удивился Косолапов, присаживаясь на краешек кресла.

— Объяснил, но я хочу послушать и вас.

— Палуба была скользкой, и мы подстелили маты. Но когда я подхватил бомбу, то левой ногой заступил за мат, она и поехала... На ногах-то я удержался, но бомбу выронил. Упала она не на палубу, а на мат, довольно мягко... Я подумал, что с ней ничего не сделалось, и сунул в ствол... Она вошла... — Косолапов говорил сбивчиво и не знал, куда девать свои руки: то клал их на колени, то опирался ими на подлокотники кресла, наконец, зажал ладони между коленями.

— Лейтенант Гребенюк видел все это?

Косолапов пожал плечами и опустил взгляд. Гвоздев понял, что он хочет выгородить лейтенанта.

— Вот что, любезнейший, вы мне тут не крутите!

Старший матрос Косолапов, впрочем, как и все на корабле, знавший, что это «любезнейший» ничего хорошего не предвещает, потупившись, выдавил:

— Ну, видел.

— И он приказал зарядить ее в ствол?

— Ну. Правда, сначала осмотрел. Потом приказал перезарядить. Она вошла легко.

— Ясно. — Гвоздев нажал кнопку звонка, и трель его гулко пронеслась по коридору. Эхо ее еще металось где-то в переплетениях трапов, когда дверь командирской каюты открылась и за нею показался рассыльный. Гвоздев приказал ему: — Разыщите лейтенанта Гребенюка, пусть идет сюда немедленно.

— Есть! — Рассыльный осторожно прикрыл дверь, и тут же его каблуки часто застучали по трапу.

— Вы когда узнали, что бомба отклонилась? — спросил Гвоздев у Косолапова.

— Когда начали снимать с корабля всю партию.

— Почему вас не было, когда я беседовал со всей вашей группой?

— Я дежурил по столовой и только на другой день узнал, что вы говорили с другими матросами.

«Похоже, Гребенюк специально услал его туда», — догадался Гвоздев.

— А когда узнал, то подумал, что это та самая бомба, которую я уронил, — продолжал Косолапов. — Видно, при падении слегка погнулся стабилизатор, вот ее и повело в сторону. Ну, я сразу пошел к лейтенанту Гребенюку, он — к командиру БЧ капитану третьего ранга Белоглазову, а тот уж — к вам... — Косолапов разжал колени и положил руки на подлокотники. Теперь они лежали спокойно, похоже, он рассказал все, что знал.

Прибежал рассыльный и доложил, что Гребенюка не нашел.

— Я и в кают-компании был, и всю верхнюю палубу обежал, и в офицерские каюты заглядывал — его никто не видел.

— Может, я поищу? — предложил Косолапов.

— Да, пройдите по всем вашим боевым постам.

Когда оба матроса ушли, Гвоздев включился в трансляционную сеть и объявил:

— Лейтенанту Гребенюку срочно явиться к командиру!

Но прошло три минуты, пять, десять, а лейтенант не появлялся. «Уж не спрыгнул ли он с отчаяния за борт?» — мелькнула тревожная мысль. За ней потянулась другая: «Может, зря пригрозил ему, что спишу с корабля?»

Гвоздев снова повторил по трансляции вызов.

Через три минуты вместо лейтенанта Гребенюка явился матрос Шарапов. Он смотрел фильм, когда услышал первое объявление командира по трансляции, однако не обратил на него особого внимания, хотя и вспомнил, что лейтенант Гребенюк ушел на берег на чужом барказе. Но может, он уже вернулся и зачем-то понадобился командиру именно сейчас? Однако, когда командир повторил объявление, Шарапов, служивший на корабле уже третий год, сообразил, что лейтенант с берега не вернулся и ушел он туда, никого не предупредив. И Шарапов, пригнувшись, чтобы не загораживать экран, ощупью стал пробираться к трапу. На него зашикали. Шел самый напряженный эпизод в фильме «Чучело», когда озверевшие мальчишки и девчонки подожгли чучело. Хотелось досмотреть, чем все это кончится, но Шарапов, понимая, что он не может медлить, преодолел соблазн и выбрался из кубрика. Уже по дороге к каюте командира

подумалось, что и
жному о съезде
не поплывешь, в
Выслушав Шара
смотривать фильм
тот пришел, напусти
— Вы службу сп
— А в чем, собст
жено. Видимо, срав
спячку медведем ему
— А в том, что л
дежурная служба об
— Мне никто не
— Вот это и плох
тенным у трапа, пусть
разделения. Вам же
службы объявляю зам
бенюк появится на бо

Но лейтенант Греб
на корабле, его остави
дается, ему выдали
проспал ночь беспробу

А у Гвоздева она
Гребенюка на берег бы
Бывало, что похаживал
ко — старшины. Но что
корабля офицер — тако
лял. Где сейчас Гребен
на корабль, жив ли воо
Через береговой спи
хлицией и узнал, что
одного убийства и наезд
Облегченно вздохнув,
ло пост связался с вое
шали, что лейтенант спо
ером с миром будет от
ыти его заявления о то
ков», сомнений у коменда
ть лейтенант Гребенюк
ли и с нарушением фор
дня-три дня.
«Надо его немедленно
тавые сюрпризы преподн
нании Алексиандрови
ть и устанавли

подумалось, что и ему попадет за то, что не доложил дежурному о съезде лейтенанта на берег, но тут уж ничего не попишешь, в другой раз не надо хлопать ушами.

Выслушав Шарапова, командир тотчас отпустил его досматривать фильм и вызвал дежурного по кораблю. Когда тот пришел, напустился на него:

— Вы службу справляете или лапу сосете?

— А в чем, собственно, дело? — спросил дежурный обиженно. Видимо, сравнение с залегшим в берлогу на зимнюю спячку медведем ему не понравилось.

— А в том, что лейтенант Гребенюк сошел с корабля, а дежурная служба об этом не знает!

— Мне никто не докладывал.

— Вот это и плохо! Матроса Шарапова, стоявшего вахтенным у трапа, пусть накажет своей властью командир подразделения. Вам же за плохую организацию дежурной службы объявляю замечание. И как только лейтенант Гребенюк появится на борту, доставьте его ко мне.

Но лейтенант Гребенюк в этот вечер так и не появился на корабле, его оставили ночевать в комендатуре. Как и полагается, ему выдали подушку, простыни и одеяло, и он проспал ночь беспробудно.

А у Гвоздева она была бессонной. Самовольный съезд Гребенюка на берег был случаем из ряда вон выходящим. Бывало, что похаживали в самоволку матросы, крайне редко — старшины. Но чтобы без разрешения сошел с борта корабля офицер — такого Вениамин Александрович не помнил. Где сейчас Гребенюк, что делает, почему не вернулся на корабль, жив ли вообще?

Через береговой сигнальный пост Гвоздев связался с милицией и узнал, что в эту ночь в городе не произошло ни одного убийства и наезда со смертельным исходом.

Облегченно вздохнув, Вениамин Александрович через тот же пост связался с военной комендатурой, и оттуда сообщили, что лейтенант спокойно посапывает в обе ноздри и утром с миром будет отпущен, поскольку теперь в правдивости его заявления о том, что он служит на «Стремительном», сомнений у комендатуры не имеется. А «телегу» о том, что лейтенант Гребенюк был задержан при легком подпитии и с нарушением формы одежды, они прикатят через два-три дня.

«Надо его немедленно списывать, иначе он нам еще по такие сюрпризы преподнесет», — окончательно решил Вениамин Александрович.

Однако и принятое решение не успокаивало. Дело тут не в одном Гребенюке, хотя все неприятности, обрушившиеся на корабль в последнее время, так или иначе связаны с ним. Ну а Косолапов? Формально его винить нельзя, он выполнил приказание, которое положено выполнять беспрекословно, точно и в срок. Но если бы он подумал о последствиях, то доложил бы раньше. А Шарапов? Его-то уж следует наказать, хотя он сам исправил свою оплошность. И замечание дежурному было справедливым, хотя, может быть, и не стоило сравнивать его с медведем в берлоге.

Однако суть не в этих частностях, а в том, что настоящего порядка на корабле пока нет, а значит, и просьба к командующему послать его в дальний поход была преждевременной.

Обостренное чувство вины возникло у Гвоздева еще и потому, что новый командующий, быть может, и не вполне заслуженно, однако с явным пониманием и доверием отнесся к нему, Гвоздеву. И обмануть это доверие было не просто неблагодарно, а подло. Ведь оказывая это доверие, командующий руководствовался не [illegible] расположением к нему, а думал об интересах общего дела. Сам Гвоздев проникся к командующему таким уважением и признательностью, которых за все годы службы не [illegible] не испытывал ни к одному из начальников, хотя не так уж редко среди них попадались толковые и симпатичные люди.

Среди прочих забот Вениамин Александрович лишь на мгновение подумал, что завтра он тоже вряд ли сумеет побывать дома, но тут же отогнал эту «посторонюю» мысль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Лейтенант Гребенюк теперь и сам был убежден, что сейчас лучший выход для него — немедленно списаться с корабля, куда — все равно. Может, даже на гражданку. Если после разговора со старшим матросом Косолаповым он не мог только ему прямо смотреть в глаза, то после этой почевки в комендатуре вряд ли сможет на кого-либо на корабле смотреть открыто. И вообще, пора подумать, как жить дальше.

Нельзя сказать, что он совсем не размышлял об этом раньше. Он думал об этом и тогда, когда поступал в высшее военно-морское училище, и когда выбирал факультет,

и когда пришел на «Стремительный», но думал как-то мимоходом, больше полагаясь на стечение обстоятельств, а не на то, чтобы самому управлять ими. Когда подразделение вышло в передовые и его, Гребенюка, стали похваливать и даже ставить в пример другим молодым лейтенантам, он не очень обольщался успехом и не было у него честолюбивых замыслов. Он понимал, что успехом подразделение обязано не столько ему, сколько старшему матросу Косолапову, хотя и сам работал с увлечением и азартом.

И вот теперь, когда обстоятельства изменились и он не только не смог найти правильную линию поведения, но сделал, кажется, все возможное, чтобы повернуть их против себя, он понял, что раньше просто плыл по течению, и впервые по-настоящему серьезно подумал о дальнейшей своей судьбе. И когда его вызвали на партийное бюро, юлить и выкручиваться не стал, а рассказал обо всем откровенно, даже о том, что намеревался принести водку на корабль, хотя об этом безопаснее было умолчать.

Гребенюку объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Теперь [illegible] для списания его с корабля не было, и Гвоздев приказал командиру боевой части готовить все необходимые в таких случаях документы.

Но против списания неожиданно возразил заместитель командира корабля по политической части капитан третьего ранга Афанасьев.

— Нелогично получается, Вениамин Александрович, — убеждал он Гвоздева. — Еще вчера мы прославляли Гребенюка, ставили его в пример другим, а сегодня списываем с корабля!

— Но вы ведь знаете, Иван Георгиевич, что подразделение Гребенюка вышло в передовые благодаря инициативе старшего матроса Косолапова, а не потому, что Гребенюк его возглавил.

— Однако и он приложил немало труда, об этом тоже не следует забывать. И вообще, Гребенюк — человек далеко не потерянный для флота, надо дать ему возможность исправиться.

— Пусть исправляется где-нибудь в другом месте. У нас не интернат для трудновоспитуемых подростков, а боевой корабль. И чем скорее мы избавимся от Гребенюка, тем лучше будет для корабля.

— Да не от него вы хотите избавиться, а от лишних забот по воспитанию!

Но Гвоздев был непреклонен и не стал менять свое решение.

В таком случае я вынужден буду обратиться в вышестоящие органы, — заявил вдруг решительно капитан третьего ранга Афанасьев.

— Это ваше право, — сухо ответил Гвоздев и в который уж раз пожалел, что отпустил в редакцию Виктора Волжанина.

2

Когда принесли акт технической экспертизы, Василий Петрович Еремеев вызвал к себе Гвоздева и послал в гостиницу машину за контр-адмиралом Кургановым.

Гвоздев положил на стол рапорт лейтенанта Гребенюка со своей резолюцией: «Не возражаю». Еремеев прочитал рапорт и сунул его в ящик стола.

— Дело это не срочное. И твой замполит, говорят, иного мнения.

— Да. Спасибо, хоть предупредил, что будет обращаться выше. — Гвоздев указал пальцем в потолок и усмехнулся.

— Он уже обращался к члену Военного совета. Так что жди гостей.

— Ну что же, нам не привыкать.

— А может, ты не прав?

Гвоздев не успел ответить: вошел контр-адмирал Курганов. Поздоровавшись с Еремеевым, он внимательно посмотрел на вскочившего при его появлении Гвоздева и, протягивая ему руку, спросил:

— Ну так что мы имеем, Вениамин Александрович?

— К сожалению, вы правы, товарищ контр-адмирал, — мрачно ответил Гвоздев. — Во всем оказался виноват лейтенант Гребенюк. По этому поводу он представил рапорт. Техническая экспертиза лишь подтвердила его вину.

— Ну-ка дайте почитать.

Еремеев достал из ящика рапорт лейтенанта Гребенюка и вместе с актом технической экспертизы протянул Курганову. Тот, прочитав рапорт, сказал Гвоздеву:

— С вашим решением списать лейтенанта с корабля я абсолютно согласен. А что вы намерены делать со старшим помощником капитаном третьего ранга Калистратовым?

— А при чем тут он? — вмешался Еремеев. — Калистратов свое дело знает и задачу выполнил.

Гвоздев поддержал:

— За Калистратова я буду драться зубами.

— Ишь ты, какие вы все тут кусачие! — усмехнулся Курганов и спросил у Еремеева: — Как будешь меня отправлять: самолетом или катером?

— Рейсовый самолет будет только завтра, а торпедный катер — в любое время.

— Давай катер.

Еремеев снял трубку одного из телефонов, стоявших на приставном столике, и спросил:

— Как там «поль девяносто первый»?

— Готов! — донеслось из трубки и до Курганова.

— Катер готов, — повторил Еремеев и предложил: — А может, на дорожку пообедаете? Все готово.

— Не хочется. Что-то мутит, наверное от этого проклятого давления, — признался Курганов.

— Пора бы и поберечь себя.

— Намекаешь? — обиделся было Курганов, но, посмотрев Еремееву в глаза и не увидев в них ничего, кроме искреннего сочувствия, тихо и признательно произнес: — Спасибо, Василий Петрович. Может, я иногда и был к тебе несправедлив, так не со зла. Прости, если можешь.

— Помилуй бог, за что? — искренне удивился Еремеев.

— Ну ладно, я сам знаю за что! — почему-то сердито сказал Курганов. — Проводишь?

— Разумеется.

— Тогда пошли!

Выходя, Курганов протянул руку Гвоздеву:

— Если будешь часто кусаться, смотри, как бы зубы не обломать.

— Ничего, они у меня пока что крепкие.

— Ну-ну, — усмехнулся Курганов, направляясь к двери.

Казалось бы, он должен сейчас торжествовать: ведь он оказался прав, нашлись конкретные виновники чрезвычайного происшествия. Правда, нашлись сами, а не благодаря его вмешательству. Но это не имеет значения, главное — он прав. Но удовлетворения от этой своей правоты он почему-то не испытывал. Почему?

Может быть, все дело в Калистратове? При одном воспоминании о нем Курганова пробирала неприятная дрожь. И не только оттого, что Калистратов уличил его в пристрастном подборе фактов, а, наверное, оттого, что за этим набором фактов Калистратов сумел разглядеть нечто большее: его, Курганова, отступничество от принципов.

Первое время после назначения в штаб Курганов, будучи сам опытным командиром, инспектируя корабли и соединения, старался дотошно вникать в состояние дел, до-

капывался до мелочей, и его выводы всегда были глубоки и обоснованны. Эта дотошность даже вызывала недовольство и подозрительность у некоторых его коллег, считавших, что он выслуживается. Сами они не особенно утруждали себя работой; выезжая на места, прихватывали с собой копии заключений по прежним проверкам и лишь подыскивали под эти заключения свежие, как они говорили, «жареные» факты, не особенно вникая в действительное состояние дел на корабле или в соединении. Поэтому нередко картина искажалась, но это их мало заботило, для них главным было вовремя отчитаться перед начальством. И они всегда отчитывались вовремя. А Курганов и в сроки не укладывался, и выводы у него нередко были малоприятны для начальства, с указанием на то, что так обстоят дела не только в этом соединении. Его не раз спрашивали: «А не слишком ли вы обобщаете, Валентин Иванович?»

И когда в штабе освободилась более высокая должность, на нее назначили не Курганова, а одного из тех, кто отчитывался вовремя. Первый раз Курганова это никак не задело, он считал, что у него [illegible] мало опыта штабной работы. Но когда это произошло во второй, и в третий раз, он обиделся. Вот тогда-то [illegible] его весьма распространенная и коварная мысль: «А что мне, больше всех надо?» Она-то и подсказала ему изменить стиль работы тех, кто не только вовремя отчитывался, но и вовремя продвигался по службе.

С назначением командующим флотом Малинина обстановка в штабе накалилась. Командующий, сам хорошо знающий службу и привыкший докапываться до сути, требовал этого и от других. Но одни, уже облепившись, не хотели менять свой стиль работы, а иные просто уже не могли: не хватало сил. К последним принадлежал и Курганов. Он и в самом деле все эти дни чувствовал себя плохо и держался лишь на лекарствах. И сейчас покидал базу с чувством горечи и стыда.

Зачем приезжал он сюда? В причинах отклонения учебной бомбы Еремеев разобрался бы и без него. Собственно, так оно и вышло. Он, Курганов, даже не побывал на «Стремительном». Корабль после заводского ремонта, напичканный новой техникой, а экипаж неслаженный, стоило бы посмотреть, что там делается. А он даже в старшем помощнике не разобрался. Что он представляет собой, этот Калистратов? Ну дерзит, так что из этого? За что так печет его Еремеев и Гвоздев, вон даже зубами за него собираются драться? А что за человек главный виновник этой завируд-

хи — лейтенант Гребенюк? Просто шалопай или нечто худшее?

«Надо было с ним хотя бы побеседовать», — подумал Курганов.

Но катер уже отошел.

3

Члену Военного совета вице-адмиралу Николаю Васильевичу Бородулину за многие годы службы не часто приходилось разбирать случаи, когда заместитель командира по политической части так категорично возражал против решения командира и просил вмешательства. Первый раз это было лет десять назад. Командир был опытный, о нем шла добрая слава на флоте, но он слишком уверовал в свою непогрешимость и зарвался. Пришлось ставить его на место.

Вот и сейчас Бородулин опасался, как бы случай не оказался аналогичным. Гвоздев еще молод, горяч, командует кораблем всего второй год. Перед тем как идти на «Стремительный», Николай Васильевич познакомился с личным делом Гвоздева. Ни в одной из его аттестаций не отмечалось недостатков. Но Николай Васильевич в это не поверил.

Об Афанасьеве он знал больше. Сначала Афанасьев служил на ракетных катерах, потом на сторожевом корабле, сюда назначен недавно вместо ушедшего в газету Волжанина. Особых взлетов у Афанасьева не было, но и срывов не замечалось. Работяга, аккуратен, даже несколько педантичен, начальник политотдела соединения считает, что от этой педантичности недалеко и до формализма, но тут можно поспорить с ним. У того же Волжанина при всех его несомненных достоинствах была такая неприязнь к документации, что он ее основательно запустил.

По давно укоренившейся привычке не торопиться с выводами, пока сам во всем не разберешься, Бородулин и сейчас не склонен был кого-то обвинять или оправдывать. Он решил сначала выслушать и ту и другую сторону. Но разговор с Гвоздевым и Афанасьевым отложил напоследок, а весь день провел на боевых постах и в кубриках, беседуя с людьми. Кажется, в экипаже не осталось ни одного человека, с которым он не успел бы познакомиться. Беседовал он и с лейтенантом Гребенюком и очень удивился, что лейтенант теперь уже и сам настаивает на списании с корабля.

— Почему? — спросил Бородулин.

— В другом месте мне легче будет начинать службу заново. Если ее вообще стоит начинать.

«Похоже, на гражданку навострился», — подумал Бородулин и сразу же предупредил:

— На то, что отпустим вас с флота, не рассчитывайте. Не для того вас пять лет учили. Посчитайте, сколько на вас государство потратило средств, тогда поймете, что так легко выбрасывать их на ветер не имеет смысла. Так что будьте любезны хотя бы их отработать. Между прочим, любой выпускник гражданского вуза тоже обязан определенный срок отработать там, куда его распределили.

— А если я не справлюсь с делом? Какой смысл меня держать?

— Не справитесь или вообще не способны справиться? Это два разных вопроса. До тех пор справлялись же, вывели подразделение в передовые.

— Это не моя заслуга, а старшего матроса Косолапова.

— А вот он сказал, что если бы вы его инициативу не поддержали, то подразделение так и плелось бы где-нибудь в хвосте.

— Так и сказал? — удивился Гребенюк. Уж он-то помнил, что вначале и сам сомневался в возможности перекрыть нормативы в полтора раза.

— Так и сказал.

Гребенюк задумался: «Косолапова тоже наказали, так что у него есть основания не питать ко мне добрых чувств. А он вон и тогда был готов взять вину на себя, и сейчас обо мне хорошо отзывается. И другие матросы — ребята в общем-то славные, жаль будет с ними расставаться. Судя по всему, мне вынесут предупреждение о неполном служебном соответствии и, случись что-нибудь еще, вышибут с корабля, но тогда уже с треском, не посчитавшись и с затратами на мое обучение. Так стоит ли рисковать?»

— Я подумаю, — сказал он.

— Подумайте, — согласился Бородулин и отпустил его.

Пока Николай Васильевич ходил по кораблю и беседовал с людьми, его почти всюду сопровождал замполит корабля капитан третьего ранга Афанасьев. Теперь дошла очередь и до него. Просматривая план партийно-политической работы на месяц, Николай Васильевич насчитал в нем восемнадцать только крупных мероприятий.

— Не слишком ли много на один месяц? — спросил он.

— А что, по-вашему, тут лишнее? — вопросом ответил на вопрос Афанасьев.

— Ну вот хотя бы совещание отличников по обмену опытом. Зачем оно?

— Как зачем? — удивился Афанасьев. — Чтобы распространить положительный опыт.

— В таком случае не лучше ли распространять его среди отстающих или людей, еще не ставших отличниками?

— Это мы тоже делаем. Но совещания отличников и на других кораблях проводятся. Было, если помните, даже общефлотское совещание, об этом в газете целая полоса напечатана.

— Верно. Газета потому и напечатала, чтобы об опыте передовиков знали все читатели, главным образом те, кто еще не овладел опытом. А в вашем совещании я не вижу смысла.

— Может, изменить повестку дня? — предложил Афанасьев. — Скажем, на такую: «Опыт передовиков — всем воинам».

— Это уже лучше, — вздохнул Николай Васильевич, — но все таки вы еще подумайте, нужно ли совещание отличников вообще. Это похоже на то, когда ведут антирелигиозную пропаганду среди атеистов. И вообще, у вас, я вижу, и так сплошные совещания, как бы они не подменили повседневную работу с людьми.

— А вот, пожалуйста, пункт: «Побеседовать с коммунистами БЧ-5».

— Ну и о чем же вы собираетесь беседовать? И как собираетесь беседовать: со всеми сразу или с каждым в отдельности?

— Тема сформулирована в моем личном плане. — Афанасьев достал другую папку.

Этих папок у него оказалось семь, все они заполнены строгим, аккуратным почерком. «Видно, что он человек добросовестный и работящий, — подумал Бородулин. — Во всяком случае, не бездельник. Но, кажется, прав начальник политотдела соединения, уж слишком от всего этого попахивает формализмом».

Бородулин по долгу своей службы хорошо знал многих политработников на флоте. Большинство их было политработниками по призванию. Но, как и среди людей других профессий, хотя и реже, однако встречались и среди политработников люди, случайно попавшие на эту работу, не имеющие к ней призвания. И, как правило, попытки научить их не приносили успеха, хотя учились они старательно, однако не обладали теми душевными качествами,

которым обучить невозможно. Не исключено, что Афанасьев из таких.

«Однако в случае с Гребенюком он прав и не побоялся опротестовать решение командира. Стало быть, в нем есть принципиальность и смелость. А что касается этих папок, то ведь у Волжанина документация была основательно запущена и не исключено, что, стараясь исправить положение, Афанасьев просто переусердствовал. Пожалуй, надо будет мне сходить на «Стремительном» в море, приглядеться к работе Афанасьева в походе. Если и не получится из него хороший замполит, то, может быть, взять его в политуправление, в отдел партийного учета, там он, пожалуй, будет на месте».

Оставленный Бородулиным напоследок разговор с командиром корабля был нелегким. Гвоздев твердо отстаивал свои позиции, и пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы переубедить его. Тем не менее Николаю Васильевичу командир понравился. Подкупали и эта его твердость, и эрудиция, и любовь к флотской службе. Но Бородулин и тут не торопился с выводами: «Вот в походе заодно приглядюсь и к Гвоздеву, посмотрю на него в деле».

4

Выйдя на «Стремительном» в море, Бородулин редко заходил в отведенную ему флагманскую каюту. Почти все время он проводил на боевых постах и в кубриках, лишь изредка поднимаясь на мостик, чтобы узнать, какую задачу корабль выполняет сейчас и какие ему предстоит выполнять в ближайшее время.

Командир соединения контр-адмирал Еремеев не поскупился на эти задачи, поставил их на поход столько, что экипаж работал не просто с полным напряжением, а почти на пределе сил и возможностей. К тому же опять зашторило, это еще более осложнило решение задач, и моряки после очередной вахты порой буквально валились с ног. И едва подвахтенные успевали вздремнуть часок-другой, как сигнал учебно-боевой тревоги снова поднимал их и они разбегались по своим заведованиям. Спали урывками, некоторые матросы не хотели тратить времени даже на умывание, и старшинам приходилось, как у первоклашек, перед едой проверять, чистые ли у них руки.

Поэтому Бородулин, проходя в первом часу ночи у ...ленческой каюты, удивился, что там горит свет. Полагая

что его просто забыли выключить, он решил сделать это сам, но, приоткрыв дверь, увидел сидящих за столом двоих матросов. Когда он вошел, оба вскочили, и только теперь Николай Васильевич обнаружил, что они похожи друг на друга как две капли воды.

— Матрос Эгамбердиев, — представился один из них.

— Матрос Эгамбердиев, — как эхо, отозвался другой.

— Братья?

— Так точно, близнецы.

— Да вы садитесь. Почему не спите?

— Надо немного позаниматься, товарищ вице-адмирал.

На столе была расстелена электрическая схема какого-то прибора, изрядно испачканная и подклеенная на сгибах.

— Другого времени не нашли?

— Нам спешить надо. — Отвечал все время один матрос, другой молчал. — Тут такое дело, товарищ вице-адмирал...— Матрос помялся, глянул на брата, как бы сомневаясь, стоит ли говорить дальше, и [illegible] — Мне командир краткосрочный отпуск дал на [illegible] суток, а ему нет. А как я поеду один? Что скажут отец и мать, братья и сестры?

— И много у вас сестер и братьев?

— Еще три сестры и четыре брата. Двое уже отслужили, правда, в сухопутных войсках. Вот они-то первыми с меня спросят, почему я недоглядел за младшим братом.

— И намного он младше вас?

— Говорят, минут на пятнадцать. Все равно я за него отвечаю. Вот и натаскиваю.

— Ну и как? Получается?

— Он неглупый, только ленивый, поэтому и отстал. Но он догонит. Если командир дивизиона согласится принять у него зачет, он сдаст.

— Командира дивизиона я попробую уговорить, — пообещал Бородулин, — а вы все-таки идите спать.

Когда матросы ушли, Николай Васильевич погасил свет и тоже направился было в отведенную ему флагманскую каюту, но по пути встретил старшего помощника командира корабля капитана третьего ранга Калистратова.

— А вы-то что не спите, товарищ вице-адмирал? — удивился старпом.

— Вы ведь вот тоже не спите.

— Ну, наше дело такое. Скоро мне подменять командира на мостике, хочу перед этим пройтись по кораблю. На вахте сейчас немало молодых матросиков, а ведь штормит. Как бы кто из них не скис, а то еще и за борт загреметь может.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию?

Начальству опасно возражать.

Сначала они обошли все боевые посты на верхней палубе. Когда Бородулин рассказал старпому о братьях Эгамбердиевых, тот похвалил:

— Хорошие ребята. Особенно старший — Маман. Если Ролан подтянется, отпустим их домой вместе.

Вахтенный у масляного насоса матрос Гаврилов спал, и Калистратов снял его с вахты, отвалив ему две недели без берега.

— Для Гаврилова это самое тяжкое наказание, — пояснил он. — У него на берегу девочка завелась...

Почти всех матросов старпом знал не только по фамилии, но и по имени, а к некоторым обращался и по отчеству:

— Что, Иван Кузьмич, приуныл? — спрашивал он вахтенного гидроакустика.

— Так ведь молчит море-то. Вон даже дельфины попритихли.

— Это же хорошо, что молчит.

— Оно, конечно, так. Только уж больно муторно слушать одну тишину. Так и тянет в сон.

— Смотри и в самом деле не усни.

— Как можно!

За все время обхода корабля Бородулин не встретил ни одного корабельного политработника и утром упрекнул Афанасьева:

— Чем они у вас занимаются? Протоколы переписывают красивыми почерками? Политработники должны постоянно находиться среди людей и вести с ними живую работу. Живую! Распишите всех политработников по вахтам.

— Так они и расписаны.

— А вот мы со старшим помощником прошли по всему кораблю и ни одного из них не встретили.

Афанасьев усмотрел в этой фразе скрытый намек на то, что старпом работает лучше, чем он, замполит, и обиделся. Когда он принимал дела у Волжанина, то именно старший помощник, обращаясь, правда, к Волжанину, пошутил:

— Хорошо вам, политработникам: рот закрыл — дела сдал, рот открыл — дела принял. А у нас техника, там каждый винтик принять надо.

Волжанин тогда рассмеялся, а вот Афанасьев воспринял шутку как недооценку значения партполитработы.

Отношения со старшим помощником у него как-то не то чтобы не складывались, однако носили слишком официальный характер.

Заметил это и Бородулин. Он понимал, что после Волжанина, которого на корабле любили, к Афанасьеву все относятся, пожалуй, слишком настороженно и ревниво. Но Николай Васильевич по своему опыту знал: если твой предшественник был хорошим работником и пользовался авторитетом, то после него трудно бывает только на первых порах, пока и тебя не признают, зато потом легче работать. Если же твой предшественник был слаб, то после него сразу замечают твою работу и признают авторитет, зато потом месяцами приходится исправлять его ошибки и просчеты.

Нельзя сказать, что Афанасьев не прижился на корабле и к нему плохо относятся. Его прилежность отметили не только офицеры, но и старшины и матросы, однако магия корабельного авторитета была еще сильна. С Афанасьевым просто смирились как с неизбежностью. Его вежливо выслушивали, но не отзывались, и редко кто отваживался распахнуть перед ним душу. «Исповедоваться» предпочитали старшему лейтенанту медицинской службы Коновалову, и Бородулин даже подумал: «Вот бы кого назначить замполитом, но что же все-таки делать с Афанасьевым? Отправить в академию поучиться? Но ведь академия тоже не всему может научить».

Стараясь помочь Афанасьеву не на словах, а на деле, Бородулин на какое-то время практически подменил его. И сразу же энергичнее стали и другие политработники корабля, живее начали проходить политинформации и беседы, в час выхода радиогазеты все больше моряков собиралось у динамиков, а карту похода, возле которой давал пояснения кто-нибудь из штурманов, пришлось перевесить в четвертый кубрик, поскольку в коридоре, где она висела раньше, люди уже не умещались. Командир корабля Гвоздев как-то шутливо заметил:

— Оставались бы вы у нас, товарищ вице-адмирал, на все время.

Должно быть, он все-таки затаил обиду на Афанасьева за то, что тот настоял оставить Гребенюка на корабле.

— У вас свой замполит есть, — ответил Бородулин. — Между прочим, было бы неплохо, если бы вы, Вениамин Александрович, помогли ему.

— Чем, например?

— Ну хотя бы тем, что почаще общайтесь с ним.

— Да уж куда чаще-то! Мы и так почти не разлучаемся.

— Я имею в виду не только официальное общение.

Гвоздев пожал плечами.

«Конечно, дружить их не заставишь. Как говорится, насильно мил не будешь, — думал Николай Васильевич. — Но Афанасьев мог бы многому поучиться у своего командира».

В Гвоздеве подкупала прежде всего эрудиция. Он был начитан, хорошо разбирался в литературе и искусстве, знал историю. Кроме того, он был веселым и остроумным, и люди охотно беседовали с ним, извлекая из этих бесед немало пользы для себя. Но иногда его замечания были довольно ядовитыми.

— Любезнейший Ястребиный Глаз, — обращается он к сигнальщику, прозевавшему появление на горизонте транспортного судна, — не изволите ли сообщить, что у нас делается по правому борту?

— Транспорт, правый борт тридцать, дистанция... — запоздало докладывает сигнальщик.

— Благодарю вас. Сообщите, пожалуйста, старшине, что имели милую беседу с Длинным Когтем.

— Есть! — уныло отвечает сигнальщик, сообразивший, что эта игра в индейцев выйдет ему боком.

Однако Бородулин не хотел, чтобы кого-то сильно обидела такая манера командира разговаривать с провинившимися. Наоборот, она оставляла у них более сильное ощущение собственной вины.

5

Все делали вид, будто ничего не произошло, матросы работали даже старательнее, чем раньше, но настроение у лейтенанта Николая Гребенюка было поганое. Он понимал, что должен сделать что-то такое, чтобы ему снова поверили, но что именно — не знал. В бессонные ночи снова и снова перебирал в памяти всю свою жизнь, впервые серьезно пытаясь разобраться в самом себе.

До этого жизнь его протекала в общем-то почти безоблачно. Родился он в Крыму, в курортном местечке на берегу моря, в довольно обеспеченной семье. Отец его работал шофером в шахтерском санатории, мать — медсестрой, но зарплата у обоих была небольшая. Главный источник дохода составляли дом и сад. Дом был большой, в разгар курортного сезона в нем умещалось до шестнадцати постояльцев. Они же были и основными потребителями выращиваемых в саду клубники и винограда, абрикосов и персиков, яблок и слив. К тому же по выходным дням отец подрабатывал на собственном «Москвиче».

В обязанность Кольке вменялось следить, чтобы не обворовывали сад и кто-нибудь из постояльцев не спалил дом, но Колька исполнял эти обязанности плохо, а большую часть дня проводил на море, купаясь и загорая, доставая со дна ракушки рапангов или ловя с причала ставридку. Как и многие жившие в курортных местах дети, он был убежден, что жизнь — это сплошной праздник и удовольствия. Он круглый год видел только отдыхающих и никогда не задумывался над тем, что они одиннадцать месяцев в году работают на полях и у заводских станков, рубят уголь в шахтах, пробиваются сквозь льды Арктики, тянут через тайгу железнодорожную магистраль. Он видел лишь веселых и щедрых людей, купающихся в море, играющих в преферанс или на бильярде, по вечерам танцующих, пьющих вино и «крутивших любовь» в глухих закоулках парков.

В их бухту военные корабли не заходили, они лишь изредка появлялись вдали от берегов, стройные и стремительные. И Колька был убежден, что жизнь у моряков еще более красивая и праздничная, чем на берегу. Но первая же курсантская практика на [illegible] начисто опрокинула это представление, он [illegible] рапорт о том, чтобы его отчислили из училища, но [illegible] отчислят его не домой, а опять же на корабль, [illegible] придется три года служить простым матросом, валял [illegible] ратно.

К своему удивлению, уже во втором плавании он начал привыкать к корабельной жизни. В отличие от многих других курсантов, ранее никогда не видевших моря, он плавал, как дельфин, не укачивался даже в самый жестокий шторм и чувствовал себя чуть ли не героем, подменяя на вахте скисших «слабаков». Стажировку он проходил тоже на большом противолодочном корабле, и назначение на «Стремительный» поставило его по сравнению с другими молодыми офицерами, стажировавшимися на других типах кораблей, в более выгодное положение. Ему не надо было заново изучать устройство корабля, и он первым из выпускников получил допуск к самостоятельному управлению.

Почин матроса Косолапова, подхваченный другими моряками, вывел его группу на первое место, лейтенант Гребешок стал заметным человеком не только на своем корабле, о нем стали говорить и на совещаниях офицеров соединения, упомянули даже в передовой статье флотской газеты. И хотя сам Гребешок сначала не очень обольщался этой неожиданно свалившейся на него славой, сокурсники по училищу, иногда не без зависти, предсказывали ему перспективу быстрого продвижения по службе и постепенно

вселили в него не только надежду, но и уверенность, что именно так и будет.

Еще из учебника навигации Гребенюк знал, что дальность видимости зависит от высоты глаза наблюдателя, и надеялся, что, продвигаясь по служебной лестнице вверх, он как бы автоматически будет расширять собственный кругозор. И не отклонись эта злосчастная бомба, он, наверное, еще не один год бездумно пересидел бы под крылом удачливой фортуны. «Витал в облаках, а на земле еще прочно не утвердился. Поэтому и снесло первым же порывом ветра», — мрачно подытожил он.

Перебирая всю свою жизнь, он нашел в памяти немало такого, чему раньше не придавал значения. Однажды, еще в училище, получив из дома посылку, он не выставил ее, как это было принято у курсантов, на общий стол, а спрятал в баталерке и, доставая потихоньку то яблоко, то апельсин, торопливо съедал их где-нибудь на безлюдной лестничной площадке. Правда, при этом он испытывал некоторые угрызения совести, но забыл о них сразу же после того, как истребил содержимое посылки.

А как обошелся с Мариной? Когда она призналась, что забеременела, перестал встречаться. Но спустя два месяца, узнав, что она сделала аборт, пришел снова. «Почему она тогда не прогнала меня? Может быть, действительно любит?»

Он снова и снова вспоминал и разговор с сопровождавшим его в комендатуру старшим лейтенантом. «А ведь он был прав. Теперь мне не только службу, но и всю жизнь придется начинать сначала. Но с чего же все-таки начать? Как сделать, чтобы я открыто и честно мог смотреть в глаза тому же Косолапову да и остальным матросам? Пожалуй, надо начать с откровенного признания своих ошибок».

Признание это было нелегко сделать. Одно дело показаться перед кем-то из начальников, а другое — перед всеми. Его и без того сейчас многие поучают. Что многие — пожалуй, неплохо, большинство желает ему добра. Плохо, что поучают кому не лень. Не получится ли, что кроме начальников его станут поучать все подряд? А хуже того — жалеть?

Но тут: или — или. Или помалкивать, или выложить начистоту все и всем. И только откровенно, ничего не утаивая, не опасаясь, что тебя не поймут или поймут неправильно.

И все-таки прошло еще несколько дней, прежде чем он решился пойти к командиру.

Гвоздев, вы
решению «испо
Вспомнив разго
— Было бы
пригласили. Есл
И вот все со
столь массовым
сторожено прит
нант Гребенюк,
ему публичный
и начал без преди
— Буду преде
о случае с отклон
чину ее отклонени
думал, на это не о
называть вещи св
нчал, не желая,
склоняли по всем
венным, то побоял
старший матрос Ко
бы этот факт. Но о
Все повернулись
стел удивленный ш
матросов об этом не
и еще более твердо
— Партийное бю
мне строгий выговор
меня с корабля, одн
не знаю, как мне б
смотреть в глаза не
но и всем вам. Хотя
лось, но я чувству
ние командования. За
и меня было еще не
приятный случай пом
нено. Я сделал для се
ва, судьбе было угоди
ся. Я хочу, чтобы вы
Гребенюк умолк и
вал ему, и лейтенант с
— Вопросы есть? —
Все молчали, с инте
но внимательно его увид
Тогда встал командир
— К тому, что ска

Гвоздев, выслушав Гребенюка, несколько удивился его решению «исповедоваться» перед матросами, но согласился. Вспомнив разговор с членом Военного совета, предложил:

— Было бы неплохо, если бы вы и замполита корабля пригласили. Если бы не он, списал бы я вас с корабля.

И вот все собрались в кубрике. Матросы, удивленные столь массовым нашествием корабельного начальства, настороженно притихли. Они заметили, как волнуется лейтенант Гребенюк, и решили, что сейчас начальство устроит ему публичный разнос. Но встал сам лейтенант Гребенюк и начал без предисловий:

— Буду предельно краток и откровенен. Вы все знаете о случае с отклонившейся учебной реактивной бомбой. Причину ее отклонения я понял сразу, но никому не доложил, думал, на это не обратят внимания, как-нибудь сойдет. Если называть вещи своими именами, то я попросту смалодушничал, не желая, чтобы наше подразделение, как говорится, склопяли по всем падежам. И если уж быть совсем откровенным, то побоялся испортить себе карьеру. И если бы не старший матрос Косолапов, то я, может быть, вообще скрыл бы этот факт. Но он заставил меня признаться.

Все повернулись к Косолапову, и по кубрику прошелестел удивленный шепот. «Стало быть, Косолапов никому из матросов об этом не рассказывал», — удивился и Гребенюк и еще более твердо продолжал:

— Партийное бюро обсудило мой проступок и вынесло мне строгий выговор. Я подал рапорт с просьбой отчислить меня с корабля, однако мне отказали в этой просьбе. Но я не знаю, как мне быть, потому что уже не могу открыто смотреть в глаза не только старшему матросу Косолапову, но и всем вам. Хотя вы и делаете вид, будто ничего не случилось, но я чувствую, что потерял ваше уважение и доверие командования. За эти дни я многое передумал. У меня в жизни было еще немало ошибок и заблуждений. Этот неприятный случай помог мне осознать их более отчетливо и ясно. Я сделал для себя соответствующие выводы. Но, коль уж судьбе было угодно, чтобы мы и дальше служили вместе, я хочу, чтобы вы знали об этом и поняли меня.

Гребенюк умолк и оглянулся на командира. Гвоздев кивнул ему, и лейтенант сел.

— Вопросы есть? — спросил Белоглазов.

Все молчали, с интересом поглядывая на Гребенюка, как будто впервые его увидели.

Тогда встал командир корабля.

— К тому, что рассказал лейтенант Гребенюк, я добав-

за последующее. Это я заставил его написать рапорт об отчислении с корабля. Но со мною не согласился заместитель по политической части капитан третьего ранга Афанасьев. Он обратился к вышестоящему командованию и добился, чтобы лейтенанта Гребенюка оставили на корабле. Теперь я вижу, что прав был не я, а замполит. Вы согласны?

— Согласны! — точно заранее сговорившись, хором выкрикнули моряки.

— Хорошо, что и вы это поняли. Но я прошу понять и другое. Лейтенанту Гребенюку трудно было решиться вот так прямо и откровенно рассказать вам обо всем. Еще труднее будет ему работать. Может быть, не все из вас вполне понимают, как тяжело бывает человеку начинать все сначала. Но мы рассчитываем на вашу сознательность и на вашу помощь. Лейтенант Гребенюк остается нашим командиром и, надо полагать, сейчас станет более требовательно подходить не только к себе, но и к каждому из вас. — Гвоздев направился к трапу.

Вслед за ним потянулся и остальные офицеры, но замполита задержал матрос [illegible]

— Спасибо вам, товарищ [illegible] ранга третьего ранга. Хотя я и сам пострадал в этой истории, но считаю, что вы правильно заступились за лейтенанта. Лошадь вон о четырех ногах, а и та спотыкается.

Тут подошел и старшина матрос Косолапов и предложил:

— Пойдемте с нами на кит, товарищ капитан третьего ранга. Перекурим это дело...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Антонину Петровну, задержавшуюся в госпитале больше чем на неделю, пришлось выписать, а другой такой щедрой на молоко не оказалось, и Валя перед каждым кормлением бегала к Антонине Петровне за сцеженным для Коськи молоком.

Аграфена Севастьяновна стала настаивать:

— Нечё ему тут побирушкой жить, не без родни ведь. Я сама управлюсь, троих вон выходила.

Когда Валя принесла на «скорой помощи» мальчика и внесла его в комнату Гвоздевых, там было жарко, как в бане, а в печке-голландке еще пылал огонь.

— Вы что, простудить его хотите? — спросила Валя, распахивая форточку.

— Да ты что, девша? — удивилась Аграфена Севастьяновна. — Я же поне второй раз топлю, вон как накалила.— Она плюнула на покрытую рифленым железом печку, и та зашипела. — А ты тепло выпушшаешь.

— Какое там тепло? У вас жарница хуже африканской! Он же мокрый будет все время; чуть приоткросте дверь, дохнет ветерок — и вы его простудите. Извините, но так, бабушка, нельзя.

— А у нас в деревне сроду так делали. Пар-от, он костей не ломит, — проворчала старушка и, усевшись в сторонке, стала пристально и недоверчиво наблюдать.

Проветрив комнату, Валя развернула ребенка. Сменив пеленку и подгузничек, она не стала пеленать Коську, а дала ему немного полежать голеньким, потом начала осторожно поглаживать. Он сначала позевывал и потягивался от удовольствия, а потом энергично засучил ножками.

— Ишь ты, какой живчик! — улыбнулась Аграфена Севастьяновна. Однако вскоре опять нахмурилась, когда Валя, делая Коське дыхательную гимнастику, стала разводить в стороны и поднимать его ручонки. Аграфена Севастьяновна несколько раз привставала со стула, видимо, порывалась вмешаться, но сдерживала себя и лишь один раз не вытерпела и спросила: — Не помнишь мальчонку-то? Косточки-то у его совсем ишшо хрупкие.

— Не помню, — успокоила ее Валя. — Нас ведь учат, и он не первый через мои руки прошел. Так что все я делаю правильно, бабушка.

— Раз не пишшит, сталыть, все правильно, — неохотно согласилась Аграфена Севастьяновна и спросила: — А может, ему исть пора?

— Как будет пора, так и запищит.

— И то! — и осторожно поинтересовалась: — Не слыхала, когда Вениамин-то возвернется?

— Не знаю, бабушка. Обычно здесь никто, кроме начальства, не знает, когда они приходят и уходят.

— Вот и Константин Анисимович Варфоломеев так же сказывал. Военная, говорит, тайна. Очень уважительный мужик, а вот не сказал.

— Может, и он не знает?

— Может, и так.

«Однако, если они задержатся надолго, придется мне отпуск брать, — подумала Валя. — Старушке одной не управиться: и печку топить надо, и пеленки стирать и гладить, и себе еду готовить...»

Но на другой день прибежала Юля Калистратова, при-
нялась помогать. Однако предупредила:

— По хозяйству я все делать буду, а вот с ребеноч-
ком — боюсь. У меня ведь своих-то еще не было.

И Вале пришлось взять отпуск и в детском садике, и в госпитале. На обеих работах ей оформили отпуск не как очередной, а по семейным обстоятельствам, хотя она об этом никого не просила. А в городке уже знали, что это за обстоятельства, и многие предлагали Вале свою помощь, но ей хватало одной Юли Калистратовой.

Однако в этой истории было и что-то такое, что под-
стегнуло воображение охочих до всяких историй местных кумушек. «А случайно ли это?» — философски вопрошали одни из них. «Почему именно Новосельцева, молодая, симпатичная и незамужняя девушка, а не какая-нибудь сердобольная и солидная женщина?» — сомневались другие. «А не была ли эта медсестра ранее любовницей капитана третьего ранга Гвоздева?» — задумывались третьи. И каждый отвечал на эти вопросы в соответствии с собственными представлениями о добре и зле.

Правда, до Вали эти пересуды пока не дошли, но Юле Калистратовой пришлось затрачивать немало усилий, чтобы опровергать нелепые слухи, ибо «на чужой роток не накинешь платок». Однако слухи каким-то образом дошли и до Аграфены Севастьяновны, и она прямо спросила Юлю:

— Ну-ка скажи, какие тут сплетни распускают про Валю и Вениамина?

— Ерунда все это. Они до того, как Полина попала в госпиталь, и не знали друг друга. А может, и до сих пор ни разу не встречались.

На всякий случай Аграфена Севастьяновна к слову спросила об этом и Валю:

— Веньку-то моего давно знаешь?

— Видела один раз, приходил к Полине перед похо-
дом. А по телефону много раз говорили. По телефону он почему-то сердитый.

— Должно быть, моего характеру. Я ведь не больно ужившивая, — призналась Аграфена Севастьяновна и не-
жиданно подумала: «А вот с тобой ужилась бы».

Но тут заворочался Коська. Не разлепив век, он зевнул головенкой из стороны в сторону, раскрыл беззубый ротик, половил им что-то, не поймав, почмокал ротиком, пальчиком и заорал. Валя глянула на часы и удивилась, но не заметила:

— Привык уже к режиму. Сейчас по времени ему как раз пора обедать.

Пока она грела в кастрюльке с водой бутылочку с молоком и кипятила соску, Коська орал все настойчивее и громче.

— Не зайдется? — встревоженно спросила Аграфена Севастьяновна, мысленно упрекнув Валю: «Раз знала, что по часам пора кормить, то могла бы и ко времю подогреть молоко-то...»

— Пусть покричит, от этого легкие развиваются, — успокоила Валя, прикладывая бутылочку к щеке.

— Дак жалко!

— Уже готово. — Валя, будто дразня, сперва поводила соской по Коськиным губкам, а потом уж позволила поймать ее. Он жадно вцепился в соску деснами, Валя легонько попыталась отнять ее, но он не выпустил, а закусил так, что молоко перестало поступать, и Валя рассмеялась:

— Дурачок ты, дурачок! — Осторожно вытянув соску, она снова поводила ею по Коськиным губкам и, уронив в них несколько капель молока, снова дала соску. Теперь он сосал не так жадно, но успокоился не сразу. Лишь удостоверившись, что соску у него больше не отнимут, начал втягивать молоко спокойно, без рывков, и ровно столько, чтобы не захлебнуться.

— Понятливой! — зафиксировала этот момент Аграфена Севастьяновна и с гордостью добавила: — Весь в Веньку! И похож на него личиком.

Валя этого не находила. Правда, губки у Коськи такие же раскатистые, как у отца, а все остальное — и чуть вздернутый носик, и маленькие ушки, и лобик — Полины Поликарповны...

Когда Коська, вытолкнув языком соску, сыто отвалился и заснул, Аграфена Севастьяновна заметила:

— А ты, девша, видать, добрая... — и опять подумала, что с Валей она бы обязательно ужилась. Грешно, конечно, думать об этом сейчас, когда и месяца не минуло после смерти Полины. Однако Коське-то вон жить надо...

2

Гвоздеву предоставили отпуск. Он предложил Аграфене Севастьяновне лететь самолетом, та наотрез отказалась:

— Я слыхала, они падают...

— Да не бойся!

— Мне что, я свое уже пожила. А вот вам, особливо Коське... У Татьяны-то одни девки, да и те Шумовы, а Коська весь наш гвоздевский род представлять должен и фамилию продолжать будет нашу.

Однако помимо этого соображения было у Аграфены Севастьяновны и другое, может быть, не менее важное: она подсчитала, что поездом им чуть не целую неделю ехать, на такой срок Веньку с Коськой одних не отправят, может, и Валентину отпустят сопровождать. А за неделю-то они бы и попривыкли друг к другу. А то ведь упустит Венька такую девушку.

Рано, конечно, думать ему о новой женитьбе, да ведь не век же он один будет жить. По всему было видно, что Полину он сильно любил и забудет не скоро, если вообще сможет забыть. И Аграфене Севастьяновне она была по душе. Не потому, что каждый месяц посылала денежные переводы и часто писала [illegible] в которых находила такие ласковые слова, которых [illegible] Венька сроду и не говорил. Главное было не в словах, а в том, что Полина сразу вошла в их семью как родная, [illegible] всю жизнь прожила с ними. Может, помимо [illegible] доброты и общительности на это повлияло и [illegible], другой-то родни у нее не было. Именно по [illegible] они с Венькой все отпуска проводили в деревне, хотя им каждый год предлагали путевки в санатории.

«Вот и у Вали родни нет, похоже, и она нами брезговать не станет, хотя и городская», — прикидывала Аграфена Севастьяновна и думала, как бы сделать так, чтобы Венька и после отъезда ее и Коськи не терял с Валей связь. Конечно, раньше чем через год ему жениться снова нельзя, да ведь год пролетит быстро, а Вали совсем еще молоденькая и выходить замуж, похоже, пока не торопится. А за год, глядишь, попривыкнут, может, и понравится друг дружке.

Пока-то, правда, не заметно, чтобы нравились. Веньке, конечно, сейчас не до того, чтобы на других заглядываться. Когда он увидел в доме Валю, то даже и не удивился вроде, только и сказал:

— А, Минуточка...

Аграфена Севастьяновна не поняла, почему он так сказал, по его безразличный тон обидел ее. Потом-то она пересказала Веньке все, что сделала для Коськи Валя, но и это его не расшевелило, будто так все и должно быть. Да и Валя не обращает на Веньку никакого внимания, все

больше Коськой занимается. И это тоже не то чтобы обижало Аграфену Севастьяновну, но огорчало ее. Может, только один Константин Анисимович Варфоломеев и понимал ее и тоже советовал Веньке поехать поездом. Но тот заупрямился и настоял на своем.

Провожая их на аэродром, Валя наказывала:

— В райцентре вы сразу идите в роддом, там вам помогут и с детским питанием, и сестру патронажную обязаны закрепить за Коськой. А на дорогу я вам все припасла... — и совала в сумку бутылочки и баночки.

— Спасибо тебе, дочка! Дай тебе господь здоровья и счастья! — Аграфена Севастьяновна впервые за все это время всплакнула. — Не забывай нас...

3

Горе само по себе тяжко. Но если к нему еще примешиваются и укоры совести, оно становится намного тягостнее. А Гвоздев считал себя виноватым в смерти Полины. Он обязан был запретить ей рожать. Но ведь не только не настоял и не запретил, а даже, как ему теперь казалось, мысленно одобрил тогда решение Полины и где-то в глубине души обрадовался и ждал сына.

И вот он, сын. А Полины нет.

Ненавидя и презирая себя, Гвоздев и к сыну испытывал двойственное чувство: с одной стороны, его охватывала горькая жалость, а с другой — не мог заглушить в себе мысль о том, что и сын виноват в смерти матери. «Да он-то при чем? — тут же спохватывался Вениамин Александрович. — Его же еще на свете не было!»

Аграфена Севастьяновна, глядя на осунувшееся, почерневшее лицо сына, истолковывая все по-своему, утешала:

— Так ты уж так-то, Веняша, не убивайся. Все со временем образуется. Жисть-то, она по-всякому складывается... Тебя она тоже не шибко баловала.

Что верно, то верно — не баловала.

Отец умер, когда Веньке исполнилось шесть лет, а Таньке не было и четырех. Сказались, видно, полученные на войне раны, особенно простреленное легкое. А двумя месяцами позже, в мае, умерла на двенадцатом году старшая сестра Варя.

Тот год был для них особенно тяжелым. За все предыдущее лето не выпало ни одного дождя. В колхозе на заработанные отцом и матерью трудодни дали всего два мешка

ка руки, их едва удалось растянуть до февраля. В марте кончилась и картошка, в апреле съели и семенную. И как раз к этому времени отдоила корова, есть стало совсем нечего.

Вот тогда-то мать и решилась на крайнюю меру: выменяла на крупорушке единственный отцовский костюм на восемь килограммов ячменя и полмешка пшеничной шелухи. Вернувшись с крупорушки, тут же принялась печь лепешки. Да, видно, переложила в них этой шелухи, лепешки получились плотными, как глина. И съели-то всего по две, но уже к утру у всех начался кровавый понос. Веньку с Танькой удалось отходить в районной больнице, а Варя в больницу не поехала, и у нее случился заворот кишок.

Мать долго казнила себя:

— Это осподь бог меня покарал. И то подумать, какой грех на душу взяла: трех месяцев ишо не прошло после смерти мужа, а я кустюм ево продать здумала. Сохрани и ево, может, и с Варюхой этова не стряслось бы.

А без Вари стало совсем худо. Раньше она присматривала за коровенкой и младшими ребятишками, была, собственно, полновластной хозяйкой в доме, мать они почти и не видели, работала она от темна до темна. Таскать детишек с собой матери тоже оказалось не с руки — полевой стан, где она работала, был в восьми километрах от деревни.

Оставшись без присмотра, Венька и Танька сначала безвылазно сидели дома. Потом деревенские мальчишки повадились ходить в лес и уманили с собой Веньку. В лесу было хорошо: и весело и сытно, потому как пошли пикаши, пучки, саранки, ягоды, и Венька не только сам наедался до отвала, но и приносил Таньке. Но когда об этом узнала мать, то отшлепала его и строго-настрого запретила оставлять Таньку одну.

— Ты же большой, а она совсем махонькая. А ну как в колодец упадет или под машину закатится?

Насчет колодца мать, может, и права была, а вот попасть под машину Таньке почти невозможно, потому как в колхозе всего одна вконец разбитая полуторка, которая больше стояла в сарае, а если когда и выезжала оттуда, то гремела на всю деревню, как ящик с гвоздями, и по их проулочку сроду и не проезжала.

Пришлось теперь таскать Таньку с собой, а дело это оказалось муторное: то ее комары да науты зажрут, то об гу о сучок напорет, то перепелка, выпорхнув из-под самых

ног, испугает
можешь, друг
Однако хо
подножный к
подкапывать.
ной два ведр
огород, правд
проросли, хотя
сем сытно ста
новые заботы
Пришла
времени колхо
вые, послевоен
вие засеять пол
му же лето вы
трудодень заме
школе перенесл
тав на колхозн
пятнадцать тр
одежку и обувку
Мать решила
к осени корова
у соседей под
прихватили еще
До районного ц
Васильевич Шу
Веньке, но тот
была деревянная
пах. Лошадка
лепький пригоро
сползал с облучк
сзади.
Пока одолели
Венька уже устал
лометров до полу
Мать отсыпала В
так, чтобы спереди
на плечо. То же с
руки ведра с варе
Надо было пот
посад, который хо
Другие поезда на
привыкшая к тяж
устала, и они сдел
ток с картошкой,

ног, испугает, и забазлит Танька на весь лес. Пока ее угомонишь, другие ребятишки всю полянку оберут.

Однако хотя и с горем пополам, а все же добывали подножный корм. А потом потихоньку и картошку начали подкапывать. Колхоз, как семье фронтовика, выделил весной два ведра из семенного фонда, засадили почти весь огород, правда, не целыми клубнями, а глазками, и они проросли, хотя и позже, чем обычно. А с картошкой и совсем сытно стало. Жить бы да жить припеваючи, однако новые заботы появились...

Пришла пора Веньке идти в школу. И хотя к тому времени колхоз уже оклемался, потому что подросли новые, послевоенные работники, по сверху поступило указание засеять поля кукурузой, а она тут сроду не росла. К тому же лето выдалось дождливое, колхоз остался без хлеба, трудодень заметно полегчал. Правда, начало занятий в школе перенесли с сентября на октябрь, и Веньке, поработав на колхозном огороде, прибавил к материнским свои пятнадцать трудодней, но вконец износил последнюю одежку и обувку, в школу идти было не в чем.

Мать решила съездить в город на базар. Но, как назло, к осени корова мало давала молока, пришлось занять его у соседей под новый отел. Натопили два ведра варенца, прихватили еще мешок картошки и отправились в город. До районного центра их поклажу подвез почтальон Иван Васильевич Шумов, он уступил было место на облучке Веньке, но тот отказался: одна нога у Ивана Васильевича была деревянная и увязала в дорожной грязи по самый пах. Лошаденка была костлявая, как одёр, даже на маленький пригорок тащить телегу одна не могла, почтальон сползал с облучка, и они втроем подталкивали телегу сзади.

Пока одолели эти одиннадцать километров до села, Венька уже устал, а надо было от села еще идти шесть километров до полустанка, да не порожняком, а с поклажей. Мать отсыпала Веньке полмешка картошки, раскатала ее так, чтобы спереди и сзади было поровну, и закинула ему на плечо. То же самое проделала со своим мешком, взяла в руки ведра с варенцом, и они двинулись в путь.

Надо было поторапливаться, чтобы успеть на рабочий поезд, который ходил до города всего два раза в сутки. Другие поезда на разъезде не останавливались. Но даже привыкшая к тяжелой крестьянской работе мать вскоре устала, и они сделали первый привал. Усаживаясь на мешок с картошкой, мать наставительно говорила:

— Вот, Веня, пойдешь в школу, дак учись хорошо, тогда не придется тебе такие тяжести носить. Ученым-то полегче работу дают.

На другом привале добавила:

— А может, ишо и на инженера выучишься...

На рабочий поезд они все-таки успели, но тащился он медленно, останавливаясь чуть ли не у каждого столба, и в город пришел только вечером, когда базар уже закрылся. Однако матери удалось продать и варенец и кватошку тут же, на вокзале: проезжего люду здесь было видимо-невидимо. Потом им опять повезло: удалось занять место на длинной деревянной скамейке. Это было и впрямь везением: найти свободное место даже на полу было трудно.

Утомленный дорогой, толкотней на вокзале и впечатлениями, Венька сразу же задремал и, наверное, уснул бы, но тут до него донесся какой-то непривычный и необыкновенно вкусный запах. Венька, отыскивая источник этого запаха, поводил носом и остановил взгляд на солдате, сидевшем напротив. Солдат держал в одной руке кусок хлеба, а в другой — что-то круглое, похожее на колесо, и Венька догадался, что столь необычный запах исходит именно от этого колеса. Солдат с треском рвал его зубами и жевал долго и сосредоточенно. Но вот, поймав Венькин удивленный взгляд, перестал жевать, задумался, потом встал, поднял из-под ног зеленый, как и вся его одежда, мешок, положил его на скамейку («Чтобы не занимал место», — догадался Венька) и, перешагивая через лежащих на полу людей, направился прямо к Веньке. Взгляд у солдата был мрачным, и Венька испугался, что сейчас он прогонит их с этого теплого места и тогда им придется ночевать на холодном каменном полу. Но солдат вдруг улыбнулся, подмигнул Веньке и, отломив от начатого колеса половину, протянул ему:

— На-ко, парень. Поди, и не пробовал... — и вопросительно глянул на мать.

— Где там! — подтвердила она и, отвернувшись, полезла за пазуху. Достав оттуда узелок с деньгами, развязала его, послюнявив пальцы, отделила от кучки три и протянула его солдату: — Этого хватит?

— Да ты что, баба, спятила? — рассердился солдат, отстраняя ее руку. — Я те не спекулянт какой-нибудь...

— Дак и мы не нищие...

— Вот дуреха! — Солдат рассмеялся и вложил в Венькину руку отломанный кусок: — Ешь, парень, это вкусная

штука. — И, от
вернулся на свое
— Ешь, Веня
скусно. Колбаса
Венька остор
нула тонкая кож
понял, что потор
дольше ощущать
А мать расска
— Перед вой
колбасу часто п
и твердая, сырого
се мягонькая —
они ее продавали,
Должно быть,
жили до войны,
и теплом, уже спа
Утром они отп
ле была такая то
и так вцепился
только там не бы
машинками «Зинг
же солдатками с
кофточек и шляпо
Мать ко всему
вздыхала горестно
вец, которые они
и ботинки для Ве
рогой, а с ботин
размер попадался
Каждую пару мать
все сомневалась, по
картона подметка,
ла по ней суставо
поятем, что особени
продавцам. Наконец
тут же, при толкуч
дато без обману и
они Веньке великов
год, а на вырост.
От разъезда они
легке, и ни разу не
ленные на ботинках
Венька съел только
ике отдать Таньке,

штука. — И, опять перешагивая через лежащих на полу, вернулся на свое место.

— Ешь, Веня, — разрешила мать. — Это и право слово скусно. Колбаса называется.

Венька осторожно откусил, под зубами с треском лопнула тонкая кожица. Проглотив первый кусочек, он сразу понял, что поторопился, жевать надо медленно, чтобы подольше ощущать этот удивительный запах и вкус.

А мать рассказывала:

— Перед войной-то мы хорошо стали жить, дак я эту колбасу часто покупала. Она всяких сортов тогда была: и твердая, сырого копчения, и помягше, как вот эта, и вовсе мягонькая — вареная. И не только в городе, но и в районе ее продавали, а то и к нам в лавку завозили...

Должно быть, она еще долго рассказывала о том, как жили до войны, но Венька, разморенный усталостью, едой и теплом, уже спал.

Утром они отправились на толкучку. Там и в самом деле была такая толкотня, что Венька боялся потерять мать и так вцепился в ее руку, что пальцы побелели. И чего только там не было! Трехколесными велосипедами и швейными машинками «Зингера», [illegible] горшками и глиняными же солдатиками с гармошкой, а от разноцветных платков, кофточек и шляпок в глазах рябило.

Мать ко всему приценивалась, но не покупала, лишь вздыхала горестно, отходя от понравившейся ей вещи. Денег, которые они наторговали, хватало только на пиджак и ботинки для Веньки. Пиджак подобрали быстро и недорогой, а с ботинками провозились до самого вечера: то размер попадался не тот, то цена была неподходящая. Каждую пару мать ощупывала от каблуков до язычков и все сомневалась, не гнилая ли союзка, не из крашеного ли картона подметка, — продавались и такие! — постукивала по ней суставом указательного пальца и ковыряла ее ногтем, что особенно не нравилось суетливым толкучечным продавцам. Наконец подобрала ботинки в казенной лавке, тут же, при толкучке, хотя и не такие красивые, как с рук, зато без обману и по государственной цене. Правда, были они Веньке великоваты, но ведь и покупались не на один год, а на вырост.

От разъезда они опять шли пешком, но теперь уже налегке, и ни разу не присели даже перекусить. На сэкономленные на ботинках деньги мать купила пряников, но Венька съел только один, остальные решил не трогать, а все отдать Таньке, не только потому, что она маленькая,

но и потому, что ей-то больше ничего не купили. Мать приберегла на обратную дорогу по большому ломтю хлеба и по луковице, но Венька не стал их просить, хотя давно уже проголодался. Но во рту еще сохранился вчерашний запах колбасы, и не хотелось перебивать его ни луком, ни хлебом. «Вот выучусь на инженера, много денег получать буду, уж тогда я только одну колбасу есть стану, больше ничего, — мечтал он. — Надо только учиться хорошо...»

И он учился хорошо, школу окончил с золотой медалью, но в институт не стал поступать, а пошел в военкомат и попросил отправить служить на флот. Это его решение предопределил случай.

Их деревня отстояла от ближайших морей за тысяча километров, и моряков в ней сроду не водилось. Еще с гражданской войны осталось несколько старых кавалеристов и пехотинцев, Великая Отечественная почти все мужское население позвала в Уральский добровольческий танковый корпус, но война же почти всех и взяла. В деревню кроме отца вернулись с нее только двое: Степан Никифорович Сафонов — безбровый, с жуткими малиновыми шрамами и заплатами пересаженной кожи на лице, с обгоревшими, уродливо скрюченными пальцами рук — и Илья Васильевич Шумов — без ноги, с подколотой штаниной, мотавшейся, как пустой кисет.

Из подросших после войны ребят призывного возраста почти половина ушла в военные училища. Но поступали в основном в ближайшее из них — Челябинское танковое. И лишь один, неизвестно по каким причинам, попал в в... военно-морское, после окончания его приехал в отпуск в деревню и взбудоражил ее больше, чем пожар или наводнение. Правда, наводнения здесь случались нечасто и причиняли ущерб только огородам, сама деревня стояла на взгорке, и река Миасс даже в самые полые воды до избпок не добиралась. А вот пожары случались чаще и сталали по нескольку домов, а то и целый порядок сразу.

Лейтенант блестел, как иконостас в стоявшей в лощине над ключом маленькой церквушке, срубленной на пятьтремя ближайшими деревеньками и потому сочетавшей в себе множество архитектурных стилей и горячую фантазию местных плотников-умельцев. А фасон зеленой маковки церкви был явно краден с татарской мечети деревни Якупово, расположенной всего в девяти километрах отсюда. Впрочем, никого это не волновало, верующих истово в деревне и раньше не было, в церковь ходили не часто, и больше по привычке, как на зрелище.

Лейтенант бы
тые погоны, и к
чики в подслепо
лена мотался ко
Этот кортик ста
чишек, хвостом
Венька Гвозд
класс, считал нес
по жгуче завидов
как Стешка Уст
недоступная для
за лейтенанта зам
Именно этот
Веньки Гвоздева
безнадежно влюб
зову. Люська был
шала на него ник
ком маленьким. А
бачьи преданно в
даже умереть. Но
луги Люська от п
его.
Появление мор
обратить на себя
одну картину раду
ним так же хвост
окоп девушки. Л
вать, она лишь от
Венька остановитс
Тогда Люська, сми
и бежит вслед за ни
А еще лучше
встречи выпускник
каждые пять лет.
славиться, о нем н
каким образом он
нольно часто писал
бинский комсомоле
лодежи и школьник
И вот Веньку во
кой, девчонки броса
стоит в сторонке и
привычка...
Он действительно
писали. Послед

Лейтенант был весь новенький. Горели на солнце золотые погоны, и краб на фуражке посверкивал, пуская зайчики в подслеповатые окна ближайших избенок; возле колена мотался кортик с наборным из львиных голов поясом. Этот кортик стал вожделенной мечтой деревенских мальчишек, хвостом тянувшихся за лейтенантом.

Венька Гвоздев к тому времени уже закончил восьмой класс, считал несолидным всюду таскаться за лейтенантом, но жгуче завидовал его популярности, особенно после того, как Стешка Устюжанина, самая красивая в их деревне и недоступная для своих парней девушка, согласилась выйти за лейтенанта замуж и куда-то уехала с ним.

Именно этот факт больше всего и повлиял на решение Веньки Гвоздева стать моряком. Ибо в эту пору он был безнадежно влюблен в свою одноклассницу Люську Полозову. Люська была старше Веньки на два года и не обращала на него никакого внимания, видимо считая его слишком маленьким. А он боготворил ее, смотрел на нее по-собачьи преданно и готов был сделать для нее что угодно, даже умереть. Но не только жизни — даже малейшей услуги Люська от него не требовала, она просто не замечала его.

Появление моряка подсказало Веньке верный способ обратить на себя внимание Люськи. Воображение рисовало одну картину радужнее другой. Вот он идет по улице, за ним так же хвостом тянутся мальчишки, выглядывают из окон девушки. Люська слишком гордая, чтобы выглядывать, она лишь отогнула уголок занавески и ждет, когда Венька остановится под ее окном. Но он проходит мимо. Тогда Люська, смирив свою гордыню, выскакивает из дому и бежит вслед за ним.

А еще лучше так: он приезжает на очередной вечер встречи выпускников — такие вечера проводятся в школе каждые пять лет. К тому времени Венька уже успеет прославиться, о нем напишут в газетах. Венька еще не знал, каким образом он прославится, но в областных газетах довольно часто писали о моряках подводной лодки «Челябинский комсомолец», построенной в войну на средства молодежи и школьников.

И вот Веньку встречают, как героя, с цветами и музыкой, девчонки бросаются ему на шею, целуют, а Люська стоит в сторонке и от досады грызет ногти — такая у нее привычка...

Он действительно служил хорошо, но в газетах о нем не писали. После окончания высшего военно-морского учи-

лина попал на большой противолодочный корабль, по знаменитым тоже не стал. И о Люське почти не вспоминал: из Ленинграда он приехал на флот вместе с Полиной...

4

С Коськой все более или менее уладилось. Полет он перенес хорошо, лишь при посадке поцарапал — видимо, от того, что закололо в ушах. Районный педиатр, осмотрев его, нашел, что мальчик он здоровый, но, как и предполагала Минуточка, прикрепил к нему патронажную сестру. Она приезжала в деревню два раза в неделю, благо по хорошей асфальтированной дороге ехать от райцентра было всего минут пятнадцать — двадцать.

А ведь когда-то у Вениамина уходило на эту дорогу три, а порой и все четыре часа. В деревне была лишь начальная школа, с пятого по десятый класс он учился в райцентре и дважды в день проделывал этот путь. Вставать надо было в половине пятого утра, а весной и осенью, когда приходилось брести по колено в грязи, и того раньше. Зимой он ходил на лыжах, и, если поземка или буран не заметали проложенную им по обочине дороги лыжню, он добирался за полтора-два часа. Но зима была коварна не только буранами.

Однажды в конце февраля или в начале марта ударил крепкий мороз, ртутный столбик опустился ниже тридцати градусов, и занятия в школе отменили. Венька возвращался домой в радостном настроении, предвкушая несколько дней ничегонеделанья, валянья на теплой печи, а главное — безмятежный, не прерываемый тормошением матери сон вволю. Снег был рассыпчатый, как крупчатка, лыжи катились хорошо, весело позванивали палки, гулко потрескивали березы в ближайшем колке. До деревни оставалось километра три с половиной, после Волчьей пади до дому рукой подать.

В небе безмолвно стыли колючие звезды, почь была ненастная, лыжни почти не видно, однако она глубокая, сбиться с нее трудно, и Венька шел уверенно и быстро, не следя за дорогой. Лишь перед самой падью сбавил шаг: кто-то вчера съехал вниз, как бы не угодить в его след. Но вот Венька и этот след миновал, опять было прибавил шаг, однако, посмотрев вниз, остановился. Из пади поднимались к дороге зеленые огоньки. «Волки!» — сразу мелькнула догадка.

Страха еще не было. Он слышал, что волки не нападают на человека первыми, однако время сейчас для них самое голодное, и лучше с ними не встречаться. Прикинув расстояние и скорость движения огоньков, он понял, что проскочить надь до того, как волки поднимутся к дороге, он не успеет. Решил переждать, пока они пересекут дорогу и доберутся до темнеющего неподалеку колка, поэтому ватих и даже присел на корточки, чтобы волки его не заметили.

Но стая, видимо, в колок и не собиралась, она шла на Венькин запах. Выбравшись на дорогу, волки уселись полукругом и стали ждать. Огоньков было двенадцать. От шести волков не отобьешься. Стоит одному из них кинуться на него, как набросятся все сразу. А у него лишь две лыжные палки, да и те самодельные.

Он знал, что волки боятся огня. В то время он уже начал курить, и с собой у него была полкоробка спичек и несколько самых дешевых папирос. Сбросив варежки, он осторожно достал папиросу и спички и закурил. Сам ослепленный вспышкой пламени, он не видел, как на это отреагировали волки. Когда глаза привыкли и стали снова различать огоньки. Венькин показалось, что они стали ближе. Тут он вспомнил, что в таких случаях лучше не двигаться. Стоит ему сделать шаг в любую сторону, как волки тоже двинутся, но уже навстречу ему. И так будут постепенно приближаться, пока один из них — обычно вожак — не бросится на него. И неизвестно, когда, на каком расстоянии наступит этот момент...

Есть еще надежда на тетрадки и книжки. Они за спиной в старом солдатском рюкзаке, подаренном Иваном Васильевичем Шумовым. Надо только изловчиться незаметно снять его и быстро расстегнуть ремешок на клапане. В тетрадях бумага лощеная, горит плохо, поэтому лучше вырывать листки из учебников...

Как ни осторожно он действовал, его движения не укрылись от волков, стая придвинулась еще метра на три. Но когда он начал жечь листки, она отступила на прежнее место. Однако не ушла даже тогда, когда он развел целый костер и начал кричать и свистеть.

В рюкзаке были еще две тетради, но он уже понимал, что от них толку не будет. А мороз уже пробирает до костей, руки совсем закоченели, вот и ноги начинают стынуть, а пошевелить пальцами трудно — слишком туго намотаны портянки...

Неизвестно, чем все это кончилось бы, если бы не послышалось из-за пригорка урчание автомобильного мотора. Сразу вспыхнула надежда, но она тут же сменилась тревогой. За пригорком был мосток, возле него развилка дорог: одна шла на Бродокалмак, другая — сюда. Если машина повернет на Бродокалмак, рухнет последняя надежда.

Но вот лучи автомобильных фар скользнули сначала по верхушкам берез, потом по угору, значит, машина все-таки повернула сюда. На подъеме сильнее взревел мотор, но волки не шелохнулись даже. И только теперь на Веньку напал настоящий страх. Неужели именно сейчас, когда до спасения остается три-четыре минуты, волки бросятся на него и растерзают в клочья?

Фары отчетливо высветили всю стаю. Веньке до этого раза четыре приходилось видеть в лесу волков, но таких огромных и тощих он еще не встречал. Они полукругом сидели у дороги, шерсть дыбилась на них грязными, свалявшимися клочьями, клыки скалились на свет фар. И лишь когда шофер, увидев их, начал беспрерывно сигналить, вся стая одновременно поднялась и неторопливо, как бы даже лениво, стала спускаться в падь.

Шофер помог Веньке снять лыжи, забросил их в кузов, а самого втолкнул в кабину. Там было тепло, и от этого тепла сразу запыли руки и ноги. Венька вспомнил, что забыл у пади варежки, и всю дорогу до деревни жалел их. Он даже хотел было попросить шофера вернуться за ними, но тот сердито молчал, сосредоточенно глядя на разбитую колею и газуя из последних моторных сил.

Потом, когда мать натирала Веньке гусиным салом руки и ноги, шофер, со свистом потягивая из блюдца чай, говорил:

— А ить не погодись я, задрали бы волки парнишку-то. Бывали и такие случаи. Не часто, но бывали. Годов пять назад, как раз об эту же пору, на Петропчелке старуху загрызли, только ноги в пимах и нашли...

Должно быть, этим рассказом шофер отвлек мать от дела, она не оттерла как следует левую ногу, и мизинец на ней по сей день ноет.

Сейчас старшеклассники тоже учились в райцентре, но пешком туда не ходили, совхозный автобус подвозил их до самой школы. И вообще, Вениамин деревню свою не узнавал. Вместо покосившихся избенок стояли двух- и даже трехэтажные кирпичные дома со всеми удобствами, из

стеклобетона были построены магазин и клуб, на не застроенной раньше окраине раскинулась птицефабрика.

Но их изба осталась. Не потому, что стояла она на отлете, в самом конце проулка, спускавшегося к реке, а потому, что Аграфена Севастьяновна переезжать в «казенный» дом не захотела.

— Тут я родилась, тут жили мои отец с матерью и дедушко с баушкой, дак чё же я стану с насиженова-то места срыватца? — как бы оправдываясь, объясняла она Вениамину.

Но оправдываться ей было незачем: Вениамин одобрял ее решение. Каждый закуток, каждый гвоздь в избе были до боли знакомы и вызывали дорогие сердцу воспоминания. И хотя Андрей, муж Татьяны, сделал к избе новую светлую пристройку и Вениамину предложили поселиться в ней, он сказал, что жить будет в старой избе, а спать станет, как и раньше, на полатях.

— Еще чего удумал! — возразила Татьяна. — Ты-то побудешь месяц-другой да и уедешь, а про нас что люди скажут? Такого дорогого гостя и не сумели, мол, принять по-человечески...

— А вот как раз по-человечески и будет, если я поселюсь в своей родной избе.

— А пристройка-то разве чужая? Вот этими руками сделана, — поддержал жену Андрей.

Но Вениамин все-таки настоял на своем.

На встретины кроме родни позвали с женами обоих оставшихся от войны инвалидов — Степана Никифоровича Сафонова и Ивана Васильевича Шумова. Они пришли, как на праздник, при орденах и медалях, и Вениамин с удивлением обнаружил, что награды у них высокие. Кроме медалей у каждого было по ордену Отечественной войны, по два ордена Красной Звезды, а у Степана Никифоровича еще и орден Красного Знамени. Брови у Степана Никифоровича так и не выросли, шрамы на лице и на руках из малиновых стали коричневыми, но смотреть на него все еще было страшно. Ивану Васильевичу изготовили протез, должно быть удачно — он лишь слегка припадал на здоровую ногу, но протез скрипел, как несмазанная дверь.

Почему-то именно этот скрип протеза напоминал Вениамину о смерти Полины, и что-то остро скребло по сердцу. О Полине почти не говорили, хотя каждый по-своему выражал Гвоздеву соболезнование: мужчины — чаще всего сильным пожиманием руки, женщины — поджатием губ и печальным опусканием взглядов. Но это молчаливое сочув-

слово действовало на Вениамина более угнетающе, чем слова. Должно быть, все догадывались о его состоянии и, коротко помянув Полину, старались увести разговор на что-нибудь постороннее, о ней не напоминающее.

Окидывая взглядом пристройку, Степан Никифорович, на правах бывшего председателя колхоза взявший руководство застольем, с гордостью говорил:

— Вишь, как теперь живем: стены в коврах, хрусталю полны шкапы, телевизоры смотрим, почти в каждом дворе то «Жигули», то «Москвич», а все чем-то недовольны.

— Да ты што, Никифорыч, разе мы жалуемся? — опровергла Аграфена Севастьяновна и вздохнула: — Войны бы только не было.

Сразу же Степан Никифорович и Иван Васильевич, будто по сигналу, начали расспрашивать Вениамина о том, какая у нас нынче армия, пересилит ли она любую другую, не получится ли, как в сорок первом... Разговор этот вскоре захватил всех, и было в нем столько серьезной озабоченности и тревоги, что Вениамин, пожалуй, впервые по-настоящему осознал ставшее привычным выражение: «Армия — детище народа». И невольно стал подсчитывать, во что обошелся народу хотя бы последний поход его корабля. К его удивлению, цифры получались астрономические.

Словно угадав его мысли, Иван Васильевич Шумов заметил:

— Армия-то нынче совсем другая стала, эту бы технику да иметь нам тогда. — Он похлопал ладонью по протезу. — Дороговато она обходится государству, да по-другому, видно, нельзя...

— То-то и дело, что нельзя! — подтвердил Степан Никифорович. — Нынче война, если, не дай бог, начнется, совсем не такая будет, на которой мы с тобой, Ваня, были. Считай, всю нашу Землю-матушку за каких-то полчаса могут уничтожить. — Он повернулся к Вениамину и, как приказ, строго произнес: — И надо бы ее уберечь!

Словно повинуясь его строгому тону, и все остальные повернулись к Вениамину и притихли, наверное ожидая, что он ответит. Но он не знал, что сказать, на языке вертелось только: «Постараемся», однако он не произнес это слово, потому что сейчас оно показалось ему каким-то не вполне серьезным и не обязательным.

Из всех существующих на земле профессий самыми благородными он всегда считал профессии учителя и врача. Один воспитывает духовно, другой исцеляет физические не-

дуги людей — что может быть возвышеннее? Но сейчас, когда мир стоит на грани катастрофы, когда под сомнение поставлено само существование планеты, новый смысл обрела и его профессия военного. Мир стало возможным сохранить только за счет сдерживания агрессора, и оборонная мощь нашей страны стала решающим фактором в этом сдерживании.

Конечно, уже с первых дней возникновения Советская Армия и Флот существовали, чтобы защищать свою Родину от нападения инозем ных захватчиков. Сейчас эта их функция выросла до поистине глобальных масштабов: они оберегают не только свои границы, но и мир на всей планете, ибо именно от их боевой готовности теперь зависело, осмелится или не осмелится кто-то развязать новую, теперь уже наверняка последнюю войну. Вот и выходит, что его военная служба обретает самые возвышенные цели, становится чуть ли не самой мирной профессией, как это ни парадоксально звучит...

Не дождавшись его ответа, Степан Никифорович добавил:

— А уж мы для вас ничего не пожалеем.

— И верно, — встряла в разговор расставлявшая на столе тарелки Татьяна. — Да, если понадобится, я все отдам, последнюю рубаху с себя сниму!

— Ну, ковер-то небось пожалеешь, — усмехнулся молчавший до этого ее муж Андрей. — Вспомни, какое побоище из-за него в магазине устроила.

Тут все рассмеялись. Должно быть, приобретение этого ковра имело какую-то забавную историю. Дальше разговор пошел шутливый, но Вениамин долго еще не мог настроиться на общий веселый лад, его не покидало ощущение, что он только что присутствовал при каком-то необычайном событии, очень важном для постижения самого себя.

Потом, когда стали вспоминать разные случаи из деревенской жизни, он тоже рассказал о стае волков, обложившей его у пади.

— Хочу сходить туда. На всякий случай и ружьишко прихвачу.

— Да зачем оно тебе? Волков-то нынче совсем нету. Начисто перевелись.

— Перестреляли? Но ведь они — санитары леса.

— Дак ушли твои санитары, — пояснил Иван Васильевич. — Некого стало им санитарить. Повывелись и птицы, и зверье. Поля-то мы химикатами обрабатываем, а им это не нравится. А волку и попить негде стало. Раньше-то, пом-

пишь, мы воду пили прямо из Миасса, а теперь в нем даже купаться запретили. Еще в войну отравили реку-то, сколько в Челябинск заводов было эвакуировано, да и своих хватало, и все в Миасс отходы спущали. Ну, в войну — это понятно. Дак и сейчас спущают. Тайком, конечно. Штрафуют за это, да ведь те, кто распоряжается спущать, не из своего кармана платят. А тут еще мы подбавляем ядохимикату. После дождей-то вода с полей в реку же и стекает...

Долго еще жалели и зверье, и птицу, но особенно речку. Вспоминали, какая в ней раньше рыба водилась.

— А щука лучше всего ималась на том берегу, в заводи возле заимки, — вспомнила и Аграфена Севастьяновна.— Мой-то Александр Василич все там имал.

Мать собиралась было всплакнуть, но в этот момент из старой избы долетел Коськин писк, и она всполошилась:

— Ой, батюшки, робеночка-то кормить пора, а у меня ишо молоко не грето!

— Да я уж покормила его, — успокоила ее Татьяна.— Напрудил небось, вот и запищал.

Женщины потянулись было за Аграфеной Севастьяновной поглядеть на Коську, но она никого в старую избу не пустила — должно быть, побоялась сглазу.

А мужики вышли в сени покурить, и Степан Никифорович сказал Вениамину сочувственно:

— Вот оно как неладно вышло. Ну да ты за мальчонку не переживай. Выходим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

От главной базы до своей Гвоздев мог бы добраться и автобусом, но багажа у него набралось столько, что не хватало рук, и он с вокзала позвонил оперативному дежурному, чтобы через него отловить какую-нибудь попутную оказию.

— Гвоздев? — удивился оперативный. — Так у тебя же еще два дня до окончания отпуска.

— Ишь ты, какая осведомленность!

— На том стоим, любезнейший! — Услышав свое любимое выражение, Вениамин Александрович только теперь и догадался, что сегодня дежурит капитан второго ранга Петр Вяткин, недавно перешедший из их соединения в штаб флота. — Ты откуда звонишь?

— С вокзала...

— Вот там
мер «шестьдес
в гостиницу.
— Да ведь
— А ты по
координаты со
Гвоздев по
чем через неде
— Кто там
— Да твой
Стало быть,
— Я рад за
— Смотри,
таки на глазах
— Да тоже
— Будет в
почти все в ба
легкомысленны
— Если буд
— Будет. Я
лировать отсеки
дрываются, поэт
«Уазик» под
в гостиницу. В
селения, и обы
трудно, а тут в
холодильником
Вениамин Ах
— Заходи, —
От гостиницы
пять Вениамин
довался ему, ста
ке, потом обо вс
Вениамин и сам
что Виктор еще
— Скучаешь?
— Есть малек
скучать некогда.
шей. Вот предста
ло трехсот сотру
И выпускать ее п
В это время
более жгучими гл
ченными только

— Вот там и жди, я тебе сейчас кобылу подошлю. Номер «шестьдесят два пятнадцать», «уазик». Он отвезет тебя в гостиницу.

— Да ведь мне уже некогда гостить-то.

— А ты погости с недельку, Василию Петровичу я твои координаты сообщу.

Гвоздев понял, что его корабль сейчас в море и раньше чем через неделю не вернется.

— Кто там на мостике? — спросил он.

— Да твой же выкормыш.

Стало быть, Калистратов.

— Я рад за него.

— Смотри, как бы его не увели от тебя. Парень прямо-таки на глазах растет над собой. Кстати, как твой сынишка?

— Да тоже растет. Оставил его пока у матери.

— Будет время — загляни, — пригласил Петруша — так почти все в базе называли Вяткина за его веселый, почти легкомысленный нрав.

— Если будет время.

— Будет. Я же тебе сказал, что неделю можешь вентилировать отсеки. Ну ладно, тут сразу четыре телефона надрываются, поэтому покедова. Звони!

«Уазик» подошел минут через десять и отвез Гвоздева в гостиницу. В главной базе всегда большая миграция населения, и обычно получить хотя бы койку в гостинице трудно, а тут номер был отдельный и даже с телефоном, холодильником и телевизором.

Вениамин Александрович позвонил Волжанину.

— Заходи, — коротко бросил тот.

От гостиницы до редакции рукой подать, и минут через пять Вениамин Александрович был уже там. Виктор обрадовался ему, стал подробно расспрашивать сначала о Коське, потом обо всем, что делается на корабле, хотя знал, что Вениамин и сам не был там целый месяц. Было заметно, что Виктор еще не совсем отошел от корабельных забот.

— Скучаешь? — спросил Вениамин.

— Есть маленько. — Виктор вздохнул и добавил: — Хотя скучать некогда. Тут, брат, такая мясорубка — почище нашей. Вот представь: такую же газету в Москве делают около трехсот сотрудников, а нас всего двадцать с небольшим. И выпускать ее надо каждый день...

В это время в комнату вошла жгучая брюнетка с еще более жгучими глазами и с пухленькими, словно предназначенными только для поцелуев, губами. Точнее сказать, не

вошла, а влетела, размахивая узкими полосками гранок и на ходу поясняя:

— Витя, у тебя тут «хвост», обруби.

— Вот-вот, давно пора обрубить ему хвост, — сказал Гвоздев, не совсем понимая, о чем она говорит.

Только теперь она заметила его и кивнула:

— Здравствуйте. Извините. Витя, надо сократить двадцать две строки.

— Мой отец-командир Вениамин Гвоздев, — представил Виктор.

Она протянула руку и представилась сама:

— Светлана.

— Очень приятно. — Вениамин, поклонившись, осторожно пожал ей руку. И тут же, вскинув голову, улыбнулся: — Однако какое несоответствие!

— Несоответствие чему? — удивилась она.

— Вашего имени и внешности.

— У нее душа светлая, — не отрываясь от гранок, сказал Виктор.

— Спасибо, Витя, хоть ты сумел заметить.

— Может, за это уступишь десяток строчек?

— Даже за это — ни одной. У меня полоса не резиновая. Я зайду через десять минут. - Светлана направилась к двери. Фигурка у нее была стройная, походка легкая.

Вениамин заметил, каким взглядом Виктор провожал Светлану, и убежденно зафиксировал:

— Прямое попадание!

Виктор покраснел и потупился смущенно.

— Ладно, ты пока посчитай свои потери, а я пойду покурю. — Вениамин похлопал Виктора по плечу.

— Кури тут.

Гвоздев закурил и сел на подоконник, поближе к форточке. Его поразили глаза Светланы. Казалось, их взгляд проникает внутрь, как бы спрашивая: «А ну-ка посмотрим, что ты есть за гусь?» Вениамин еще и сейчас почти физически ощущал этот проникающий взгляд.

Светлана вернулась ровно через десять минут.

— Готово?

— Еще четыре строки осталось. Может, ты их поищешь? — Виктор протянул ей гранки.

— Какие же вы все скряги! Ладно, давай, мне чужого не жаль. — Светлана склонилась над гранками, темная прядь волос упала ей на лоб, и от этого лицо ее стало еще привлекательнее.

— У тебя катер? — спросил Виктор.

— К сожалению, нет. Похоже, наша коробка в море, поэтому меня разместили в гостинице, и я очень хочу съесть что-нибудь горячее, а то всю дорогу на сухомятке сидел. Составишь компанию?

— Ноу проблем, как говорят, скажем, греки.

— Между прочим, во мне есть немножко греческой крови, — не отрываясь от гранок, сообщила Светлана. — А еще грузинской и русской.

— Ну что ж, из этой смеси получился великолепный коктейль. — Гвоздев улыбнулся и предложил: — А вы бы не хотели проконсультировать нас по части грузинской кухни?

— С удовольствием бы, но мне надо сверстать еще две полосы. Витя, седьмой абзац можно вырубить почти безболезненно.

— Ладно, руби, — обреченно махнул рукой Виктор.

— Давно бы так! — Светлана собрала со стола гранки и направилась к двери.

Но Гвоздев остановил ее, спросив:

— А сколько времени вам потребуется, чтобы сверстать те две полосы?

— Если все будут такими же покладистыми, как Виктор, то за час, пожалуй, управлюсь.

— Мы подождем.

— Ну что ж... — Светлана немножко поколебалась и согласилась: — Уговорили!

Она управилась за сорок минут.

У кафе «Кавказское» вытянулась длинная очередь, наверное, им пришлось бы выстоять в ней не менее двух часов, но тут подвернулся знакомый официант, когда-то служивший на их корабле минером, он быстро поставил в углу и накрыл дополнительный столик. Светлана сама сходила на кухню, и шашлыки им приготовили отменные.

Говорили о том, о сем, легко перескакивая с одной темы на другую; Виктор пытался острить, но, чем больше он старался, тем хуже у него получалось, шутки выходили плоскими, он чувствовал это и сам, но не мог остановиться. Вениамин вскидывал на него удивленные взгляды и налегал на шашлык. Расправившись с ним, он ушел, сославшись на то, что надо доложить начальству о своем приезде.

Когда Виктор остался со Светланой вдвоем, он рассказал, какая беда стряслась у Вениамина.

— Не надо было его отпускать. Ведь он намеренно оставил нас одних.

— Тебе со мной скучно?

— Почему ты так решил?

— Я чувствую, как глупею при тебе.

— Ничего, это пройдет.

— Вряд ли. Кажется, еще Вольтер сказал, что если человек глуп, то это надолго.

— А ты не старайся мне понравиться, и все будет в порядке.

— Что же мне делать?

— Оставаться самим собой.

— А тебе это всегда удается?

— Не знаю, мне трудно об этом судить. Возможно, я и сама не всегда знаю, когда я — это я, а когда — нет, — задумчиво произнесла она.

И Виктор поверил, что она говорит искренне, без всякого кокетства, ему стало стыдно, что сам он только что рисовался перед ней и она это видела.

— А не пойти ли нам в театр? — предложил он.

— С удовольствием!

2

В городе гастролировал Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова. Уже купив билеты, Виктор выяснил, что сегодня идет «Князь Игорь». Эту оперу он слышал много раз еще во Львове, будучи курсантом. Оперный театр шефствовал над политическим училищем, курсантов часто приглашали на спектакли, и почему-то чаще всего именно на оперу Бородина.

А Светлана обрадовалась, оказалось, что эту оперу она слышала лишь по радио. И сейчас она слушала сосредоточенно, чуть подавшись вперед и покачиваясь в такт музыке, глаза ее были полуприкрыты, и оттого, наверное, ресницы казались еще более длинными.

Виктор почти наизусть помнил содержание и не следил за развитием действия, а просто наслаждался музыкой, хотя и тоже знакомой, но всякий раз захватывающей, ощущаемой как бы заново, в тончайших ее переливах, красках и оттенках. Наверное, хорошая музыка, как море или закат, всегда неповторима. Виктор никогда не считал себя меломаном, но хорошую музыку любил, воспринимая ее чисто ассоциативно, за той или иной мелодией угадывая картины, когда-либо виденные им в жизни.

И сама атмосфера затемненного театрального зала с мелодичным поблескиванием бронзы, с осторожным шелестом программок, с тончайшими запахами духов действовала на

него как-то очищающе, наполняла сердце тихой торжественной радостью, ему казалось, что все собравшиеся здесь охвачены сейчас единым чувством всеобщей доброжелательности, отрешены от житейской суеты и мелких забот, их мысли чисты и возвышенны. И он был неприятно удивлен, когда сидевший впереди лейтенант шепнул девушке:

— Скукотища все-таки. Я же предлагал тебе пойти куда-нибудь в ресторан, там и музыка что надо, и опять же самим потанцевать можно и побалдеть.

В антракте Волжанин разглядел этого лейтенанта. Лицо довольно симпатичное, хотя и с несколько самоуверенным выражением. А девушка не очень красивая, робкая, смотрит на лейтенанта смущенно, должно быть, чувствует себя виноватой в том, что уговорила его пойти в театр, а не в ресторан. Или она смущается оттого, что ей стыдно за своего приятеля перед соседями по креслу? Рядом с ними сидит почтенная пара: сухонький старичок с седой бородкой клинышком и тоже высохшая старушка.

Волжанин невольно оглядел и остальную публику в зале и отметил, что молодежи здесь мало, преобладают люди среднего возраста и пожилые, у них торжественно-праздничный вид, наверное, они испытывают те же чувства, что и он, Виктор...

Когда после спектакля Виктор со Светланой вышли на улицу, шел дождь со снегом. Они немного постояли под колоннадой, но пережидать дождь было бесполезно, он сыпал и сыпал и зарядил, видимо, надолго.

— Пойдем ко мне, я тебя напою чаем, — предложила Светлана.

Она жила неподалеку, до ее дома они добежали минут за пять, но успели основательно промокнуть. Виктор поискал взглядом, нет ли в прихожей лишних тапочек, не нашел и, разувшись, в одних носках, робко, бочком, протиснулся из прихожей в комнату. Светлана уже гремела в кухне посудой и оттуда крикнула:

— Там, на столике, журналы, пока полистай их, я скоро!

Из всех журналов он выбрал «Работницу», он никогда не читал его и стал не без любопытства листать, исподволь оглядывая и комнату. Она буквально сияла чистотой, ни один корабельный приборщик не сумел бы привести ее в столь стерильный вид.

Здесь ему все нравилось. И эта идеальная чистота, и беспорядок в стандартной книжной стенке, подтверждающий, что книгами тут пользуются, и порядок, в котором так

рационально расставлена мебель, но стесняющая небольшого пространства комнаты, и букетик мимоз в вазочке. Во всем ощущалось присутствие женщины со вкусом, каждая мелочь была к месту и создавала особый уют. Привыкший к аскетизму корабельной жизни, Виктор впервые поймал себя на том, что домашний уют ему приятен. Чтобы избежать дальнейшего соблазнительного развития этой мысли, он встал и подошел к окну.

Квартира Светланы была расположена на седьмом этаже, вдали виднелись плоские мокрые крыши пятиэтажек, а внизу был мрачный, как горное ущелье, провал улицы. Там все еще сыпал дождь, в его тонких нитях запутались жирные пятна фонарей. Они освещали русло улицы где-то на уровне третьего этажа, а в глубине ее, по самому дну, шевелились водоросли теней, проползали, моргая глазами фар, машины, чешуйчатый шелест их шин доносился и сюда. Обрывистые берега улицы перемаргивались разноцветными огнями вывесок и витрин магазинов и напоминали хорошо оборудованный навигационными знаками фарватер.

— Садись, а то чай остынет, — сказала за спиной Светлана.

Журнальный столик был уже сервирован, Виктор и не заметил, когда она успела это сделать.

Чай оказался на редкость ароматным, Виктор похвалил его и спросил:

— Как ты его готовишь?

— Смешиваю несколько сортов индийского, цейлонского и китайского и, разумеется, не добавляю грузинского.

— А в тебе и в самом деле есть грузинская кровь?

— Да. Мой дед был греком, бабушка — грузинкой, а отец женился на русской. Так что русской крови во мне, пожалуй, больше.

— Фамилию — Шаброва — ты взяла по матери?

— Нет, это фамилия моего бывшего мужа. Он тоже моряк, поэтому я и попала сюда.

Виктор работал в газете уже более полугода, но не знал, что Светлана была замужем.

— Отчего же разошлись-то?

— Это длинная история. Попробуй-ка вот это, — сказала Светлана, меняя тему разговора, и пододвинула ему вазочку не то с печеньем, не то с пирожными явно домашнего приготовления.

Но Виктор лишь благодарно кивнул, а пробовать не стал. Сообщение Светланы о том, что она была замужем, оказалось не только неожиданным, но и неприятным. Ите-

ресно, почему они разошлись? По чьей инициативе? Шабров ушел от нее или она оставила его?

— Впрочем, какое это имеет значение? — неожиданно для себя произнес он вслух.

— Это ты о чем? — не поняла Светлана.

И Виктор решился:

— Вот что я хочу сказать. На днях я уйду в море, и, видимо, надолго. Так вот знай: я там буду скучать без тебя. И вообще я в последнее время много думал о тебе... Ты мне не просто нравишься...

Он поднял взгляд и увидел, что Светлана смотрит на него пристальпо, как бы изучает его, стараясь понять, можно ли относиться к его словам серьезно.

— Значит, не веришь, — решил он и вздохнул.

— Почему же? Верю. Но боюсь, что ты заблуждаешься, хотя и искренне. Поэтому давай-ка отложим этот разговор. Поживем — увидим. Хочешь еще чаю? Я сейчас подогрею.— Она поспешно встала и ушла в кухню.

— Не надо, мне пора уходить! — крикнул Виктор уже вдогонку и встал.

Пока он одевался, Светлана, прислонившись к косяку, стояла в проеме двери и молча наблюдала за ним. Потом протянула руку и сказала:

— Не обижайся. Так будет лучше.

— Кому лучше? — спросил он в упор и посмотрел ей в глаза.

Она выдержала его взгляд и твердо сказала:

— Обоим.

5

Едва за Виктором захлопнулась дверь, Светлана накинула на плечи плащ и вышла на балкон. Все еще сыпал дождь со снегом, она зябко поежилась, плотнее закуталась в плащ и стала ждать, когда Виктор выйдет из подъезда. Он вышел и медленно, как бы неуверенно, побрел по улице. Шел он ссутулившись, во всей его фигуре и даже в походке ощущалась подавленность. Светлана ждала, что вот-вот он оглянется, поднимет голову и увидит ее.

Однако Виктор так и не оглянулся.

Когда он пришел работать в редакцию, то многого еще не умел и не знал. Не имея журналистского образования, он не мог технически грамотно подготовить рукопись к набору, не знал ни шрифтов, ни корректорских знаков. А поскольку Светлана работала в секретариате и через нее про-

ходили все материалы, то именно ей и пришлось натаскивать Виктора. У них как-то сразу установились деловые, ровные, почти дружеские отношения. Но вскоре Светлана заметила, что эти отношения начинают выходить за рамки чисто деловых, Виктор стал оказывать ей внимания больше, чем требовалось. Она поняла, что нравится ему, но не придала этому особого значения, потому что на нее заглядывались многие. Ей показались всего лишь забавными его усилия понравиться ей, она сочла их просто игрой мужского самолюбия. Но вскоре она почувствовала, что это у него не очередной флирт, а нечто более серьезное. Однако ей надо было еще разобраться в том, как она сама к нему относится.

А разбираться было не так-то просто, потому что она один раз уже обожглась и стала, пожалуй, излишне осторожной и недоверчивой.

С Владимиром Шабровым ее познакомила сокурсница Наташа, учившаяся вместе с ним в школе.

Светлана родилась в приморском городе, с детства была неравнодушна к флотской форме, а тут еще обладателем ее оказался красивый и остроумный офицер, романтик и мечтатель. И к концу его отпуска они расписались. Однако Светлане до окончания университета оставался еще год, и Владимир уехал один.

К ее приезду он сумел получить квартиру, ей сразу же удалось устроиться на работу в редакцию флотской газеты, казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. И первые месяцы Светлана чувствовала себя счастливой.

Охлаждение наступило как-то незаметно. Сначала она убедилась, что Владимир далеко не романтик, все его мечты сводятся к тому, чтобы побыстрее сделать карьеру. Потом она заметила, что каждый раз перед тем, как идти в какую-нибудь компанию, он заучивает наизусть подходящие случаю цитаты из книги «Крылатые слова» и с успехом пользуется ими, не добавляя от себя ровным счетом ничего.

А потом она узнала, что весь год, пока она заканчивала университет, он вовсе и не скучал, как уверял ее в своих письмах. У него были женщины, утешавшие горечь его разлуки с молодой женой. Одна из них и просветила Светлану на этот счет. Правда, Светлана оказалась неблагодарной и выставила осведомительницу за дверь. А вслед за нею выставила и Владимира.

Владимир перевелся на другой флот, и уже через два-три месяца Светлана забыла о нем, а если по какому-нибудь поводу невольно и вспоминала, то с горечью и досадой. И сейчас она тоже небрежно отмахнулась от воспоминаний

о нем и стала перебирать в памяти все, что связывало ее с Виктором. И почему-то наиболее ярко помнился один эпизод.

Это было осенью, кажется в сентябре, месяца через два после того, как Виктор пришел работать в редакцию. В тот день на всю первую полосу шел официальный материал, его набрали и сверстали довольно быстро, но тут по телетайпу пошли поправки. Когда Светлана внесла их, был уже десятый час вечера. Чтобы немного развеяться, она решила пойти домой кружным путем, через парк. И там неожиданно встретила Волжанина.

Вечер был не по-осеннему теплый. В густой бархатной темноте приморского парка серебряно плакал вальс. И даже когда оркестр смолк, отголоски вальса долго еще витали в воздухе, навевая грусть. Но вот часто забухали барабаны, заныли синтезаторы, душераздирающе взвизгнули трубы, и ночь задергалась в оглушающем грохоте современных ритмов.

— Может, потанцуем? — предложил Виктор.

— Как-нибудь в другой раз. Сегодня был сумасшедший день, и я очень устала. Давай просто посидим у моря, я знаю тут одно укромное местечко. — Светлана свернула на боковую аллею.

Но не успели они пройти и пяти метров, как из аллеи выпорхнули две длинноногие девушки, обе босиком, туфельки они держали в руках. У входа на танцплощадку, поочередно прыгая то на одной, то на другой ноге, девушки натянули туфельки и уже не спеша направились к конвульсивно дергающемуся кругу. На фоне этого ярко освещенного прожекторами круга их фигурки казались еще более стройными.

Вслед за ними из аллеи выскочили двое запыхавшихся матросов и чуть не сбили Виктора со Светланой с ног.

— Меньше ход, моремаы! — осадил их Виктор.

Один из матросов приостановился и двинулся было на Волжанина, но другой удержал его:

— Не надо, Вася.

Хотя Виктор был в штатском, но второй матрос, видимо, почувствовал в его голосе уверенные, командные нотки и своевременно утянул приятеля.

— А если бы они стали драться? — спросила Светлана с еще не унявшейся дрожью в голосе. — Они же оба на голову выше тебя.

— Ну, с двоими-то я, пожалуй, справился бы. Я мужик крепкий.

Она прижалась к его плечу и, успокаиваясь, задумчиво сказала:

— Я люблю сильных людей. Хотя это и не вполне соответствует женской логике.

— Почему?

— Только мужчины думают, что победа достается сильным и грубым. С кроткими и мягкими спокойнее. Кроме того, они легче приручаются.

— Вот как? Значит, у меня нет никакой надежды? — шутливо спросил Виктор.

Светлана охотно подхватила этот шутливый тон:

— Почему же? У женщин бывают и другие соображения.

— Какие именно?

— Видишь ли, женщина чем-то похожа на дикий виноград. А он может обвиться только вокруг чего-то устойчивого. Ты, с моей точки зрения, человек как раз устойчивый.

«Разговор-то был шутливый, но может быть, я как-то обнадежила Виктора? — подумала Светлана. — А теперь он мучается...»

В этот миг она просто по-бабьи пожалела его. Подумалось: «Вот сейчас он наскоро промокнет, придет в гарнизонную гостиницу, а там и просушиться негде...»

И, разбирая свою постель, меняя легкое байковое одеяло на верблюжье, она вдруг поняла, что не сумеет заснуть сразу, как это обычно бывало после не столь уж редкой и изнурительной редакционной суматохи. И тотчас куда-то отодвинулись и ее воспоминания о Владимире Шаброве, о редакционных делах и заботах; как она ни старалась, но уже не могла избавиться от тревоги за Виктора.

И только теперь поняла, что он ей далеко не безразличен...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Вениамин Александрович, как обычно, вскочил, едва будильник, заведенный на половину шестого, начал звонить. Поставил на плиту чайник, пошел умываться и только тогда сообразил, что спешить ему, собственно, некуда. Его корабль вернется лишь через два дня, контр-адмирал Еремеев разрешил потратить их на хозяйственные дела и намекнул, что потом долго не будет времени заниматься ими.

«Значит, предстоит длительный поход. Интересно куда?» Петруша Вяткин не просветил его по этой части, Еремеев отделался лишь намеком. Узнав, что командование доверило самостоятельный выход в море Калистратову, Вениамин Александрович все эти дни беспокоился за него.

Намек Еремеева на предстоящий длительный поход тоже наводил на беспокойные мысли. На корабле не хватает двух офицеров и одиннадцати матросов. В штабе флота матросов обещали вскоре прислать, а офицеров надо ждать до осени — до очередного выпуска из училищ. «А пока их обязанности придется исполнять вместе со своими командирами боевых частей», — думал Вениамин Александрович, размешивая помазком в пластмассовом стаканчике пасту для бритья и пристально разглядывая себя в зеркале.

Он себе не понравился. За отпуск обленился, разъелся на домашних пельменях и явно начал полнеть, щеки раздулись, и вон уже чиркнула по шее складка второго подбородка. «Нехорошо!» — подытожил он и, побрившись, вошел в комнату, распахнул окно и начал физзарядку, комплекс которой каждое утро выполняли его матросы.

Но едва успел размяться и сделать несколько приседаний, как на кухне засвистел чайник. Этот чайник со свистком Полина купила еще в прошлый отпуск, когда они мотались по Москве, приобретая приданое для Коськи. Вениамин Александрович пошел в кухню, заварил кофе и в ожидании, пока он настоится, невольно вернулся в мыслях к прошлому. Все это время после смерти Полины он старался избегать воспоминаний, но сейчас они нахлынули на него так неотвязно, что он уже и не пытался отогнать их...

Как медалиста, Вениамина освободили от вступительных экзаменов в училище, а как старшего матроса, уже прослужившего два года на корабле, — от хозяйственных работ, которые в основном и выполнялись кандидатами, и он целыми днями бродил по Ленинграду. «Полнощных стран краса и диво» поражал его не только архитектурным изяществом и величием, но и какой-то особенной и удивительной душевной благожелательностью ленинградцев. Под флотской формой они как-то очень быстро угадывали деревенского парнька, жадно тянувшегося к постижению прекрасного, и чуть ли не каждый встречный, к которому Вениамин обращался с каким-либо вопросом, готов был отложить свои дела и стать его добровольным гидом.

Так он познакомился и с Полиной. Он сидел на скамейке в сквере перед башней Адмиралтейства, задрав голову, любовался золотым корабликом на конце иглы и старался

угадать, по чьему проекту построено это чудо. Он уже знал, что решетку Летнего сада создал Юрий Фельтен, здание Сената построено Карлом Росси, а кони на Аничковом мосту — клодтовские. А вот кто автор Адмиралтейства — не знал. Конечно, можно было спросить у любого курсанта высшего военно-морского инженерного училища, расположенного в этом здании, а еще проще подойти к арке и прочитать фамилию автора, но Вениамину хотелось угадать ее по манере, по стилю.

Проходившая мимо школьница в передничке и коричневом платье с белым воротничком, проследив за его взглядом, остановилась и тоже залюбовалась корабликом. В лучах заходящего солнца он ярко пылал и как будто сам излучал тепло и свет, а парящий вокруг него легкий оранжевый ореол еще больше усиливал это ощущение.

— Красиво! — сказала школьница. — Наверное, Захаров придумал этот кораблик как раз вот в такое время, при закате солнца.

— А откуда ты знаешь, что это Захаров придумал?

— Так ведь здание построено по проекту архитектора Адриана Захарова. Это все знают.

— А я вот не знал.

— Значит, вы не ленинградец. А на купол Исаакиевского собора лазили?

— Нет. А разве туда пускают?

— Конечно. Оттуда весь Ленинград виден как на ладони. Идемте, мне как раз по пути.

Они пристроились к какой-то экскурсии и поднялись на купол собора. Отсюда хорошо были видны площади и расходящиеся веером прямые лучи проспектов, Нева и перекинутые через нее мосты, Зимний дворец, Петропавловская крепость и стрелка Васильевского острова.

— А вон в том доме я живу, — указала Полина на красивое здание с белыми колоннами.

— А я думал, там какое-нибудь учреждение.

— Там школа-интернат.

Оказалось, ее родители умерли, когда Полине было семь лет. Оба они были блокадными детьми, часто болели и умерли в один год. Сейчас Полина училась уже в десятом классе, а по виду ей больше двенадцати-тринадцати лет никак не дашь, настолько она была худенькая. Видимо, сказалось блокадное наследство родителей, а интернат — тоже не семейный очаг.

После экскурсии Вениамин уговорил ее зайти в кафе «Север», накупил пирожных почти всех сортов, но Полина

съела только одно и выпила чашечку какао. Потом они бродили по Невскому, Полина оказалась превосходным гидом, знала историю почти каждого здания.

Над училищем шефствовал академический театр оперы и балета имени Кирова — знаменитая Мариинка, курсантов туда пускали на верхние ярусы без билетов, и за два месяца Вениамин с Полиной просмотрели весь репертуар, а на некоторых спектаклях побывали по нескольку раз. Ходили и в другие театры, а все воскресные дни проводили в музеях. Вениамину удалось приобрести два абонемента в Эрмитаж на двадцать четыре экскурсии, и после них он знал Эрмитаж не хуже иного коренного ленинградца...

Когда Вениамин окончил училище, они поженились. Полине до окончания института оставался еще год, на свою лейтенантскую зарплату Вениамин снял ей комнату на Петроградской стороне, но, как только он уехал на флот, она снова перебралась в общежитие института.

В этом городке они прожили шесть лет. Но Вениамин часто и надолго уходил в море, дома бывал редко, и если посчитать все время вместе с отпусками, то выходило, что вместе они пробыли не более года. Вениамин сделал эти подсчеты только сейчас и подумал: «А ведь Полина, наверное, все это подсчитала раньше, но ни разу не пожаловалась».

И сейчас в комнате все напоминало только о ней. «Может, будет лучше, если я вообще брошу эту комнату? Легче будет забыться. — Но тут же подумал: — А привезут Коську, куда я его дену?»

Вспомнив о Коське, Вениамин Александрович помрачнел. Тревога за судьбу сына все это время сидела в нем глубоко и прочно, подтачивала его, как хроническая болезнь. Он и физически ощущал какую-то ноющую боль в груди, со временем она не только не утихала, а становилась острее, внушая постоянное беспокойство, а порой и страх. Сейчас все более или менее вроде бы устроилось, уход Коське обеспечен, во всяком случае, главная на сегодняшний день проблема — питание ребенка — решена. Но не может же он при живом-то отце оставаться круглым сиротой. Вениамин Александрович твердо решил: как только Коська подрастет, взять его к себе.

«Пожалуй, через годик можно их с бабушкой привозить сюда. Только вот согласится ли бабушка-то? И как это я не поговорил с нею об этом, пока был в деревне?»

Досадуя на себя за это упущение, Вениамин Александрович измерял первыми шагами комнату, пока не споткнулся о ящик с посылкой. Эту посылку его мать снарядила

для Вали Новосельцевой. Предупредив, что в ящике мешочек с сушеными опятами и две банки с малиновым и клубничным вареньем, мать наказывала:

— Ты не раскокай их в дороге и не забудь отдать сразу, как только приедешь.

И чтобы он не забыл, Аграфена Севастьяновна написала на крышке ящика химическим карандашом:

ВАЛЮШЕ НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ
ВРУЧИТЬ В САМОЛИЧНЫЕ РУКИ

Вениамин Александрович совсем забыл об этой посылке и сейчас, обнаружив ее, даже обрадовался возможности чем-то заняться. Позвонив в госпиталь, он выяснил, что Новосельцева сегодня не дежурит.

— Но если она вам очень нужна, то вы можете найти ее в детском садике, — любезно сообщили по телефону.

Поспешно одевшись, Гвоздев взял под мышку ящик и отправился в центр городка, на площадь перед Домом офицеров, где и размещался этот единственный в городке садик-ясли.

2

Дети строили горку. Минуточка орудовала острой штыковой лопатой, хотя для такого дела больше бы годилась широкая совковая. Собственно, она одна и ленила горку; детишки хотя и старались помогать ей, но на свои малюсенькие железные и деревянные лопаточки снегу брали всего по нескольку щепоточек, да и те по дороге рассыпали. Но трудились они, как муравьи, смысл своей работы, видимо, понимали и старались опередить друг друга, хотя проку от этого старания было мало. Но было главное — энтузиазм.

Наблюдая за детьми, Вениамин Александрович изыскивал способ привлечь внимание Минуточки; окликнуть ее он не решался, не знал, как это сделать: назвать при детях по имени вроде бы непедагогично, а отчества ее он не знал. Но вот его заметила одна из девочек и, подойдя к ограде, спросила:

— Вы чей папа?

— Я... Мне тетю Валю надо, позови ее, пожалуйста.

Девочка побежала к горке, крича на бегу:

— Тетя Валя, тетя Валя!

Минуточка обернулась и только теперь увидела Гвоздева. Воткнув лопату в снег и что-то наказав детям, она подошла к ограде.

— Вы?! З
там? Как Кос
— Все нор
— Нет, вы
были ли в рай
стру, все-все р
Он начал б
подошли дети.
Александрович
Минуточка по
сначала послу
лись к ограде
этого всевозмож
— Тетя Вал
Едва Валя
жала девочка:
— А Миска
— Миша, т
ла Валя у друго
— Она шам
— Тетя Вал
— Похоже,
Валя. — Если в
рез десять мину
буду свободна.
— Хорошо.
возьмите. Это м
рожнее, там бан
— Спасибо,
— Не отсыла
вич сунул ей яш
— Ладно, то
Вениамин Ал
задержался пере
здесь давали ко
торни. Ни одно
нашел. Он вспом
ной в консерват
выступали выпу
них стали доволь
Наверное, уже т
произведения, по
ло скучновато, о
первого отделени
10*

— Вы?! Здравствуйте! Наконец-то приехали! Ну как там? Как Коська? — встревоженно спрашивала она.

— Все нормально.

— Нет, вы все подробно рассказывайте. Как долетели, были ли в райздравотделе, прикрепили ли патронажную сестру, все-все рассказывайте.

Он начал было рассказывать обо всем подробно, но тут подошли дети. С любопытством разглядывая Вениамина Александровича, они явно прислушивались и к разговору. Минуточка попыталась было снова отослать их к горке, они сначала послушались ее, но потом опять по одному потянулись к ограде, довольно изобретательно подыскивая для этого всевозможные поводы:

— Тетя Валя, у меня шарф туго!

Едва Валя ослабила шарф этому мальчику, как подбежала девочка:

— А Миска Мосягин делется!

— Миша, ты почему обижаешь Таню? — строго спросила Валя у другого мальчика.

— Она шама лежет...

— Тетя Валя, у меня в валенки снег насыпался!

— Похоже, они нам не дадут поговорить, — вздохнула Валя. — Если вы не очень спешите, то подождите меня. Через десять минут я их поведу обедать, а потом целый час буду свободна.

— Хорошо. Я никуда не спешу. Вот только посылочку возьмите. Это мама вам прислала. Но будьте с нею осторожнее, там банки с вареньем.

— Спасибо, но мне как-то неловко...

— Не отсылать же ее обратно. — Вениамин Александрович сунул ей ящик. — Я тут поблизости поброжу.

— Ладно, только далеко не уходите.

Вениамин Александрович неторопливо обогнул площадь, задержался перед афишей возле Дома офицеров. Сегодня здесь давали концерт выпускники Ленинградской консерватории. Ни одного знакомого имени на афише Гвоздев не нашел. Он вспомнил, как они последний раз были с Полиной в консерватории. В зале имени Глазунова тогда тоже выступали выпускники консерватории, теперь многие из них стали довольно известными пианистами и скрипачами. Наверное, уже тогда они хорошо исполняли классические произведения, но Гвоздев в этом плохо разбирался, ему было скучновато, он уже собирался предложить Полине после первого отделения уйти, но, глянув на нее, поразился. Она

слушала сосредоточенно, видно было, что она находит в музыке что-то такое, что Вениамину недоступно.

Ради нее он остался и на второе отделение, настроившись весьма пессимистично. Но когда щупленький юноша сел за рояль и заиграл, энергично кивая головой, будто выклевывая своим крючковатым носом ноты из клавиш, в музыке показалось что-то знакомым. Потом, прикрыв глаза, Вениамин отчетливо представил свою деревню, лес, поле с ветром, грозу. Он воспринимал музыку лишь ассоциативно, и она потрясла его. Он был убежден, что такую музыку мог написать только русский композитор, но, заглянув в программку, с удивлением узнал, что исполнялась Вторая венгерская рапсодия Ференца Листа.

Она и сейчас значилась в афише. «Надо пойти, — решил Вениамин Александрович. — А то совсем одичал. А может, и Минуточку позвать? В госпитале сказали, что она сегодня не дежурит».

Пришлось выстоять очередь у кассы; он купил два билета и поспешил к детскому садику. Минуточка прохаживалась возле ворот.

— Куда же вы исчезли? — спросила она. — Я уже уходить собралась.

— Да вот простоял в очереди за билетами на концерт. Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию?

Она как-то странно посмотрела на него и, поколебавшись, сказала:

— К сожалению, я не смогу. Дежурю.

«Значит, меня в госпитале обманули. Или она обманывает? Но зачем? Не хочет — не надо», — обиделся он, но вслух заметил:

— А жаль!

Вениамину Александровичу одному идти на концерт не захотелось, и он направился в штаб, чтобы подробнее узнать о предстоящем выходе в море. Но, подходя к гавани, увидел, что к грузовому причалу швартуется «Вышибала». Варфоломеев стоял на юте и распекал здоровенного, но, судя по повенькому, не обмявшемуся по плечам бушлату, еще молодого матроса:

— Думаешь, сила есть, так и ума не надо? Тоже мне ворошиловский стрелок...

— Так ведь я же нечаянно...

— Еще не хватало, чтобы нарочно. Теперь вот как достанешь автомат?

— Да я сам полезу под воду!

— Тоже мне
увидел Гвоздева
Спрыгнув с
типом Анисимов
— Уж больш
— Будешь г
выделывают!
— Ничего се
вслед уходящему
— Если бы
часового с БПК
По другую с
дочный корабль.
— То есть ка
— Швартовы
набросить, он ее
Тот и упал. Хоро
соскользнул авто
— Это ведь
дев, прикидывая
рабля. — Что и го
— И ведь нар
А я теперь должен
И словно в по
лодочного корабл
— На буксире
— Есть, на бу
— Передайте
шает его к нам на
— Ну вот вп
хлопнул себя по
ся. — И полез на
Но вернулся он
— Все уладило
просил моего матр

нему узнать о пред
— Командир ба
ресуется нашей пе
нете на горизонте,

— Тоже мне водолаз выискался! — Тут Варфоломеев увидел Гвоздева и отмахнулся от матроса: — Ладно, иди.

Спрыгнув с причала на ют и поздоровавшись с Константином Анисимовичем, Гвоздев весело заметил:

— Уж больно ты грозен, как я погляжу.

— Будешь грозен, если вон даже салажата черт-те что выделывают!

— Ничего себе салажонок, — улыбнулся Гвоздев, глядя вслед уходящему матросу. — Такой и быка свалит.

— Если бы быка! — вздохнул Варфоломеев. — А то вон часового с БПК зааркапил.

По другую сторону причала стоял большой противолодочный корабль.

— То есть как это зааркапил?

— Швартовым. Вместо того чтобы петлю-то на кнехт набросить, он ее на часового накинул да еще поддернул. Тот и упал. Хорошо еще, что не ушибся. Но у него с плеча соскользнул автомат и упал в воду.

— Это ведь надо так точно попасть, — удивился Гвоздев, прикидывая расстояние до трапа противолодочного корабля. — Что и говорить, бросок снайперский.

— И ведь нарочно, паразит, сделал, просто из озорства! А я теперь должен замаливать его грехи.

И словно в подтверждение его слов, с мостика противолодочного корабля вахтенный офицер прокричал в мегафон:

— На буксире!

— Есть, на буксире!

— Передайте капитану, что командир корабля приглашает его к нам на борт.

— Ну вот видишь, — развел руками Варфоломеев и хлопнул себя по бедрам. — Теперь с ними не расплюешься. — И полез на причал.

Но вернулся он скоро и довольный.

— Все уладилось, автомат уже достали, а командир попросил моего матроса поучить его боцманят бросать концы.

3

Начальник штаба соединения, когда Гвоздев вошел к нему узнать о предстоящем походе, сказал:

— Командир базы контр-адмирал Кулешов весьма интересуется вашей персоной и просил, как только вы возникнете на горизонте, предстать пред его ясные адмиральские

ник. Так что идите, он сейчас как раз у себя, а то после его отловить будет сложно.

Не понимая, зачем он понадобился столь высокому начальству, Вениамин Александрович поднялся на второй этаж, где был расположен кабинет контр-адмирала Кулешова.

— Капитан третьего ранга Гвоздев, — сообщил он порученцу, главстаршине. — Меня...

Но порученец не дослушал его.

— Понятно! — бросил он на ходу, исчезая за обитой коричневым дерматином дверью. И, почти тут же появившись из-за нее, щелкнул каблуками и доложил: — Адмирал просит вас.

«Ишь ты, как почтительно меня встречают! — удивился Вениамин Александрович. — С чего бы это?»

В кабинете кроме самого Кулешова находился и контр-адмирал Еремеев.

— Ну вот, на ловца и зверь бежит, — сказал Кулешов. — Садитесь, Вениамин Александрович. Как отдохнули? Как сынишка?

— Спасибо, — растерянно сказал не ожидавший такого приема Гвоздев, присаживаясь на краешек последнего из приставным столом полумягкого стула. — Все нормально.

— Добро. — Кулешов пристально посмотрел на него и спросил: — А не было ли у вас мысли в связи со сложившимися обстоятельствами оставить службу?

— Была, — откровенно признался Вениамин Александрович. Такая мысль у него появлялась, точнее, ему внушала ее мать и Татьяна, они даже подыскали ему работу — в райцентре была должность председателя комитета ДОСААФ.

Адмиралы переглянулись, и Кулешов уже более сухо спросил:

— Ну и что вы решили?

— А какое тут может быть решение? Меня же учили... И опыт кое-какой есть... Да и Земля нынче маленькая. Кому-то же надо ее беречь? — Он говорил сбивчиво, опасаясь что Кулешов и Еремеев его не поймут, ведь они при том разговоре в Татьяниной пристройке не присутствовали.

Но похоже, что оба поняли. Еремеев распрямился и бедно посмотрел на командира базы, а тот, облегченно вздохнув, одобрительно заметил:

— Вот это другой разговор! Ты был прав, Василий Петрович. — И, махнув рукой, сообщил: — Ладно уж, хотел отложить до более торжественного момента, да неизвестно

когда такой момент
ред ним пашку и ст
Вслед за Ереме
нялся сам, принял
объявил:
— Приказом
Флотом СССР капи
Александровичу пр
питан второго ранга
— Служу Совет
Гвоздев.
— Поздравляю!
щика стола повеш
нул их Гвоздеву: —
срока.
— Спасибо, това
Еремеев тоже п
места, Кулешов, пос
— Ну ладно, по
Да вы подвигайтес
то сидите на отдале
Когда Гвоздев п
спросил его:
— Так кого же
— В каком смы
вич.
— А в том, что
командиром на нов
ду, он вполне спра
рабля. Впрочем, вы
Так оно и было,
дел, что Калистрато
возразить было нече
ум довод:
— А не слишком
— Ну, молодость
ходит быстро. К со
на выбор предлагает
его ранга Горбатова
был помощником на
ошла ему на польз
мом. Если же вы с
должность своего по
мы тоже возражать
помом к Калистрату

когда такой момент выберем. — Он раскрыл лежавшую перед ним папку и строго сказал: — Прошу встать!

Вслед за Еремеевым и Гвоздевым командир базы поднялся сам, принял положение «смирно» и торжественно объявил:

— Приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР капитану третьего ранга Гвоздеву Вениамину Александровичу присвоено очередное воинское звание «капитан второго ранга».

— Служу Советскому Союзу! — по-уставному выпалил Гвоздев.

— Поздравляю! — Кулешов пожал ему руку, достал из ящика стола новенькие, еще в упаковке, погоны и протянул их Гвоздеву: — На, носи. Но не более положенного срока.

— Спасибо, товарищ контр-адмирал.

Еремеев тоже поздравил, и когда все уселись на свои места, Кулешов, посерьезнев, озабоченно сказал:

— Ну ладно, порадовались, и хватит. А теперь к делу. Да вы подвигайтесь поближе, Вениамин Александрович, а то сидите на отдалении, как подсудимый.

Когда Гвоздев подсел к адмиральскому столу, Кулешов спросил его:

— Так кого же назначить вашим старшим помощником?

— В каком смысле? — не понял Вениамин Александрович.

— А в том, что Калистратова мы намерены назначить командиром на новый корабль. Судя по последнему походу, он вполне справляется с обязанностями командира корабля. Впрочем, вы сами аттестовали его на выдвижение.

Так оно и было, но Вениамин Александрович не ожидал, что Калистратова заберут от него так скоро. Однако и возразить было нечего, и он привел первый пришедший на ум довод:

— А не слишком ли он молод?

— Ну, молодость — это такой недостаток, который проходит быстро. К сожалению. — Кулешов вздохнул. — Вам на выбор предлагается две кандидатуры. Капитана третьего ранга Горбатова из штаба базы вы знаете. До этого он был помощником на сторожевом корабле. Работа в штабе пошла ему на пользу, и он может стать хорошим старпомом. Если же вы считаете возможным выдвинуть на эту должность своего помощника капитан-лейтенанта Авдеева, мы тоже возражать не станем, а назначим Горбатова старпомом к Калистратову.

— Надо подумать. Все это как-то неожиданно, — сказал Вениамин Александрович.

— С решением пока не тороплю, — предупредил Кулешов, — но и долго думать некогда. Корабль сегодня возвращается. А через четыре дня вам предстоит длительный поход. И уже с новым старпомом. Так что у вас на размышления остается один-два дня.

Выйдя из штаба, Гвоздев побрел по набережной. Море под его ногами тихо пошлепывало ладонями о бетон, чуть правее мягко шелестело волной по песчаному пляжу и как бы успокаивающе нашептывало: «Хоро-ш-шо, хоро-ш-шо!»

«Чего уж тут хорошего!» — не соглашался Гвоздев. Ему было жаль расставаться с Калистратовым не только потому, что они дружили. Ни Горбатов, ни Авдеев не смогут заменить его...

Уже стемнело, а он все бродил по набережной. Взошла луна, она окутала городок и бухту таинственным светом, в воде отражались крупные звезды, казалось, кто-то огромный и невидимый разбросал по бухте серебряную мелочь. От Дома офицеров и сюда доносилась мелодия Второй рапсодии Листа, она снова навевала воспоминания, и Гвоздев, чтобы избавиться от них, напарил под ногами камешек и бросил его в воду. Звезды испуганно шарахнулись в разные стороны, и море недовольно поморщилось.

Он шел по пустынной улице и слушал ночные звуки.

Вот где-то мягко и успокаивающе прошелестела шинами машина, как бы подсказывая: «Не спе-ш-ши!», и он невольно замедлил шаг.

В чьей-то квартире били часы, и удары их падали в тишину, точно капли дождя в пустую бочку. «Двенадцать»,— сосчитал он и вспомнил, что завтра в двенадцать поль-поль он должен быть в штабе соединения.

В доме напротив заплакал ребенок. «Как там теперь Коська?»

Маленький черный буксир тянул за собой баржу. Ему, должно быть, очень тяжело, он сердито пыхтит, выбрасывая на город клубы пахнувшего углем черного дыма. «Еще трудится старик», — уважительно отметил про себя Вениамин Александрович, зная, что все эти старые угольщики давно собираются сдать в металлолом, но пока обойтись без них не могут.

Наперерез курсу буксира, поднимая за кормой особенно заметные в ночи белые волны, шустро бежит торпедный катер. Буксир испуганно вскрикивает сиреной и круто сторопит ход, чтобы избежать столкновения. Но командир ка-

тера лихо обходит его сначала с кормы, потом по носу, как бы накидывая на него петлю.

«Надо будет выяснить, кто этот лихач, и добиться, чтобы ему за это далеко не безобидное лихачество врезали на полную катушку», — решает Вениамин Александрович.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Гвоздев не знал, что буксир тянул баржу именно к борту его корабля, только что вернувшегося из похода. Приказание пополнить запасы пресной воды, топлива и продовольствия принял старший помощник командира корабля капитан третьего ранга Калистратов. У него было достаточно опыта, чтобы сообразить, что приказание загружаться «по завязку», да еще ночью, просто так не отдается. И когда вахтенный офицер доложил, что с берегового сигнального поста поступило распоряжение прислать к шестому причалу за командиром корабля его катер, Василий Григорьевич облегченно вздохнул, но тут же озабоченно подумал: откуда же принимать командира?

Трап уже поздно было вываливать: к правому борту большого противолодочного корабля присосался шлангами водолей, он уже начал качать воду, и шланги подрагивали в такт дыханию насосов. По левому борту ошвартовалась баржа, ее уже разгружали. И потому еще до подхода командирского катера Калистратов через сигнальщиков сообщил на него: «Принять могу только с юта, прошу подойти под корму», предвидя, что это решение не вызовет у командира особого восторга.

Но Гвоздев уже увидел и прилипшую к левому борту баржу, и присосавшийся к правому водолей, мысленно одобрил решение Калистратова и вскарабкался по спущенному с кормы штормтрапу на верхнюю палубу.

— Товарищ капитан третьего ранга...— начал было привычно докладывать Калистратов, но, увидев на плечах Гвоздева новенькие погоны с двумя звездочками, поправился: — Товарищ капитан второго ранга, за время вашего отпуска на корабле никаких происшествий не случилось! — и уже неофициальным тоном добавил: — Поздравляю, Вениамин Александрович!

Гвоздев пожал протянутую ему руку и обнял старпома:
— Спасибо тебе, Василий Григорьевич, и за поздравление, а главным образом за то, что ничего не случилось.
— Старались... — смущенно потупился Калистратов, но тут же вскинул голову, улыбнулся и весело заметил: — Эти шустрики работали, как черти! — и, покосившись на понуро стоявшего поодаль лейтенанта Бурковского, добавил: — Правда, не все.
Вениамин Александрович только теперь и увидел лейтенанта и, кивнув ему, спросил:
— Что пригорюпились, Семен Матвеевич?
Бурковский еще ниже опустил голову. Теперь его длинная тощая фигура напоминала вопросительный знак. Он опять переступил с ноги на ногу, но, прежде чем успел что-то сказать, за него ответил Калистратов:
— Да вот тащу его по всем кочкам...
— За что?
— А вот пусть он вам сам доложит.
— Ну-ка, Бурковский, доложите.
— Так ведь я как думал, товарищ командир? — начал докладывать Бурковский. — Сверху должно быть то, что раньше всего понадобится. Так и загружал баржу. А не догадался, что при перегрузке на корабль то, что лежит сверху, окажется внизу.
— Понятно. Что у вас сверху?
— Медикаменты. Всякие там банки-склянки.
— Ну, спасибо хотя бы за то, что вы не успели раздавить их. То, что не уместится в санчасти, поместите в каюту Коновалова и в вашу, лейтенант Бурковский.
— Есть!
— Что потом лежит?
— Потом картошка.
— Поздравляю, любезнейший. Стало быть, она сейчас окажется внизу, и пока мы до нее докопаемся, она вся сгниет.
— Выходит, так.
— Василий Григорьевич, прикажите подать сюда хотя бы один куль.
Старпом задрал голову и крикнул:
— На лебедке!
— Есть, на лебедке!
— Подайте на корму сетку с картошкой!
Стрела подвесила сетку почти к самым их ногам. Сунув руку в ближайший куль, Гвоздев захватил из него три или четыре клубня и, понюхав их, протянул Бурковскому.

— Что скажете?

Бурковский поочередно ощупал каждый клубень и совсем уж подавленно сказал:

— Влажная.

— Вот именно! Василий Григорьевич, распорядитесь постелить в кормовом кубрике брезент и рассыпать там картошку. А вы, Бурковский, возьмите десять человек, и чтобы через час была освобождена и провентилирована вторая провизионка.

— Есть! — Бурковский вприпрыжку кинулся в люк, не ожидая, пока настигнет его командирская «благодарность».

Проводив его ироническим взглядом, Калистратов бросил вслед:

— Вот лопух! Наплачемся мы с ним, Вениамин Александрович.

«Ну, тебе-то уж не придется, — с грустью подумал Гвоздев. — Надо бы, наверное, сказать Василию Григорьевичу о его новом назначении, да не положено. Может, еще и приказа на него нет. Пусть начальство об этом позаботится. Только вот когда он успеет передать дела Авдееву?»

Заметив озабоченность на лице командира, Калистратов осторожно поинтересовался:

— Далеко поплепаем?

Об этом тоже пока не положено говорить, и Вениамин Александрович ответил уклончиво:

— К черту на кулички.

— Понятно.

— Василий Григорьевич, вы уж тут пока проследите, пожалуйста, за погрузкой, а я переоденусь.

— Разумеется, — ответил Калистратов и направился на шкафут, по пути распекая капитана водолея: — Я же тебе говорил, что надо подтянуть шланги, они же хомутами краску обдирают! Так ты меня к утру начисто скальпируешь...

Гвоздев прошел в свою каюту, переоделся в рабочее обмундирование и вызвал командира БЧ-1. Вскоре тот явился. Похоже, его выдернули из постели: лицо помятое, заспанное.

— Готовьте предварительную прокладку аж до самого Средиземного моря. Ходовых карт у вас хватит?

— Даже с запасом, — с трудом подавляя зевоту, ответил штурман.

— Спасибо, хоть вы утешили.

— На том стоим! — уже бодро ответил окончательно сбросивший сон штурман.

— И стоять будем! — с улыбкой подхватил Вениамин Александрович и отпустил штурмана, зная, что им обоим предстоит не одна бессонная ночь.

2

Виктор Волжанин шел к ответственному секретарю редакции капитану второго ранга Паламарчуку без особой радости. Даже по своему небольшому опыту работы в редакции он знал, что Паламарчук зря вызывать не станет.

После ответственного редактора и его заместителя он считался третьим лицом в редакции, его иногда даже называли начальником штаба. Собственно, так оно и было, секретариат действительно был штабом, который осуществлял оперативное управление всеми отделами редакции.

Правда, однажды произошел курьезный случай. При очередном пересмотре штатного расписания финансисты положили Паламарчуку оклад секретаря-машинистки. На попытку редактора объяснить, что он не машинистка, а все-таки ответственный секретарь, они заявили:

— У нас безответственных должностей не бывает.

Потребовалось вмешательство Главного политуправления, чтобы восстановить справедливость.

Скорее всего, сейчас Паламарчук поведет разговор о подготовленной Волжанским статье командующего флотом. «Неужели он замахнется и на эту статью?» — с сомнением подумал Виктор.

Сокращение размеров очерков, статей, корреспонденций, репортажей и даже информаций было его любимым занятием.

— Ты, братец, того... разбежался. Сократи этак строк сотню, и поставим прямо в номер, — говорил он очередному слишком «разбежавшемуся», по его мнению, сотруднику.

Сотня строк — это была почти половина того, что написал репортер, по крупицам собирая факты.

Некоторые взрывались:

— Помилуйте...

Но ответственный секретарь редко кого миловал, а, откинувшись на полукруглую, когда-то лакированную, теперь уже облезшую спинку кресла, спокойно, даже почти доброжелательно изрекал:

— Ну-ну! Тогда будем читать.

И читал. Вслух. При этом с такой интонацией и так ставя ударения, что «протестант» обычно до конца не выдерживал и соглашался и на сотню строк, которым и без этой мелодекламации уже было уготовано бесславие в необъятной редакционной корзине.

— Вот так-то! — самодовольно и, как правило, обоснованно подытоживал ответственный секретарь и возносил указующий перст к давно уже закопченному его трубкой потолку: — Читатель, он, знаете ли...

Но о том, что читателю нынче не до «лирики», знали все, начиная от вахтерши до редактора, и очередной предмет внимания ответственного секретаря брал свои шустрые, натренированные за многие годы репортерские ноги в руки и поспешно ретировался, не ожидая, пока Паламарчук, проследив взглядом за своим пальцем, вспомнит, что ремонт в редакции не делали вот уже лет пятнадцать. Репортер тихо растворялся за дверью, не внимая обрушившимся вдогонку не то на его, не то еще на чью-то голову проклятиям.

— И до каких пор это будет продолжаться? — Именно это восклицание и донеслось до слуха Виктора Волжанина, когда его чуть не таранил головой пулей выскочивший из кабинета Паламарчука литсотрудник отдела информации. Не ожидая ничего хорошего и для себя, Волжанин, придав себе озабоченный вид, не просто вошел, а как бы величаво вплыл в кабинет ответственного секретаря. Вид его несколько озадачил Паламарчука, и он спросил:

— Ты уже знаешь?

Было бы глупо со стороны Волжанина показать, что он не только не знает, но даже и не догадывается, о чем пойдет речь.

— Кое-что,—неопределенно ответил он, удивляясь своей находчивости.

— Сам член Военного совета распорядился послать именно тебя. — Паламарчук порылся среди длинных полос гранок и простыней верстов и извлек из-под них знакомый бланк командировочного предписания.—Репортажи будешь давать ежедневно. Связь у тебя будет хорошая, раз сам командующий флотом идет с вами. Держи!

Волжанин на лету подхватил предписание и выскочил в коридор, обрадованный тем, что на сей раз обошлось без обычных высказываний недовольства. О том, что ему предстоит выход в море, он уже знал от начальника отдела, а вот то, что пойдет с ними и командующий флотом, было для него неожиданностью. Он попытался прочесть, что на-

писано в командировочном предписании, но в коридоре было темно, и он толкнулся в дверь ближайшей комнаты, за которой размещались заместитель ответственного секретаря и выпускающий.

— Господи, кто нас посетил! — патетически воскликнула Светлана Шаброва, откладывая в сторону рулончик с телетайпной лентой. Заметив в руках Виктора командировочное предписание, спросила: — Опять в бега?

— Ага.

— Это же надо: почти в рифму. Ты, случайно, не балуешься стишками?

— Пока бог миловал. — Виктор заглянул в предписание и узнал, что уезжает аж на два месяца. В его журналистской практике таких длительных командировок еще не бывало, и он вслух удивился: — На два месяца! С чего бы это?

— Доверие, брат Волжанин! Высокое доверие! — Она улыбнулась: — Говорят, командующий флотом будет лично сопровождать тебя.

«Откуда она о командующем знает?» — удивился Виктор и снова заглянул в предписание. Увидев номер войсковой части, понял, что идет на «Стремительном». Похоже, Светлана знает и об этом.

— Какие будут указания насчет Вениамина Гвоздева? — спросил он.

— Обойдетесь и без указаний. — Светлана усмехнулась; Виктору показалось, она догадывается: его больше интересует их предстоящая разлука и что она скажет ему на прощание.

— Ну-ну. Тогда привет! — с напускной бодростью произнес он и помахал рукой.

— Будь здоров!

Все-таки Светлана догнала его в коридоре.

— Ты зря обиделся.

— Ничуть, — сказал Виктор, отводя взгляд в сторону.

— Ладно, врать ты все равно не умеешь. Однако не спеши с выводами. Тем более что теперь у тебя будет достаточно времени, чтобы разобраться. — Светлана показала пальцем на командировочное предписание, которое Виктор все еще держал в руке.

— Да уж чего-чего, а времени действительно будет навалом. — Волжанин грустно усмехнулся и стал нарочито медленно засовывать предписание во внутренний карман тужурки.

— Ну что же, как говорится, попутного ветра! — сказала Светлана с вымученной улыбкой.

Виктор было потянулся к ней, но она круто повернулась и пошла в свою комнату. А он растерянно смотрел ей вслед и не узнавал ее: куда подевалась легкость ее походки, стройность и стремительность? Он ждал, что вот сейчас она оглянется и скажет ему что-нибудь обнадеживающее.

Но она даже не обернулась, и, когда за нею захлопнулась дверь, Виктор тяжело вздохнул и направился в свой отдел.

3

Пока шли фарватером, Виктор Волжанин стоял на сигнальном мостике и смотрел за корму. Море было на редкость спокойным, лишь кое-где подернулось рябью от легкого бриза, вдали синели горы с белыми шапками снега, а у самого уреза воды желтели пустующие песчаные пляжи. А вон в той бухточке песок уже сухой. Природа с мудрой предусмотрительностью укрыла ее горами от северных ветров и распахнула навстречу солнцу. «Когда я вернусь, там, пожалуй, можно будет уже загорать. Хорошо бы в воскресенье поехать со Светланой на весь день, — подумал Виктор и тут же горько усмехнулся про себя: — Если, конечно, она согласится...»

Их расставание оставило тягостное ощущение, и, стараясь не вспоминать об этом, он постепенно отошел от борта, сел за визир и навел его на идущий впереди крейсер. За кормой его весело кипел бурун, кильватерный след гладкой ровной лентой протянулся до самого форштевня «Стремительного». Но вот лента загнулась вправо — крейсер миновал фарватер и ложился на новый курс. Вскоре вслед за ним повернул и «Стремительный», еще на циркуляции увеличивая ход. И тут в динамике прозвучал голос вахтенного офицера:

— Отбой учебно-боевой тревоги! Второй смене на вахту заступить! — и после некоторой паузы: — Подвахтенным вниз!

Теперь можно подняться и в ходовой пост, раньше Волжанин на это не решался: все-таки он теперь на борту всего лишь пассажир, а гостям не положено появляться в ходовом посту, тем более во время тревоги.

Командующий сидел в кресле на правом крыле мостика, рядом с ним стоял Гвоздев, они о чем-то разговаривали.

Волжанин в нерешительности остановился в проеме двери рубки. Но вот командующий заметил его:

— А вот и пресса! Надо полагать, она будет широко освещать ратные подвиги моряков вашего корабля, Вениамин Александрович.

— Воспевать, — в тон командующему поправил Гвоздев.

— Вот-вот, — поддержал командующий, протягивая подошедшему к ним Волжанину руку. — И как это вы намерены воспевать?

— Мне поручено ежедневно давать в газету репортаж.

— Ну, ежедневно-то, пожалуй, незачем. Впрочем, вашему начальству виднее, не будем вмешиваться в его дела.

Гвоздев, воспользовавшись моментом, улизнул в штурманскую выгородку, а Волжанин сообщил:

— Кроме того, один толстый журнал поручил мне написать о вас очерк. Они хотят напечатать его в седьмом номере, посвященном Дню Военно-Морского Флота.

— А почему именно обо мне? У нас есть более опытные командующие флотом.

— Вот этого я не знаю. Сказали, что вопрос согласован с главкомом и Главным политическим управлением.

— Странно. Признаться, мне этого не хотелось бы. Это может вызвать...

Закончить фразу командующий не успел: щелкнуло в динамике, и вахтенный офицер объявил:

— Первой и третьей сменам вахт — на политическую информацию!

— Может, и нам с вами пойти? — предложил Волжанину командующий.

— Сегодня не стоит. Лучше в другой раз.

— Почему? — удивился Малинин.

— Сегодня на политинформации изучают вашу статью, опубликованную во вчерашнем номере флотской газеты. Боюсь, что нам обоим будет скучновато, потому что, если вы помните, и я имею некоторое отношение к этой статье...

И Малинин только сейчас вспомнил фамилию этого корреспондента.

Четыре дня назад перед самым началом совещания воспитанец доложил ему, что все приглашенные им лица уже собрались в приемной, но корреспондент флотской газеты капитан-лейтенант Волжанин просит принять его раньше их.

— Передайте, что сейчас принять не могу, пусть зайдет после обеда.

Но в это время зашел в кабинет член Военного совета,

вице-адмирал Бородулин и, будто продолжая доклад порученца, сказал:

— Я прошу вас, Александр Михайлович, принять Волжанина. Речь идет о вашей статье в газете, которую лучше бы подписать до вашего выхода в море.

— Приглашайте, — кивнул порученцу Малинин, вспомнив, что недели две назад тот же Бородулин послал к нему инструктора политуправления по печати, чтобы обговорить с ним статью. Тема была актуальной, инструктор что-то помечал в своем подержанном блокноте, но вопросов не задавал. Пробыл он недолго, и, когда уходил, Малинин подарил ему новый блокнот.

За поглотившими его заботами и тревогами Александр Михайлович как-то уже забыл об этой встрече, но сейчас удивился, что будущую статью с ним еще раз собираются обговаривать, и уже не тот инструктор, капитан первого ранга, а корреспондент флотской газеты, капитан-лейтенант. Но досаду его вызвала не смена лиц, а то, что в приемной ждали почти все его заместители и начальники управлений. Поэтому статью он прочитал не очень внимательно, а лишь «по диагонали» и тут же подписал.

— А что, и в самом деле скучноватая статья? — спросил он сейчас Волжанина. — И вообще, зачем ее надо изучать на политинформации?

— Так распорядился замполит. Но не в этом дело.

— А в чем же?

Волжанин слегка помялся. Но, решив, что кто-то же должен когда-то сказать всю правду, отважился:

— Статья-то пустая.

— Вот даже как? — удивился Малинин и внимательно вгляделся в лицо капитан-лейтенанта. И по его решительному выражению понял, что этот парень неробкого десятка и выложит все начистоту. — Поясните.

— Пустая потому, что ни одной личной вашей мысли в ней нет. На флоте уже известно о разборе, который вы провели на сторожевом корабле. Сколько там интересных наблюдений и мыслей! Не одну статью можно написать. Но ведь вы же не напишете!

— Почему вы так думаете? — еще более удивился командующий.

— Да потому, что статьи вы не сами пишете. Вы их только подписываете. Вот и эту тоже. Инструктор политуправления подготовил вам так называемую болванку. Я ее лишь слегка обточил, или, как говорят газетчики, причесал литературно, понимая, что инструктор, не мудрствуя

лукаво, попросту целыми кусками содрал ее с прошлогодних и позапрошлогодних статей вашего предшественника. Инструктор точно знает, что общие места — это годами проверенный верняк, против которого трудно возразить. По-хоже, и вам эта статья не очень понравилась, я даже заме-тил, что вы, не столько читая, сколько просматривая ее, слегка поморщились, но подписали. А потом... — Волжанин умолк, решив, что и так наговорил много лишнего.

— Что — потом? — нахмурившись, спросил Малинин.

— А не обидитесь?

— Давай, раз уж замахнулся, так бей! — Александр Михайлович незаметно для себя перешел на «ты».

И Виктор Волжанин уже совсем смело продолжал:

— А потом... Нет, вот сейчас сидят матросики на политинформации и думают: а, собственно, что нового сообщил нам в этой статье новый командующий и почему ее надо «прорабатывать»?

— Неужели так думают?

— Я бы на их месте именно так и подумал. Может, еще подумал бы, что вы, извините, не очень умный человек, а просто дослужились с годами до столь высокой должности.

— А ты, надо заметить, смелый парень. Как же ты осмелился говорить мне такое?

— Когда-то и кто-то должен же сказать? И потом, это ведь в ваших же интересах.

Командующий посмотрел на Волжанина и согласился:

— А ведь ты прав. И в таком положении не один я оказался. Как же это получилось?

— Я думаю, что это сложилось исторически. Когда после революции к власти пришли рабочие и крестьяне, многие руководящие деятели были неграмотными или полуграмотными. А их слова ждали. Вот и поневоле пришлось кому-то за них писать. А вы вот две академии закончили...

— М-да, вот тебе и история! — Александр Михайлович побарабанил пальцами по планширу мостика. — Как же быть-то? Масштабы-то наших забот нынче намного возросли по сравнению с теми временами. А вот вы же и пристаете, просите написать, а писать-то мне, братец, и в самом деле некогда.

— Как вы думаете, у Ленина забот было меньше, чем у вас? А ведь сам писал! Пятьдесят пять томов издано!

— Так то Ленин! А из меня, сам посуди, какой писатель? Да и времени все-таки нет.

— Я понимаю, мы не против того, чтобы помогать вам. Забот у вас действительно хватает. Вы над первой фразой

будете, пожалуй, не меньше часа мучиться. Я же ее напишу за две-три минуты, потому что специалист. Не ахти, правда, какой, я и сам в газете без году неделя, но уже кое в чем успел набить руку.

— А до этого где служили?

— Да вот здесь же, на «Стремительном», был замполитом.

— Вот оно что! — Малинин подумал, что член Военного совета, видимо, не случайно послал с ним именно Волжанина. — Так на чем мы остановились?

— Я говорил, что помочь вам литературно обработать статью мы можем, даже обязаны. Но важно, чтобы в статье были ваши мысли, а не инструктора политуправления и не мои. А то ведь бывает, что автор даже и не знает, кто за него писал.

— К сожалению, бывает и такое. Ну что же, спасибо тебе за науку. От души! — Александр Михайлович положил руку на плечо Волжанину и признался: — Знаешь, это очень непросто, когда ты всему голова, самый старший и тебе порой побаиваются сказать правду.

Из ходового поста выглянул вахтенный офицер и доложил:

— Товарищ командующий, вас просят на связь.

— Иду! — Малинин направился к трапу.

Уже в спину ему Волжанин спросил:

— А насчет другой статьи будем считать, что договорились, товарищ командующий?

— Какой статьи?

— Для нашей газеты.

— Ты, я вижу, ко всему прочему, еще и хитрец. Ладно, будет время — заходи, потолкуем.

Когда командующий спустился в радиорубку, Гвоздев, невольно слышавший через открытый иллюминатор штурманской выгородки весь разговор, заметил:

— Ох, Витька, свернешь ты когда-нибудь себе шею!

— Это почему же?

— Потому что слишком прямолинеен. Я понимаю, тебе противна тактика уловок, увиливаний и обходных путей. Но ты негибок. А негибкие ветки, как известно, легко ломаются.

— Ты-то вот не сломался.

— Так то я! Мы, деревенские, покрепче вас, хиленьких интеллигентиков.

— Это еще надо посмотреть, — сказал Волжанин, надвигаясь на Гвоздева и по-борцовски вытягивая руки для

захвата. Но, увидев в иллюминаторе лицо лейтенанта Самохвалова, опустил руки и примирительно сказал: — Ладно, в другой раз проверим, чья шея крепче.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Валя отказалась от приглашения Гвоздева на концерт вовсе не из-за дежурства в госпитале. Вечер-то этот как раз был у нее свободный, и послушать концерт она очень хотела, но ее вовремя удержало ощущение опасности. До нее дошли распространявшиеся местными кумушками сплетни о том, что она чуть ли не была любовницей Гвоздева. Правда, теперь сплетни поутихли. Удивляясь их нелепости, Валя тем не менее боялась этих сплетен. Пойти сейчас вместе с Гвоздевым в Дом офицеров значило бы снова возбудить эти невероятные предположения, дать более убедительный повод для необузданной фантазии тех самых кумушек...

Вернувшись после смены домой, она открыла присланный Аграфеной Севастьяновной ящик. В нем оказались две трехлитровые банки малинового и клубничного варенья и холщовый мешочек с сушеными грибами. В мешочке Валя увидела и конверт с тем же адресом, что и на крышке посылки: «Валюше Новосельцевой. Вручить в самоличные руки».

Вскрыв конверт, Валя обнаружила в нем что-то завернутое в плотную черную бумагу и записку на школьном, в клеточку, тетрадном листке. Сначала стала читать записку, с трудом разбирая прыгающие, корявые буквы:

«Валюша милая с большим спасибом к тебе и поклоном пишет Коськина баушка Аграфена Севастьяновна Гвоздева котору ты может и не спомнишь. А я вот вовек не забуду. Наверно пишу плохо ты поди и не разберешь дак я всего одну зиму училась. Посылаю тебе варенья клубничнова и малиновова оно при простуде пользительное дак где и ребятишек в садике попользуешь. А из опят и суп можно варить и подливку и в пироги добавлять хоть в мясны хоть в картовны оне запашистее станут. А исче посылаю тебе на память Коськину карточку. Андрей сво сам снимал. Не забывай нас отпиши как получишь посылочку. Благодарная тебе вся наша семья».

Валя развернула черную бумагу, достала Коськину фотографию, и что-то дрогнуло в ней. Коська был завернут в кружевные простыночки, личико его видпелось не все, но Валя узпала его сразу, хотя глазенки были испуганно расширены (видимо, снимали со вспышкой), щечки пабухли, а на подбородочке появилась ямочка. Валя часто вспоминала его, но за полтора месяца черты его личика уже начали было расплываться в памяти, а сейчас как будто и в ней что-то вспыхнуло и высветило все до мельчайших деталей. Она вспомнила, как жадно сосал он грудь Антонины Петровны, как ловил розовыми губками соску на бутылочке, как тонко и пронзительно пищал, и поняла, что и сейчас еще сильно привязана к нему, тревога за его судьбу не угасла, а лишь притаилась и вот теперь снова охватила ее.

Валя тут же написала Аграфене Севастьяновне и отнесла письмо на почту. Через неделю получила ответ. На этот раз писала сестра Гвоздева — Татьяна, она обстоятельно ответила на все Валины вопросы и просила передать от Аграфены Севастьяновны поклоны Варфоломееву и Калистратовым. Под этим предлогом и зашла Валя к Юле Калистратовой. После того как Коську отправили в деревню, у них с Юлей сохранились добрые отношения, но встречались они редко: помимо того, что Валя работала на двух работах, она еще усиленно начала готовиться к вступительным экзаменам в институт.

В квартире Калистратовых царил хаос: занавески с окон сняты, на кровати лежал лишь скатанный в рулон матрац, стол задвинут в угол, а всю середину комнаты занимали узлы и чемоданы.

— А, Валюша! — обрадовалась Юля. — Очень хорошо, что ты зашла. Я сама собиралась к тебе забежать, чтобы попрощаться, да вот не успеваю. Никогда не думала, что у нас столько барахлишка наберется.

— Переезжаете на новую квартиру? — спросила Валя. Она слышала, что Калистратовым выделили отдельную в только что сданном новом доме.

— Если бы! Совсем уезжаем. Васю перевели в другой город.

— А как же с новой квартирой?

— Пришлось сдать ордер. Обидно, конечно: за столько лет службы Вася впервые получил отдельную квартиру, а вот приходится от нее отказываться. Да что поделаешь? Мы уже привыкли жить, как цыгане. В седьмой раз переезжаем...

Юля не жаловалась, хотя было видно, что и переезжать

она вовсе не привыкла, и эту квартиру, в которую они даже не успели въехать, ей очень жаль. И ведь неизвестно, сколько раз еще Юле придется переезжать из одной базы в другую...

Валя опять подумала о нелегкой участи жен моряков, вспомнила речь вице-адмирала Бородулина на похоронах Полины Гвоздевой и согласилась с тем, что жизнь моряков действительно подвиг.

Она помогла Юле уложить вещи, и едва они управились, как подъехала машина, и двое матросов за один прием унесли все чемоданы и узлы. Валя полагала, что за Юлей приехал и сам Василий Григорьевич, и, не обнаружив его у машины, удивилась:

— А где же муж?

— Да ведь он как вернулся с моря, так сразу на новое место укатил! Им ведь все некогда, — пояснила Юля и шепнула на ухо Вале: — Мой-то командиром корабля назначен.

— Значит, тебя как бы с повышением надо поздравить, мать-командирша?

— Да лучше бы не было его, этого повышения! Теперь, считай, у нас и вовсе семейной жизни не будет, — вздохнула Юля.

Однако было видно, что она все-таки рада. Не за себя, конечно, а за Василия. Собственно, женам моряков только и остается что радоваться успехам мужей, своих они почти не имеют. Вот и Юля по специальности биохимик, а даже в школе ей не нашлось работы. И детей у них нет, а вот сделала дома, теряя квалификацию и стаж.

Места в машине Вале не хватило, и на аэродром она не поехала, а распрощалась с Юлей возле дома. Юля обещала написать и действительно недели через две прислала пространный отчет о том, как устроилась на новом месте. Там им опять выделили комнату в общей квартире. «Но считай, что хозяйка в квартире я одна, — писала Юля, — потому что сосед у нас тоже моряк и дома почти не бывает».

2

Навестила Валя и Константина Анисимовича Варфоломеева. Отбавив из присланных Аграфеной Севастьяновной трехлитровок по литровой банке клубничного и малинового варенья, она пошла в гавань. Но дежурный сообщил:

— Варфоломеев еще не отвартовался. Так что пока где-нибудь погуляйте.

Однако не успела Валя отойти от проходной, как он окликнул:

— Вернитесь, вон он подходит.

С моря, пещадно дымя трубой, подбирался к причалам довольно закопченный буксир.

— Идите к четвертому причалу, он там будет швартоваться, — сообщил дежурный и показал, как туда пройти.

Когда она добралась до причала, буксир уже прилепился к нему, матросы подтягивали швартовые и подавали на бетонную стенку сходню.

— Как мне увидеть Варфоломеева? — спросила Валя у одного из них.

— А вон он, на мостике, — кивнул матрос и крикнул: — Анисимыч!

С мостика, перегнувшись через поручень, глянул вниз плотный мужчина в бушлате и низко надвинутой на лоб ушанке с «крабом» — Валя не сразу и узнала Варфоломеева — и сердито спросил:

— Чего там еще?

— Да вот к вам пришли. — Теперь матрос рассматривал Валю с нескрываемым любопытством.

Варфоломеев, кажется, не разглядел Валю как следует, недоуменно пожал плечами и стал спускаться по трапу. Выйдя на причал, только теперь и узнал Валю.

— Вы?! — удивился он и встревоженно спросил: — Что-нибудь случилось?

— Нет, — успокоила его Валя и протянула ему авоську с двумя банками варенья. — Это Аграфена Севастьяновна вам прислала.

Но Варфоломеев, оглянувшись на высыпавших к борту матросов, сетку не взял, а предложил:

— Пойдемте-ка в каюту, — и, не ожидая ее согласия, направился к сходне. Там он подхватил Валю под руку и помог спуститься на палубу.

Пока они, обходя надстройки и расположенные на верхней палубе механизмы, пробирались вдоль левого борта, матросы беззастенчиво, пожалуй, даже нахально разглядывали ее, а кто-то за ее спиной заметил не без зависти:

— Во как дает!

Реплика почему-то обидела Валю, она приостановилась, намереваясь вернуться, но Варфоломеев легонько подтолкнул ее к спадавшему вниз почти отвесному металлическому трапу и успокоил:

— Не обращайте внимания. Ребята они в общем-то неплохие, а что хорохорятся — так это больше от скуки.

Каюта была маленькая, чуть больше кухни в Валиной квартире. У двери — раковина умывальника с медным бачком над ней и штормовая деревянная полочка с гнездами для графина и стакана, рядом — железный шкаф, окрашенный под дуб, на скошенном борту — тарелка иллюминатора с висевшей на цепи броневой крышкой, под ним — небольшой столик, возле него — два привинченных к палубе кресла с вытертыми добела кожаными сиденьями. Вдоль свободной стены протянулся диванчик, полузадернутый тоже вытертой бархатной портьерой темно-вишневого цвета. Валю с матерью в какой-то праздник отец пригласил в свою каюту, и там, кажется, все было точно так же. Это воспоминание потянуло за собой и другие, но Варфоломеев нарушил их вежливым предложением:

— Снимайте плащ и устраивайтесь где вам удобнее. — И, повесив ее плащ на плечики, стянул бушлат и шапку и, раздернув портьеру пошире, бросил их на диванчик. Валя почему-то подумала, что этот диванчик, пожалуй, для него слишком узок.

Когда они уселись за столом напротив друг друга, Варфоломеев попросил:

— А теперь рассказывайте.

— Да мне и рассказывать-то нечего. Вот это вам. — Валя пристроила авоську на палубе, в уголке возле дивана.

— Спасибо. Был Вениамин у меня, а поговорить так и не успели, неприятность у меня в ту пору приключилась: матросик один набедокурил, пришлось разбираться. — Варфоломеев вздохнул, задумался, глядя в иллюминатор, за которым тихо плескалось море.

Валя исподволь разглядывала его. Со дня похорон Полины Гвоздевой они не виделись, и там, на мостике, да и на причале, в низко надвинутой на лоб шапке, он показался ей старым. Но сейчас она поняла, что ему не так уж много лет. Лицо хотя и выдубленное до черноты морем и ветром, но не дряблое, ни одной морщины на нем нет, вот только над переносьем собралась озабоченная складка; волосы густые, с едва пробивающейся на висках сединой; и глаза и вовсе молодые, это Валя отметила еще раньше, только сейчас блеск их приглушен печалью...

Варфоломеев вдруг тряхнул головой, словно разгоняя грустные мысли, и предложил:

— Чаю хотите? Или кофе? — Заметив, что Валя колеблется, добавил: — Да вы не стесняйтесь.

— От чашечки кофе я, пожалуй, не откажусь.

— Сейчас. — Варфоломеев встал, приоткрыл дверь и крикнул: — Хомутов!

Почти тотчас в проеме двери возник тот самый матрос, который окликал его на мостике.

— Есть, Хомутов!

— Слушай, Сеня, не в службу, а в дружбу: скорепько сообрази кипяточку.

— О чем разговор, Анпсимыч! Сделаем! — И, подмигнув Вале, матрос исчез.

Варфоломеев выдвинул ящик стола, достал сначала свернутую вчетверо салфетку, банку индийского растворимого кофе, пачку сахара, чашки и ложечки. Но не успел он все это разложить на салфетку, как в дверь постучали и заглянувший в нее другой матрос доложил:

— Константин Анисимович, с поста семафором передали, что вас срочно вызывают в штаб базы на связь.

— Хорошо, сообщи, что сейчас приду. — Когда дверь за матросом закрылась, Варфоломеев виновато развел руками: — Ничего не поделаешь — служба! Но я скоро вернусь. А вы тут пока кофейком обогрейтесь. Хомутов сейчас кипятку принесет.

Но Валя решительно встала:

— Я тоже пойду.

Варфоломеев подал плащ.

Когда они вышли на причал, Валя предложила:

— Может, когда освободитесь, сходим на кладбище? Вениамин-то Александрович, говорят, в море ушел.

— Я знаю. Вы тут подождите у дежурного, я скоро вернусь.

Доведя Валю до КПП, Варфоломеев побежал к штабу базы.

Вернулся он действительно быстро и, когда вышли из КПП, усомнился:

— А не замерзнете? Плащишко-то на вас для такой погоды жидковатенький.

— У меня под ним шерстяная кофта. И вообще я уже отогрелась, это только возле моря холодно.

— Ну, если так, то пошли.

Памятник на могиле Полины Поликарповны Гвоздевой был вытесан из серой гранитной глыбы в виде паруса. К отшлифованной стороне прикреплены плитка из черного мрамора с надписью и овальная фотография из эмали.

— А Венька-то успел здесь побывать, — удовлетворенно заметил Варфоломеев, указывая на лежавший под парусом букетик гвоздик. И тут же озабоченно добавил: —

Однако весной все это осядет, придется поднимать, так и уже два швеллера припас...

Потом они зашли на могилу Валиной матери. Оказывается, Варфоломеев когда-то успел побывать и тут: расчистил дорожку, покрасил скамеечку. Они долго сидели на ней молча. Когда возвращались с кладбища, неожиданно возле Валиного дома встретили Григоренко. Валя еще издали заметила его, он прохаживался возле парикмахерской, делая вид, что ждать ее у подъезда. Став начальником отделения, Григоренко еще более настойчиво начал обхаживать Валю, а она еще более упорно «отшивала» его. А сегодня утром, когда она сдавала смену, торжественно сообщил:

— Нам на отделение выделили одну двухкомнатную и одну однокомнатную квартиры. Так что комиссия обследует и ваши жилищные условия...

Похоже, Григоренко сейчас в единственном числе и представлял жилищную комиссию. Но делал вид, что встретил их случайно. Валя представила ему Варфоломеева.

— Мы, кажется, знакомы, — сказал Григоренко и спросил: — Как там мальчик?

Варфоломеев собрался было рассказать о Коське, но Валя опередила его.

— С ним все в порядке, — сухо сообщила она.

Григоренко, озадаченный ее тоном, помялся, достал сигарету.

«Кажется, я им мешаю...» — подумал Варфоломеев и сказал:

— Так я, пожалуй, пойду.

— А как же кофе? Я же обещала вас угостить, — удивилась Валя и подхватила его под руку.

«Ничего она не обещала, видимо, просто решила отделаться от Григоренко, а тот, наверное, на сегодняшний вечер возлагал большие надежды. А Валя лишь делает вид, будто не заметила огорчения Григоренко. Ну, это их дело... А все-таки жаль, если Венька упустит ее», — решил Варфоломеев.

— Может, я и в самом деле пойду? — спросил Константин Анисимович, когда они поднялись на третий этаж и Валя достала из сумочки ключ.

— А у меня и правда есть натуральный кофе, — сообщила Валя, глядя поверх Варфоломеева в окно, должно быть наблюдая, удалился ли этот настырный доктор Григоренко. Варфоломеев тоже оглянулся на лестничное окно. За ним никого не было. «Ну и ладно», — удовлетворенно подумал он и сказал:

— К сожалению, мне пора идти. Через час я должен опять выходить в море.

Валя, все еще глядя за окно, рассеянно спросила:

— Как от него избавиться?

Варфоломеев подумал и посоветовал:

— Если уж отшивать, то сразу. Чтобы никаких надежд не оставлять.

— Может быть, — рассеянно произнесла Валя.

3

А из деревни, хотя и не часто, приходили письма от Татьяны, а иногда и от самой Аграфены Севастьяновны. В одном из них она приглашала Валю приехать на время отпуска в деревню, лучше в июле, когда пойдут в лесу и земляника, и малина, и смородина, и костяника. Но в июле Валя должна сдавать вступительные экзамены в институт и пообещала приехать только после них, где-то в середине августа, да и то всего на неделю-полторы, больше не выходило.

Правда, поговаривали, что занятия в институтах нынче начнутся на месяц позже, студентов собираются на весь сентябрь отправить на уборку картофеля и овощей. «Может быть, удастся договориться, чтобы на уборку я поехала именно туда», — понадеялась Валя.

Однако поехать ей пришлось раньше. В конце июня Аграфена Севастьяновна прислала телеграмму, в которой сообщала, что Коська тяжело заболел и его положили в больницу. Чем именно заболел, она не упомянула, и это особенно встревожило Валю. По пустякам грудных младенцев в больницу не кладут, а если уж приходятся класть, то вместе с матерью. С Коськой ложиться некому: у Татьяны свои дети, да и с работы ее могут не отпустить, а больному младенцу особенно нужны постоянное внимание, ласка и хороший уход. А какой уж там уход в больницах, где ни сестер, ни санитарок не хватает...

Быстро оформив полагающийся ей очередной отпуск, Валя в тот же день вылетела в Челябинск. В Москве ей предстояла пересадка; еще во Внуковском аэропорту Валя выяснила, что ближайший рейс на Челябинск будет только через шесть часов, а добираться до Домодедова все равно через центр, на это уйдет часа два с половиной, и у нее есть время заглянуть на Петровку.

Их дом был капитально отремонтирован и реконструирован, теперь не стало ни длинного коридора, ни огромной общей кухни, все было разгорожено на отдельные кварти-

ры, и никого из знакомых Валя не встретила. Да если и встретила бы кого из сверстников, то вряд ли узнала бы — ведь прошло двенадцать лет, как она уехала отсюда. А все-таки даже просто постоять на лестничной площадке было приятно...

Она спустилась вниз, постояла у подъезда, все еще надеясь встретить кого-нибудь из знакомых. Столешников переулок был до отказа забит людьми, судя по всему, приезжими, они толпились и у разбросанных на небольшой площади ларьков, и у магазинов. Валя купила Аграфене Севастьяновне шерстяной платок, а Татьяне — красивую пудреницу. Для Коськи подарок надо было искать в «Детском мире», Валя направилась было туда, но по пути попался, видимо, недавно открывшийся магазин «Детское питание», и она загрузила и сумку и авоську питательными смесями для малышей.

4

У Коськи обнаружили двустороннее воспаление легких. Можно было и не удивляться этому: в старой избе Аграфена Севастьяновна топила русскую печь по два раза на день, и даже Татьяна, привыкшая с детства к такому обычаю, предупреждала:

— Мама, нельзя же так! Вон как ты избенку-то нажарила, мальчонка весь мокрый, чуть полыхнет холодом из окошка или из двери, и застудишь его.

Но даже когда наступило лето и на дворе стояло тепло, Аграфена Севастьяновна не только не открывала створки, а в сырые дни еще и подтапливала печь.

— Ой, мама, не дело это! — предупреждала Татьяна.

Но Аграфена Севастьяновна, доверявшая не только собственному опыту, но и древнему поверью, что пар костей не ломит, не захотела покориться дочери.

Когда Валя приехала в районную больницу, опасность уже миновала, температура у Коськи была нормальной, затемнений в легких не осталось, и для через два-три его можно было выписывать.

— Но как же я его выпишу? Куда? Опять к этой темной бабке? — говорила Вале заведующая детским отделением больницы. — Она же доведет до повторного, а там, глядишь, и хроником станет, если и сумеем выходить его снова.

— Да, пожалуй, вы правы, — согласилась Валя. — Поэтому я, с вашего разрешения, эти дни побуду с ним здесь, если найдется для меня койка.

Районная больница была построена недавно и по хорошему проекту, а детское отделение и по медицинскому оборудованию, и даже по интерьеру вполне отвечало последним достижениям, но оно было переполнено больными детьми от грудного возраста до школьного, и койки для Вали не нашлось. Тогда Валя предложила на время побыть дежурной сестрой, и Нина Ивановна, узнав, что она работает в родильном отделении госпиталя, согласилась. Вначале, правда, очень осторожно, как бы стыдясь, все-таки предложила:

— Давайте сдадим анализы (не «сдайте», а «сдадим», как будто и сама собиралась это сделать). Все-таки вы в дороге были... Мало ли что... — Нина Ивановна покраснела и потупилась так виновато, как будто предлагала что-то противозаконное.

— Конечно, я же все понимаю, — поспешно согласилась Валя, лишь бы скорее избавить Нину Ивановну от этой неловкости.

Валя не осудила Нину Ивановну, когда та устроила ей хотя и небольшой, но весьма пристрастный допрос, нечто вроде вступительного экзамена. Однако уже через два дня, убедившись, что Валя не только разбирается в медицине, но и умеет обращаться с грудными детьми, дошколятами и даже со школьниками, пригласила:

— А вы оставайтесь у нас. В Челябинске тоже есть медицинский институт, можете учиться и на вечернем отделении, ехать тут всего полтора часа. А жить пока можете у меня, места и для вас хватит, не стесните. — И в тот же день позвала Валю домой на обед. Пока они шли по селу, почти каждый встречный здоровался с Ниной Ивановной. Пожилые почтительно кланялись, а молодые и дети, улыбаясь, доверчиво и бойко приветствовали:

— Здрасьте, Нина Ивановна!

— Я вижу, вы пользуетесь здесь большой популярностью, — заметила Валя.

— Так ведь это все мои бывшие пациенты или их родители. Я тут работаю около тридцати лет. И кроме того, что заведую отделением в больнице, еще и районный педиатр. Может, такое совместительство и вполне закономерно, имеет свою логику, но весьма обременительно. Приходится часто выезжать на места, в деревни и села, а в отделении не хватает врача и двух сестер, порой не на кого оставить стационар. Правда, в отличие от города, с санитарками у нас проблемы нет. Девочки, провалившиеся на экзаменах в институт, год пережидают у нас, в санитарках, куда охот-

нее, чем на скотных дворах и птицефермах в своих колхозах и совхозах, хотя и там нынче ходят в белых халатах. Все-таки здесь, в районном центре, им поинтереснее жить. Вон посмотрите, какой Дворец культуры отгрохали...

Дворец был из стеклобетона, со скошенной крышей, как и Дом офицеров в их приморском городке, должно быть, строился по тому же проекту. Только что закончился дневной сеанс для детей, и они выбегали распаренные, как из бани.

— Может, и мы в кино вечером сходим? — предложила Нина Ивановна. — Картина новая, она и в Челябинске второй день только идет.

— Спасибо, я уж лучше с Коськой побуду.

За время болезни Коська сильно похудел, щечки впали, исчезла ямочка на подбородочке, кожа стала почти прозрачной, под ней синели вены. Но он был веселый и подвижный мальчик, уже самостоятельно переворачивался на животик и даже пытался сесть. К Вале он привык сразу и, завидев ее, тянул ручонки. Она подхватывала его, качала, кружилась с ним по палате, ему это особенно нравилось, он улыбался своим беззубым ртом, глазки сияли от восторга.

— А ну-ка сейчас же положите его в кроватку! — одергивала Нина Ивановна. — Приучите к рукам, а потом наплачетесь с ним, — и тут же как бы с укором добавляла: — Впрочем, вы-то уедете... — и с надеждой спрашивала: — А может, все-таки останетесь?

Вале тоже не хотелось расставаться с Коськой. Если раньше, еще в госпитале, ее привязанность объяснялась жалостью, то теперь зарождалось нечто большее. Она вообще любила детей, но к Коське у нее было какое-то особое чувство. Испытывая необъяснимую нежность, она думала: «Если мне этот малыш так дорог, то как же должны любить родные матери? Что же будет, когда у меня появится собственный ребенок?»

Она намерена была иметь много детей. Правда, все это рассматривалось пока лишь в чисто теоретическом плане. Валя даже не представляла, кто будет их отцом, но твердо знала, что это должен быть очень добрый человек. В ее жизни было лишь одно, да и то детское увлечение, но и оно прошло как-то сразу, когда она узнала, что мальчик, который ей нравился, ворует. Потом она долго презирала всех мальчишек, а когда стала к ним снисходительнее и пришла пора самых пылких чувств, на нее обрушилась сначала гибель отца, затем и смерть матери. Несчастье сильно подействовало на нее, в ней все как бы заледенело.

Но время делало свое дело, она стала постепенно оттаивать, и, может быть, именно Коська окончательно растопил тот лед.

Она не выделялась какой-нибудь особой, броской красотой. Правда, у нее была хорошая, пропорциональная и стройная фигура, но лицо слишком обыкновенное, каких много, ничего в нем не выделялось, вот разве что брови — густые и темные, как у отца. Если бы это лицо наполнить румянцем, оно бы значительно выиграло, но от постоянного недосыпания Валя была бледна.

Однако нельзя сказать, что мужчины не обращали на нее внимания.

Сначала она это заметила по доктору Григоренко. От снисходительного добродушия он постепенно перешел к ухаживаниям, покровительственный тон сменил на просительный, но надеждам его не суждено было сбыться. Слишком уж очевидны были его намерения.

Потом она стала замечать, что и некоторые папаши, уводя своих чад из садика, не торопятся, стараются завязать разговор. Обычно они начинали с проблем воспитания дошкольников, а потом переходили к делам житейским, тон разговора с делового сбивался на фривольный.

Ну а о молодых лейтенантах и говорить нечего. Но вот что поражало: при всей их эрудированности они были удивительно беспомощны и старомодны в способах завязывания знакомств, пользовались древними как мир приемами: «Вы не скажете, который час?» Или: «Как пройти на такую-то улицу?» Она знала, что у каждого из этих пижонов на руке или в кармашке на цепочке (это опять стало модным) архисовременные часы, а уж улиц-то в городке всего шесть, и они вдоль и поперек истоптаны лейтенантскими ботинками. Нет, она не проходила мимо, отвечала и на вопросы о времени, указывала и улицу, но делала это с такой холодной вежливостью и презрительной усмешкой, что претенденты тут же отваливали. Иногда она и сожалела, что выработанный ею способ самозащиты срабатывал так надежно, ловила себя на том, что внимание мужское ей все-таки льстит.

5

Хороший уход и питательные смеси, привезенные Валей, сделали свое доброе дело, и через десять дней Коську выписали из больницы. Правда, под наблюдение деревенского фельдшера Феоктиста Васильевича.

— Он у нас в районе самый опытный, — говорила Нина Ивановна, — любому дипломированному врачу сто очков вперед даст. Но ему уже семьдесят четыре года, а возраст свое берет. Который год на пенсию просится, а заменить некем. Вот и уговариваем еще поработать.

На другой день Валя пошла в фельдшерский пункт, сначала одна, без Коськи, просто чтобы познакомиться с этим Феоктистом Васильевичем и выяснить, какую помощь от него можно ожидать.

Медпункт размещался в старом, но довольно просторном рубленом доме. В прихожей стояли два деревянных дивана с высокими резными спинками, несколько современных стульев на тонких ножках — все они были заняты пациентами. Парню с замотанной шарфом рукой места уже не хватило, он стоял у двери, прислонившись к косяку и поддерживая здоровой рукой больную. Заняв за ним очередь, Валя собралась было выйти на улицу, но тут ее окликнула сидевшая в углу горбатенькая, опиравшаяся на кривой посох старушка:

— Эй, девша, погоди-ко! Это ты к Аграфене-то погостить приехала?

— Я.

— Дак сказывали, будто ты врач.

— Нет, я всего-навсего медсестра.

— Дак, может, мне и тебя хватит. А то вон сколько народу-то сгрудилось. Вот погляди-ко. — Старушка пошарила за пазухой, достала пузырек и протянула Вале. — Кашель меня давно мучит, особливо по ночам. Дак вот внучок из города прислал. Рисепт я ему от Фектиста-то Василича давала па султан какой-то. А может, он и не годится?

— Солютан, — поправила Валя. — У вас кашель сухой или с мокротой?

— Сухой, матушка, сухой, аж дерет все в груди.

— А солютан как раз смягчает. Пейте по тридцать капель два-три раза в день. Только на ночь не пейте, а то еще больше каплять будете.

— Вот и Фектист-то Василич так же наказывал. А вреда от ево не получится? Сказывают, больно много попче в лекарства-то химии кладут.

— Не беспокойтесь, в это лекарство химии не положили, — рассмеялась Валя. — Это настойка на натуральных травах.

— Травки-то, оне и ране помогали. Ну дак я и пойду, неча адря Фектиста-то Василича теребить. — Старушка, кряхтя, поднялась и, постукивая посохом, ушла.

«Наверное, мне не следовало вмешиваться, — подумала Валя. — Но тут дело ясное, да и рецепт ей Феоктист Васильевич сам выписывал...»

— Может, и мне тут нечего делать? — спросил парень с обмотанной рукой и стал распутывать шарф. — Посмотрите. Может, поболит да и само пройдет.

— Но ведь я же сказала, что я не врач.

Однако парень уже размотал шарф, закатал рукав рубашки и протянул руку Вале. Кисть была отечной, посиневшей; Валя начала осторожно ощупывать ее, предупредив храбрившегося парня:

— Не терпите; когда будет больно — скажите.

В этот момент из кабинета вместе с пациентом вышел фельдшер. Он был высок и грузен, халат едва сходился на нем, но лицо моложавое, румяное, без единой морщинки. Окинув быстрым взглядом прихожую, он задержал его на парне с Валей.

— Что там у тебя, Тимоха?

— Да вот с мотоцикла кувыркнулся.

Фельдшер вопросительно глянул на Валю, и она сказала:

— По-моему, перелом.

— Похоже. Долихачил? Ну, заходи! — Фельдшер взял парня за здоровую руку и повел в кабинет. Уже на пороге обернулся и кивнул Вале: — Вы тоже заходите.

Когда Валя осторожно прикрыла за собой дверь, Феоктист Васильевич спросил:

— Вы — Новосельцева?

— Да.

— А зовут как?

— Валя.

— А по отчеству?

— Можно и без отчества, — улыбнулась Валя, догадавшись, что это, скорее всего, Нина Ивановна Пушкарева уже сообщила о ней фельдшеру.

— У нас без отчества не принято. Без отчества здесь как-то меньше уважают.

— Петровна.

— Так вот, Валентина Петровна, мойте руки, надевайте халат и помогите мне.

Потом, ловко накладывая шину, Феоктист Васильевич пояснял:

— Судя по всему, перелом несложный, мы могли бы и сами наложить гипс, но без снимка нельзя. А рентгеновско-

го кабинета у нас пока нет. Так что придется тебе, Тимоха, в район ехать. Только не вздумай опять на мотоцикле.

— Его покорежило почище, чем меня.

— А то бы поехал?

— Я и одной рукой управился бы...

Дикари какие-то!

— Ну уж и дикари, — обиделся Тимоха.

— Ладно, ты давай топай, через двадцать минут автобус в райцентр отходит.

Когда Тимоха вышел, Феоктист Васильевич спросил Валю:

— Видели, какая очередь? Если вы не спешите, вдвоем мы ее быстро раскассируем.

— Если я смогу.

— Сможете! — уверенно сказал фельдшер и, приоткрыв дверь, крикнул: — Кто там следующий? Заходите!

Прихрамывая, вошла девочка лет двенадцати.

— Ей надо сменить повязку. Положите мазь Вишневского, — сказал Феоктист Васильевич Вале и снова крикнул за дверь: — Следующий!

Пока Валя перевязывала девочке ногу, он выслушивал дородную женщину, у которой, по ее словам, «сердце заходится». Валю удивило, что Феоктист Васильевич не пользуется фонендоскопом, а прослушивает прямо ухом, прижимая его к телу пациентки. Измерив ей давление и сняв кардиограмму, он тут же расшифровал ее и сказал:

— Ничего страшного нет, по сердчишко твое попэпосилось, Нюра. Придется тебе недельку-другую полежать, я выпишу бюллетень.

— Дак сенокос же!

— О сенокосе теперь забудь, тебе никакую тяжелую работу делать нельзя. Ни воду носить, ни навоз убирать. Поднимать можешь не больше трех килограммов. И ешь поменьше, особенно жирного, мучного и сладкого. На овощи налегай. Похудеешь — сердцу легче станет. А лекарства я тебе сейчас дам и напишу, что когда пить.

Оказалось, что кроме кабинета и процедурной в амбулатории была и своя аптека. Она занимала довольно большую комнату, хотя в ней стояли всего два деревянных шкафа с резными дверцами, рисунок на них совпадал с тем, что был и на диванчиках в прихожей. «Наверное, тот, кто жил тут раньше, покупал целый гарнитур, — решила Валя. — И, судя по всему, человек был не только состоятельный, но и со вкусом».

Когда Нюра ушла, Феоктист Васильевич, показав Вале кардиограмму, озабоченно сказал:

— Вот видите, у нее синусовая тахикардия, снижение кровоснабжения миокарда и блокада левой передней ветви пучка Гиса. А ей, видите ли, сенокос важнее...

Но Валя кардиограмму читать не умела, она могла лишь определить по ней, есть ли у пациента инфаркт или его нет, и поэтому, не желая почему-то сейчас обнаруживать перед Феоктистом Васильевичем свою неосведомленность, сказала:

— Вот и у Полины Поликарповны была блокада... Ей и рожать-то не рекомендовали, а она настояла. И вот...

— Да, печальный случай. А Веньку-то я у Аграфены принимал. Мне ведь тут и повивальной бабкой приходится быть.

Вскоре Валя убедилась, что деревенскому фельдшеру приходится и роды принимать, и быть терапевтом, невропатологом, окулистом, хирургом. И во всех ипостасях Феоктист Васильевич обнаруживал не только знания и громадный опыт, но и какую-то особую, поразившую Валю интуицию.

Как и положено, Феоктист Васильевич вел истории болезни, но в них почти не заглядывал. Хотя фельдшерский пункт был всего один на три ближайшие деревни, но Феоктист Васильевич каждого жителя этих деревень не только знал в лицо, но и помнил, когда и чем кто из них болел. Он крайне редко направлял своих пациентов в районную поликлинику или больницу, и то лишь в тех случаях, когда техническое оснащение фельдшерского пункта и его личный опыт не позволяли поставить более точный диагноз или действительно требовалось длительное лечение в стационаре. Да, Нина Ивановна Пушкарева была права: Феоктист Васильевич и в самом деле мог дать сто очков вперед дипломированному врачу.

У него было чему поучиться, и Валя, охотно помогая ему, извлекала немалую пользу и для себя. Судя по всему, Феоктист Васильевич тоже был ею доволен и за три дня до ее отъезда сказал:

— Жаль, что вы уезжаете. Оставались бы. По штату-то здесь положена медицинская сестра, да где ее возьмешь? Все в город нынче стремятся...

Валя сочла это предложение весьма лестным для себя, но серьезного значения ему не придала. Однако на следующий день, когда к ним приехал сам заведующий райздравотделом и стал уговаривать ее, она отнеслась к этому более

серьезно. Заврайздравом приводил довольно убедительные доводы: учиться и здесь можно, практики — хоть отбавляй, с квартирой проблем нет, можно завтра же тут, при медпункте, освободить комнату, в которой размещена аптека, надо лишь переставить в кабинет или процедурную два шкафа с лекарствами...

Но убедили Валю не столько эти доводы, сколько открывшаяся вдруг возможность не расставаться с Коськой. За этот месяц он так привязался к ней, что никого больше не подпускал к себе, начинал капризничать, даже еду не брал. И Вале самой было страшно представить, как она будет жить без него.

В тот же день в приморский городок ушли ходатайство райздравотдела, два заявления Вали — в детский садик и в госпиталь — с просьбой уволить ее по собственному желанию и письмо в жэк об отказе от числившейся за нею комнаты. Формальности с выпиской и пропиской заврайздравом взялся уладить сам, прихватив с собой Валин паспорт.

Сначала Валя, поддавшись уговорам Аграфены Севастьяновны, осталась жить у нее. Татьяна с Андреем уступили ей диван в пристройке, но это явно стесняло их. К тому же часто то из одной деревни, то из другой поступали ночные вызовы, посыльные из сельсовета, барабаня в окно, взбулгачивали весь дом. И через месяц Валя все-таки перебралась в освобожденную для нее комнату в амбулатории. С Коськой проблему решили просто: купили вторую кроватку, поставили ее в Валиной компате, и он теперь жил на два дома — днем оставался под присмотром бабушки, а на ночь его обязательно переносили к Вале.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Солнце здесь забиралось непривычно высоко и пекло так, что мгновенно родившееся у Виктора Волжанина сравнение корабля с раскаленной сковородкой отнюдь не выглядело преувеличением. Он сидел в своей каюте только в трусах и майке и мучился над первым репортажем со Средиземного моря, который надо было обязательно отправить сегодня до обеда, чтобы он попал в завтрашний номер газеты.

По старой памяти, электрики удружили ему: поставили в каюту второй вентилятор, и сейчас оба вентилятора ста-

рательно гоняли по каюте воздух, но он был настолько горячим, что впору было выпросить у лейтенанта Бурковского веничек и париться. Но надо было работать, а в голову, кроме сравнения со сковородкой, ничего путного не приходило, и Виктор в который уж раз перелистывал блокнот с записями. Собственно, это были лишь краткие пометки и фамилии. Нужды в более подробных записях и не было: почти всех матросов, старшин и офицеров Виктор знал и о каждом из них мог бы написать целый очерк. Но от него требовался всего лишь репортаж о первом дне плавания в Средиземном море, а он не знал, с чего же его лучше начать. И, как многие малоопытные журналисты, начал с пейзажа.

Из репортажа Виктора Волжанина

«У каждого моря свой цвет. Балтика — зеленоватая. Эгейское море — светло-синее, цвет его почти точно совпадает с цветом недавно введенной для наших моряков тропической формы — пилоток с широкими козырьками, хлопчатобумажных курток и брюк. Иногда даже трудно различить на фоне воды стоящего у борта человека. Баренцево — серо-стальное. Мраморное море имеет ржавый цвет, однако не потому, что в нем такая вода, а скорее потому, что его превратили в сточную яму. Несмотря на запреты, по ночам многие корабли и суда потихоньку сбрасывают тут мусор и отходы, танкеры промывают танки, за борт вываливается все ненужное. Мраморное море и само по себе было мертвым, а теперь и вовсе стало вонючей помойкой. И как же контрастно отличается от него темно-синее Северное море. А Средиземное — бирюзового цвета. Особенно ярко проступает он в кипящем буруне, напоминающем скрученную за кормой корабля толстую косу, усыпанную драгоценными камнями...»

Последняя фраза показалась слишком красивой, Виктор хотел было вычеркнуть ее, но оставил: «В крайнем случае, она может пригодиться для заказанного журналом очерка о командующем», — решил он.

Вспомнив о том, что ему надо написать еще и этот очерк, Виктор подумал, что сейчас, пока они еще не встретились с американскими кораблями, самое подходящее время поговорить с командующим и об этом очерке для журнала, и о его новой статье для газеты. Потом у командующего просто не будет времени на беседы с корреспондентом. К тому же Малинин вскоре собирается перейти на крейсер.

И Виктор, отложив в сторону начатый репортаж, поспешно оделся и поднялся в ходовой пост. Но командующего там не было.

Александр Михайлович Малинин стоял на вертолетной палубе «Стремительного» и любовался распустившимся за кормой бурупом, когда сигнальщик доложил:

— Воздушная цель! Курсовой... высота... дистанция...

Выцветшее на солнце, белесовато-голубое небо просматривалось далеко, и Александр Михайлович, глянув в указанном сигнальщиком направлении, сразу увидел на нем черную точку. Она все увеличивалась в размерах, цвет ее постепенно становился сероватым, вот уже стал проступать силуэт, и Малинин определил: «Орион» — американский самолет-разведчик. Он сделал над кораблем два круга и вдруг начал резко снижаться. Должно быть, летчики заметили на мачте флаг командующего флотом, и это их особенно заинтересовало. Самолет прошел так низко, что за плексигласом фонаря и стеклами иллюминаторов отчетливо различались приникшие к ним лица; Александру Михайловичу показалось, что кто-то из летчиков даже помахал ему.

Радиометристы и сигнальщики бдительно следили за самолетом, приборы наведения уже цепко держали его в своих объятиях, чутко реагировали на каждое его движение стволы зенитных пушек и пусковые установки ракет, но все это делалось привычно, очень спокойно, как-то даже обыденно.

А ведь были и другие времена.

Когда в Средиземном море появились первые советские боевые корабли, американцы попросту хотели их запугать и вытеснить отсюда. Средиземное море до этого было «тыловой» акваторией НАТО, базовым морем его военно-морской структуры, здесь господствовал в основном шестой американский флот. Стратеги Вашингтона, Лондона и их союзники превратили Средиземное море не только в стартовый район для ядерного удара по Советскому Союзу, но и в регулятор своей политики давления на страны Ближнего Востока и Средиземноморья. Поняв, что с появлением советских военных кораблей приходит конец их безоговорочному господству, они делали все, чтобы вытолкнуть отсюда наш флот, и ради этого на какие только провокации не шли!

Едва не цепляясь за мачты, с диким ревом проносились над кораблями палубные штурмовики, имитируя атаку и нанесение удара. Чужеземный авианосец вдруг резко менял курс и прямиком шел на советский эсминец, угрожая смести громадой раздавить его, как яичную скорлупу. Или взлетал с

иностранного фрегата вертолет и шел на корабль на такой малой высоте, что его отметка на экране локатора выглядела как угрожающе надвигающаяся надводная цель. Надеялись, что у наших моряков просто не выдержат нервы и корабли уйдут.

Но нервы у нас оказались крепкими, мы не только не ушли, но стали парапцивать силы. И вот уже появились не просто отдельные корабли, а целая эскадра... Появилась ровная, сдерживающая империалистов сила, и Средиземное море стало одним из районов глобального океанского противостояния.

Однако условия этого противостояния были далеко не одинаковые.

К услугам американских моряков вся южная прибрежная кромка европейских высокоразвитых капиталистических стран, удобные гавани Барселоны и Тулона, Неаполя и Измира... Высокомеханизированные базы и пирсы, неограниченное снабжение пресной водой, топливом и продовольствием, судостроительные и ремонтные заводы и доки, способные принять и привести в порядок корабли любого водоизмещения. И наконец, крупные города и курорты, куда может сойти экипаж, чтобы восстановить свои силы, получить психологическую разрядку среди зрелищ и увеселений, встретиться с прилетевшими из Штатов женами и детьми...

А у нас так называемое безбазовое содержание флота. У нас нет военно-морских баз на чужих территориях, наши корабли всегда в море. И мы тащим за собой танкеры с пресной водой и топливом, рефрижераторы с мясными тушами в холодильниках, сухогрузы с продовольствием, суда-госпитали, оборудованные уникальной медицинской аппаратурой, плавучие ремонтные заводы и доки и многое другое. И все-таки даже воду иногда приходится покупать.

Ну а если нагрянет шторм или ураган, то не рассчитывай на тихую пристань, снимайся поскорее с якорей, пока не порвало цепи, и качайся в открытом море, взлетай на гребни волн и падай в пучину. И так неделями, месяцами...

Конечно, безбазовое содержание флота обходится дорого, оно по плечу только такой крупной индустриальной державе, как наша. Конечно, ради этого приходится во многом себе отказывать. Но ведь не по капризу мы это делаем, а по жесточайшей необходимости. Надо!

«Надо копать картошку!» — вспомнил Александр Михайлович, поднимаясь в ходовой пост.

«Орион», сделав над кораблем еще один круг, удалился.

— Теперь жди «гостей», — сказал капитан второго ранга

Гвоздев и предупредил вахтенных: — Смотреть внимательнее!

Первым на расстоянии прямой видимости появился американский эскадренный миноносец «Брискo». Вплотную он не подошел, а держался на отдалении, видимо выполняя задачу разведки и ожидая подхода основных сил. И вот уже метристы докладывают о появлении других кораблей и среди них крупной цели. Александр Михайлович спускается с ходового поста к сигнальщикам и припикает к визиру. Но и в визир с многократным увеличением кораблей пока не видно. В поле зрения попадает лишь дикая утка.

В визире она кажется совсем близко, в Малинине даже просыпается старый охотничий азарт. Вглядевшись пристальнее, он замечает опытным взглядом, что во взмахе крыльев, в особенно напряженном туловище утки есть что-то непривычное, и догадывается: она очень устала. «Должно быть, подранок, потому и отбилась от стаи», — решает он и поднимается на мостик.

Здесь тоже уже увидели утку и, не отвлекаясь от исполнения своих обязанностей, исподволь наблюдают за нею. Она летит не прямо на корабль, а с упреждением, как в торпедном треугольнике.

— Умница! — хвалит ее штурманский электрик и умоляюще смотрит на командира: — Вот только дотянет ли?

Гвоздев оборачивается, смотрит сначала на утку, потом на штурманского электрика и через плечо бросает:

— Вперед самый малый! — и, как бы оправдываясь перед командующим, поясняет: — Погибнет ведь! А так жалко!

— Добро! — соглашается Малинин.

Теперь, когда корабль сбавил ход, утка все ближе и ближе подбирается к нему. Видно, что уже из последних сил. Она старательно и вполне рационально взмахивает крыльями, экономя эти остатки сил, чтобы хватило их долететь до корабля. Вот она уже над кормой, все ждут, что она сейчас сядет на вертолетную палубу, но она не садится. Должно быть, боится людей. Вот глупая!

Гвоздев, опасаясь отпугнуть ее звуками боевой тревоги, звонит в кормовой пост по телефону:

— Потихоньку уберите людей с вертолетной палубы.

Но и после того, как находящиеся на верхней палубе спустились вниз, утка не села, лишь спикировала. Однако в это время порыв ветра отбросил ее назад, и Гвоздев вздохнул:

— Погибнет ведь! — и, мельком глянув на командующего, приказал: — Стоп машину!

Корабль по инерции еще продвигался вперед, но ход его угасал, и утка вскоре снова достигла вертолетной палубы, но опять не села на нее, а стала, уже из последних сил, подбираться к мачте и наконец уселась на рею. Видно было, как тяжело она дышит.

— Умаялась, бедная! — пожалел снизу кто-то из сигнальщиков. — Но почему она не садилась на воду?

— Должно быть, что-то у нее повреждено.

— Вперед полный! — командует Гвоздев.

Корабль набирает ход, волны послушно расступаются перед его форштевнем, мягко поглаживают борта и бегут за корму, скручивая позади нее бирюзовую косу. Малинин смотрит на утку. А сигнальщик, рассыпающий под нею на палубе хлебные крошки, должно быть, напрасно уговаривает:

— Ну поешь, милая, тебе же лучше будет!

Однако другой сигнальщик, неотрывно наблюдающий за горизонтом, докладывает:

— Цель, правый борт десять, дистанция...

И вот из белесоватой дымки испарений сначала неясно, потом все более отчетливо, как на проявляемом в ванночке отпечатке фотографии, возникает силуэт тяжелой стальной громадины, чем-то напоминающей айсберг. Прочесть название на отвесном борту пока еще невозможно, но и по силуэту Александр Михайлович безошибочно определяет: «Понсе де Леон». Этот американский вертолетоносец исполняет и функции корабля-дока: в его отсеках находятся не только ангары с вертолетами, но и десантные корабли и подразделения морской пехоты.

Однако авианосец сегодня не просто военная сила, это еще и политика. Каждый раз, когда израильские танки переходили границы Египта, Ливана, Сирии, со стороны Средиземного моря к ближневосточным берегам подходили крупные авианосные соединения.

На этот раз американские корабли намерены участвовать в очередных учениях «Брайт стар», проводимых на территории Египта, Иордании, Сомали и Омана. Официально американские стратеги объявили, что их участие в маневрах необходимо, чтобы проверить степень эффективности действий «сил быстрого развертывания», а также чтобы убедить «умеренные» арабские государства в постоянной готовности Вашингтона оказывать им «помощь», если против них будет осуществляться «внешняя агрессия».

Это, конечно, только повод. На самом деле эти маневры неотъемлемая часть американской политики создания военных баз и поддержки реакционных режимов перед лицом возможных внутренних волнений и направлены против прогрессивных государств Ближнего Востока. И на этот раз американцы решили продемонстрировать свою силу в крупных масштабах: помимо десятков кораблей в учениях участвуют стратегические бомбардировщики B-52, истребители-бомбардировщики F-16, самолеты электронной разведки, оборудованные системой раннего оповещения АВАКС, и «силы быстрого развертывания». По сообщению из Кипра, туда прибыл командующий этими силами, насчитывающими около 300 тысяч человек, генерал Роберт Кингстон.

Вот с палубы авианосца поднялся легкий и стремительный вертолет огневой поддержки «Сп-Кобра». Вслед за ним медленно отделился двухвинтовой тяжелый вертолет «Сп-Найт», он похож на пассажирский вагон. Из таких вагонов высаживались в Ливане морские пехотинцы, это они расстреливали на улицах Бейрута палестинцев...

Спустившись в центральный командный пункт корабля, Александр Михайлович спросил у оперативного дежурного:

— Когда подойдут наш крейсер и сторожевые корабли?

— Через час пятнадцать минут. Будем перебираться на крейсер, товарищ командующий?

— Немножко обождем.

По плану он должен был перейти на ракетный крейсер сразу, как только тот подойдет. Там уже находился походный штаб, оттуда легче управлять кораблями, а здесь все-таки и связь похуже, да и тесновато. Но сейчас Александр Михайлович решил с переходом помедлить. Ему хотелось поближе приглядеться и к командиру корабля, и к новому старшему помощнику, да и к остальным офицерам. Он почему-то сомневался, что поступил правильно, отобрав у Гвоздева не только Калистратова, но и еще нескольких офицеров, в том числе и штурмана.

2

Назначение лейтенанта Самохвалова командиром штурманской боевой части было неожиданным даже для многих офицеров «Стремительного» и уж просто сенсационным для остальных офицеров соединения контр-адмирала Еремеева. Ну как же так, думали они, лейтенант на корабле без году неделя, а уже командир боевой части, в его подчинении по

только старший лейтенант, а даже капитан-лейтенант. Каково им-то?

Но как раз подчиненные Самохвалова и не чувствовали себя ущемленными, ибо не сомневались в его знаниях и способностях, помнили, что в поединках даже с самим Василием Григорьевичем Калистратовым лейтенанту не раз удавалось брать верх. Против назначения его командиром боевой части возражал лишь... сам Самохвалов.

— Поймите же, — убеждал он, — я по складу характера не руководитель, а исполнитель. Мне нужно поставить конкретную задачу, цель и время ее исполнения. Как я буду ее выполнять, пусть начальство не заботит, но если я знаю, что сумею это сделать, то сделаю. Если же я чего-то не смогу сделать, то скажу об этом прямо. Я просто технарь, я вон даже будильник Старостину могу починить.

Инженер-электронщик капитан третьего ранга Старостин, знаток сложнейших приборов, четвертый день разбирал и собирал обыкновенный механический будильник, но всякий раз у него почему-то оказывались лишние детали, и будильник то ходил, но не звонил, то звонил, но не ходил.

— Сказать все можно, а вот сделать... — усомнился Старостин в технических возможностях Самохвалова.

— Несите!

Старостин сбегал в каюту за будильником, Самохвалов тут же на штурманском столике разобрал и собрал его, и будильник стал и ходить, и звонить. Посрамленный инженер-электронщик застенчиво поблагодарил лейтенанта и бережно, как горящую свечу, понес будильник в свою каюту, а Самохвалов продолжал доказывать Гвоздеву:

— Командир боевой части должен быть и воспитателем и организатором, а какой из меня организатор?

Нет, он не скромничал, он просто и сам не подозревал о своих организаторских способностях. Вот и сейчас Самохвалов собрал всех офицеров, несущих походную вахту, и заставил секстанами «сажать на горизонт» жаркое средиземноморское солнце, и Малинин с интересом наблюдал, как они справляются с решением астрономических задач, и пояснял Волжанину:

— Видите ли, надеясь на средства космической навигации, многие стали пренебрегать старыми, но весьма надежными и точными астрономическими способами определения места корабля по солнцу и звездам. Не так давно один из наших кораблей в Индийском океане попал в тайфун, его изрядно помотало, а когда понадобилось срочно определить точное место корабля, все навигационные спутники оказа-

лись за горизонтом. Пришлось определяться старым, неканонизированным астрономическим способом.

— А почему бы вам не упомянуть об этом факте в вашей будущей статье для газеты? — не замедлил воспользоваться случаем Виктор Волжанин.

— А вы пастырный! Кажется, вы действительно вытянете из меня эту статью, — вздохнул командующий. — Сами-то вон кучей заметочкой отделались.

Виктор покраснел. Сегодня пришла газета с первым его репортажем из Средиземного моря. Собственно, от его репортажа почти ничего и не осталось, он и сам не сразу обнаружил на первой полосе кучую заметочку, строк на восемьдесят, за своей подписью. Правда, он не очень и удивился тому, что Паламарчук убрал всю «лирику» о цвете воды в разных морях. Жаль было эпизода с уткой-подранком. Но ответственный секретарь редакции, видимо, и его счел ненужным. А уж приделанная, наверное, им же концовка и вовсе покоробила: «Личный состав большого противолодочного корабля действовал умело и решительно».

И сейчас Виктору казалось, что его осуждает не только командующий, но решительно все на корабле. И следующий свой репортаж он начал прямо с факта.

Из репортажа Виктора Волжанина

«Сегодня отрабатывается основная задача противолодочного корабля: поиск и «уничтожение» подводной лодки «противника». Корабль направляется в квадрат, где, по данным разведки, находится дизельная подводная лодка, с которой нам предстоит работать. Два самолета-противолодочника, поблескивая пластмассовыми пузырями в подбрюшье фюзеляжей, уже вьются над этим квадратом, обвехопывая его гидроакустическими буями. Их работа напоминает охоту на волков, когда район местонахождения стаи ограждается красными флажками. В данном случае роль флажков играют сброшенные с самолетов акустические буи. Каждый из них — это чуткое подводное ухо. Мы пока выполняем роль и загонщиков, и охотников.

На гидроакустической вахте сейчас один из самых опытных «глухарей», как шутливо-любовно называют на корабле акустиков, старшина второй статьи Иван Семиглазов. Кстати, еще в учебном отряде его уговаривали стать сигнальщиком: дескать, глаз-то у тебя семь, а уха всего два. Но уши у Семиглазова на редкость чуткие. Они различают и похожие на птичьи голоса крупных тропических рыб сциен, и хрюканье морских черепах, и щебетание дельфи-

нов, и голосящих, как деревенские петухи поутру, тригл. В этой какофонии подводных звуков порой не так-то просто уловить шум винтов подводной лодки, к тому же мешают сопровождающие нас два американских эсминца и итальянский фрегат, то и дело меняющие ход и курс, лезущие прямо к нам под форштевень. Да и гидрология сегодня неважная: слабая звуковая прозрачность.

Но вот в кабине самолета-противолодочника заморгал индикатор — подводную лодку услышал один из акустических буев. Вскоре сработал и второй буй. Данные мгновенно поступают на главный командный пункт большого противолодочного корабля. Теперь многое зависит от штурмана, он должен определить элементы движения подводной лодки, рассчитать курс и скорость своего корабля для сближения с нею. Но ведь лодка, будучи обнаруженной, может в любой момент и отвернуть, изменить ход и глубину погружения. Вот если бы сработал еще один буй, тогда расчеты штурмана были бы куда надежнее. Но остальные буи пока молчат, и остается полагаться лишь на опыт и интуицию.

А большим опытом лейтенант Василий Самохвалов пока не может похвастаться: командиром штурманской боевой части он назначен недавно. Значит, остается интуиция. Ее нередко путают с талантом, но интуиция — отнюдь не врожденное качество. Она основывается главным образом на глубоких знаниях и предвидении. А как предвидеть поведение командира подводной лодки? Он ведь тоже постарается поступать именно непредсказуемо. Лейтенант Самохвалов мысленно ставит себя на его место и думает, как бы он поступил в данном случае. Однако долго думать некогда, на все размышления, расчеты и доклад командиру отводятся считанные секунды. Командир корабля капитан второго ранга Гвоздев утверждает предложенные штурманом курс и скорость.

И вот уже акустик старшина второй статьи Семиглазов «зацепился» за шум винтов подводной лодки.

— Есть контакт! Курсовой... дистанция... Тон эха ниже!

Значит, лодка пытается оторваться. Большой противолодочный корабль заметно увеличивает ход. На таком ходу удерживать контакт с лодкой чрезвычайно трудно — мешает и шум винтов собственного корабля. А тут еще и американцы с итальянцем прибавляют забот, буровят своими винтами воду по пеленгу именно на лодку.

Теперь все надежды на исключительное мастерство Семиглазова. На него смотрят как на бога, стараются даже не дышать громко, а старшина вахты мичман Сулимов на

цыпочках отходит к двери рубки и, высунувшись в коридор, жестами предупреждает проходящих по нему моряков, чтобы не гремели. И хотя все на корабле сейчас ходят в тапочках, возле рубки акустиков невольно замедляют шаг и тоже приподнимаются на цыпочки.

Кажется, только один старшина второй статьи Семиглазов не волнуется. Лицо у него сосредоточенное, но спокойное. Лишь выступившие на лбу капли пота да легкое подрагивание крыльев носа выдают и его волнение.

Дистанция между противолодочным кораблем и лодкой сокращается, теперь уже можно быть уверенным, что контакт с нею не будет потерян, и я, тоже на цыпочках, выхожу из рубки и направляюсь в подразделение лейтенанта Гребенюка, которому и предстоит «уничтожить» лодку.

Это подразделение хорошо известно на флоте. Несколько месяцев назад по инициативе старшего матроса Косолапова оно выступило зачинателем соревнования за превышение нормативов на всех операциях и вышло в передовые на флоте. Правда, после этого произошел неприятный случай, который и по сей день остается темным пятном на репутации подразделения. Однако моряки сумели принципиально и самокритично оценить его и сделали правильные выводы. Это подтвердилось и на сей раз: цель была накрыта первым же залпом реактивной бомбовой установки».

3

«Орионы» облетывали корабль регулярно, появляясь над ним в определенные часы и минуты. Поэтому капитан второго ранга Гвоздев даже начал беспокоиться, когда в «урочный» час американский самолет-разведчик не появился.

— Неужели янки проспали? Или что-нибудь замышляют?

— А вы спросите у оперативного дежурного, — подсказал командующий.

Дежурил капитан второго ранга Вяткин, он сообщил, что «Орион» сейчас кружится над танкером «Иван Бубнов», с которым и шел на рандеву большой противолодочный корабль.

— Видимо, очень интересуется, как мы будем принимать топливо и воду на ходу, — добавил Вяткин.

— Еще бы не интересоваться! Мы ведь, собственно, у них этому учились. Вот и покажите, насколько мы прилежные ученики, — сказал Малинин и подумал, что хотя аме-

риканцы и первыми начали применять заправку на ходу, но чаще всего делали это в штилевую погоду. В плохую погоду они и сейчас предпочитают заправляться в базах.

Словно угадав его мысли, Вяткин окинул горизонт озабоченным взглядом и с сомнением сказал:

— Однако покачивает.

— А что обещают жрецы погоды? — спросил Малинин у лейтенанта Самохвалова.

— К вечеру усиление ветра до пяти баллов, — тотчас доложил штурман.

Самохвалову можно верить. Составляя ежедневно прогноз погоды на данный район плавания, он пользуется не только данными наших метеослужб и спутников, но и, зная английский язык, ухитряется получать информацию с плавающего в Средиземном море американского научно-исследовательского судна. «Да, кажется, с назначением Самохвалова командиром боевой части мы не ошиблись. Надо вообще посмелее выдвигать молодежь, — решил Александр Михайлович, но тут же озабоченно подумал: — А ведь Вяткин тоже не зря опасается, как бы нам при такой погоде не помять корабли. Топлива и воды хватит на них еще на несколько суток, можно в принципе и переждать непогоду. Однако нам необходимо учиться заправлять корабли и в сложных условиях».

И командующий распорядился:

— Принимать будем одновременно тремя кораблями. Поднимите подводную лодку, пусть подходит к танкеру с левого борта. «Стремительный» будет принимать с правого, а сторожевой корабль «Дружный» пусть заходит с кормы, становится на бакштов.

— Есть! — ответил Вяткин без особого энтузиазма и пошел передавать распоряжение командующего на подводную лодку и сторожевой корабль.

А над горизонтом уже показался «Орион». Танкера пока еще не было видно, однако несомненно, что самолет-разведчик кружится именно над ним.

Гвоздев вызвал в ходовой пост командира дивизиона живучести капитан-лейтенанта Петрова и диктовал ему решение на приемку жидких грузов. Малинин внимательно прислушивался к решению командира корабля. Цистерн на корабле много, и заполнить их надо так, чтобы исключить даже малейший крен. Вообще-то поступление топлива и воды регулируется автоматическими клапанами и контролируется в посту энергетики и живучести. Но не следует пренебрегать и дедовским способом измерения уровня напол-

нения цистерн с помощью специальных латунных линеек. Дело это вроде бы и не хитрое, но и в нем есть свои тонкости. И когда сам Александр Михайлович командовал корабле, у него была специально подготовленная к этому группа матросов. И сейчас Малинин с удовлетворением отметил, что есть такая группа и на «Стремительном».

Первым к танкеру подошел с правого борта большой противолодочный корабль. Хлопок пневматического линемета — и на палубу «Стремительного» к самым ногам матросов швартовой команды тонкой змейкой падает капроновый линь. С борта танкера самодовольно улыбается бородатый боцман — знай, мол, наших! Матросы выбирают бросательный конец — первое связующее звено между танкером и большим противолодочным кораблем. Вслед за ним потянулись проводники, швартовые, шланги. И вот уже траверзная дорога готова. Гвоздев махнул капитану танкера: «Начинай!», и шланги ожили, начали полнеть, наливаться упругостью.

Лейтенант Самохвалов на грифельной доске перед рулевым написал мелом курс: 173,6 градуса. Да, курс сейчас придется удерживать с точностью до одной десятой градуса, а число оборотов гребного вала с точностью до двух-трех. Это требует поистине ювелирного мастерства, и у манипулятора встал сам командир отделения рулевых, а на пост управления турбинами заступили наиболее опытные машинисты. Стоит им чуточку ошибиться или запоздать на несколько секунд с исполнением команды, как корабли или налезут друг на друга, или оборвут траверзную дорожку. Удерживать точно дистанцию между ними даже в штиль трудно, а тут и покачивает, и танкер стеснен в маневре — к левому его борту подходит подводная лодка. За высоким бортом танкера Александр Михайлович с мостика лодку не видит — о ходе работ может судить лишь по тому, какие распоряжения отдает капитан танкера и какие концы и шланги подаются и выбираются. Вот и уходящие за левый борт танкера шланги начинают наполняться, стало быть, и с лодкой полный порядок, и Александр Михайлович спускается с мостика и направляется к вертолетной палубе.

Отсюда хорошо видно, как под корму танкера подбирается сторожевой корабль «Дружный». Опять хлопает пневматический линемет, опять капроновый линь ложится к ногам матросов баковой швартовой команды, и опять самодовольно улыбается боцман. Но в это время набежавшей волной «Дружный» подталкивает к корме танкера, бакштовый конец толщиной в руку прописал, боцман сметает с

лицо улыбку и, погрозив матросам кулаком, кидается к брашпилю и выбирает бакштов почти втугую. Пока подают проводники и шланги, волна еще несколько раз подбрасывает сторожевик, и только каким-то чудом боцман успевает выбрать слабину и не намотать что-нибудь на винт.

А «Орион» кружится так низко, что видно, как там работают с кинокамерами и фотоаппаратами. Конечно, снимают они не из эстетических побуждений, но, наверное, сверху в такой солнечный день на фоне бирюзовой воды все это выглядит красиво. Однажды Александр Михайлович наблюдал вот такую же заправку на ходу с вертолета. Но тогда был серый, пасмурный день, танкер с присосавшимися к нему кораблями напоминал стальной плавучий городок со сложной системой коммуникаций, и если бы не пенный кильватерный след за кормой кораблей, то можно было бы подумать, что этот городок, подобно нефтяным вышкам на Каспии, поставлен на неподвижные стальные опоры.

Под вертолетной палубой у мусорного рукава и обреза для окурков собрались матросы швартовой команды, но курить сейчас запрещено, и кто-то развлекает остальных таким рассказом:

— У нас в Архангельске есть старый пивной завод, построенный еще Петром Первым. То ли оборудование там какое-то особенное, то ли древние рецепты сохранились, но пиво там делают знатнейшее, позначенитее жигулевского. А продают его не из таких бочек, как, скажем, в Москве или других городах, а из более длинных, как на бензовозах, только вполовину у́же. Так вот эти бочки бабы у нас называют свиноматками. Потому что мужики, и верно, как поросята, присасываются к ним с обеих сторон. Вот и мы присосались к танкеру, как мужики к пивной бочке...

— А пивка-то бы сейчас неплохо кружечку опрокинуть! — мечтательно произнес другой матрос. — Да еще бы с воблочкой!

— А говорят, боцмана пьют только газированную воду, да и ту без сиропа, — отозвался рассказчик.

Все было засмеялись, но тотчас примолкли, когда третий матрос грустно заметил:

— Пожалуй, братцы, и эта водичка с танкера, хотя и не газированная, и без сиропа, обходится нам не дешевле твоего знаменитейшего архангельского пива.

Начали подсчитывать. Прикинули, во что обходятся заправка танкера и перевозка, подсчитали, сколько за оба рейса — туда и обратно — команда танкера съест продуктов, получит зарплаты, износит спецодежды и даже израсходует

мыла, но никто не знал, сколько стоит один литр самой воды. Оказывается, все полагали, что она у нас бесплатная.

Александр Михайлович невольно вспомнил отставного мичмана, а ныне сантехника Ивана Савельевича Никанорова. На его предложение о поставке сливных бачков без арматуры министерство коммунального хозяйства республики сначала вообще не ответило. Лишь после телефонного звонка Малинина министру оттуда прислали уклончивый ответ: «О том, что конструкция сливных бачков неудовлетворительна, министерству известно, и сейчас разрабатывается более совершенная. Что касается поставки бачков без арматуры, то такое указание заводам-изготовителям может дать только Госплан».

Под нажимом Малинина Госплан действительно дал указание заводам-изготовителям поставлять бачки, но лишь со следующего года. Однако похоже, что и в следующем году их не будут поставлять: видимо, это действительно невыгодно. А пока отставной мичман Никаноров потрошил их продукцию в небольших, но как приспособленных им для этого дела механических мастерских...

Александр Михайлович вспомнил, как усмехнулся зампредседателя горсовета, когда Малинин спросил его:

— А вы хотя бы представляете, сколько денег утекает через эти бачки?

— Конечно. По четыре копейки за тонну. И стоит ли из-за этого придавать туалетной проблеме столь глобальный характер?

— Стоит. Если разобраться...

Он-то сам к тому времени уже разобрался.

Конечно, четыре копейки за тонну — цена смехотворная. К тому же одинаковая и для Мурманска, и для Ташкента. Кто и когда ее установил — до этого Александр Михайлович так и не докопался. Зато докопался до другого.

Летом город потреблял около восьмисот тысяч тонн воды в сутки. На нее затрачивались почти триста тысяч киловатт электроэнергии и труд полутора тысяч человек. Выходило свыше четырехсот литров воды на каждого жителя, из которых ни один не имел понятия о том, сколько ему этой воды нужно, и лил ее куда только мог.

— И верно, куда им столько? — удивился зампред. — Раньше по триста литров хватало. Новых предприятий почти не прибавилось. Может, за счет дачных участков? Их теперь вон сколько.

Проверить это Малинин поручил заинтересовавшемуся проблемой Терехину:

— Вот вы говорите, что развелись ЭВМ-бездельницы. Задействуйте одну из них на полив.

Машина насчитала около восьмидесяти литров в сутки на душу населения. И та же машина выдала еще более ошеломляющую цифру: утечка через неисправные сливные бачки и краны составила почти сто литров в сутки.

Терехин посчитал и владельцев автомашин: они тоже мыли автомобили не из ведер, а из шлангов, и лили воду, пока не надоест лить.

Тот же Терехин раскопал в каком-то научном журнале информацию о том, что в каком-то японском городе в квартиры проводят не две, а три трубы с водой. Третья — для морской воды. Она поступает в туалет и в ванную. Принять морскую ванну даже полезно для здоровья, а главное — дешево. Для того чтобы помыть голову или постирать — есть пресная вода, но не очищенная, тоже не дорогая. И лишь в кухне есть кран с очищенной, питьевой водой.

Собственно, для Малинина это не было новостью — на кораблях испокон веков так было: питьевая, котельная (пресная, но не очищенная) и забортная вода. А вот зампред обрадовался:

— Да ведь у нас же море под боком — бери сколько хочешь воды!

Но пыл его тотчас угас, когда Терехин сообщил, во что обойдется проводка дополнительных труб и строительство насосных станций.

— Придется ставить водомеры, — сообразил наконец зампред.

Но оказалось, что водомеры, к тому же весьма несовершенные, в стране изготовляют всего два завода, обеспечить все города они вряд ли смогут в ближайшее столетие. А ежегодно утекали в стране бесполезно миллиарды тонн воды, миллионы рублей.

Пришлось обратиться в Совет Министров с запиской о строительстве новых заводов. Предложение Малинина поддержали все среднеазиатские и часть других республик. Однако Госплан долго мурыжил этот вопрос, а потом и вовсе похоронил, ухватившись за идею переброса части стока северных рек на юг. Идея показалась Малинину абсурдной, однако он не был специалистом в этом деле, а без подготовки лезть в драку было бессмысленно.

Вот тогда-то он вспомнил, что лет двадцать назад хотели повернуть вспять сибирские реки и значительно поменял

этому в ту пору еще малоизвестный неспециалистам ученый, а ныне общепризнанный писатель. И Малинин перед самым выходом в Средиземное море позвонил ему. Оказалось, что писатель уже подготовил на эту тему статью, но все пока никто не хочет публиковать. Малинин пообещал как депутат посодействовать, обратился к редактору одной из центральных газет, но тот ответил осторожно: «Подумаем». Сколько он будет думать — неизвестно, приходится пока делать что-то и самому. Вот мастерские выбил для бывшего мичмана Никанорова. Кустарщина, конечно, но как временный выход из положения годится...

Впрочем, волокита с внедрением предложения Никанорова и запиской в Совмин — дело знакомое, может быть даже и типичное. Работа по старинке, по инерции, сопротивление новому — вещи далеко не безобидные, но давно распознанные, с бюрократами и волокитчиками хотя и тоже нелегко, но можно драться в открытую. Александра Михайловича больше беспокоило другое: после провозглашения партией курса на интенсификацию наряду с умными и честными людьми начали поднимать голову и конъюнктурщики. С тем же энтузиазмом они сегодня изобличали то, что прославляли вчера, но работать по-новому были явно не способны. Эти болтуны интенсификацию превращали в интенсивные уверения об уважении к ней, но не более. «Таких болтунов и бездарей и на флоте еще хватает», — с горечью подумал Малинин.

Но проблема была в том, чтобы избавиться не только от них, хотя и это не просто. Под лозунгом совершенствования управления почти каждый год проводилось сокращение административного аппарата. Оно напоминало Малинину выстрел возле старой церкви. Испуганные этим выстрелом, взлетают с колоколен гнездящиеся там птицы. Покружатся, покружатся да и садятся на те же колокольни. Так и при сокращении управленческого аппарата. Сократят штаты, на какое-то время вроде бы поубавится чиновников, а через год, смотришь, их еще больше стало. К этому настолько привыкли, что многие и сейчас отнеслись к перестройке как к очередной такой же кампании...

4

Размышления Александра Михайловича прервал рев моторов. «Орион» заложил крутой вираж над самой вертолетной палубой, и пилот показал большой палец. Сквозь плексиглас

кабины была хорошо видна его широкая добродушная улыбка. «Похоже, он неплохой парень», — подумал Малинин.

Отвалив в сторону, самолет-разведчик начал удаляться за горизонт, но вот снова развернулся, однако пошел не прямо на связку кораблей, а чуть вперед по их курсу. Малинин решил было, что он направляется к другому находящемуся на подходе американскому авианосному соединению, но тут радиометристы доложили:

— Надводная цель! Курсовой... дистанция...

Вскоре показался эскадренный миноносец, все тот же «Бриско». Самолет-разведчик явно выводил его на связку кораблей. «Вот тебе и неплохой парень!» — вспомнив улыбающегося пилота, усмехнулся про себя Александр Михайлович.

Когда Малинин поднялся на мостик, «Бриско» был уже хорошо виден, он шел полным ходом наперерез курсу советских кораблей.

— Пеленг не меняется! — доложил лейтенант Самохвалов и добавил: — Что же он, паразит, не видит, что мы лишены возможности маневра?

— А он именно на это и рассчитывает. Надеется, что мы начнем уклоняться всей связью и помнем друг друга. Это явная провокация, — пояснил Гвоздев и обратился к Малинину: — Товарищ командующий, разрешите я его отгоню?

— А успеешь? Сколько ты не добрал топлива и воды?

— Топлива около десяти тонн, а воды — четыре. Потом доберу. Если я сейчас отцепюсь от танкера, то на максимальном ходу как раз успею перехватить «Бриско».

— Перехватить мало, надо его отогнать. Давай, Вениамин Александрович, отцепляйся, и как хочешь, хоть уздечку на него накинь, но выведи отсюда.

— Есть! — Гвоздев оглянулся на мостик танкера и, скрестив руки над головой, показал капитану танкера: «Подачу прекратить!» Капитан несколько удивился, но тотчас взял микрофон, и еще не утихли усиленные динамиками раскаты его голоса, как насосы, точно захлебнувшись, умолкли. Траверзную дорожку полагалось убирать в порядке, обратном тому, в котором она наводилась, но «Стремительный» сбросил сразу всю «плею», отвалил в сторону и стал набирать ход.

Лейтенант Самохвалов рассчитал курс сближения с американским эсминцем вилотную и написал его на грифельной доске перед рулевым. Угол упреждения оказался небольшим, и, должно быть, на «Бриско» не сразу сообразили, что большой противолодочный корабль идет на сближе-

ние вилотную. А скорее всего, американцы, зная, что «Стремительный» еще не добрал топливо, не предполагали, что он так быстро отцепится от связки. Как бы там ни было, а две-три минуты выиграны, и Гвоздев теперь был уверен, что успеет перехватить эсминец, если тот не отвернет раньше.

Но командир эсминца и не думал сворачивать, наоборот, он тоже увеличил ход до максимального, и теперь корабли, поднимая за кормой буруны выше палубы, стремительно сближались. «Ну что же, посмотрим, у кого крепче нервы!» — мысленно произнес Гвоздев.

Он знал: если врежется в борт «Бриско», будет не просто международный скандал, а и суд, уплата громадного штрафа государством, и, разумеется, для него, Гвоздева, разжалование или увольнение с флота неизбежны. Если же «Бриско» врежется в борт «Стремительного», то скандала не будет, и хотя состоится суд, и американцам придется уплатить штраф, но командира эсминца провозгласят чуть ли не национальным героем и, возможно, переведут на другую, даже более высокооплачиваемую, должность.

По палубам «Бриско» разбегаются на боевые посты моряки, стало быть, командир объявил боевую тревогу. Но вряд ли он станет применять оружие...

Гвоздев объявил аварийную тревогу.

Сигнальщики подняли на мачте набор флагов по международному своду, предупреждающий американцев: «Ваш курс ведет к опасности».

В эфире надрывается морзянка.

Командир «Бриско» не реагирует ни на флаги, ни на морзянку, продолжает, не сбавляя хода, идти прежним курсом.

А расстояние между кораблями съедается за какие-то доли секунд.

Кажется, времени на то, чтобы разойтись, совсем не остается, и Гвоздев уже прикидывает, в каком месте лучше «поцеловаться» с эсминцем, чтобы причинить ему наименьший ущерб. Дело тут не в размерах штрафа, а в том, что на «Бриско» тоже люди. Почему же они должны пострадать из-за безумной затеи их командира? «Ведь это же он, ничем не стесненный в своих маневрах, так нахально лезет на нас, а не мы на него!»

Лишь в самое последнее мгновение «Бриско» круто отвернул вправо. Гвоздев тотчас же положил руль «лево на борт», и едва нос корабля покатился влево, как сразу же приказал переложить руль вправо и тем самым отвести

корму от угрожающе наползающего шкафута «Бриско». Они разошлись буквально в полутора метрах друг от друга.

Вахтенный сигнальщик свернул кукиш, протянул его вслед уходящему эсминцу и крикнул:

— Что, кишка тонка!.. — и длинно, пожалуй даже виртуозно, выругался.

— Ты что, спятил? — одернул его второй сигнальщик. — При командующем-то!

— Тоже мне лингвист! — как бы извиняясь за матроса, смущенно произнес Гвоздев и закурил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Танкер ушел поить другие корабли, а «Стремительный» и «Дружный» стали на якоря. Подводная лодка ошвартовалась у борта большого противолодочного корабля. Именно она сейчас больше всего и интересовала американцев. Сколько они ни гонялись за нею, а обнаружить так и не смогли, до тех пор пока она сама не всплыла для дозаправки. И теперь они не хотели выпускать ее из поля зрения своих радиолокаторов и гидрофонов. Место стоянки советских кораблей обложили со всех сторон: подошли американские эсминцы и противолодочники, в небе до самой темноты то кружили все те же «Орионы», то висели вертолеты.

А уйти лодке надо было незаметно, иначе американцы, как только она погрузится, ухватятся за нее и будут гонять, «тронить», как зайца охотники по следу. Но как уйдешь? У дизельной лодки подводный ход маленький, ее чуть ли не любая шаланда настигнет, не говоря уже о специально предназначенных для этого кораблях.

Командир лодки намеревался было подняться на борт «Стремительного», чтобы посоветоваться с командующим, но тот спустился на лодку сам. Обошел все отсеки, поговорил с подводниками, приказал передать со «Стремительного» на лодку свежие фрукты, картофель, новые фильмы и газеты и пригласил командира лодки на ужин. Обычно командующий столовался вместе со всеми офицерами в кают-компании, но на этот раз попросил подать ужин в флагманскую каюту, пригласив туда и Гвоздева. На сей раз добрый обычай не вести во время трапезы служебных разговоров был нарушен — за ужином и кофе все обсуж-

дали, как подводной лодке уйти со стоянки не замеченной американцами. Постепенно вырисовался предельно простой план.

После ужина на вертолетной палубе «Стремительного» показывали фильм. Вахтенная служба на американских кораблях видела, как посмотреть фильм пришли на большой противолодочный корабль и свободные от вахт подводники — их легко было отличить по черным пилоткам. Но американцы не заметили, как, едва начался фильм, подводники по одному стали покидать вертолетную палубу, по-обезьяньи ловко и быстро спускаться по штормтрапу и исчезать в рубочном люке лодки. Хватились, когда кончился фильм.

Почуяв что-то неладное, янки забеспокоились, начали перемаргиваться прожекторами друг с другом, один из противолодочных кораблей, лежавший в дрейфе ближе всех к советским кораблям, дал ход, подскочил чуть ли не к самому борту «Стремительного» и прожектором осветил его. И вместо лодки увидел возле борта нечто, на подводную лодку совсем не похожее.

В это время «Стремительный» начал выбирать якорь, вскоре дал ход и лег строго на норд. Оставив два фрегата наблюдать за «Дружным», остальные американские корабли двинулись вслед за «Стремительным», полагая, что именно под его килем, в его шумовой тени, и плывет погрузившаяся на небольшую глубину лодка. Это предположение подтверждалось и тем, что большой противолодочный корабль шел самым малым ходом, и тем еще, что курс строго на норд вел к одному из многочисленных в этом районе вулканических островов, и вполне логичным было предположить, что «Стремительный», доведя лодку до него, спрячет ее где-нибудь под отвесным берегом острова.

Однако «Стремительный» до острова не дошел, а, протащив, будто на поводке, американские корабли около тридцати пяти миль севернее, повернул на обратный курс, вернулся на прежнюю стоянку и бросил якорь неподалеку от сторожевого корабля.

Поняв наконец, что их сильно надули, американцы лихорадочно заметались во все стороны. Но было слишком поздно: подводной лодки уже и след простыл.

А на рассвете на горизонте показалась целая армада американских кораблей. Это было второе авианосное соединение, направляющееся к ближневосточным берегам для участия в маневрах «Брайт стар».

Вскоре Александру Михайловичу Малинину принесли радиограмму, полученную с борта американского авианосца:

«РАД СЛУЧАЮ ЛИЧНО ПОЗДРАВИТЬ СТАРОГО ПРИЯТЕЛЯ С НАЗНАЧЕНИЕМ КОМАНДУЮЩИМ ФЛОТОМ

КОНТР-АДМИРАЛ С. СТЕМПСОН».

Прочитав радиограмму, Александр Михайлович продиктовал радисту:

— Передайте: «БЛАГОДАРЮ ЗА ПОЗДРАВЛЕНИЕ... — Малинин посмотрел в иллюминатор и, улыбнувшись, добавил: — ПРОШУ ВЫРАЗИТЬ МОЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМ КОМАНДИРАМ АМЕРИКАНСКИХ КОРАБЛЕЙ, УЧАСТВОВАВШИХ В СОВМЕСТНОМ ПОИСКЕ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ. АДМИРАЛ МАЛИНИН».

Протянув Александру Михайловичу бланк радиограммы на подпись, радист с усмешкой заметил:

— Вряд ли такая благодарность понравится вашему американскому приятелю, товарищ командующий.

— Ничего, пусть поразмыслит.

Хотя в приятелях они с контр-адмиралом Стемпсоном и не числились, но знакомы действительно давно.

2

Было это десять лет назад, когда состоялся первый после второй мировой войны обмен дружественными визитами советских и американских военных кораблей. В Бостон пришли советские эскадренные миноносцы «Бойкий» и «Жгучий», а Ленинград в это время посетили американский фрегат «Легн» и эсминец «Таттнолл».

Обмен визитами, посвященный 30-летию Победы над гитлеровской Германией, был еще одним шагом в цепи усилий, направленных на разрядку международной напряженности. После многих лет «холодной войны» впервые наметилось потепление в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Прошли встречи на высшем уровне, начались переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений, готовился совместный полет советских и американских космонавтов по программе «Союз» — «Аполлон».

Для посещения советскими кораблями Бостон был избран не случайно. Отсюда в годы второй мировой войны

уходили к нашим берегам транспорты типа «Либерти» с мясной тушенкой, автомашинами, взрывчаткой. Правда, американцы и сейчас слишком преувеличивали значение поставок по ленд-лизу, составивших всего четыре процента от затрат Советского Союза на промышленное производство, но все-таки это была помощь.

Однако связи Бостона с русскими военными моряками уходили своими корнями и в более далекие времена. Русские моряки непосредственно причастны к борьбе Северной Америки за независимость. Знаменитое «Бостонское чаепитие», послужившее сигналом к началу войны Америки за свое освобождение от английского колониализма, произошло именно здесь. В знак протеста против беспошлинного ввоза англичанами в Северную Америку чая, что подрывало экономику колоний, члены организации «Сыны свободы» в декабре 1773 года проникли на стоявшие в Бостонском порту английские корабли и выбросили в море партию чая.

Но в каком именно месте залива произошло это знаменательное событие, Александр Михайловичу так и не удалось узнать. Все, кого он расспрашивал, лишь недоуменно пожимали плечами, а один прохожий даже усомнился:

— Похоже, это было не в нашем, а в другом Бостоне.

Зато в порту стоял парусный корабль-музей «Конституция». Именно он в 1863 году встречал на внешнем рейде Бостона две эскадры русских военных кораблей, прибывших сюда по приглашению президента А. Линкольна, чтобы поддержать борцов за независимость.

Визит в Бостон оставил у Малинина много хотя и противоречивых, но ярких впечатлений, и сейчас они почти с прежней ясностью всплывали в памяти, наслаиваясь одно на другое и мешая выделить самое важное.

Кажется, впервые Малинин обратил внимание на Стемпсона, когда разглядел на его тужурке значок с двузубцем. Такие значки он раньше видел и у других американских морских офицеров, они были немного похожи на наши нагрудные знаки, которыми отличали моряков, совершивших дальний поход. Полагая, что и у американского значка то же назначение, Малинин поначалу принял двузубец за традиционный трезубец Нептуна. Но, оказавшись напротив Стемпсона, он разглядел, что зубцы этой вилки вонзаются в Новую Землю и Кольский полуостров. «Вот, оказывается, какая география!» — удивленно подумал Александр Михайлович.

В ту тору Стемпсон командовал фрегатом, и Малинин видел его еще несколько раз и во время визита на «Бойкий» начальника штаба военно-морских сил США адмирала Дж. Холлоуэйл, и при посещении военно-морской школы в Ньюпорте, и во время пресс-конференции.

Именно в тот раз, когда они оказались напротив друг друга, Стемпсон и заявил:

— Гитлер хотел всего лишь предотвратить распространение коммунизма, но ему это не удалось.

В тоне, каким это было произнесено, ощущалось явное сожаление о том, что Гитлеру не удалось победить русских коммунистов.

— Но ведь сначала Гитлер развязал войну не с нами, — напомнил Александр Михайлович.

— Там он добивался чисто экономических целей, а война с вами преследовала осуществление его политической программы.

Вот так: война между капиталистическими странами — это, по логике Стемпсона, [illegible] разновидность обычной конкурентной борьбы, не стоит ей придавать особого значения. Куда важнее предотвратить распространение коммунизма, и для этого годится все — даже фашизм.

Разумеется, Малинину не удалось за время короткой беседы переубедить Стемпсона. Из официальных сообщений печати Александр Михайлович знал, что за последние годы Стемпсон, ставший в военных кругах довольно значительной фигурой, несколько раз выступал с провокационными речами, призывая к развязыванию ядерной войны. «Нет, его никто и ничто не переубедит, ему надо противостоять», — думал сейчас Александр Михайлович.

Воспоминания о пребывании в Америке навеяли невеселые мысли. В ту пору действительно наметилось потепление во взаимоотношениях с американцами, и Малинин надеялся, что они будут улучшаться и дальше. Но они не только не улучшились, а обострились так, что дальше некуда. И те молодые американцы, которые не знали, на чьей стороне воевал Советский Союз, казались безобидными по сравнению с их нынешними молодыми соотечественниками, носящими маечки с надписью «Убей коммуниста для своей мамочки!» и значки с призывом «Убей русского!».

Недавно знакомый дипломат показал Александру Михайловичу детские игрушки, купленные в Соединенных Штатах. Они были не только красочными, но и компьютеризированными, с роскошными светящимися табло. В детских играх, посвященных будущим космическим войнам,

красиво разваливались на куски ракеты и звездолеты. Массовое производство таких игр нельзя было объяснить лишь находчивостью и бездумностью расторопных коммерсантов. Как явствовало из инструкций, игрушки предназначались для ребятишек семи — десяти лет. А если учесть, что американские стратеги запрограммировали «звездные войны» на ближайшие пятнадцать лет, то нетрудно подсчитать, что уже сегодня воспитываются пилоты звездолетов-убийц.

Да, там воспитывают детей в духе ненависти к нам. В ход идет все, от игрушек до кинофильмов, и они делают свое черное дело.

А мы подчас благодушествуем, считаем пустяками далеко не пустяковые вещи. После фестиваля молодежи и студентов в Москве не так уж мало девушек стало носить кофточки, сшитые из многозвездной полосатой ткани под американский флаг. Красиво! А подумала ли хоть одна из них, что это не так уж и безобидно, сказал ли им кто-нибудь о том, что они уже ранены в жестокой и беспощадной психологической войне, развязанной против нас мощной и опытной буржуазной пропагандой? А ведь есть в этой войне и убитые, и раненые, есть и дезертиры...

Доклад сигнальщика о появлении еще нескольких американских кораблей вернул командующего к его сегодняшним заботам. «Может, мне следовало вмешаться в действия Гвоздева, все-таки рисковавшего столкнуться с «Бриско»? Правда, Гвоздев все рассчитал точно, поэтому столкновения и не произошло. Надо полагать, и командир американского миноносца весьма опытен — отвернул вовремя. Да, командиру «Бриско» нельзя отказать в знании маневренных качеств своего корабля и в уверенности, что личный состав его достаточно быстро и грамотно отреагирует на любую его команду... А с Гвоздевым все-таки, пожалуй, следует поговорить, предупредить, чтобы в другой раз он не очень-то рисковал, объяснить, какие последствия могло повлечь за собой столкновение кораблей, — решил было Александр Михайлович, но тут же и возразил себе: — Но ведь я сам приказал Гвоздеву хоть за уздечку, но непременно увести американский миноносец с опасного курса! И Гвоздев проявил незаурядное мастерство, ведь уклониться от столкновения в этих условиях тоже не всякий сможет, оставалось всего лишь полтора метра... От чего? «Просто ли от столкновения двух кораблей? А если...»

Об этом даже страшно было подумать.

«Но ведь другого выхода у нас не было, сунь им палец в рот, они всю руку отхватят!»

И Малинин снова почти физически ощутил на своих плечах бремя ответственности за каждое свое решение.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Вскоре после появления американского авианосного соединения к месту стоянки «Стремительного» и «Дружного» подтянулись и другие наши корабли, и командующий флотом перешел на ракетный крейсер, где у него находился походный штаб. Начинались учения по «уничтожению» отряда кораблей». Отряд возглавлялся ракетным крейсером «Киров». Разведка доложила, что утром отряд прошел Гибралтар, но куда он направится дальше, знал только командующий флотом.

Виктор Волжанин тоже перешел на крейсер, как ни уговаривал его остаться на большом противолодочном корабле старый его друг Вениамин Гвоздев.

— На крейсере походный штаб, народу много, толкотня, а здесь ты как дома, — доказывал Вениамин и предлагал: — Теперь ты можешь занять даже флагманскую каюту.

К удивлению Волжанина, остаться на «Стремительном» уговаривал и новый замполит капитан третьего ранга Афанасьев. Когда Виктор вышел в море и поселился вместе с Афанасьевым в своей прежней каюте, матросы, старшины и офицеры по старой памяти потянулись к нему со своими огорчениями и радостями, вопросами и сомнениями, которыми еще не решались поделиться с Афанасьевым, хотя после случая с лейтенантом Гребенюком авторитет нового замполита не то чтобы так уж заметно возрос, но первоначальная полоса недоверия и даже отчужденности была преодолена.

Поначалу Афанасьев относился к этим визитам довольно ревниво, они не просто задевали его служебное самолюбие, но и по-человечески обижали. Он понимал, что к Волжанину людей влечет не по инерции, их притягивает то особое душевное расположение, которого так безуспешно добивался сам Афанасьев. Однако, прислушиваясь к разговорам, приглядываясь к манере Волжанина держаться с людьми непринужденно и просто, но без заигрывания и панибратства, Афанасьев вскоре понял, что секрет попу-

лярности Волжанина среди личного состава в его искренности, естественности поведения и стремлении понять мотивы того или иного поступка другого человека.

Когда они попали в сильный шторм, по верхней палубе ходить было запрещено, и Афанасьев с Волжаниным пробирались в корму нижними коридорами, их бросало то к одному борту, то к другому. Из машинного отделения выскочил матрос Хватов — видимо, глотнуть свежего воздуха, а может, и отдать дань Нептуну: лицо моряка было желто-зеленое. Еще бы! В такой чертолом и наверху-то всю душу выворачивало, а в машине еще и духотища.

Как и положено, матрос, пропуская офицеров, стал спиной к переборке. Но в это время накатил очередной вал, корабль швырнуло в сторону, и матрос сильно ударился затылком о переборку.

— Как попадешь в это треклятое море, так обязательно шишек наловишь! — мрачно сказал он.

— Зато будет что вспомнить, — улыбнулся ему Волжанин. — Ведь если ты, Иван Захарыч, расскажешь в деревне девчатам, что видел [illegible] выше сельсовета, да еще службу в такой круговерти правил, за тобой же любая без оглядки побежит.

— А что? — повеселел матрос и, уже супувшись обратно в люк машинного отделения, прокричал оттуда: — На свадьбу приедете?

— Если пригласишь.

— А я и приглашаю...

Волжанин пояснил:

— Третий год служит, а к качке так и не привык. Иногда просит подменить.

Возвращаясь обратно один, Афанасьев заглянул в машинное отделение. Хватов, для большей устойчивости упершись ногами в станину, сидел перед пультом и внимательно следил за приборами. Лицо его по-прежнему было желто-зеленым, но мрачное выражение уступило место спокойному и уверенному. Он даже весело подмигнул Афанасьеву: мол, порядок.

А ведь, казалось бы, что уж такого особенного сказал ему Волжанин? Но Афанасьев был убежден, что именно после короткого разговора с бывшим замполитом матрос повеселел. Иногда ведь человеку никакой помощи и не требуется, надо лишь вовремя подбодрить или посочувствовать. Собственно, ничего нового для себя Афанасьев вроде бы и не открыл, но суть состояла не только в том, что делал Волжанин, но и в том, как он это делал. Вот это *как*

и было, пожалуй, главным, чему учился у Волжанина Афанасьев. И сейчас искренне сожалел:

— Маловато мы пообщались. Может, все-таки останетесь хотя бы до конца учений?

— И в самом деле, Витя, оставайся, — воспользовавшись совсем уж неожиданной поддержкой замполита, снова стал уговаривать Гвоздев. — Информацией для твоих репортажей о ходе учений я тебя и здесь по уши завалю.

— Дело не только в репортажах, ты же знаешь, что мне еще надо выжать из командующего статью для газеты и очерк о нем написать в журнал, — напомнил Волжанин.

Он уже делал кое-какие наброски к очерку, но пока это были лишь отдельные, разрозненные факты, связанные между собой, пожалуй, только фамилией самого героя очерка — командующего флотом адмирала Малинина. А Виктор чувствовал, что одной внешней, всего лишь «фамильной» связи мало, нужно что-то еще, чтобы из этих фактов более явственно проступала личность Малинина, ее масштабы. Надо ненавязчиво и убедительно показать, насколько масштабы личности соответствуют столь высокому служебному и общественному положению командующего флотом.

Говорят, чтобы лучше понять другого человека, надо хотя бы мысленно поставить себя на его место. Виктор уже не раз пытался поставить себя на место Малинина и... не смог. Должно быть, мешала не столько разница в возрасте, сколько несопоставимость именно масштабов деятельности. Виктор поражался неоглядности и неохватности круга забот командующего, казалась немыслимой сама возможность хотя бы обозреть его. Он попытался составить более полное представление о командующем, учитывая и мнение других людей, более близких к Малинину, знающих его достаточно давно.

Виктора особенно удивило и даже поразило их единодушие в оценке Малинина как человека исключительно порядочного и знающего многое, недоступное другим. Это единодушие нельзя было объяснить только осторожностью, опасением, что их мнение через того же Волжанина может дойти до самого командующего. Такая осторожность была бы сразу заметна. Нет, мнение было вполне искренним, но и оно мало что прибавляло к тому, что уже знал Виктор Волжанин. Нужен был опыт самого Александра Михайловича Малинина.

На крейсере возможностей общения с командующим оказалось куда меньше, чем на «Стремительном», здесь Ма-

линина всегда окружала довольно многочисленная «свита» из представителей Главного штаба ВМФ, управлений флота, командиров кораблей, оперативных дежурных. Разговаривать с Волжанином командующему было некогда, и Виктор лишь издали наблюдал за ним, мало что добавляя к прежним записям в своем блокноте. Он заметил, что у большинства людей, с которыми разговаривал Малинин, даже лица неожиданно становятся какими-то особенными, вдохновенными, что ли. Волжанину казалось, что вокруг Малинина возникает какое-то особое психологическое поле, оно заряжает окружающих, смысл службы в его присутствии обретает ту высокую, истинную ценность, о которой все, конечно, и сами знают, но удержать каждодневным своим ощущением, увы, не умеют.

«Из чего возникает это поле, почему оно создается именно вокруг Малинина, в чем его сила? Не в одной же его должности, а именно в нем самом! Так откуда же оно берется?» — пытался понять Виктор.

И может быть, так и не понял бы, если бы не один случайно услышанный им разговор командующего с сигнальщиками, который возник как-то мимоходом.

Это было уже после того, как корабли, разбившись на три группы, начали поиск отряда во главе с атомным крейсером «Киров», не сразу, но все-таки обнаружили его, первыми нанесли «удар» и «разгромили». Людей взбадривала не только радость удачи, но и хорошая погода — берег с желтыми пляжами и белыми, как наш снег, роскошными отелями был четко виден.

— Красиво живет буржуазия! — не отрываясь от визира, заметил один из сигнальщиков, впрочем, без всякой зависти.

Другой вздохнул:

— А вот я больше люблю речку. У нас она возле самого огорода протекает. Утречком, бывало, вскочишь, махнешь этаким Брумелем через плетень и — в воду. А она, матушка, как парное молоко! Сверху-то еще воронится туман, прохладно, а в воде так тепло, что и вылезать не хочется...

Вот тут-то, видимо под настроение этого сигнальщика, Малинин и рассказал о том, как возил на курорт мать и как она через четыре дня сбежала оттуда, потому что пора было копать картошку. Возможно, откровенности командующего немало способствовало и то, что на этот раз он поднялся на сигнальный мостик один, без «свиты», которая, видимо, была занята подведением итогов учения. Рассказав эту историю, Александр Михайлович подытожил:

— Вот и нам надо «копать картошку».

— Что поделаешь — надо! — согласился сигнальщик, тоскующий по своей туманной речке.

— Вы, случайно, не вологодский? — с нескрываемой надеждой спросил командующий.

— Нет, я из-под Перми.

— Пермяк — солены уши, так, кажется, про вас говорят? — с улыбкой спросил Малинин.

— Так точно, товарищ командующий! — обрадовался и матрос и даже дернул себя за ухо. — А вы, стало быть, вологодский?

— Да.

— Выходит, почти что земляки.

— Все мы тут земляки, — заметил, привлекая и к себе внимание, глядевший в визир другой сигнальщик.

Пермяк, недовольный тем, что перебили такой интересный разговор с самим командующим, сердито зыркнул было в его сторону, но согласился:

— Это верно. И все мы одну «картошку копаем». Надо!

И тут-то Виктора Волжанина и осенило: «Так вот из чего возникает это психологическое поле! Из постоянного ощущения долга! Громадная ответственность и заставляет его не только удерживать вот это каждодневное ощущение высоты и святости долга в себе, но и сообщать его другим...»

Теперь все собранные Волжаниным факты, накопленные за поход наблюдения и размышления как бы сами собой выстраивались в некую, уже независимую от него логическую цепочку.

Виктор и раньше замечал, что в его работе бывают неожиданные, как землетрясение, толчки. Иной раз идешь вроде бы ровно, размеренным шагом, точно рассчитывая время и силы, а до цели никак не можешь добраться, кажется, по мере твоего движения к ней она с той же скоростью начинает отдаляться. Но вдруг ты будто обопнешься, в тебе все сразу встряхнется.

Однако очерк пока только выстраивался, Виктор лишь делал отдельные наброски, а приступить к нему основательно, неторопливо не было ни условий, ни времени. Каюта, в которую его поселили, находилась внизу, была без иллюминаторов, вентилятор унесли с собой перебравшиеся в старшинскую каюту постоянно живущие здесь лейтенанты, а средиземноморское солнце жарило изо всех сил. Хотя тоже временно поселившийся здесь представитель гидрографического отдела капитан-лейтенант Саушин в ка-

кте почти не появлялся, а даже спать предпочитал где-нибудь на прохладной к ночи верхней палубе. Виктор в такой духоте никак не мог сосредоточиться. Да и не хотелось упускать случай пополнить запас своих корабельных впечатлений, который за девять месяцев его работы в редакции начал заметно истощаться. К тому же надо было ежедневно давать в газету репортаж, над которым в любом случае найдет возможность поупражняться в сокращении «объемов» все тот же Паламарчук.

2

С пришедших кораблей катерами, барказами и шлюпками развозили на остающиеся в Средиземном море корабли молодое пополнение матросов, прибывших из учебных отрядов. Их места в кубриках занимали те, кто уже отслужил и возвращался домой. Настроение у них было веселое, они гордились тем, что разъедутся по своим домам не откуда-нибудь, а прямо из Средиземного, им будет что рассказать своим землякам.

Опять подошел успевший и сам где-то наполниться «Иван Бубнов», опять навел траверзные дорожки, и корабли старательно «доили» танкер.

Солнце уже зашло, вечер был теплый, но не душный, было в нем что-то таинственное и вкрадчивое. Увольняемые в запас высыпали на верхнюю палубу и разместились на надстройках, стараясь не мешать морякам, занятым приемкой топлива.

Но похоже, что их выманил из кубриков не этот мягкий вечер, а трое женщин, сидевших на корме танкера и чистивших картошку. Двое из них, в белых колпаках, были, видимо, поварихами, а третья — совсем молодая, с белой кружевной наколкой-кокошником на лбу — официанткой. Ей-то чаще всего и адресовались веселые реплики матросов.

Вот она зашла на камбуз, прихватила оттуда поднос, накрытый салфеткой, положила его на ладонь и, вознеся над головой, направилась в носовую надстройку. Она шла неторопливо и важно, голова ее была гордо поднята; не глядя под ноги, девушка привычно и ловко перешагивала через змеившиеся по палубе шланги. В ее походке было что-то величественное и уверенное, подчеркивающее ее красоту и стройность.

Матросы, рассыпавшиеся по надстройкам, зачарованно

примолкли, лишь кто-то один непроизвольно и завистливо обронил:

— Повезет же кому-то!

— Если уже не повезло, — тоже завистливо добавил другой.

Но те, кто оставался здесь еще надолго, смотрели на девушку мрачно, по их угрюмым лицам не трудно было догадаться, о чем они сейчас думают. Они завидовали тем, кто скоро вернется домой к ожидавшей три года.

А тут еще итальянцы подсыпали соли на вскрытые воспоминаниями и растревоженные воображением раны. К итальянскому фрегату, дрейфующему невдалеке, подошла шхуна под алыми парусами. Правда, шла она под дизелем, а паруса были явно бутафорскими — они служили лишь яркой вывеской этого плавучего варьете. С него доносилась бравурная музыка, палуба была ярко освещена и заполнена девицами всех калибров: от пухленьких и томных до худеньких и стремительных, как ветер, — выбирай каждый на свой вкус! Шхуна прошла рядом с бортом крейсера, девицы зазывно махали нашим матросам и что-то кричали.

Но вот шхуна отвернула от борта фрегата, часть девиц тотчас перепорхнула на него, оставшиеся столпились у борта, ожидая моряков с фрегата. И вот уже появились столики с вином и фруктами, начались танцы. Сначала была толкотня, но постепенно толпа танцующих редела, то одна пара, то другая исчезали в надстройках, и вот уже палуба совсем опустела, лишь на рострах остался оркестр, продолжавший неизвестно для кого играть.

Малинин, наблюдавший за всем этим с мостика крейсера и понимавший, что весь этот красочный спектакль разыгрывается специально для советских моряков, с огорчением отметил, что эффект, на который он и был рассчитан, оказался даже для него неожиданным. Теперь моряки уже смотрели не на танкер, а на шхуну, и, пожалуй, никто из них даже не заметил возвратившуюся на корму официантку. Во взглядах перемешались и восторг, и грусть, и... зависть.

«Это и понятно, — думал Александр Михайлович, — все они молодые, кровь у них бурлит...»

Однако он заметил, что помрачнели не только матросы, но и офицеры. Им-то еще труднее. Матросу что, он три года как-нибудь перекантуется. А офицеру всю жизнь приходится жить в общем-то в особых условиях. Если он женат, то еще куда ни шло. Через несколько месяцев он все-

таки вернется к семье. Правда, и детишки, если они есть, к тому времени уже подрастут, младшие, может, даже и не узнают папу, но он все-таки вернется, пусть и ненадолго, к семейному очагу, его теплу, уюту, ласке. И он ждет этого.

Но — что скрывать? — ждет иногда с тревогой. Даже к самым благополучным порой подкрадываются сомнения, неуверенность и ревность, они, как древоточец, глодают и гложут душу, не дают покоя ни днем ни ночью, особенно ночью. Как она там? Хватит ли у нее любви, терпения, мужества, сумеет ли она остаться верной?

Как правило, сомнения эти необоснованны. За тридцать с лишним лет службы Александру Михайловичу пришлось сталкиваться буквально с единичными случаями неверности жен моряков. И басню о том, что они чуть ли не все ветреные, наверняка распространили их завистницы, сами не способные на столь самоотверженную верность и лишения.

«Флотская жизнь, она ведь только с виду красивая, — думал Александр Михайлович. — Выскочит какая-нибудь городская девчонка за молодого моряка-лейтенанта, завезет он ее на самый край света, а сам надолго, иногда на несколько месяцев, уйдет в море. И все эти месяцы помимо служебных тягот и лишений живет в нем тревога за эту выросшую в тепличных условиях пичугу. Случается, что, даже не дождавшись возвращения мужа, улетает эта пичуга под крылышко к маме и папе. Но ведь так бывает крайне редко, подавляющее большинство таких пичуг не просто выживает, но и долгие годы мужественно преодолевает все невзгоды, которых на долю жен моряков обрушивается, к сожалению, еще немало...»

Раньше эталоном женской верности считали княгиню Волконскую. А сколько тысяч таких Волконских живет сейчас на необжитых еще побережьях Ледовитого и Тихого океанов, в отдаленных гарнизонах, на островах и полуостровах! Мужчины в море, а женщины месяцами живут одни, взвалив на себя все заботы по воспитанию детей, по ведению ох какого нелегкого домашнего хозяйства. Давно ли семья самого Александра Михайловича Малинина жила в гарнизоне, где не то что молока — воды не было, приходилось растапливать снег и лед! А сколько еще и сейчас есть гарнизонов, лишенных бытовых удобств! И ведь вот что удивительно: жалоб на неустроенность из этих гарнизонов почему-то поступает меньше, чем из вполне благоустроенных военных городков. «Почему? — думал сей-

час Александр Михайлович. — Может, потому, что там все живут одинаково трудно, ни у кого нет преимуществ, не встают вопросы о несправедливости в распределении материальных благ? И все одинаково стойко и терпеливо переносят эти временные трудности».

Как-то, проходя по площади, на которой стоял памятник погибшему в мирные дни офицеру, Малинин подумал вдруг: «А почему бы не поставить где-нибудь памятник женщине, жене моряка?»

Он даже придумал, где лучше поставить такой памятник: на скале возле входа в главную базу, чтобы, уходя в море и возвращаясь домой, моряки за много миль от базы видели эту ожидающую их женщину.

Когда он поделился этими соображениями с женой, та, усмехнувшись, возразила:

— Памятник? Нет, не надо нам памятников. Как говорится, нам «наплевать на бронзы многопудье». Ты бы лучше позаботился о том, чтобы открыть в городе еще пару прачечных и пяток магазинов...

Он позаботился, открыли и прачечные, и магазины, но идея памятника жене моряка не забылась, а сейчас, здесь, вдали от родных берегов, еще более укрепилась в его сознании.

Пестрое и шумное плавучее варьете отвалило от итальянского фрегата часа через два с половиной, когда на крейсере все садились за вечерний чай. Событие бурно обсуждалось и за чаем, и после него, когда моряки вышли на верхнюю палубу покурить, а в кубрике, где разместились увольняемые в запас, дискуссия продолжалась и после отбоя. Но когда туда зашел командующий, все сразу притихли, многие притворились спящими. Дневальный сунулся было с докладом, но Малинин жестом остановил его и, окинув ровные ряды коек и рундуков, заметил, что некоторые матросы лежат поверх одеял одетыми.

— Почему они не раздеваются? — спросил Малинин.

— Так ведь простыней всем не хватило, товарищ командующий.

— Как это не хватило?

— А вот так. Говорят, рассчитано только на свой экипаж, а мы — пассажиры, нам уж что достанется...

— Да вы не беспокойтесь, товарищ командующий, — подал голос старший матрос, лежавший на второй койке справа, и приподнялся. — Пару ночей мы и так перестоим, только бы побыстрее домой дошлепать. Когда пойдем-то?

— Да прямо вот сейчас и пойдем, — глянув на укрепленные на переборке круглые морские часы, сообщил Малинин.

И словно в подтверждение его слов, в цепном ящике на юте загрохотала якорь-цепь.

— Порядочек! — вскакивая, воскликнул старший матрос.

Зашевелились и другие, но дневальный, покосившись на командующего, строго прикрикнул на них:

— Чего заворошились? Отбой же был!

Поднявшись на мостик, Малинин вызвал туда помощника командира корабля и помощник по снабжению. Первым прибежал помощник по снабжению, совсем еще молоденький лейтенант Девяткин в не обмявшейся по плечам новенькой куртке. «Последний раз выпускники тылового училища пришли на корабли осенью прошлого года, стало быть, куртку он бы должен уже запосить. Значит, раньше срока взял себе новую. Похоже, не с того лейтенант начинает службу», — отметил Малинин и неприязненно спросил:

— Сколько комплектов постельного белья вам положено иметь на корабле?

— Четыре.

— А сколько в наличии?

— Три. Одна в стирке. Ну, и один выдан. В резерве — два.

— Так почему же вы не выдали простыни увольняемым в запас?

Лейтенант замялся, промямлил что-то невнятное, но тут на мостике появился помощник командира крейсера, и Девяткин с надеждой посмотрел на него. Но тот лишь усмехнулся и промолчал, взглядом же подсказывая лейтенанту: выкручивайся, мол, сам. И Девяткин сразу нашелся:

— Так ведь они не пропатампованы!

— А почему?

— Перед самым выходом получили, еще не успели.

— Раздавайте непроштампованные.

— А если пропадут? На меня же начет сделают.

— Да кому нужны ваши простыни? Неужели вы думаете, что кто-то хоть одну возьмет с собой?

— Бывает, что пропадают.

— Бывает. Но их не воруют, а выбрасывают. Извозит какой-нибудь неряха в мазуте и, опасаясь, что вы его накажете, выбросит. Вот за чем надо следить, лейтенант.

— Так ведь следим.

— Значит, плохо следите. Но речь сейчас не об этом. Вы хотя бы понимаете, что делаете? Люди честно отслужили три года, возвращаются домой прямо из Средиземного моря, гордятся этим, справедливо считая себя героями, а вы их па грязные матрацы бросаете. Да еще чуть ли не в каждом подозреваете вора.

— Виноват, товарищ командующий! Исправлюсь, — пообещал Девяткин.

— Да уж не сомневаюсь. И хочу помочь вам в этом. Быстренько собирайтесь и отправляйтесь на «Стремительный», там как раз помощника по снабжению не хватает. Поплаваете здесь хотя бы столько, сколько проплавали эти матросы, скорее исправитесь. Действуйте!

— Есть! — уныло ответил лейтенант и побрел к трапу.

Однако командующий приостановил его:

— А курточку не забудьте оставить здесь или внесите в свой вещевой аттестат в счет следующего срока!

— Есть! — совсем уже унылым голосом ответил Девяткин.

Когда он ушел, командующий повернулся к помощнику командира крейсера:

— А вы хотите сами штамповать простыни, хотите выдавайте их без штампов, но чтобы через час они были у всех!

— Да они проштампованы, — потупившись, признался помощник. — Через двадцать минут выдадим всем до одного.

— Что же сразу-то этого не сделали?

— Так ведь всего на одну-две ночи, а потом их стирай.

«Мозги бы тебе постирать надо!» — подумал Малинин.

3

К утру вошли в сильный шторм, раскачавший даже крейсер. Стукнувшись головой о переборку, Виктор Волжанин проснулся. К качке он уже давно привык и приноровился занимать в постели такое положение, при котором можно и о переборку не стукаться, и не вывалиться на палубу. Взглянув на часы, он отметил, что до подъема еще целых два часа, можно их «добрать» за прошлую, почти бессонную ночь и досмотреть не совсем еще отлетевший сон, не спившийся ему уже лет десять.

Впрочем, сны никогда не повторяются, похожими бывают лишь сюжеты, детали же каждый раз всплывают новые, но тем не менее иногда кажется, что один сон является как

бы повторением или продолжением другого. Это чем-то похоже на просмотр по телевизору многосерийного фильма, когда перед демонстрацией очередной серии диктор напоминает содержание предыдущей.

Скорее всего, сюжет был навеян встречей с итальянским фрегатом и плавучим варьете, всколыхнувшей воспоминания, от которых Виктор многие годы стыдливо отмахивался, как от назойливых, тянувшихся к сладкому ос...

Он вырос в Ивановской области, в небольшом рабочем поселке при ткацкой фабрике. Девяносто процентов населения поселка составляли девчата из ближайших деревень; все они невестились, но женихов на фабрике не было, и девчата с интересом и надеждой поглядывали и на подростков. Возможно, под влиянием этих взглядов Витька Волжанин, едва пробился у него над верхней губой темный пушок, сразу побрился. Однако синева над его губой тотчас была замечена, и одна из скучавших на лавочке девчонок радостно сообщила:

— Вот и новы мужики подросли!

И в тот же вечер уманила Витьку в лес. Она была старше его лет на пять или шесть, и, помимо всего прочего, он стыдился и этой казавшейся тогда огромной разницы в годах и не любил вспоминать о своем падении. Но иногда оно ему снилось, и просыпался он разбитым и удрученным, с еще более сильным ощущением стыда и унижения.

Но сегодняшний сон имел другую, более светлую концовку: вторую половину сна он танцевал уже с другой девушкой — Леной.

Еще на первом курсе в училище они скинулись всем классом со стипендии и купили магнитофон. В часы самоподготовки стали учиться входящим тогда в моду твистам и шейкам. Учителем танцев был Славка Добровольский, единственный в их классе курсант, окончивший нахимовское училище, где обучали не только танцам, но и хорошим манерам.

В ущерб средней успеваемости класса они скоро освоили не только твист и шейк, но и вальс.

Со студенткой пединститута Леночкой они познакомились на танцах. Она, наверное, не обратила бы на него особого внимания, как и на других партнеров, не начни он читать стихи.

А он шутливо импровизировал:

Лена, Лена!
Во всей Вселенной
Вы — самая необыкновенная!

Ей понравилось.

— Вы всегда сочиняете стихи на ходу? — спросила она.

В это время они танцевали твист, и Виктор сострил:

— Нет, только на скаку.

Леночке это еще больше понравилось, и она предложила:

— А знаете что? Пойдемте-ка к нам. У моего дедушки сегодня день рождения, он просил не задерживаться, но я ему сказала, что у нас в институте сегодня комсомольское собрание.

— Ничего себе собрание! — окидывая взглядом вспотевший зал, осуждающе заметил Виктор.

— Зато у нас дома сейчас почти дворянское собрание.— Леночка за руку вытянула Виктора на улицу. — Наш старец большой оригинал, и вы ему понравитесь. Да и мне будет не так скучно.

Их квартира оказалась огромной, из семи или восьми комнат, обставленных старинной резной мебелью, только в одной комнате мебели не было, а посередине стоял бильярдный стол, с облысевшим у лузз зеленым сукном. В столовой, куда Лена ввела Виктора, под большой бронзовой люстрой с хрустальными подвесками, за овальным столом сидело человек пятнадцать, в основном чопорных старушек. Мужчин было лишь трое: один помоложе, видимо отец Лены, другой — совсем дряхлый и лысый, третьим оказался дедушка. Виктор сразу узнал его: это был известный ученый-физиолог, академик, его портрет публиковался сегодня в центральных и местных газетах вместе с Указом о награждении его орденом Октябрьской Революции за выдающиеся заслуги в науке и в связи с восьмидесятилетием. Но на восьмидесятилетнего он не был похож: седая грива волос, венчавшая его огромную голову, была очень густой, лицо лишь едва тронуто морщинками, а глаза и вовсе молодые, с острым, лукавым взглядом.

Из поздравительных речей Виктор узнал, что дедушка Лены действительно был дворянином, но не потомственным. Дворянский титул ему пожаловали за блестящее окончание Санкт-Петербургского университета. Об этом сообщил лысый старичок, оказавшийся учеником юбиляра. Еще две старушки тоже были его ученицами, остальные — родственницами.

Когда все тосты уже были произнесены и юбиляр собрался выступить с ответной речью, Леночка неожиданно похвасталась:

— А Витя у нас поэт, он прямо на ходу экспромты сочиняет.

Все сразу оживились и заинтересовались, видимо ожидая от него поздравления в стихах. Лена заставила его встать, но все это было так неожиданно, что он растерялся. Обводя взглядом лепной потолок и увешанные картинами стены, Виктор пытался сосредоточиться, но не мог, в голове мелькали лишь банальные рифмы, а ни одна путная мысль не приходила. И когда даже Леночка решила, что с ходу он ничего сочинить не сможет, он неожиданно для себя произнес:

Не люблю старинные квартиры,
Где облезлый шкаф угрюм и рыж.
Из-за шкафа не увидишь мира
И себя от мира заслонишь...

Дальше он хотел сказать, что великую идею не заслоняют ни шкафы, ни стены, ни даже горы, но мысль эта как-то не укладывалась в стихи, на ум не приходили даже банальные рифмы. И он уже хотел было пояснить ее прозой, но пауза, видимо, настолько затянулась, что дедушка Лены решил, будто это все, что хотел сказать Виктор, и зааплодировал. Однако его никто не поддержал, все оскорбленно притихли, и Виктор только теперь сообразил, что сочиненная им строфа сама по себе, отдельно от недосказанной им мысли, звучит по меньшей мере бестактно.

Леночка дернула его за рукав и сердито прошипела:

— Садись уж, пиит!

Лицо у нее было пунцовое и настолько злое, что в ней трудно было узнать ту беззаботную хохотушку, с которой он всего какой-нибудь час назад танцевал так весело и тоже беззаботно. Но он не сел, а, выдавив из себя: «Извините, я пойду покурю», выскочил в коридор. Закурив, он настороженно прислушивался к голосам, доносившимся из столовой, но там говорили тихо и подавленно, слов было не разобрать, но он не сомневался, что говорят о нем, о его нахальстве, о невоспитанности всей нынешней молодежи. Он на цыпочках прошел в прихожую и протянул было руку к висевшему поверх дорогих шуб бушлату, когда его окликнули:

— Молодой человек!

Отдернув руку, Виктор оглянулся и увидел в глубине коридора дедушку Лены. Прислонившись к стене и зажимая ладонью рот, он хохотал. Поманив Виктора пальцем, втолкнул его в бильярдную и, захлопнув за собой дверь, расхохотался уже не сдерживаясь — громко и заразительно.

— Ну, батенька, и взбаламутили же вы это болото! — радостно сообщил он, подбирая выступившие на лукавых глазах слезинки и прикладываясь ухом к тяжелой дубовой двери с витой бронзовой ручкой. — Вы только послушайте, как раскваклись эти старые лягушки!

Но Виктор, смущенно потупившись, извинился и начал не совсем внятно, сбивчиво пояснять, что́ он хотел сказать, однако стихами у него не получилось.

— А, плюньте! Давайте-ка лучше в бильярд поиграем. Вы хоть немного умеете?

Виктор умел. Правда, в клубе ткацкой фабрики бильярдный стол был вполовину меньше и шары не костяные, а металлические, вылущенные из подшипников, но зато там никогда не было очереди, потому что фабричные девчонки в бильярд не играли, полагая, что занятие это чисто мужское.

Академик играл хорошо, и Виктор выиграл у него партию с трудом, в последнем шаре. Дед, видимо, был азартным, тут же захотел отыграться, они начали было вторую партию, но пришла Лена.

— Дедуля, все ждут тебя за столом.

— Скажи, что я всем благодарен за поздравления.

— Но они ждут тебя.

— Мне некогда. Разве не видишь, что я занят?

— Ничего себе занятие! И вообще... Мало им одного оскорбления, — она презрительно покосилась на Виктора,— так еще и ты хочешь их обидеть? — и отобрала у деда кий.

— Ладно, — согласился он и пообещал Виктору: — Однако реванш за мной. Даже если этот маленький деспот не захочет вас снова пригласить, вы приходите ко мне.

Но Виктор больше не приходил ни к ним в дом, ни на танцы в пединститут, Лену после этого ни разу не видел и сейчас удивлялся, с чего это она вдруг приснилась. Особенно поразила Виктора удивительная достоверность облика явившейся во сне Лены. Красивый разлет бровей на полуприкрытом челочкой лбу, темно-синие глаза, шаловливо вздернутый носик, хорошо очерченные, чуть припухлые губы — Виктору казалось, что наяву он так и не успел разглядеть все это, а разглядел только сейчас, во сне. И танцует она легко, порхает, как бабочка. Наверное, поэтому и во сне танцевать с нею было приятно, он хотел, чтобы танец продолжился, долго лежал с закрытыми глазами, но сон не возвращался, а Лену в его воображении постепенно, но настойчиво вытеснила Светлана.

Все эти дни при воспоминании о Светлане его не покидало чувство горечи, ощущение собственной вины в том, что они как-то нехорошо расстались. Виктор только теперь и начал осознавать, что не прав был именно он, столь категорично настаивая на определенности, пожалуй даже вымогая у Светланы желанное ему признание. «А если ей не в чем было признаваться? Может, она ничего и не испытывает ко мне и просто не захотела лгать?»

Но, вспоминая, как подавлена была она при их расставании, как изменилась ее походка, когда она уходила по редакционному коридору, он глубоко раскаивался: «А я-то, как последний дурак, демонстрировал свое бодрячество...»

Но, несмотря на все раскаяния и сомнения, был счастлив. Он не слыл аскетом, в юности у него было не одно увлечение. Если к Леночке он так и остался равнодушен, то медицинской сестрой Лизочкой он увлекся надолго и его восторгам, мечтаниям и страданиям сопутствовала не одна бессонная ночь. Но это были лишь иллюзии любви, со временем они развеялись, от них осталась лишь легкая дымка грустных воспоминаний, и хорошо, что хоть осталась; сравнивая свои тогдашние чувства с теперешними, Виктор наглядно ощущал разницу между ними. Да, он стал более зрелым, а зрелость обычно способствует сдержанности. Но он-то сейчас чувствовал глубже и острее, значит, это и есть настоящее. И если даже Светлана не любит его, он все равно счастлив уже тем, что его посетило настоящее чувство.

Однако он не намерен был утешаться только этим собственным ощущением счастья, он хотел, чтобы они оба были счастливы. Он будет бороться и за ее любовь. Борьба, пусть даже и безнадежная, все-таки какая-то надежда, и он не хотел терять ее.

«И почему мне приснилась Лена, а не Светлана? — недоумевал он, окончательно убеждаясь, что ему не удастся досмотреть сон. — Может, именно потому, что я с ней так и не танцевал ни разу? Как только вернусь, в первый же вечер приглашу ее на танцы...»

Но когда они вернулись, среди встречавших командующего начальников на причале оказался и ответственный редактор флотской газеты, он отозвал Виктора в сторонку и сообщил:

— Тут из редакции журнала чуть ли не каждый день звонили, они из-за тебя номер в набор не могут сдать. Так я пообещал, что к пятнадцатому очерк о командующем будет у них на столе.

— Но сегодня уже двенадцатое, а я еще не начинал.

— Поэтому ты сейчас же отправишься к себе в гостиницу, и чтобы два дня я тебя не видел.

— Но за два дня я просто не успею.

— Должен успеть. В газету-то вон каждый день писал.

— Но ведь это не газета, а литературно-художественный журнал, я там ни разу не публиковался и не могу начинать с халтуры.

— Только попробуй схалтурить! В конце концов, ты там представляешь и нашу газету. Словом, бери мою машину и дуй в гостиницу.

Приехав в гостиницу, Виктор наказал дежурному администратору, чтобы к телефону его не подзывали, для всех без исключения он еще в море. Светлане собрался было позвонить сам, но испугался, что, услышав ее голос, плюнет на все задания и помчится к ней.

4

О возвращении кораблей из Средиземного моря Светлана Шаброва узнала от редактора, приехавшего из гавани, где он встречал командующего флотом. Вместе с редактором должен был приехать и Виктор Волжанин, но его почему-то не было. Наверное, поехал к себе в гостиницу, чтобы отвезти чемодан, и вот-вот появится в редакции, подумала Светлана. Через час она заглянула в его отдел, но Виктора еще не было. Не появился он и через два часа, и через три. «Что-то его задержало, но в таком случае он должен позвонить», — решила Светлана и стала ждать звонка. Чтобы не пропустить его, она не ходила по отделам обрубать «хвосты» или чем-то затыкать «дырки» в полосе, а приглашала для этого сотрудников отделов в секретариат. Она вздрагивала от каждого телефонного звонка, поспешно хватала трубку, но всякий раз оказывалось, что звонит не Виктор.

«А может, он не вернулся? Ведь командировка ему выписана на два месяца, время еще есть, и он придет с каким-нибудь другим кораблем?»

Чтобы выяснить это, она нашла благовидный предлог зайти к редактору газеты. Принеся ему на читку сверстанную еще накануне внутреннюю полосу, спросила:

— Мне оставлять на первой полосе место для очередного репортажа Волжанина?

— Нет, в этом номере его не будет.

— Разве он не вернулся?

— Вернулся, но ему сейчас не до этого, — сказал редактор и уткнулся в полосу.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросила Светлана.

— Нет, ничего особенного. — Редактор оторвал взгляд от полосы и с любопытством посмотрел на нее.

Смущенная этим взглядом, Светлана поспешила выйти и лишь в коридоре про себя запоздало переспросила: «А не особенного?» И уже почти убежденно решила: «Что-то все-таки с ним!»

На душе становилось все тревожнее...

Сначала она решила, что Виктор простудился и заболел и сейчас просто отлеживается в гостинице. Выбрав момент, когда работающий в одной комнате с нею выпускающий спустился в типографию, она позвонила в гостиницу. Дежурный администратор ответил, что Волжанин еще не вернулся с моря, и это насторожило Светлану: «Так где же он? Ведь редактор сказал, что он вернулся. Может быть, его отправили в госпиталь? А что, если его покалечило во время шторма?»

Владимир Шабров с [illegible] вдохновенной ложью рассказывал ей об этих неукротимых и жестоких штормах. И тогда эти рассказы производили на нее сильное впечатление, а сейчас в ее воображении, подстегнутом тревогой, они обрели такую достоверность, от которой становилось страшно.

«А ведь на корабле еще столько всяких механизмов, они натыканы всюду и в такой опасной близости от проходов, что попасть в один из них, да еще во время шторма, немудрено...»

Как-то по заданию редакции она побывала на одном из кораблей, и ей показалось, что она попала в ад. Преддипломную практику она проходила в многотиражке ЗИЛа, бывала в цехах этого автомобильного гиганта, но они не оставили такого ощущения задавленности, как корабль. Тут тоже все вращалось, гремело и скрежетало, но, в отличие от зиловского конвейера, казалось беспорядочным и неуправляемым, способным внезапно схватить и переломать кости, перемолоть, истереть в порошок. С корабля она вернулась не только с головной болью, но и с твердым убеждением, что Дантазета.

Возможно, этот личный опыт общения с современным кораблем и определил столь панническое направление ее мыслей.

Наконец она сообразила, что можно позвонить в госпиталь. Выждав, когда выпускающий снова уйдет в типографию, она набрала телефон справочной госпиталя и спросила, в каком отделении лежит капитан-лейтенант Виктор Александрович Волжанин. Дежурившая там женщина ответила не сразу: должно быть, она во второй или в третий раз перечитывала списки больных, отыскивая в них его фамилию. Наконец решительно и убежденно сообщила:

— Такого у нас нет.

И сразу отлегло от сердца. Но еще метался неотвязно вопрос: «Где же он может быть?» Светлана снова позвонила в гарнизонную гостиницу, и ей опять ответили, что Волжанин еще не вернулся с моря. И тут как-то непроизвольно начали выползать ревнивые подозрения: «А может, у него кроме меня еще кто-то есть? А если он был неискренним в тот вечер? Почему он не может оказаться таким же лицемером, как Владимир? Наверняка у Виктора кто-то был до меня, и разве исключено, что он может вернуться к прежним связям? Что, собственно, я о нем знаю?»

Но если в редакции от этих мыслей ее все-таки отвлекала сумасшедшая газетная работа, то дома Светлана не могла найти себе места, и за что бы ни бралась, все валилось у нее из рук. И когда казалось, что все ее душевные силы, помогавшие ей сдерживаться, уже на исходе, раздался телефонный звонок.

— Я тебя очень люблю, — произнес Виктор тихо.

Она молчала, глотая слезы. Но это были уже слезы облегчения, и она не сдерживала их.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Почему ты молчишь?

— Думаю.

— О чем?

— Ну, например, о том, почему ты решил сообщить эту новость по телефону. — Ей стоило немалого труда, чтобы спрятать свою радость за нарочито холодным, почти равнодушным тоном.

— Потому что я не могу сейчас приехать к тебе. Я забаррикадировался в гостинице. Срочно пишу очерк для журнала, надо его закончить завтра к вечеру. Тут Москва все телефоны оборвала.

— Это надо же! — притворно изумилась Светлана. — Сама Москва нами интересуется!

Кажется, Виктор почувствовал иронический смысл этого восклицания и встревоженно спросил:

— Ты обиделась?

— Мог бы сообщить о своем возвращении, — теперь уже не скрывая обиды, упрекнула Светлана.

— Я не хотел звонить в редакцию, ждал, когда ты вернешься домой.

Но она сухо прервала:

— Значит, до послезавтра, — и положила трубку.

И тотчас пожалела об этом: «Зачем уж так-то? Конечно, он не прав, что сразу не сообщил о своем возвращении, но он, наверное, и не подозревает, сколько я пережила за этот день. Сейчас все мои тревоги и подозрения кажутся просто смешными, но ведь я на самом деле была в панике. И это его признание в любви по телефону... А может, и хорошо, что он признался именно сейчас, а не отложил до послезавтра?»

А до послезавтра еще почти сорок часов, и время течет так мучительно медленно. Ах, какие они, оказывается, длинные, эти часы! Они состоят не только из минут и секунд, но и из тысяч мгновений, каждое из которых кажется целой вечностью. И за эти вечности возникает и умирает опять столько тревожных вопросов: «Почему он не позвонил еще раз? Обиделся? Скорее всего. Зачем я снова обидела его? Если он был искренним, то теперь просто не сможет работать...»

Лучше не смотреть на ленивые стрелки часов, но взгляд будто магнитом притягивает к ним...

Она подошла к окну и, вытягивая шею, попыталась разглядеть, что происходит на самом дне узкого ущелья улицы. Но не разглядела, собралась было выйти на балкон, но тут увидела в стекле свое отражение. В доме напротив были уже погашены почти все огни, и отражение оказалось четким. На нее смотрела из стекла усталая, пожалуй, и не очень молодая женщина с красивыми, но грустными глазами, уголки которых заканчивались припрятавшимися в складках век морщинками, похожими на лапки еловых веток. Эти лапки серьезно встревожили Светлану, она отпрянула от окна, подошла к зеркалу и стала пристально вглядываться в свое отражение.

И, опять непроизвольно глянув на часы, она обнаружила, что прошло всего лишь шесть минут. Без четверти десять, впереди явно бессонная ночь.

Она решительно распахнула платяной шкаф. Правое отделение, где когда-то висели рубашки и тужурки Шаброва, все еще пустовало. Наверное, давно пора было перевесить

сюда часть своих вещей, но Светлане казалось, что даже его вещам будет оскорбительно висеть тут.

Еще до того, как она узнала о похождениях Владимира Шаброва, в тот год, пока она заканчивала университет, Светлана, убедившись, сколь обманчивыми оказались и его романтичность, и его эрудиция, сначала испытала лишь разочарование. Неприязнь вырастала из этого разочарования как-то незаметно, она обнаружила ее внезапно.

У Шаброва была привычка: перед тем как лечь в постель, он чистил и шлифовал пилочкой из ее маникюрного набора ногти. Делал он это настолько тщательно и неторопливо, что Светлана иногда раздраженно замечала:

— Да хватит уж тебе чистить перышки-то!

Потом она не только не торопила, но была даже довольна, что он не спешит, отворачивалась к стене и старалась заснуть раньше, чем он ляжет в постель. Если это ей не удавалось, она притворялась спящей, и Владимир то ли не решался, то ли не испытывал потребности ее будить.

Но однажды, недолго понаблюдав за тем, с каким старанием и самовлюбленной заботливостью разглядывает он свои ногти, Светлана испытала жгучее желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Может быть, она когда-нибудь и сделала бы это, но тут появилась та самая «доброжелательница», вслед за которой Светлана выставила за дверь и самого Шаброва.

Он паковал аккуратно и нарочито медленно, должно быть еще на что-то надеясь, укладывал в чемодан свои вещи. Особенно долго расправлял рукава парадной тужурки. Эти рукава напоминали ласты тюленя, но потом Светлана решила, что они больше похожи на сложенные крылья бросающейся вниз птицы. Она камнем падает в пропасть, кажется, вот-вот разобьется, но в самый последний момент вдруг распахивает крылья и, едва не зацепившись брюшком за острые выступы скал, снова взмывает ввысь.

Но Шабров напрасно тянул время, ему уже не расправить крылья и не взлететь, в глазах Светланы он уже умер, стал трупом.

Она старалась больше не думать о его существовании, но если что-то иногда напоминало о нем, как напомнило это пустое, темное отделение — его отделение! — шкафа, спешила как можно скорее избавиться от этого напоминания.

И сейчас, прикрыв дверцей зияющую пустотой его половину шкафа, почти машинально стала перебирать платья и выбрала самый скромный костюм темно-вишневого цвета.

До гостиницы было четыре автобусных остановки, но она пошла пешком, чтобы успокоиться, окончательно освободиться от воспоминаний о Шаброве и как-то все-таки оправдать свое появление в столь поздний час, да еще без всякого формального повода. Но придумывать повод не хотелось, пусть все будет так, как оно есть.

Она не заметила, как постепенно ускорялся ее шаг, а последние два или три десятка метров перед гостиницей она почти пробежала.

Охладил ее подчеркнуто вежливый, но явно подозрительный тон дежурной администраторши:

— Вы, женщина, к кому? — Взгляд быстрый, но проницательный.

— К Волжанину.

— Его нет, он в командировке. — Теперь взгляд более долгий, но еще более подозрительный.

— Но я знаю, что он вернулся, сидит у себя в номере и просил его не беспокоить. Однако я из редакции, мне он нужен по делу.

Хорошо, что корреспондентское удостоверение оказалось при ней, и она, испытывая облегчение, протянула его дежурной. Та неторопливо и недоверчиво сличала фотографию на удостоверении с ее лицом. Светлана невольно поежилась, у нее было такое ощущение, будто ее раздевают догола.

Возвращая удостоверение, дежурная выразительно посмотрела на висевшие на стене электрические часы. Они показывали тридцать пять минут одиннадцатого. Лицо дежурной выражало некоторое сомнение: пропустить или нет? Светлана в силу своей профессии знала, сколь непререкаемо самоуверенны, как любят покуражиться, продемонстрировать свою власть мелкие чиновники и продавцы, таксисты и дежурные администраторы. Против них надо применять их же оружие: напор и пренебрежение.

— Благодарю вас, — холодно сказала Светлана и, выдернув из рук дежурной удостоверение, решительным шагом направилась в глубь вестибюля, уставленного низкими креслами с изогнутыми, как конские шеи, спинками, с льняными чехлами, накинутыми, как попоны на широкие крупы.

Быть может, это сравнение с конями напомнило ей о вольном, как ветер, детстве, и ей стало почему-то весело.

Такой вот веселой, с беззаботной улыбкой, Светлана и вошла в комнату Виктора.

А он растерянно смотрел на нее и то вскакивал со стула, то опять садился и пытался застегнуть ворот рубашки, одной рукой нашаривая то пуговицу, то петлю, не попадая

в них, никак не мог догадаться приспособить для этого и другую руку.

В комнате слоями плавал густой дым, не только пепельница, но и тарелка под графином была переполнена окурками. Подойдя к окну и распахнув форточку, Светлана оглядела стол и указала на расстеленную в левом углу его газету с разбросанными на ней рыбьими костями:

— Это что?

— Кости. Рыбьи. Семейство позвоночных.

— Вот именно. Однако семейство уже присохло к нашей горячо любимой газете. — Светлана собрала с подоконника пустые консервные банки и вслух прочитала этикетки: — «Ставрида в масле», «Мелкий частик», «Камбала в томате». Все ясно.

— Что — ясно? — спросил он, все еще безуспешно пытаясь справиться с пуговицами.

— Жениться тебе пора, Волжанин. Семейная жизнь все-таки упорядочивает быт.

— Может быть, может быть... Только вот на ком жениться-то? Разве что на тебе.

— Спасибо за это «разве что». Великолепно одолжено! Однако я пока еще числюсь замужем.

— Пора бы и развестись и изменить свою неблагозвучную фамилию Шаброва на более красивую. Скажем, Волжанина. Свет-ла-на Вол-жа-ни-на! Звучит-то как! Считай, что я сделал тебе официальное предложение.

— Странная манера объясняться у вас, товарищ Волжанин. Прямо скажем, грубоватая. — Светлана подошла к нему и застегнула ворот рубашки. Виктор положил руки на ее плечи и потянулся было к ней губами, но тут в дверь сильно постучали.

Едва они успели отшатнуться друг от друга, как дверь распахнулась и на пороге возникла дежурная. В ее глазах пылал несокрушимый интерес к чужой жизни. Она мгновенно обшарила взглядом комнату, чуть подольше задержала его на кровати и почти разочарованно посмотрела на Светлану.

— Извините, вы хотя и по делу, но после двадцати трех у нас в гостинице посторонним оставаться не положено.

Виктор возмущенно дернулся было к ней, но Светлана удержала его за руку и сообщила:

— Мы сейчас уходим.

Когда дежурная, на сей раз осторожно, прикрыла за собой дверь, Виктор вопросительно посмотрел на Светлану.

— Да-да, оба уходим. Считай, что сделанное тобою в та-

кой изысканной форме предложение принимается. Для начала я тебя хотя бы покормлю.

— Надеюсь, не борщом и макаронами по-флотски?

— Нет, шашлыком по-карски.

— Ну, ради шашлыка, да еще по-карски, стоит, пожалуй, пожертвовать и вольной холостяцкой жизнью, — сказал Виктор, доставая из шкафа галстук и тужурку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Корабли были желтенькие, как только что вылупившиеся цыплята. Ветер нес с берегов Африки мелкую, застилающую все и вся пыль, она набивалась в глаза, в рот, в уши, ноздри. Стало нечем дышать. Хотя все внутренние помещения корабля наглухо задраили, пыль каким-то образом проникала и туда, забивала приборы и механизмы, добралась и до трюмов.

— Южный ветер в пустынях Африки и Аравийского полуострова поднимает песчаные бури, — объяснял лейтенант Самохвалов. — Он лучше всяких жерновов перемалывает песок вот в такую мельчайшую желтую пудру и несет ее в Средиземное море. Ветер этот называют по-разному: если это самум, то он будет дуть ровно неделю. Но если это хамсин, что в переводе с арабского означает «пятьдесят», то он пятьдесят суток и будет шпарить.

— Ну спасибо, утешили, — грустно усмехнулся Гвоздев.

— Надо полагать, ветру сейчас помогают и танки, которые по плану учений «Брайт стар» в данный момент как раз шастают по пустыням, — добавил Самохвалов.

— Николай Алексеевич, — повернулся Гвоздев к своему старшему помощнику капитан-лейтенанту Авдееву, — распорядитесь, чтобы приборку проводили не три, а шесть раз в сутки. И все шесть раз — мокрую.

— Есть. А в какое время?

— Три раза — как обычно: перед завтраком, обедом и ужином. Остальные три раза — по вашему усмотрению, в зависимости от обстоятельств и выполняемых задач, проще говоря, когда выкроите на это время.

Авдеев тут же, положив на столик вахтенного офицера распорядок дня и расписание работ и занятий на сегодня, начал «кроить». Вениамин Александрович, глядя на сосре-

доточенное лицо старпома, посочувствовал ему. Должность его, пожалуй, самая беспокойная на корабле, Гвоздев знал это: прослужил старпомом почти четыре года. Практически старший помощник отвечает за все наравне с командиром, по за порядок на корабле спрашивают прежде всего со старпома. Точнее, за беспорядок. Не случайно же на флоте прижился афоризм: «Всеми успехами корабль обязан командиру, во всех неудачах виноват старпом».

Вениамин Александрович ещё ни разу не пожалел о том, что вместо Калистратова назначили именно Авдеева. Конечно, до Калистратова ему пока далеко, но его добросовестность и старание обнадеживают. «Пожалуй, он старается даже слишком — вон до чего себя довел! — подумал Гвоздев, глядя на осунувшееся лицо старшего помощника. — Интересно, когда он спит? Вот и сейчас поднялся в ходовой пост на полтора часа раньше...»

На первых порах Гвоздев, пытаясь помочь Авдееву побыстрее освоиться в новой должности, кое-что подсказывал ему и даже брал на себя часть его дел. Но однажды, когда они остались вдвоем, Авдеев попросил:

— Вы меня не опекайте, Вениамин Александрович, а то я никогда не научусь плавать.

— В каком смысле? — не сразу догадался Гвоздев.

— Знаете, как иные родители учат детей плавать? Подставят ладошки под грудь или под живот и объясняют, как надо двигать руками и ногами. Но, сколько ни объясняют, ничего не получается. А не догадываются, что ладошки-то надо убрать, руки и ноги ребенка сами сообразят, как им лучше двигаться, чтобы выплыть. Конечно, раз-другой малыш нахлебается водички, но зато быстро научится. Так что и вы ладошки-то, пожалуйста, уберите.

И Гвоздев предоставил Авдееву полную самостоятельность. Конечно, не обошлось без просчетов и ошибок. Авдеев глубоко переживал каждый свой промах, но, как всякий старательный ученик, умел извлекать из них полезные для себя уроки. Не стеснялся он учиться и у подчиненных. Вот и сейчас, прежде чем дать составленное им расписание приборок на утверждение командиру корабля, он пригласил командиров боевых частей и начальников служб и выяснил, какие регламентные работы они намечают на ближайшую неделю, и в соответствии с их планами откорректировал расписание.

Передавая Авдееву управление кораблем, Вениамин Александрович не особенно тревожился. Сейчас обстановка была относительно спокойной, занятые на учениях амери-

канские корабли ушли к берегам Африки, следить за «Стремительным» оставили лишь итальянский фрегат, даже «Орионы» стали появляться реже. Но наверняка где-то поблизости бродит и подводная лодка, и Гвоздев посоветовал Авдееву почаще контролировать работу гидроакустиков.

Вениамин Александрович спустился в каюту, принял душ, переоделся и пошел в кают-компанию. Сменившиеся с вахты офицеры тоже уже успели помыться и переодеться и сейчас благодушествовали за чаем.

Афанасьев читал текст только что сочиненной старшиной второй статьи Валерием Кондрашовым песни:

Потоки информации
С экранов, из приемников.
Воззванье к белой нации:
«Идет набор наемников!
Набор наемников в ЮАР.
И тот, кто нанимается
Простым карабинером,
Обратно возвращается
Почти миллионером.
Любителям эротики
Любого поколения —
Стриптизы и наркотики —
До белого каления.
Уют пивных подвальчиков
И девочки при деле:
Туземки белых мальчиков
Не держат в черном теле...»

Афанасьев умеет читать выразительно, но все-таки это не стихи, а песня, Иван Георгиевич пытается ее напеть, но до Кондрашова ему далеко.

Нынче корабельные барды не новость, в основном это подражатели Высоцкому и Окуджаве. Однако старшина второй статьи Валерий Кондрашов выделяется ярко выраженной индивидуальностью. Если по поводу его композиторских способностей суждения несколько противоречивы, то поэтический дар признается единодушно. Многие матросы переписывают его стихи в заветные тетрадочки, заучивают наизусть, пересылают знакомым. Виктор Волжанин увез с собой для публикации в газете подборку стихов Кондрашова.

Когда Афанасьев закончил свою полудекламацию-полупение, кто-то разочарованно заметил:

— Актуально, конечно, но для Кондрашова это не взлет. У него есть более душевные вещи.

Заговорили о душевности.

— По-моему, слово «душа» произошло от слова «душ»,— попытался вернуть всех к материальной действительности Самохвалов.

— Возможно, — согласился Геннадий Петров. — Однако эта пылища и в самое душу набивается.

— Это потому, что у вас, Геннадий Васильевич, душа не на месте, — начал цеплять Петрова Самохвалов.

С тех пор как ушел Калистратов, только их поединки и поддерживали накал прежних споров. Сейчас Самохвалов явно намекал на вчерашний эпизод с затоплением каюты Петрова. Прежний ее приборщик уволился в запас, а назначенный вместо него молодой матрос допустил оплошность. Когда он стал прибираться в каюте, воды в резервном бачке над умывальником не оказалось и, как назло, в это время перекрыли магистраль. Открутив вентиль, матрос сделал сухую приборку и, бросив тряпку в раковину, в ожидании, пока подадут воду, стал разгадывать кроссворд в лежавшем на столе у Петрова журнале «Наука и жизнь». А кроссворды, помещаемые в этом журнале, требуют довольно высокой эрудиции, и матроса ее не хватило, и он пошел консультироваться в соседнюю. Там тоже увлеклись кроссвордом. Но в это время в магистраль подали воду, оставленная приборщиком тряпка забила сток, и вода полилась через край переполненной раковины. Когда матрос вернулся в каюту Петрова, по ней уже плавали ботинки, тапочки и даже знаменитый петровский «дипломат» с цифровым наборным замком.

Если учесть, что Петров был командиром дивизиона живучести, то этот в общем-то не оригинальный эпизод приобретал весьма курьезный характер, и душа Геннадия Петрова действительно была не на месте, чем и не премпнул воспользоваться Самохвалов. И сейчас все с интересом ожидали, что скажет Петров. А он пока медлил. Это промедление было равносильно капитуляции, во всяком случае, кают-компания была уже готова засчитать Петрову поражение, но тут он нашелся:

— «Душа обязана трудиться». Где бы она ни располагалась. Хуже, если она вытечет в пятки, как говорил наш Василий Григорьевич Калистратов.

Внимание всех присутствующих тотчас же переключилось на бывшего старпома.

— Интересно, как он там?

— Может, составит нам компанию здесь, в Средиземном?

— Так ведь его корабль только что сполз со стапеля, еще и заводских испытаний не прошел.

— Да, братцы, такого старпома нам больше уже не видывать.

Об Авдееве деликатно умалчивали.

Но он сам напомнил о себе чуть искаженным, но вполне узнаваемым голосом в динамике боевой трансляции:

— Командира корабля просят подняться в ходовой пост!

Гвоздев, бросив на стол салфетку, вскочил и кинулся к трапу. Вслед за ним, не закончив чаепития, поднялись и остальные офицеры. Хотя после вахты им полагалось отдыхать, все они направились на свои командные пункты, понимая, что просто так командира корабля на мостик не вызывают, и теряясь в догадках: что бы это значило?

2

А значило это вот что.

Через двадцать восемь минут после того, как капитан-лейтенант Авдеев вступил в командование кораблем, а Гвоздев спустился к себе в каюту, радиометристы обнаружили летящий со стороны африканского берега вертолет. Вскоре его увидели и сигнальщики. Вертолет без опознавательных знаков явно направлялся к итальянскому фрегату, и Авдеев не стал объявлять тревогу — эти бесконечные тревоги по более серьезным поводам и без того вконец измотали личный состав, а тут всего-навсего легкий спортивный вертолетик, ведомый лишь одним пилотом, — какую опасность может он представлять для большого противолодочного корабля? На всякий случай объявив готовность номер один только ракетно-зенитному дивизиону, Авдеев, не выпуская из виду и вертолета, стал почаще контролировать и работу гидроакустиков, не исключая, что вертолет может быть послан специально для того, чтобы отвлечь внимание от бродившей где-то неподалеку подводной лодки.

Покрутившись над итальянским фрегатом минут семь-восемь, вертолет направился было к берегу, но по пути неожиданно подвернул к «Стремительному» и, сбросив что-то на его палубу, начал поспешно удаляться на малой высоте, почти касаясь стрекозиным брюхом поверхности воды.

На баке «Стремительного» возле шпиля лежал узкий и длинный, похожий на гроб контейнер. Пластмассовая оболочка его при падении на палубу в нескольких местах лопнула, но сквозь трещины издали невозможно было разгля-

...дать, что в нем находится, а близко подходить к контейнеру Авдеев никому не разрешил. Более того, он приказал всем покинуть носовой кубрик, задраить все водонепроницаемые переборки, люки и горловины и вызвал в ходовой пост командира корабля.

Гвоздев, одобрив принятые старпомом меры предосторожности, думал: что же делать с этим контейнером? Прежде всего послать на бак двух-трех матросов и спихнуть его за борт. Ну а если вдруг в контейнере окажется мина замедленного действия? Она может взорваться в любой момент.

Вениамин Александрович вызвал в ходовой пост командира минно-торпедной боевой части капитана третьего ранга Белоглазова и предостерег его:

— Вертолет был без опознавательных знаков, стало быть, официальный протест заявить будет некому. А он мог сбросить все что угодно. В том числе и мину.

— Если бы там была мина замедленного действия, — рассудил Белоглазов, — она бы уже взорвалась. Устанавливать часовой механизм на более длительный срок они бы не стали, допуская, что мы ее можем сразу спихнуть за борт.

— Логично, — согласился Гвоздев.

— Так что я пойду погляжу, что там.

— И все-таки это рискованно.

— Но что-то же надо делать? Так кому же, как не мне, специалисту?

— Тоже логично, однако я не могу вам приказать.

— А приказывать и не надо, я прошу лишь разрешить приступить к осмотру.

Вениамин Александрович еще колебался, когда из-за спины Белоглазова вывернулся лейтенант Гребенюк:

— Товарищ командир, разрешите мне пойти!

— Почему это именно вам? — недовольно спросил Белоглазов.

— Во-первых, потому что эта штука лежит в расположении моего заведования и я первый должен отреагировать. Во-вторых, я тоже специалист, хотя и менее опытный, чем вы, но достаточно знающий, чтобы разобраться, что к чему. В-третьих, — уже тихо добавил Гребенюк, — мне это просто важнее, чем вам. Почему — вы знаете.

«Пожалуй, он прав, — согласился было Гвоздев, но тут же подумал: — А если все-таки с ним что случится? Поскольку я хотел списать его с корабля, то кто-то ведь мо-

жет и подумать, будто я намеренно посылаю именно его. Нет, я не могу ему разрешить».

— В таком случае я без разрешения пойду! — Гребенюк уже сунулся было к трапу, но его удержал за руку капитан-лейтенант Авдеев:

— Не горячитесь.

— Хорошо, — наконец решился Гвоздев, — я вам разрешаю пойти.

— Однако спешить не будем, береженого, как говорится, и бог бережет. — Старпом, вынув из зажимов микрофон, объявил: — Старшего лейтенанта Коновалова прошу срочно подняться в ходовой пост!

Коновалов развернул медпункт в ближайшей носовой надстройке.

Но помощь медиков не понадобилась.

Чтобы удобнее было работать, лейтенант Гребенюк сменил форму на тренировочный костюм и кеды, на всякий случай ему следовало бы надеть и шерстяную шапочку. Гвоздев собрался было сказать ему об этом, но лейтенант уже подошел к контейнеру — удалять его было поздно. «Да и зачем эти предосторожности, если даже при ударе о палубу контейнер не взорвется, лишь лопнула его пластмассовая оболочка?»

Гребенюк отдирал ее [illegible] достаточно осторожно и, оставив снятую с «гробика» крышку чуть в стороне, начал неспешно извлекать содержимое контейнера. Пока это были бумажные пачки, крестом перевязанные тонкой бечевкой. Чтобы лучше видеть, что это такое, Гвоздев вооружился биноклем, и его двенадцатикратное увеличение позволило даже прочесть набранный жирным шрифтом заголовок лежащего сверху листа: «К русским морякам».

«Стало быть, листовки, — догадался Вениамин Александрович. — Ну, это не слишком большая новость. По что под ними?»

Наверное, это тревожило и Гребенюка, он достаточно осторожно извлекал и другие пачки, надписи на которых Гвоздев не сумел прочесть, и вдруг, чуть приподняв над палубой опустевший контейнер, дал ему такого пенделя, что тот, подхваченный ветром, отлетел метров на двадцать от борта. Все наблюдавшие за лейтенантом ожидали, когда контейнер наполнится водой и притонет, а Гребенюк хохотал. Подскочивший к нему старший лейтенант медицинской службы Коновалов, решив, что с Гребенюком приключился нервный припадок, пристально глядел ему в зрачки, но никаких отклонений от нормы в них не обнаружил.

— Нет, вы только посмотрите, что там! — Лейтенант указал медику на аккуратно разложенные на палубе пачки. Коновалов посмотрел и тоже расхохотался. Гвоздев всерьез обеспокоился. А вдруг эти пачки чем-то пропитаны? И, пользуясь испытанным матросским способом, подогнув ноги, чтобы не цепляться ими за ступеньки трапа, обжигая ладони об отполированные до зеркального блеска поручни, съехал вниз и бросился к Гребенюку и Коновалову, чтобы побыстрее оттащить их от опасного места.

— Что с вами? — встревоженно спросил Гвоздев, хватая за плечо первого подвернувшегося ему под руку Коновалова и заглядывая ему в глаза.

— Нет, вы только посмотрите, что там! — снова повторил Коновалов.

Вениамин Александрович присел на корточки и стал разглядывать эти пачки. Сверху лежала листовка с жирно набранным заголовком обращения: «К русским морякам», прочитанным Гвоздевым еще в бинокль. Теперь он прочитал и само обращение. У тех, кто его составлял, видимо, не оказалось под рукой хорошего переводчика, и текст был настолько переполнен грамматическими и синтаксическими ошибками, что смысл его трудно было понять с первого чтения. Но, перечитав листовку во второй раз, Вениамин Александрович все-таки добрался и до смысла. А состоял он вот в чем: учитывая близость берега и готовность проходящих или «находящихся»—так было написано—поблизости кораблей и судов, матросы могут «неразличимо для других (надо полагать, незаметно) асигновать (наверное, сигануть) за борт в удобном для такой операции координате, вблизи побережья или плывущих неподалеку друзьев, жаждущих доставить их скоро до обетованных берегов истинной свободы».

Вениамин Александрович бегло обозрел и другие «подарки с небес». Ничего нового небеса не предлагали. Помимо листовок здесь еще было несколько пачек с брошюрами, блоки с сигаретами и жевательной резинкой и четыре колоды карт, на которых вместо обычных шестерок, семерок, королей и тузов были лишь фотографии голых валетов и дам.

Все это перенесли в каюту замполита, Афанасьев со свойственной ему пунктуальностью составил опись упавшего с неба «имущества», потом в присутствии комиссии из трех человек его по акту сожгли на корме в обрезе для окурков.

Хотя Афанасьев лично присутствовал до конца этой акции, ни он, ни другие члены комиссии не заметили, как один из матросов ухитрился-таки стянуть и сунуть в карман колоду карт.

3

Обнаружилось это лишь через несколько дней. Лейтенант Гребенюк, спускаясь в кубрик, услышал долосящийся оттуда гомерический хохот. Полагая, что опять кто-то из молодых матросов клюнул на очередную флотскую «покупку», он настроился было пресечь эти в общем-то безобидные розыгрыши, но едва его ноги показались в люке, как дневальный предупредил:

— Полундра!

Гребенюк успел заметить, как сгрудившиеся в дальнем углу кубрика матросы прыснули в разные стороны и каждый сразу нашел себе какое-нибудь занятие: один полез зачем-то в рундук, другой уткнулся в книгу, трое стали перемешивать рассыпанные на столе костяшки домино.

Как и полагается, дневальный подал команду и невинным тоном доложил:

— Личный состав занимается по распорядку дня.

По распорядку дня сейчас был перерыв между тренировками на боевых постах, каждый свободный от вахт волен был заняться чем ему вздумается. Но что-то настораживало в той поспешности, с которой они разбежались из дальнего угла кубрика. И лейтенант Гребенюк прошел в этот угол и обнаружил на палубе оброненную кем-то впопыхах карту. Он сразу понял, в чем дело, и приказал всем находящимся в кубрике построиться. Показав карту, спросил:

— Где остальные?

Матросы молчали. Одни недоуменно пожимали плечами, делая вид, что не понимают, о чем идет речь, другие опускали глаза, третьи отводили их в сторону.

— Ну вот что, шустрики, — невольно подражая Калистратову, сказал Гребенюк, — я зайду через десять минут, чтобы к этому времени вся колода лежала на столе. Дневальный! Никого не выпускать и не впускать в кубрик! — И лейтенант стал подниматься по трапу. Поднимался он нарочно медленно, ожидая, что сейчас его окликнут и все выяснится. Но его не окликнули, и, выйдя на верхнюю палубу и жадно глотая табачный дым, Гребенюк с горечью подумал о том, что ему так и не удалось заслужить доверие подчиненных.

Однако когда через десять минут он вернулся в кубрик, вся колода лежала на столе.

— Кто принес ее сюда? — спросил лейтенант.

Но матросы молчали, опять опуская взгляды или отводя их в сторону.

— Ну хорошо, пусть он признается сам. В течение часа я жду его у себя в каюте, — сказал Гребенюк и направился к трапу. На этот раз он не медлил, а взлетел наверх в одно мгновение.

Сидя в своей каюте, он горестно размышлял о том, что свалившаяся на него полоса неудач не прошла. Удачная атака подводной лодки вселила было надежду, что он вернет подразделению былую славу. О возрождении своей он уже и не мечтал. Теперь, если он даже и заслужит похвалу, вряд ли будут торопиться ее высказать. А если сейчас никто не придет и не признается, вывод напрашивается один: в подразделении процветает круговая порука, значит, воспитательная работа поставлена из рук вон плохо.

Виновник появился через двадцать семь минут. К удивлению Гребенюка, им оказался вовсе и не его подчиненный, а молодой матрос Трошкин из боцманской команды.

— Это я стащил колоду карт, — признался он.

— А как она попала в наш кубрик?

— Я дал ребятам посмотреть.

— Кому именно дали?

— А вот этого, товарищ лейтенант, я вам никогда не скажу. Я бы и так не признался, да ваши же ребята меня и заставили. Но больше я ничего не скажу, хоть режьте меня, хоть ешьте.

— Что-то у меня аппетита нет, — нахмурившись, сказал Гребенюк и отпустил матроса.

Ничего больше не мог вытянуть из Трошкина и замполит.

С Гвоздевым матрос был более откровенным.

— Просто любопытно было посмотреть, что это такое.

— Ну и как?

— Ничего особенного, — без всякого смущения признался матрос.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Трошкин только матросом был пока что неопытным, а в жизни уже повидал кое-что, во всяком случае, рано узнал — папа с мамой нашли его не в капусте. Он был единственным сыном, и родители ни в чем не отказывали ему. Когда они решили сменить совсем еще новый «Москвич» на более престижные «Жигули», то продавать «Москвич» не стали, а переписали

сто на любимое чадо. Ну и магнитофон ему купили, естественно японский...

Рассказывая обо всем этом, Трошкин не только не смущался, но даже слегка бахвалился и не скрывал своих убеждений. А убеждения его в общем-то сводились к одному: живи, пока живется, бери, что попадется.

— Как же вас в комсомол-то приняли с таким мировоззрением? — удивился Гвоздев.

— А у нас всех принимали в девятом классе. Даже уговаривали.

Вениамин Александрович вспомнил, как ему самому едва не отказали в приеме только потому, что он не записался в школьный хор, и грустно усмехнулся. Когда ему было петь в хоре, если каждый день он вставал в половине шестого утра и за двенадцать километров добирался до школы, а после уроков опять столько же километров шел до дома.

Отпустив Трошкина, Вениамин Александрович долго сидел в глубокой задумчивости. «Кажется, еще Короленко говорил, что сейчас мировоззрение не вырабатывают в себе, а выбирают. Он полагал, что развитие цивилизации ставит его, говоря по-нынешнему, в поток. Жизненные позиции порой примеривают, как [illegible] с чужого плеча, а теперь заботятся лишь о том, чтобы [illegible] был понестрее...»

Мировоззрение самого [illegible]ова вырабатывалось исподволь, сама жизнь подсказывала ему верные решения. Случались, конечно, говоря языком артиллеристов, и недолеты, и перелеты, были и сомнения, и ошибки. Наверное, это и неизбежно. Однако он все-таки накрыл цель, оставив в душе только то, что для него несомненно, в чем он глубоко убежден.

«А Трошкин убежден лишь в том, что ему все можно, что у него есть только права и нет никаких обязанностей. Интересно, как он служит?»

Главный боцман мичман Протасов не сразу даже понял, о ком идет речь.

— А, молодой-то? — наконец вспомнил он. — Пока трудно сказать, что он за человек. Работает, как все, ничем особым не выделяется.

— Вот то-то и плохо, что мы начинаем присматриваться к человеку только тогда, когда он что-нибудь натворит.

— А разве Трошкин чего-нибудь натворил? — осторожно поинтересовался мичман и пообещал: — Я разберусь и доложу.

— Поздно уже, боцман. По хвостам бьем.

— Да что случилось-то? — только теперь и встревожился Протасов.

Однако, узнав, в чем дело, облегченно вздохнул:

— Мальчишки еще, вот и шалят. Но если его наказывать за кражу карт, то уж больно большое пятно ляжет на всю боцманскую команду.

— Не надо наказывать. Надо воспитывать.

— Их воспитаешь! Они нынче все больно грамотные стали. Ты ему — слово, а он тебе — десять. А чуть приструни — и пожаловаться может, а то еще и в газету напишет.

— Конечно, куда проще было в старом флоте, — усмехнулся Гвоздев. — Вытянут, бывало, матроса линьком по задвице, он сразу послушным становится.

— Да я же не о рукоприкладстве говорю, товарищ командир, а о том, что хотя матросы и грамотнее пошли, а что-то их грамотность на дисциплине не особенно сказывается. Наоборот, трудее стало работать.

— Согласен. Но труднее не потому, что матросы стали образованнее. Для того чтобы нас с вами уважали как командиров, мало одной только требовательности. Можно и нужно заставить матроса подчиняться, но нельзя в приказном порядке заставить его уважать нас, а тем более любить. Чтобы заслужить их уважение и доверие, мы сами должны быть более подготовленными...

Мичман Протасов расценил это как прямой намек на его лишь семилетнее образование и обиженно сказал:

— Мне уже поздно их догонять. А если не справляюсь, так прямо и скажите, я хоть сегодня подам рапорт.

Как специалист боцман с делом справлялся хорошо. Но одного знания специальности сегодня было маловато, и Гвоздев подумал: «А может, и верно пора ему уходить?» Но вслух примирительно сказал:

— Ладно, Степан Петрович, не горячитесь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I

Шторм бушевал более двух недель. Все это время «Стремительный» провел на ходу, его изрядно потрепало, да и люди уже выбивались из сил. И когда шторм начал утихать, Гвоздев решил произвести осмотр корабля, а заодно и дать морякам немножко отдохнуть. Он подошел с подветренной

стороны к одному из многочисленных здесь островков и приказал становиться на якорь. Но грунт тут оказался плохой — сплошное каменное плато, якорю не за что было зацепиться, и его с полчаса волочили по дну. Наконец якорь забрал, хотя и чуть в стороне от того места, где наметил Гвоздев. Остров лишь частично прикрывал якорную стоянку от ветра, и пришлось ждать, пока шторм окончательно уляжется.

Островок был тектонического происхождения, возник сравнительно недавно и напоминал огромный валун, отполированный морем чуть ли не до зеркального блеска, на его скалистых берегах не видно было ни кустика, ни травинки. Тем не менее высыпавшие на верхнюю палубу матросы не отрывали от него глаз и тихо переговаривались:

— Хотя и голый, а все-таки суша.

— Интересно, когда-нибудь на нем хоть что-то вырастет?

— Вряд ли, ведь там ни земли, ни воды нет.

— Дали бы нам здесь хоть такой островок, мы бы и до воды докопались, а уж земли в карманах натаскали б...

— А ты возьми да и сейчас начни таскать.

— И начал бы, только ведь остров-то не наш, а я не агрессор...

— А ты купи его. Говорят, вон Аляску царь совсем за бесценок загнал американцам.

— А может, скинемся?

— Не продадут...

Прислушиваясь к этим разговорам, Гвоздев и сам подумал, что неплохо бы нам иметь здесь хотя бы такой островок, земли-то мы бы действительно и в карманах натаскали. За эти несколько месяцев плавания море уже настолько осточертело, что сейчас и голые скалы казались землей обетованной.

Но матрос был прав: мы не агрессоры...

Близость берега настраивала всех на лирический лад, и уже то один, то другой матрос как бы невзначай спрашивал у офицеров:

— Домой-то скоро пойдем?

Те в ответ лишь пожимали плечами, они и сами не знали, когда корабль должен вернуться в свою базу. Однако Гвоздев знал, что скоро должен прийти корабль Калистратова и тогда, может быть, их вернут домой. Корабль Калистратова уже заканчивает государственные испытания. «А если госкомиссия обнаружит столько недоделок, что их и за полгода не устранишь?» — вдруг усомнился Вениамин Александрович.

К счастью, сомнения его оказались напрасными, Калистратов вышел из базы вовремя, и едва корабль показался на горизонте, как на «Стремительном» началось незримое ликование.

Но, как оказалось, и втихую ликовали преждевременно.

Первым из экипажа узнал об этом главный боцман мичман Протасов, когда с прибывшего корабля барказ доставил на «Стремительный» шесть бочек шаровой краски и две бочки сурика.

— Зачем они мне? — удивился Протасов. — Этого добра у меня у самого завались.

Что верно, то верно, Протасов всегда держал в форпике чуть ли не двойной запас хозяйственного имущества. Гвоздев иногда поругивал его за жадность, после этого боцман оставлял в форпике лишь положенное по нормам имущество, остальное рассовывал по различным кладовкам, полагая, что запас все-таки карман не дерет. А эти доставленные на барказе восемь бочек некуда девать.

— Не возьму, — решительно заявил он сейчас.

— Что же мне, обратно тащить эти бочки? — возмутился старшина барказа.

— Это твое дело. Хочешь — тащи обратно, а хочешь — выбрасывай за борт, — отмахнулся было Протасов.

Но старшина, подманив боцмана пальцем, шепнул ему на ухо:

— Кажется, вы пойдете с визитом дружбы во Францию, придется красить корабль от киля до клотика, так что твоих запачек может и не хватить. Только учти, что я тебе ничего не говорил.

— Понятно, — ответил боцман и приказал выгружать бочки.

Когда их установили на палубе и крепко принайтовали, Протасов с таинственным видом направился в каюту помощника командира корабля, чтобы сообщить ему столь ошеломительную новость. Но тот уже все знал.

— Готовьте корабль к покраске, — сказал он. — Сделать ее надо быстро, но так, чтобы не оскандалиться перед французами.

Вскоре на катере подошел и прибывший с Калистратовым командир соединения контр-адмирал Еремеев — он должен возглавить отправляющийся во Францию отряд кораблей.

А лейтенант Самохвалов уже прокладывал курс на Тулон. Контр-адмирал Еремеев внимательно присматривался к его работе. Обычно молодые офицеры не отличаются особой прилежностью и аккуратностью, им больше свойственны нетерпеливость и горячность. Еремеев вспомнил даже, как именно из-за этой нетерпеливой поспешности допустил свою первую штурманскую ошибку, причем настолько элементарную, вошедшую даже в перечень наиболее распространенных ошибок молодых штурманов и вахтенных офицеров, что и сам поразился.

При переходе на новую карту он как-то не обратил внимания, что у нее другой масштаб, и замерил циркулем пройденный путь по сетке, обозначенной на прежней карте. Естественно, командир удивился, обнаружив, что за час они прошли расстояние, немыслимое для их довольно-таки старенького, работавшего на угле тральщика-шестисоттонника.

— Что-то слишком уж разрезвился наш старикашка, — заметил командир, глядя на карту и озабоченно почесывая затылок. — Может, у него появилось второе дыхание? Но, насколько я помню, даже в [illegible] своей туманной юности он не бегал так шустро... — И отошел, чтобы дать возможность молодому штурману самому разобраться в своей ошибке. Еремеев стал искать [illegible] неточности показаний приборов, а она лежала у него, как говорится, под носом, в масштабной сетке, отпечатанной на полях ходовой карты. И отвлекать его от собственного носа особенно и нечему было. Ну, что тогда имелось в хозяйстве штурмана? Магнитный компас, парочка пеленгаторов, гирокомпас, эхолот, лаг, секстан, карты, транспортир, параллельная линейка... А теперь вон целые навигационные системы. Ах, как хороша, например, спутниковая навигационная система, но ведь уязвима, черт ее подери! Взлетит какой-нибудь очередной «Шатл» *, сунет в карман два-три навигационных спутника — и привет!

Так что рано отказываться и от старых приборов, и от давно испытанных и более надежных способов определения места корабля в море. И тут многое зависит от морской культуры штурмана. И пожалуй, наипервейшим показателем этой культуры для штурмана является аккуратность.

Несмотря на молодость, Самохвалов, кажется, успел выработать в себе это качество. У него и резинки мокнут в стаканчике со спиртом, чтобы мягче стали; и кусочек замши

---

* «Шатл» — серия американских космических кораблей многоразового использования.

приготовлен, чтобы смахивать карандашные стружки; и карандаши заточены по-разному: лопаточкой — для записи в навигационном журнале, а волосинкой — для ходовой карты; и треугольнички навигационных определений и кружочки астрономических обсерваций нанесены с неуловимым изяществом, заметным только опытному глазу.

Помимо того что Еремееву хотелось убедиться, не ошиблись ли они с назначением Самохвалова командиром штурманской боевой части, была и еще одна причина, по которой командир соединения особенно интересовался работой штурмана. Сам он решил пойти на «Стремительном» во главе отряда, и хотя штурманы других кораблей тоже обязаны вести прокладку курса, как и при одиночном плавании, по ним иногда мешает чисто психологический фактор: хотят они или не хотят этого, а все-таки больше полагаются на штурмана головного корабля.

Все надо рассчитать так, чтобы появиться в Тулоне точно в назначенное время — ни минутой раньше, ни минутой позже. И успеть закончить покраску «Стремительного». Еремеев не без основания настаивал, чтобы «Стремительный» не посылать во Францию, гораздо проще и надежнее было бы послать еще один новый корабль из дома. Но командующий не согласился, должно быть, участием в визите он хотел поощрить Гвоздева и его экипаж.

Ну а вдруг пойдет дождь и краска будет испорчена? Тогда весь так тщательно продуманный график похода полетит к черту.

2

Однако погода установилась ясная, корабль покрасили даже раньше срока, и главный боцман с помощником командира корабля на катере трижды обошли вокруг «Стремительного», придирчиво оглядывая корпус и надстройки, опасаясь, не взял ли кто по неопытности краски погуще и не пустил ли где «коровий язык». Но опасения оказались напрасными, матросы поработали на совесть.

Точно в назначенное время корабли стали сниматься с якорей. Первым выбрал якорь Калистратов и, отойдя чуть в сторону, лег в дрейф, ожидая, когда снимется «Стремительный». Все еще испытывая привязанность к прежнему своему экипажу, Василий Григорьевич внимательно наблюдал за его действиями. Пока все шло нормально, боцманы действовали без суеты и уверенно. Вот включили шпиль, и он начал наматывать на барабан якорь-цепь, тотчас открыли

брандспойты, их сильные струи, как мечи, скрестились на выползающих из моря звеньях цепи, брызги разлетались, как искры, корабль медленно начал подтягиваться к точке, где залег якорь, и вскоре встал на папер — якорь-цепь расположилась перпендикулярно поверхности воды.

Но дальше дело застопорилось. Сколь ни надрывался шпиль, а больше ни одного звена цепи вытащить из воды не мог, лишь нос корабля пригибался к поверхности, будто кивал кому-то. «Должно быть, лапы якоря зацепились за скалу, надо попробовать вытянуть его с другой стороны», — подумал Калистратов.

Точно подслушав его мысли, Гвоздев вытравил якорь-цепь чуть ли не до самого жвака-галса * и на малом ходу зашел с противоположной стороны. Опять заработал шпиль, начал выбирать цепь, вот корабль снова вышел на папер, но дальше цепь не выбиралась. Потом заходили и справа и слева, но так же безрезультатно. Похоже, что якорь попал в глубокую щель каменистого грунта или в подводный каньон, и усилий одного шпиля не хватало, чтобы выдернуть его оттуда.

Калистратов еще не успел и подумать о том, что неплохо было бы подключить и второй шпиль, как увидел, что за борт «Стремительного» вывалили барказ, в него стравили якорь-цепь с кормового шпиля и потянули к посу.

И вот уже и носовой и кормовой шпили пытаются вытянуть якорь, но он не поддается. Теперь корабль уже не кивает носом, а валится на борт, и видно, как дрожит от напряжения палуба. Правда, оба шпиля работают пока не с полной нагрузкой, видимо, Гвоздев опасается оборвать цепь. Но что еще можно предпринять? Расклепать цепь и все равно оставить якорь на грунте? Так не лучше ли рискнуть и все-таки включить шпили на полную мощность?

Похоже, Гвоздев принял именно такое решение. Находившихся на верхней палубе людей словно ветром сдуло — с такой быстротой укрылись они в надстройках. И вот уже оба шпиля заработали с максимальной нагрузкой, корабль крепится все больше и больше и вдруг выпрямляется, будто кто-то огромный и невидимый могучей рукой ставит его на ровный киль. В воздухе черной коброй мелькает обрывок якоря-цепи.

К счастью, на палубу он не угодил, и лишь чиркнул по скуле форштевня, оставив на ней неглубокую вмятину и ободрав краску.

* Жвака-галс — приспособление, которым крепится последнее звено якоря-цепи в цепном ящике.

Главный боцман мичман Протасов уже распорядился спустить за борт беседку, дабы лично осмотреть этот шрам и решить, как его лучше закрасить, чтобы он не бросался в глаза, но тут Протасова вызвали на мостик. Когда мичман поднялся туда и доложил, поначалу на него никто не обратил внимания. Командир, старпом, помощник и вахтенный офицер понуро стояли возле сидевшего в кресле на правом крыле мостика контр-адмирала Еремеева и слушали его рассуждения:

— Если тащить новый якорь из базы, мы опоздаем в Тулон по меньшей мере на двое суток. Можно, конечно, попросить отложить визит, но ведь и у французов все уже расписано по минутам. Даже если они согласятся отложить, как мы будем выглядеть?

Все дружно кивнули, соглашаясь с тем, что выглядеть они будут плохо.

— С другой стороны, — продолжал адмирал, — как же мы будем выглядеть, если придем без якоря, а из клюза, как сопля, будет торчать обрывок якоря-цепи? — и досадливо воскликнул: — И надо же было случиться этому именно в такой момент!

Должно быть, Гвоздев расценил это восклицание как упрек и спросил:

— А что мне оставалось делать?

Еремеев, окинув его быстрым взглядом, примирительно сказал:

— Я вас, Вениамин Александрович, и не обвиняю. Не с вами первым это случилось, наверное, и не с последним. Такой уж тут коварный грунт. Но почему именно сейчас это должно было случиться?

И тут мичман Протасов отважился:

— Разрешите спросить, товарищ контр-адмирал?

Еремеев удивленно посмотрел на него, оберпулись и остальные, должно быть, его только сейчас и заметили.

— Спрашивайте, — разрешил адмирал.

— Мы в Тулоне на рейде будем на якоре стоять или ошвартуемся у причала?

— Будем швартоваться.

— Тогда у меня есть предложение.

— Ну-ка? — заинтересовался Еремеев.

— Поскольку якорь нам по прямому его назначению не понадобится, то для виду мы такой же можем сделать из дерева. Покрашу кузбасс-лаком, и никто не отличит от настоящего. Не станут же его щупать? А если «Стремитель-

ный» поставить к причалу вторым бортом, то до него при всем желании никто не дотянется.

— А что? Пожалуй, это единственный выход из положения, — согласился контр-адмирал Еремеев. — Сколько времени вам на это понадобится?

— Пока топаем до Франции, я и не один якорь могу сварганить.

Вот когда пригодились заначки мичмана Протасова! Нашлись и брусья, и фанера, и болты, и гвозди, а в экипаже оказалось двое плотников, один из них был даже краснодеревщиком.

На следующее утро, осмотрев отливающий металлом, покрытый кузбасс-лаком деревянный якорь и убедившись, что даже он не смог бы отличить его от настоящего, контр-адмирал Еремеев сказал Гвоздеву:

— Молодец ваш боцман! Недаром говорят, что старый конь борозды не испортит.

— Но и глубоко не вспашет, — заметил Вениамин Александрович, вспомнив недавний разговор с боцманом о матросе Трошкине.

Адмирал удивленно посмотрел на Гвоздева, но опровергать его не стал: в конце концов командиру корабля виднее, хорошо ли «пашет» его главный боцман.

3

Помимо хлопот с якорем навалилась еще одна непредвиденная забота. Поскольку на корабле до появления Девяткина долго не было помощника по снабжению, то нескольким матросам и старшинам, у которых истек срок носки так называемой формы первого срока, то есть выходной, своевременно не успели заменить ее на новую. За срочной приемкой дел у Калистратова прежний помощник командира капитан-лейтенант Авдеев как-то упустил это из виду, а новый помощник не придал этому значения, полагая, что в море выходная форма просто не понадобится. Прибывший с крейсера в самый последний момент лейтенант Девяткин вообще оказался не в курсе дела.

Хотя командующий флотом и убрал его с крейсера почти с позором, но у лейтенанта Девяткина какое-то время еще сохранялась «крейсерская» амбиция. Даже своему однокашнику по тыловому училищу лейтенанту Бурковскому при всяком удобном случае он напоминал, что был начальник

ником службы не на каком-то стареньком БПК, а на новейшем ракетном крейсере.

Назначению Девяткина после выпуска из училища сразу на столь высокую должность немало содействовала его способность вовремя задавать такие вопросы старшим начальникам, на которые тем лестно было отвечать. Поэтому преподаватели нередко ставили ему оценки намного выше уровня его знаний. Клюнул на эту приманку и флотский кадровик, приняв юного лейтенанта за человека исключительно любознательного и деликатного, скромного и приятного собеседника.

Была у Девяткина еще одна странная особенность: если на корабле что-нибудь случалось, он каким-то образом узнавал об этом первым и неизменно утверждал: «Я же вам говорил!», хотя никто не помнил, чтобы он говорил об этом. Например, когда во время покраски сорвалась с талей вываленная за борт беседка, Девяткин немало озадачил главного боцмана мичмана Протасова, заявив:

— Я же вам говорил, что концы плохо закреплены.

Протасов долго скреб затылок, стараясь припомнить, когда лейтенант мог это говорить. За все эти дни боцман ни разу не видел его на верхней палубе. «Может, и впрямь старею? — грустно подумал Протасов. — Вот уж и память отшибать стало...»

В отместку боцман тоже подложил лейтенанту ежа под одно место. Когда во время шторма у нескольких матросов унесло за борт береты и Девяткин отказался выдать другие, хотя бы и старые, из списанных, Протасов при нем пожаловался помощнику командира:

— О каком порядке на верхней палубе может идти речь, если по ней матросы бродят простоволосыми, без головных уборов. Это под флагом-то! У нас тут не церковь, а все-таки боевой корабль!

Помощник командира, сделав лейтенанту Девяткину внушение, приказал выдать береты, но не потому, что корабль не церковь, а потому, что перед этим старший лейтенант медицинской службы Коновалов доложил, что у двоих матросов уже приключился тепловой удар. Оба матроса оказались родом из северных областей; дорвавшись до средиземноморского солнышка, решили запастись ультрафиолетовыми лучами впрок и вот перестарались.

После этого внушения Девяткин жаловался тому же Бурковскому:

— Как существовала раньше на флоте белая кость, так

она и теперь существует, а мы, интенданты, как были пессимистами, так ими и остаемся.

— Ну ты-то, положим, девятка, — пошутил было Бурковский.

Но Девяткин шутки не принял и продолжал жаловаться:

— О ком больше всего пишут фельетонов в газетах? Кто служит прототипами отрицательных героев книг? Мы, интенданты. А между тем именно мы и кормим, и одеваем, и обуваем десятки и сотни тысяч людей.

— Ладно, перестань скулить, — попытался остановить однокашника Бурковский.

Но Девяткин долго еще жаловался на свою судьбу. Наверное, он жаловался бы еще дольше, если бы его опять не вызвал помощник командира корабля и не приказал в течение суток выдать новую форму первого срока всем, кому положено ее сменить.

К счастью, новых брюк, форменок и воротничков-«гюйсов» в баталерке было вполне достаточно, чтобы обеспечить всех. Но тут возникла новая проблема. Рассчитывая на акселератов, прежний интендант запасся только большими размерами.

Многим форму надо было ушивать, подгонять и по росту и по фигуре, а на корабле оказался всего один профессиональный портной, да и тот лишь «пиджачник», а моряки, как известно, пиджаков не носят. Девяткин совсем было приуныл, но тут его неожиданно выручил замполит капитан третьего ранга Афанасьев.

Оказывается, его отец и мать были портными, надеялись, что и сын пойдет по их стопам, и с детства учили его своему ремеслу. Судьба распорядилась иначе, однако за всю свою жизнь Афанасьев ни разу не обращался ни в одно ателье, все шил себе сам и на многочисленные вопросы о том, где он нашел такого хорошего мастера, не отвечал, а лишь загадочно улыбался. И вот теперь все прояснилось.

Спустившись в корабельную швальню, Афанасьев сбросил куртку, надел фартук, накинул на шею желтый клеенчатый метр, сунул в зубы горсть булавок, взял в руки мелок, и у всех полезли глаза на лоб: казалось, перед ними предстал совсем другой человек. Действовал он привычно и быстро: очередной матрос еще не успевал захлопнуть в немом удивлении рот, как Афанасьев, обмерив его, огладив, кое-где черкнув по форменке мелком, кое-что подколов булавками, слегка подталкивал в спину и весело кричал за дверь:

— Следующий!

Но были у Афанасьева и куда более важные заботы. То, что увольнение на берег в Тулоне будет разрешено всем без исключения матросам и старшинам, не было для него новостью. Ежегодно тысячи советских моряков сходят на берег во многих странах и ведут себя с таким достоинством, что иногда диву даешься: иной матрос и служит ни шатко ни валко, и дисциплину порой нарушает, но в иностранном порту он чувствует себя представителем нашей страны, ощущает оказанное ему доверие, и гордится им, и понимает свою ответственность. Поэтому, куда бы ни заходили наши корабли, всюду в поведении советских моряков отмечали именно достоинство, высокую культуру и дружелюбие. Иван Георгиевич не сомневался, что моряки и на сей раз продемонстрируют эти качества.

Правда, главный боцман мичман Протасов обратился к нему с таким предложением:

— Может, Трошкина-то все-таки не пустим на берег? Мало ли что у него на уме...

После случая с колодой карт Афанасьев внимательно приглядывался к Трошкину, несколько раз беседовал с ним. Пришел к выводу: он просто шалопай, слишком избалован. Поразмыслив, Афанасьев махнул рукой:

— Да пусть посмотрит французов. Включайте в список увольняемых на берег.

— Ну, не знаю... — неуверенно протянул Протасов. — Однако, если он что-нибудь вытворит, не забудьте, что я вас предупреждал...

А корабли тем временем входят в Мессинский пролив, пролегающий между островом Сицилия и Апеннинским полуостровом, и Афанасьев рассказывает, что в 1912 году, когда город Мессина был разрушен страшным землетрясением, на помощь пострадавшим горожанам первыми пришли русские военные моряки. Они выкапывали из-под обломков обрушившихся зданий людей, развертывали лазареты и госпитали, снабжали население пресной водой, теплой одеждой и пищей.

Моряки внимательно слушали замполита, но нет-нет да и поглядывали в сторону Сицилии. Там размещены американские ракеты «Першинг»...

В проливе Бонифачо лейтенант Самохвалов проложил курс так, что те, кто был на одном борту «Стремительного», находились во французских территориальных водах, а те, кто на другом, — в итальянских. И свободные от вахт мо-

ряки перебегали с борта на борт — когда еще выпадет такая редкая возможность побывать в двух странах одновременно!

4

Корабли еще подходили к берегам Прованса, а марсельская газета «Лё пети варуа» сообщала:

«Визит советских кораблей квалифицируется как неофициальный, но, несмотря на это, его символическое значение ясно всем... Программа визита очень насыщена: посещение Тулона и его окрестностей, экскурсии в Брийьон, Сен-Тропез, Канн, Сен-Рафаэль, Ла-Сен, Ла-Сьота, хореографическое представление в тулонском муниципальном театре. Советские офицеры, старшины и матросы не заскучают. Но туристические турне для них не самое главное. Главным будет отношение к ним со стороны тулонцев. И естественные переживания советских моряков начнутся с того, что они узнают: одна из набережных порта, в котором они ошвартуются, [illegible] Сталинградской битвы... Что касается населения [illegible], то оно состоит как из коммунистов и симпати[illegible]им, так и из тех, кто не разделяет их взглядов. Но [illegible] менее выступает за политику братской договор[illegible] со всеми народами. Только сторонники «холодной во[illegible]ут грубо иронизировать по поводу того парадокса, что сегодня визит именно военных кораблей во французские воды является залогом мира. А мы уверены, что выразим чувства всего французского народа, и особенно жителей нашего департамента, говоря советским офицерам, старшинам и матросам: «Милости просим в Тулон! Добро пожаловать во Францию!»

Газета не ошиблась в своих предсказаниях, во всяком случае расчет насыщенности программы визита. Тем более что кое-что было и сверх программы. Например, однажды машину, в которой ехали Еремеев, Гвоздев и Калистратов, на полпути к очередному городу задержали полицейские. Не вдаваясь в объяснения, они предложили проехать в лежащий в стороне от маршрута городок Теуль, пообещав связаться с нашим посольством и сообщить о непредвиденной задержке.

Каково же было удивление наших офицеров, когда в мэрии Теуля они увидели роскошно сервированный стол и сам мэр города генерал в отставке господин Бертран по-русски приветствовал их и пригласил пообедать. Еремеев, ссылаясь на нехватку времени, начал было отказываться,

но Бертран шутливо заметил, что, пока они не пообедают, ни один полицейский пост их все равно не выпустит из города.

Оказалось, что Бертран еще в первую мировую войну сражался вместе с русскими против кайзеровской Германии.

— Тогда русские наградили меня вот этим орденом. — Мэр ткнул пальцем в орденскую планку на груди Еремеева и указал на ленточку ордена Красного Знамени.

— Но тогда таких орденов еще не было, — осторожно заметил Еремеев.

— Разве?—удивился Бертран и попросил принести свой орден.

Выяснилось, что награжден он был орденом Станислава, его лента оказалась действительно одинаковой с лентой ордена Красного Знамени.

Во время второй мировой войны гитлеровцы, оккупировав Париж, арестовали полковника Бертрана, однако ему удалось бежать, и он стал одним из видных организаторов французского Сопротивления. Его жена тоже участвовала в Сопротивлении, за что была награждена военным орденом и медалью. Гостеприимные хозяева долго не отпускали русских офицеров. Расстались они друзьями.

Тоже незапланированной была поездка на один из небольших островов, купленных неким господином Рикаром— королем какого-то необыкновенного сорта вина. Рикар сообщил, что сам Юрий Гагарин бывал на его острове, показал снимки, ну как тут было отказаться от посещения! К тому же Гвоздеву, вспомнившему разговор матросов о покупке острова, хотелось посмотреть, какие острова продают. Разумеется, он не собирался покупать у французов остров, но все-таки интересно было посмотреть.

А остров оказался не таким уж и маленьким. Помимо виноградников здесь уместился довольно большой зоопарк с экзотическими животными (тоже для рекламы), а рядом с винным заводом был и стеклодувный — бутылки для своего вина Рикар изготовлял сам.

Неизвестно, каких взглядов придерживался господин Рикар, но он тоже был весьма радушен. Позже выяснилось, что из этого посещения он извлек и немалую выгоду. За пяти-шестистрочные рекламные объявления в газете ему приходилось платить солидную сумму. А тут сразу все газеты напечатали отчеты о посещении русскими его острова! Дела у предприимчивого винодела после этого пошли куда лучше.

Бесчисленные поездки и встречи были хотя и утомительными, но впечатлений осталось много. И права была марсельская газета, утверждавшая, что главным будет отношение французов к русским. И оно было действительно дружелюбным.

У трапа возле вахтенного офицера все дни стояла нескончаемая очередь из желающих пригласить в гости кого-нибудь из русских моряков. И они ходили, и гости и хозяева остались не просто довольны, они вынесли из этих встреч твердое убеждение: наши народы могут и должны жить в дружбе. Матросы, делясь между собою впечатлениями, говорили:

— Хорошая нация эти французы, добрый и веселый народ.

Но едва снялись со швартовов, как настроением экипажа заметно начала управлять другая тема: скоро будем дома! И вот уже на юте кто-то, перешачив слова популярной песенки, под гитару напевает:

Хороша земля французская,
А Россия лучше всех!

5

Докладывая командующему флотом об итогах визита советских кораблей во Францию, контр-адмирал Еремеев вскользь упомянул и об изготовленном мичманом Протасовым деревянном якоре, полагая, что сей эпизод позабавит Малинина. Но командующий вдруг нахмурился, встал, подошел к окну и стал за чем-то пристально наблюдать. Еремеев через плечо командующего тоже глянул за окно, однако ничего примечательного там не увидел: на внешнем рейде не было ни одного корабля, лишь у самого входа в гавань стояли на якорях два тральщика, несущих брандвахту.

Похоже, проделка с деревянным якорем не понравилась Малинину, может, созерцание чего-то там, за окном, отвлекает его, поэтому лучше уж поскорее убраться, и Еремеев, кашлянув в кулак, тихо сообщил:

— У меня все, товарищ командующий. Разрешите идти?

— Да, пожалуйста, — не оборачиваясь, рассеянно разрешил Малинин.

И после того как Еремеев осторожно прикрыл за собой дверь, Александр Михайлович долго еще стоял у окна, не видя ни пустого рейда, ни тральщиков на брандвахте, но

замечая ни яркого солнечного дня, ни чистого неба, ни речной орущих чаек. Тяжелые воспоминания унесли его за тысячи миль отсюда, на многие годы назад.

Тогда он был старшим помощником на эскадренном миноносце. В Баренцевом море их трое суток трепал такой жестокий шторм, какого Малинину ни до, ни после этого не доводилось видеть. Высота волны достигала пятнадцати метров, под ее ударами корабль скрипел, кряхтел, стонал, как живой. С подволока и переборок осыпалась краска. Носовой флагшток и леерные ограждения на баке как ножом срезало. Но это было не так страшно. Куда опаснее были появившиеся на торпедной палубе, в районе мидель-шпангоута *, волдыри и вмятины. В войну здесь же, на Севере, был случай, когда корабль, оказавшись концами корпуса на гребнях соседних валов, провис и переломился надвое, причем носовая часть затонула сразу, а корму едва успели оттащить в базу. Правда, эсминец был уже послевоенной постройки, корабелы, строившие его, учли горький опыт, но эти появившиеся на торпедной палубе морщины свидетельствовали о нагрузках, близких к предельным. Осмотрели изнутри весь корпус — трещин пока не было, но в каждом отсеке пришлось установить дополнительные посты непрерывного наблюдения за корпусом.

На четвертый день шторм начал утихать, и командир, все эти трое суток не покидавший ходовой рубки, спустился в каюту немного передохнуть, оставив за себя Малинина. А минут через двадцать в рубку втиснулся главный боцман мичман Котомкин. С его шапки, оранжевого спасательного жилета и шинели ручьями стекала вода, мокрые усы обвисли.

Мичман Котомкин имел ну если не кличку, то прозвище: Краб. Сколько ни борются с этим на флоте, сколько ни доказывают, что прозвище унижает достоинство человека, а истребить это никак не могут. Наверное, потому, что завелось оно не на флоте и не флотом кончается. В любой деревне встретишь столько метких прозвищ, как будто и не люди их придумали, а человек так с этим прозвищем и родился. Чаще всего оно отражает какую-нибудь отрицательную черту характера.

По прозвищу Краб не имело никакого отношения к характеру мичмана Котомкина. Несмотря на свою «строгую»

---

* Мидель-шпангоут — линия пересечения поверхности корпуса вертикальной поперечной плоскостью, проходящей посередине длины судна.

должность, он был добр и, может быть, даже слишком мягок, в экипаже его любили. А прозвище прилипло к нему исключительно из-за способа его передвижения. Ходил он не грудью вперед, а чуть боком, слегка загребая кривоватыми ногами, и это действительно было очень похоже на передвижение краба.

— Товарищ капитан-лейтенант, — безуспешно стараясь вытянуться, доложил Котомкин, — волной дополнительный стопор якорь-цепи срубило.

— Час от часу не легче, — вздохнул Малинин и, протерев рукавом запотевшее ветровое стекло, посмотрел на бак. В это время корабль начал зарываться носом в волну, она покатилась по палубе, заливая ее выше фальшборта.

— Кто вам разрешил ходить туда? — строго спросил Малинин.

— Так ведь надо было. И потом, я же со страховкой ходил.

Малинин снова посмотрел на нос корабля. Он еще не вынырнул из волны, хотя и начал приподниматься, потому что прокатившийся по палубе вал придавил корму.

— Он хоть и дополнительный, а вовсе не лишний, — начал было пояснять боцман, но тут же понял, что Малинину это пояснять не надо, и сам знал, что теперь нагрузка на основной — и единственный — стопор возросла; если он не выдержит, то якорь улетит из клюза. — Надо бы временный тросовый стопор наложить, у меня и трос подходящий есть...

— Запрещаю работать наверху! — оборвал его Малинин и, выдернув из зажимов микрофон, повторил ранее отданную по боевой трансляции команду: — По верхней палубе не ходить!

Котомкин пожал плечами и бочком закосолапил к трапу, а Малинин приказал дежурному по низам выставить посты у всех дверей и люков, ведущих на верхнюю палубу, и никого туда не выпускать.

Шторм затихал медленно, к утру волна еще не улеглась, но на верхнюю палубу уже не заходила. Малинин приказал осмотреться в отсеках и доложить о состоянии заведований и готовности боевых постов. В это время в ходовую рубку поднялся и командир. Было начало августа, ночи в Заполярье еще короткие, командиру удалось поспать часа четыре. За трое суток это, конечно, мало, но он выглядел посвежевшим. Доклады командиров боевых частей и начальников служб о том, что все в порядке, окончательно взбодрили его, и он весело сказал Малинину:

— Иди и ты отдохни, Александр Михайлович.

Малинин медлил: еще не поступил доклад от главного боцмана, а как раз на верхней палубе шторм похозяйничал основательно. Похоже, боцману требуется дополнительное время, чтобы выяснить, что натворила волна. Подождав еще минут пять, Малинин потороиил по мегафону:

— Мичман Котомкин, не слышу вашего доклада!

Боцман не отозвался.

— Неужто проспал? — вслух удивился рулевой.

Малинин тут же отправил в каюту Котомкина рассыльного. Минуты через две тот вернулся и доложил, что в каюте боцмана нет. Объявили по всему кораблю:

— Мичману Котомкину срочно прибыть на мостик!

Боцман не прибыл. Уже предчувствуя недоброе, Малинин спустился на верхнюю палубу и сразу бросился на бак.

Волной срезало и основной стопор, якорь держался только на временном тросовом. Потом, разглядывая узлы на этом стопоре, старшина из боцманской команды убежденно скажет:

— Кроме Котомкина, никто не свяжет. Его почерк.

Этот же старшина и обнаружит на кнехте обрывок страховочного конца.

Пока командир связывался с базой и докладывал о случившемся, Малинин выяснил, где и когда вышел на верхнюю палубу Котомкин. Выходил он через кубрик боцманской команды. Дневальный, молодой матрос, не осмелился остановить своего непосредственного начальника, не обеспокоился и тем, что тот не вернулся, полагая, что к себе мичману ближе возвращаться через коридор офицерских кают. Не отметил матрос и точное время выхода боцмана, помнил лишь, что это было где-то в середине его вахты, значит, около двух часов. А может, чуть позже: вторая половина вахты всегда кажется длиннее. Это было уже кое-что, можно хотя бы приблизительно определить район, где мичмана унесло за борт.

Когда Малинин поднялся на мостик, корабль уже лег на обратный курс и увеличил ход до самого полного. Конечно, надежды отыскать боцмана живым не было никакой: в студеной воде Баренцева моря больше десяти минут человек не выдерживает.

Двое суток поисков ничего не дали, и командование приказало возвращаться в базу.

Едва корабль ошвартовался, на борту появились военные следователи, вслед за ними хлынули различные комиссии. Все шишки посыпались на голову командира. И

сколько Малинин ни доказывал, что командир тут ни при чем, что виноват он, старший помощник, все, будто сговорившись, повторяли: «Командир отвечает за все!» Повторил это и командующий флотом и добавил:

— Вас, разумеется, тоже накажем, хотя и менее строго. А командира придется отстранить от должности.

— Но ведь это несправедливо!

— А что прикажете делать? Человека же потеряли! Конечно, он сам виноват, что нарушил ваш приказ, но ведь с него-то теперь не спросишь! А кто-то же должен отвечать! И кто, как не командир? Он отвечает за все. Запомните это на всю дальнейшую службу. Впрочем, после такого чепе командирский мостик вам в ближайшие годы не светит.

— Да я же не за себя хлопочу. Наоборот, я хочу, чтобы наказали меня, а не командира.

— Я, кажется, все объяснил. Или повторить?

— В таком случае разрешите обратиться к главкому?

— Ну что же, пишите в Москву...

Но Малинин писать не стал, а взял отпуск и поехал в Москву сам. Главнокомандующим Военно-Морским Флотом был тогда Николай Герасимович Кузнецов, человек не только умный, но и чуткий, о его внимании к людям на флотах ходили легенды, именно на это внимание и рассчитывал Малинин.

Но попасть к главкому даже адмиралам не так просто, а уж старшему эсминца тем паче. Его пасовали из одного кабинета в другой, не допуская даже до заместителей. Наверное, он так бы ходил долго, если бы на одной из дверей не прочитал табличку со знакомой фамилией. Это была фамилия куратора, контр-адмирала, который уже побывал на корабле и во всем разбирался. А вот разобрался ли?

Он сразу узнал Малинина и удивился:

— А вы как тут оказались?

— Да вот приехал искать правду.

— Ишь ты! Ну-ну, рассказывайте.

Рассказывать пришлось недолго: куратор был в курсе дела. Выслушав Малинина, он неожиданно обрадовался:

— А что? Может быть, вы как раз кстати приехали. Идемте!

Они прошли по узкому с высокими сводчатыми потолками коридору, спустились этажом ниже и оказались в большой приемной. Поднявшийся из-за стола адъютант жестом указал на тяжелую дверь и пригласил:

— Прошу.

Контр-адмирал пропустил Малинина вперед. Когда Ма-

лишин представился, главком, пожимая ему руку, весело спросил у куратора:

— Значит, это и есть командирский заступник? Садитесь, пожалуйста, и рассказывайте.

— Только покороче, — предупредил куратор.

Предупреждение было излишним, Малинин и сам сообразил, что главкому уже обо всем доложили, и поэтому довольно передал лишь разговор с мичманом Котомкиным в ходовой рубке. И в который уж раз повторил:

— Командир тут ни при чем, за него оставался я и готов понести любое наказание, вплоть до уголовного.

— Ну, уголовного тут не будет. И командира снимать с должности не станем. Дети у мичмана Котомкина остались?

— Двое. С жильем у них туговато. В деревянном бараке в одной компатенке ютились.

Главком повернулся к куратору:

— Действуйте от моего имени. Если семья не захочет остаться на Севере, позаботьтесь о переезде и устройстве на новом месте. — И вздохнул: — Плохо, что мы все это делаем задним числом... У вас, товарищ Малинин, ко мне еще вопросы есть?

— Никак нет.

— Я вас вот о чем попрошу: не терзайтесь. В гибели мичмана Котомкина вы не виноваты.

Но Малинин все эти годы терзался. Конечно, море есть море, ежегодно в нем гибнут люди, случалось, и после, по тем или иным причинам, при трагических обстоятельствах, Малинину приходилось терять подчиненных ему моряков. И каждый раз он как бы заново переживал тот первый случай, считая, что не сумел предостеречь Котомкина от рокового шага.

«Может, я все-таки сделал что-то не так?» — подумал он и сейчас, глядя в окно.

На внешнем рейде появился корабль, и Малинин по силуэту определил: крейсер. Тральщики расступились, пропуская его в гавань.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Семейных офицеров и мичманов, предвкушавших скорую встречу с женами и детьми, и тех матросов и старшин, которые уже успели обзавестись знакомыми девушками в

своей базе, ждало разочарование. Едва вошли в свои территориальные воды, как поступило приказание: «Стремительному» направиться в главную базу флота и ошвартоваться у заводской стенки для проведения текущего ремонта. Правда, речь шла не о капитальном ремонте, а всего лишь о планово-предупредительном, однако и он займет недели две, а то и все три. И женатики приуныли.

Зато остальных это приказание обрадовало. Все-таки главная база — не их отдаленная, тут и город покрупнее, и развлечений побольше, есть даже два театра. И во время ремонта на берег будут увольнять почаще, а девушек и на заводе хватает.

Корабли, как и люди, болеют, получают травмы, изнашиваются. Иногда Гвоздев сравнивал экипаж с медицинским персоналом. Расклад тут получался такой: матросы — это санитары и сестры, старшины — фельдшеры, офицеры — врачи-специалисты, а он, командир корабля, вроде как главный врач. На стоянке и на ходу, при авралах и тренировках, на учениях и в длительных плаваниях он все время вслушивался в корабль.

Вот где-то сбился ритм, там что-то скрипнуло, а вот этот механизм, как больная почка, вызывает колики. Заметив в чем-то отклонения, Гвоздев тут же с помощью специалистов обследовал больное место, и корабль начинали лечить амбулаторно: что-то смазывали, что-то подкручивали, подтягивали. Но за время длительного плавания в Средиземном море у корабля накопилось столько болячек, что пора было помещать его в стационар — на завод или в док.

Еще до подхода к главной базе Гвоздев приказал командирам боевых частей и начальникам служб составить дефектные ведомости, подготовить заявки на замену некоторых приборов и оборудования, на запасные части. Как водится, все просили с запасом, зная, что управления и службы флота все равно будут резать заявки. Но режут они наобум, поэтому всегда получается неразбериха.

На этот раз Вениамин Александрович решил выбить все до последнего болта. Но вряд ли ему удалось бы преодолеть инерцию снабженцев, если бы в дело не вмешался контр-адмирал Еремеев. А когда все было получено, Еремеев вдруг предложил Гвоздеву пойти в очередной отпуск:

— Все-таки старпом у тебя еще молодой, в самостоятельное плавание отправлять его пока рановато, а тут выходов в море не будет, а с ремонтом он как-нибудь справится. И сезон для отпуска самый подходящий — как говорится, бархатный.

Доводы были резонными, к тому же Вениамину Александровичу не терпелось поскорее повидать Коську. Писем из деревни он не получал уже давно, дома их, наверное, уже немало скопилось. «Надо будет сегодня же кого-нибудь из семейных послать в нашу базу за почтой, ведь не один я жду писем, — подумал Гвоздев. — Пожалуй, лучше всего послать Протасова, у него трое детей».

Он тут же позвонил Протасову и велел ему собираться домой, чем несказанно обрадовал боцмана.

«А Коська, наверное, уже ходить начал. А что, если поехать с ним куда-нибудь в южный санаторий, пусть поплещется в теплом море? Надо будет попросить Коновалова выяснить насчет путевок».

Но Коновалов, сходив в медицинский отдел, сообщил, что все путевки на юг на ближайшие два месяца уже давно распределены, на горящую тоже мало надежды. К тому же в военные санатории и дома отдыха с маленькими детьми не пускают.

Главный инженер завода Николай Иванович Носов, оказавшийся при этом разговоре, спросил:

— А зачем вам санаторий? Вы же не больной. Поезжайте в наш заводской семейный пансионат в Крыму. Путевки я вам обещаю твердо. Только вот не представляю, как вы один справитесь с малышом. Может, еще кого-нибудь из родственников возьмете с собой?

— Разве что сестру. Но она работает, ее могут и не отпустить. А мать у меня уже старенькая, не знаю, согласится ли она поехать.

— Хорошо, я скажу, чтобы одну путевку пока не заполняли, а там уж сами решите, кто еще поедет.

— Спасибо.

У Гвоздева помимо ремонта накопилось немало текущих дел, которые он не мог сделать во время плавания. В основном это были не срочные и не столь уж значительные дела, но он не хотел оставлять их Авдееву, у того хватит хлопот с ремонтом.

Лишь после ужина, проводив увольняемых на берег, Вениамин Александрович сошел и сам. Он намеревался провести вечер с Виктором Волжаниным и позвонил из проходной в редакцию, но ему сообщили, что Волжанин в командировке и вернется только через четыре дня. Не зная, чем ему теперь заняться, Гвоздев вышел за проходную и бесцельно побрел по улице. Возле штаба флота увидел выходящего оттуда капитана второго ранга Петра Вяткина и обрадовался ему. Лейтенантами они дружили.

Вениамин Александрович вспомнил, какую роскошную закатил свою первую свадьбу Петруша, пригласив на нее чуть ли не всех офицеров соединения. Невеста смотрела на жениха с таким обожанием и восторгом, что даже Гвоздев, знавший вольнолюбивый характер Вяткина, поверил в прочность их союза. Но они не прожили вместе и года и без сожаления разбежались в разные стороны.

Потом у Петруши был еще один брак, еще более мимолетный, расставание на этот раз было еще более легким, но тень его темным пятном упала на папку с его личным делом, и кадровики неизменно спотыкались об эту тень. Хотя Вяткин был толковым офицером, но дорос лишь до старшего помощника, командование кораблем ему не доверили, а перевели в штаб флота.

Петруша тоже обрадовался Гвоздеву и спросил:

— Ты куда направляешься?

— Просто так брожу. Хотел повидаться с Волжаниным, но он в командировке.

— В таком случае, если не возражаешь, я составлю тебе компанию.

— Не возражаю.

— У меня было сумасшедшее дежурство, надо бы основательно провентилировать отсеки в башке. Да и тебе не мешает встряхнуться, ты давно не был на берегу.

— Мне надо сегодня вернуться на корабль.

— А, брось! Ты же не монах, чтобы пожизненно заточать себя в каюте, как в келье, — убеждал Петруша. — Скоро год, как умерла жена, а ты все терзаешься. Я понимаю, ты ее любил и все такое, но нельзя же всю жизнь истязать себя! В конце концов ты просто одичаешь.

Пожалуй, именно этот последний довод и убедил Гвоздева. Он вспомнил, что после смерти Полины ни разу не был в театре, не ходил в гости. «И в самом деле дичаю, — подумал Вениамин Александрович, — а тут большой город, в кои-то веки я еще попаду сюда?»

— Предлагаю два варианта культурной программы, — сказал Петруша, когда они вышли на центральную площадь. — Можно сначала поужинать в ресторане, потом пойти в городской парк, там сегодня эстрадный концерт и танцы, ну а потом уж по обстановке... Другой вариант такой: провести вечер в семейном кругу. Есть тут у меня хорошие знакомые. Ручаюсь, что скучать не придется.

— Мне в общем-то все равно.

Вениамину Александровичу действительно было все равно, но упоминание о танцах смутило его, и он спросил:

— А удобно ли будет идти к кому-то в гости без приглашения?

— Там народ препебрегает условностями. Впрочем, мы сейчас предупредим. — Петруша зашел в телефонную будку и куда-то позвонил. Вышел довольный: — Полный порядок! Надо будет только кое-что прихватить с собой.

В цветочном павильоне продавались лишь цикламены и аспарагусы в горшочках, но Петруша, подмигнув смазливенькой продавщице, шепнул ей:

— Надюша, вы всегда были моим ангелом-хранителем.

— Что-то вы, Петр Васильевич, редко стали заглядывать в мой храм, — упрекнула продавщица.

— Служба, Надюша, служба! — вздохнул Вяткин. — Сегодня вот на день рождения к одному сослуживцу идем, а как же без цветов?

— Найдутся розы и гвоздики. Что предпочитает ваш сослуживец? — усмехнулась продавщица.

— Хорошо бы и то и другое. Нас же двое. — Петруша кивнул на стоявшего в сторонке Гвоздева.

Продавщица оглядела Вениамина Александровича с ног до головы, похоже, не нашла в нем ничего привлекательного и ушла в подсобку. Вскоре она вынесла два аккуратно упакованных в оберточную бумагу букета и сухо сказала Вяткину:

— С вас семь восемьдесят.

Гвоздев полез было за кошельком, но Петруша отстранил его руку:

— Сегодня платит тот, кто заказывает музыку.

Подавая деньги продавщице, он пообещал:

— Следующий вечер, Надюша, непременно твой.

— Свежо предание... — горько усмехнулась продавщица, вручая ему свертки.

В гастрономе он прошел прямо к директору, наказав Гвоздеву ждать его.

Когда он вернулся с картонной коробкой и они вышли на улицу, Петруша спросил:

— Я слышал, ты в отпуск уходишь?

— Да, по сынишке соскучился.

— А я вот детьми так и не обзавелся. Может, и к лучшему... А вот и наш автобус.

Ехали они долго, сошли с автобуса на конечной остановке где-то на окраине города. Еще квартал прошли пешком. Наконец вошли в подъезд типового пятиэтажного дома, поднялись на четвертый этаж, и Вяткин сыграл на электрическом звонке «большой сбор»: длинный — короткий — длин-

ный. Он звонил до тех пор, пока дверь не открыли, и возникшая за нею хозяйка мягко, даже как-то радостно упрекнула:

— Дурной, ты же весь дом взбулгачишь!

Петруша отнял палец от кнопки звонка и лихо бросил ладонь к козырьку:

— Капитан второго ранга Вяткин со товарищи прибыл для приятного времяпровождения! — Он подтолкнул Гвоздева в спину: — Вот, знакомьтесь: Вениамин Александрович. А это, — представил он хозяйку, — стало быть, хозяйка этого вигвама Анна Ивановна.

— Можно просто Аня, — разрешила та, протягивая руку. — Проходите, пожалуйста.

В полумраке прихожей она показалась Вениамину Александровичу совсем юной, но когда вошли в комнату, он успел заметить и морщинки в уголках рта, и грузноватую походку и решил, что ей уже под сорок, может, она и постарше Петруши. Однако симпатичная: черты лица правильные, глаза игриво-веселые, улыбка открытая.

— Вы тут располагайтесь, а я пока картошку поставлю варить, — сказала она и ушла на кухню.

Гвоздев обвел взглядом комнату. Она была небольшой, но почти квадратной, с одним окном-дверью, выходящей на узкий балкон; в ней умещались и широкая тахта, и сервант, и книжный и платяной шкафы, и тумбочка с цветным телевизором, и кресло перед ним. Посередине стоял квадратный раздвигающийся стол, он был уже сервирован на четыре персоны. «Похоже, здесь ждут кого-то четвертого»,— подумал Гвоздев.

Словно угадав его мысли, Вяткин, заглянув в кухню, спросил:

— А где Нина?

— Она придет немного позже.

Вяткин поставил в вазы цветы — одну на стол, другую на телевизор — и стал выкладывать содержимое коробки. Две банки черной и красной икры, осетрина, шпроты, лимоны...

— Однако! — удивился Гвоздев.

— Не имей сто рублей, а имей сто друзей! — похвалился Петруша.

«Пора бы кому-нибудь взяться попотрошить твоих друзей!» — зло подумал Вениамин Александрович. Он уже пожалел, что пришел сюда, почему-то особенно рассердила его четвертая тарелка и запланированная для него какая-то Нина. Он уже заранее настроился к ней враждебно и даже

обрадовался, когда они не стали ее ждать, а сели за стол, как только сварилась картошка. Но не успела Аня разложить ее по тарелкам, как в дверь позвонили, Петруша пошел открывать и ввел в комнату гостью.

— Ниночка, позволь тебе представить моего сослуживца и друга Вениамина Александровича Гвоздева. Обладая многочисленными достоинствами, он имеет один весьма существенный недостаток: слишком застенчив...

Должно быть, Петруша решил как можно дольше подержать Нину у двери, чтобы дать возможность Гвоздеву получше разглядеть ее.

А поглядеть было на что... Белое, плотно облегавшее фигуру платье подчеркивало ее стройность и загар, светлые волосы и голубые глаза как бы усиливали впечатление чистоты и ясности, а застенчивая улыбка довершала это ощущение. Нина лишь мельком посмотрела на Гвоздева и тут же смущенно опустила взгляд, должно быть, и ее шокировала такая вот запланированность их знакомства. Она и потом, за столом, старалась не смотреть на Гвоздева, явно стесняясь его. Это несколько смягчило Вениамина Александровича, он уже не испытывал к ней враждебности, а даже начал сочувствовать и попытался заговорить:

— У вас нестареющее имя. Вы и в детстве были Ниной, и сейчас вас так называют, и даже когда вы станете пожилой и солидной, вас все равно будут называть Ниной.

— Вот разве что только имя и не стареет, — грустно сказала Нина, — а я, к сожалению...

— Кому бы об этом говорить! — перебила ее Аня. — Мне бы твои двадцать шесть.

Значит, двадцать шесть. А на вид Вениамин Александрович дал ей не более двадцати.

— Переходила бы ты, Нина, к нам в цех, — посоветовала Аня, — а то закиснешь в своем планово-экономическом отделе. Туда же только начальники и заглядывают, а они все женатые.

«Уж не собираются ли тут женить нас с Петрушей?» — подумал Гвоздев и нахмурился.

За столом еще о чем-то говорили, но он не вникал в смысл и не участвовал в разговоре. Должно быть, Аня заметила, что он загрустил, и, как хозяйка, обязанная не давать гостям скучать, предложила:

— Может, потанцуем? — и включила магнитофон.

Стол передвинули к стенке, и Петруша с Аней пошли танцевать. Гвоздев, не бывавший на танцах вот уже года три или четыре, понял, что он безнадежно отстал от моды.

Петруша и Аня дергались, прыгали, приседали, размахивали руками и извивались, как ужи.

— А что же вы-то сидите? — крикнул Петруша.

— Я так не умею, — как бы извиняясь, сообщил Гвоздев Нино. — Я вообще старомоден.

— В таком случае поскучайте, — сказала Нина и присоединилась к Петруше с Аней.

Оказывается, этот танец можно танцевать и втроем, и, наверное, вчетвером, и даже вдесятером, ибо дергается каждый сам по себе, партнеры практически не общаются.

Когда музыка кончилась, Аня сменила кассету. Зазвучало танго, и Гвоздев пригласил Нину. Она танцевала хорошо, была очень послушной партнершей, вести ее было легко. Вениамин Александрович непроизвольно отметил, что руки у нее сильные, тело упругое и гибкое. Она начинала нравиться Гвоздеву, и после четвертого или пятого танца он, неожиданно для себя, прижал ее чуть плотнее, чем это принято между малознакомыми партнерами. Нина лишь слегка отстранилась, но ничего не сказала, однако когда он попытался сделать это второй раз, предупредила:

— Я уйду. Хотите этого?

— Нет, что вы! — испугался он и пообещал: — Я больше не буду.

— Никогда? — с напускной обидой сказала она.

— Только с вашего разрешения.

— Это уже лучше! — Она рассмеялась так звонко и заразительно, что и Вениамин Александрович засмеялся — впервые за весь вечер.

Петруша, внимательно наблюдавший за ними, поощрительно подмигнул. А когда Аня с Ниной ушли на кухню варить кофе, признался:

— Честно говоря, я завидую тебе. Нина просто очаровательна.

— А разве Аня тебе не нравится?

Вяткин пожал плечами:

— В шторм любой причал годится.

Вениамин Александрович хотел было возразить, но в это время Нина с Аней принесли кофе. За кофе Вяткин начал демонстративно позевывать. Нина расценила это как намек и собралась уходить.

— Я вас провожу, — предложил Гвоздев.

— Так я же в этом доме живу, всего двумя этажами ниже.

— Все равно.

На лестнице было темно, он споткнулся и, наверное, упал бы, если бы Нина вовремя не подхватила его под локоть.

— Почему не горит свет?

— У нас на ночь выключают. Сейчас уже второй час.

— Как же я буду добираться? Автобусы-то уже не ходят. Вы не могли бы вызвать такси по телефону? — попросил он.

— У меня нет телефона.

— А возвращаться к Ане, пожалуй, не стоит.

— Тем более что сразу вам не приплют. — Нина порылась в сумочке и достала ключ. Долго не могла попасть в скважину, наконец попала, но не спешила повернуть ключ.

— Что же мне делать? — растерянно спросил он. — Можно, конечно, и пешком, но я же и дороги не знаю...

Нина долго молчала, потом вздохнула и почти обреченно согласилась:

— Ладно, ночуйте здесь. Только тогда тихо! Не дай бог, разбудим соседку, она у меня строгая!

Нина тихо повернула ключ, осторожно приоткрыла дверь и, взяв Гвоздева за руку, потянула его в темноту коридора. Он послушно последовал за нею, стараясь ступать мягко. Нина притворила за ними дверь комнаты и, прислонившись к ней, облегченно вздохнула.

Она включила свет и указала ему на стул:

— Сидите пока тут, сейчас я вам постелю.

Она достала из шкафа постельное белье и стала стелить на диване, причем простыню натягивала так туго, будто кожу на барабан. Потом разобрала свою кровать и погасила свет.

— Сидите пока и не двигайтесь.

Он слышал, как шуршит ее одежда, и это шуршание волновало его. Но вот скрипнули пружины, и Нина разрешила:

— Теперь можете ложиться.

Он ощупью добрался до дивана, разделся и бросил одежду прямо на пол.

— Помнется же все, как вы завтра на службу пойдете? — донесся от противоположной стены голос Нины. — У вас в изголовье на столике лампа, включите ее и уложите все как следует. Я отвернусь.

Он нащупал кнопку, включил свет и поглядел на противоположную сторону. Нина лежала, уткнувшись лицом в стенку, волосы ее разметались по подушке.

Повесив тужурку на спинку стула и сложив брюки, он еще раз глянул на Нину, и что-то будто подтолкнуло его.

Погасив свет, он, стараясь ни на что не наткнуться, на цыпочках стал пробираться к ней. Но все-таки зацепился за угол стола. Нина на шум почему-то никак не среагировала, а когда он подошел к ее кровати, она оказалась пустой...

За стеной слышались приглушенные голоса, наверное, Нина объясняется с соседкой. «Может, лучше сейчас и улизнуть потихоньку? Нет, это будет уж совсем низко и трусливо. Нина, конечно, обиделась. Надо извиниться, и она, пожалуй, поймет меня и простит. А вот как быть с Вятиным? Ведь он теперь решит, что я такой же, как он, и наверняка будет торжествовать. Порочные люди всегда с удовольствием обнаруживают в других даже малейшие слабости...»

Голоса за стеной стихли, и Вениамин Александрович вернулся на диван.

Он долго лежал, вслушиваясь в непривычную тишину. После многомесячного непрерывного гула турбин, скрежета металла, грохота ботинок по стальной палубе тишина здесь была оглушающей и такой каменной, что об нее, кажется, голову расшибить можно.

Вскоре он провалился в такой же оглушающий, как тишина, сон.

2

Разбудил его донесшийся из коридора голос Нины:

— А ну ножками, ножками, вот так! Молодец!

«Кажется, я проспал!» Было уже светло; Вениамин Александрович выскользнул из-под одеяла и схватил со стула брюки, но никак не попадал ногой в штанину. Наконец попал и, натянув брюки, накинул рубашку. А дверь уже распахнулась, на пороге стоял малыш в длинной, до пят, рубашонке и улыбался во весь рот, в котором смешно торчали всего по два зубика сверху и снизу.

— Поздоровайся с дядей, — опять донесся из коридора голос Нины. Сама она пока не показывалась, давая Гвоздеву возможность одеться.

Малыш, протянув ручонки, засеменил навстречу Вениамину Александровичу, но запутался в рубашонке и упал. Нина кинулась к нему, подхватила на руки и, не глядя на Гвоздева, сказала:

— Доброе утро! Мы вас не разбудили?

Гвоздев глянул на часы, они показывали половину седьмого — к подъему флага он вполне успевал.

— Нет, в самый раз.

А малыш потирал ручонкой лоб и жаловался:

— Бубо!

— Бубо маленькому, бубо! Сейчас мы вылечим его. — Нина отняла его ручонку и стала целовать в ушибленное место, приговаривая: — Ты у меня молодец, не плачешь, когда бубо. Настоящий мужчина!

Она все еще старалась не смотреть на Вениамина Александровича, но малыш уже протянул в его сторону ручонку и, указывая пальчиком, сказал:

— Дядя.

— Дайте-ка мне его, — попросил Гвоздев.

— Не ожидали? — усмехнулась Нина и протянула ему ребенка.

— Честно говоря, нет, — улыбнулся Вениамин Александрович. И, вздохнув, сообщил: — У меня ведь и свой, наверное, такой же.

— Почему «наверное»? — насторожилась Нина.

— Так ведь я его уже около года не видел.

— А почему жена сюда не приехала?

— Нет у меня жены. Умерла она.

— Вон оно что! — Нина присела на краешек кровати.— Беда-то какая! С кем же он теперь?

— С бабушкой.

— Да как же без матери-то такой маленький? — Она посмотрела на своего сына.

А тот уже уселся Вениамину Александровичу на колени и деловито изучал его, осторожно дотрагиваясь пальчиком то до бровей, то до носа, то до губ.

У Вениамина Александровича как-то сам по себе вырвался вопрос:

— А его отец где?

— Развелись. Семь месяцев и прожили-то всего.

— Что так?

— Как говорится, не сошлись характерами. Это долго объяснять. Потом как-нибудь расскажу, а сейчас пора нести его в ясли. — Она собралась было подхватить малыша, но тот решительным жестом отвел ее руки.

Вениамин Александрович поднял мальчика и подбросил вверх. Малыш аж задохнулся от страха и радости. Гвоздев подбросил его еще несколько раз, и тот заливался звонким, как колокольчик, смехом.

— Ну хватит, Митенька, хорошего понемногу, пора одеваться. — Нина протянула было руки, но Митенька отвер-

пулся от нее и крепко обхватил ручонками Вениамина Александровича за шею.

Одевать его тоже пришлось Гвоздеву, делал он это неумело и медленно, Нина поторапливала:

— Что-то вы, мужики, долго возитесь. Так я и на работу опоздаю.

Пока Нина сдавала Митеньку воспитательницам, Вениамин Александрович стоял у калитки и наблюдал за детьми. Садик-ясли был построен, видимо, по тому же проекту, что и в их базе, и многое сейчас напоминало его встречу с Минуточкой. Хотя горки сейчас были не снежные, а деревянные, а в клумбах полыхали цветы, но дети — везде дети: кто-то с совочками и формочками пек куличики в песочнице, кто-то деловито загружал игрушечный самосвал, и теперь уже здешняя девочка жаловалась, что «Миска деется».

«А я так и не удосужился больше ни разу встретиться с Минуточкой. Может, написать ей? Но я не знаю ее адреса. Разве что на госпиталь написать... А Митенька-то, наверное, и в самом деле ровесник Коське. Как он там?»

Мичман Протасов, ездивший в базу за почтой, привез и Гвоздеву около десятка писем из деревни. Татьяна писала регулярно, иногда и Аграфена Севастьяновна делала свои приписки, они больше смахивали на отчеты: что Коське купили на перечисленные по аттестату Вениамином деньги, что тот ест, как спит, когда начал самостоятельно садиться и вставать, когда прорезались зубки. Письма были утешительные и как-то действительно успокаивали Вениамина Александровича, во всяком случае, снимали непрестанно живущую в нем все эти месяцы тревогу. А вот сейчас она вспыхнула снова.

Глядя на детишек, он думал о том, что Коська лишен не только материнской ласки, но и радости общения со сверстниками. В деревне теперь тоже мало рожают, ясли закрыли: не хватает детей, а отдавать Коську в райцентр на пятидневку Аграфена Севастьяновна не захотела. «Тут хоть Татьянины робятишки за им приглядят, — писала она. — Все не чужие...»

Нина, заметив, что он загрустил, попыталась утешить:

— Ничего, все как-нибудь уладится. Не у чужих же людей живет!

«Как будто и она письмо матери читала! — удивился Гвоздев такому совпадению и подумал: — Наверное, она тоже хороший человек».

Он избегал смотреть Нине в глаза, ему было стыдно за вчерашнее.

До завода им было по пути, но Вениамин Александрович сказал:

— У меня есть еще время заскочить в парикмахерскую побриться. Я могу вам позвонить?

— Да, но дома у меня телефона нет, только на работе, и то внутренний.

— Тоже годится.

Она назвала номер телефона, и Вениамин Александрович записал его.

— А если я вздумаю позвонить вечером? Может, Ане позвонить? У нее-то телефон есть.

— Нет, Ане не стоит звонить. Лучше уж приходите без звонка. Если, конечно, захотите, — как-то отчужденно, с грустной усмешкой сказала Нина.

Вениамин Александрович сначала не придал этому значения и, лишь подходя к парикмахерской, сообразил, что в последней фразе, сказанной Ниной так отчужденно, содержался вопрос, вероятно, она ждала на него ответа, но, не получив его, как заметил Гвоздев, обиделась. А ведь он только что думал о ней как о хорошем человеке — и вот обидел. «И побриться я мог бы на своем корабле, почти все мое имущество в каюте, зачем же я сюда-то потащился?»

И вдруг понял зачем.

Затем, что постеснялся показаться с Ниной на виду у знакомых, которых и в городе и на заводе у него было немало. Видно, притаилось в нем где-то опасение, что кто-то может сказать: вот, мол, не успел жену похоронить, а уже с другой. Хотя прошло уже около года, но он элементарно струсил, побоялся осуждения. А Нина, наверное, обо всем догадалась и обиделась.

Неожиданно его окликнули, и он увидел Юлю Калистратову и очень обрадовался ей. Но она спешила на работу. Вениамин Александрович проводил ее, однако тут было недалеко, и они едва успели бегло обменяться новостями. Гвоздев рассказал, как они вместе с Василием Григорьевичем были во Франции, и только сейчас вспомнил:

— Да, он же прислал оттуда кое-какие сувениры. Когда их лучше передать тебе?

— Заходи, когда будешь свободен, но только вечером. После восемнадцати тридцати я всегда дома.

— Не знаю, сумею ли я вырваться сегодня, а вот завтра — наверняка. У меня же с послезавтрашнего дня отпуск, однако задерживаться здесь я не намерен, сразу же поеду в деревню, к Коське.

— Соскучился по сыну-то?

— Еще бы!

— Это хорошо, — сказала Юля и, как-то странно посмотрев на него, хотела спросить еще о чем-то, но почему-то не спросила.

И только теперь Гвоздев заметил, что Юля беременна.

— Кого ждете-то: мальчика или девочку? — спросил он.

— Я хочу дочь, а Вася — сына. Не знаешь, надолго ли остался Вася в Средиземном?

— Точно сказать не могу, но в ближайшие два месяца лучше не ждать.

— Понятно. Ну вот я и пришла. Значит, до завтра?

— Да.

Юля скрылась в подъезде, и только теперь Вениамин Александрович вспомнил, что так и не спросил, где она работает. Он отыскал вывеску и прочитал: «Филиал ВНИИ вирусологии». Ну да, она же биолог.

Встреча с Юлей растревожила воспоминания о Полине. И тут же вспомнился и вчерашний вечер, и Гвоздева резанула острое чувство стыда и раскаяния.

Идти в парикмахерскую уже не было времени, он едва успевал к подъему флага.

Возле заводской проходной он увидел Вяткина, должно быть, тот давно поджидал его. Вид у Петрухи довольно понурый, а лицо и вовсе мрачное.

— Что приуныл? — поздоровавшись, спросил Гвоздев.

— Да тут такая история приключилась... — Петруха оглянулся по сторонам и, убедившись, что поблизости нет никого, кто мог бы его услышать, тем не менее вполголоса сообщил: — У Ани вчера муж вернулся.

— Как — муж? Разве она замужем?

— В том-то и дело.

— И ты знал об этом?

— В том-то и дело, что знал. Он рыбак, ушел в море и должен был вернуться только через неделю. А вот — на тебе! — вернулся раньше. Знаешь, вчера такая ужасная сцена разыгралась... Как в кино.

— Без драки хотя бы обошлось?

— Где там! Боюсь, как бы теперь, опамятовавшись, не стал бы меня разыскивать. Опять порох пойдет, а мне это, как ты догадываешься, ни к чему...

Должно быть, Петруха ждал от Гвоздева какого-то совета, но тот лишь недовольно проворчал:

— Холостых тебе мало?

— Так уж получилось... — раскаянно сказал Петруха.

И Гвоздев — в который уж раз! — готов был пожалеть его. Печально глядя на Вяткина, спросил:

— Может, и Нина замужем?

— Нет, она развелась. Муж у нее был горький пьяница. Два раза лечился, не помогло. Куда-то уехал, правда, по знаю куда, по Нина и в самом деле свободная женщина.

— Как и ты. Что же ты-то не уронил на нее свой благосклонный взор?

— Да я раньше познакомился с Аней.

До причала они шли молча. С моря потянул ветер, он подхватывал и гнал по тротуару бумажки и первые опавшие листья. «К вечеру ветер может разгуляться, волна забредет и в гавань, надо предупредить Авдеева, чтобы закрепили все по-штормовому», — озабоченно подумал Гвоздев.

— Может, тебе пока лучше в море уйти? — сказал он Вяткину.

Тот хлопнул ладошкой по лбу и воскликнул:

— Вот балда! Как же я сам-то не сообразил? Завтра с соединением Горина уходит Завьялов, попрошусь к нему оперативным. — И, не попрощавшись, Вяткин побежал к проходной.

Петруша есть Петруша...

3

Гвоздев передавал Авдееву документацию, когда прибежал рассыльный и доложил:

— Товарищ командир, вас просят на причал.

— Кто?

— Парень какой-то. Длинноволосый.

Вениамин Александрович недоуменно пожал плечами и вслед за рассыльным пошел на ют.

Вахтенный у трапа переговаривался со стоявшим на причале здоровенным длинноволосым парнем, которого и отличить-то от девушки можно было лишь по узким бедрам да по туго обтянутой батником плоской груди.

— Где покупал? — спрашивал вахтенный (матрос Емельянов, вспомнил фамилию Гвоздев), кивая на ботинки парня.

— С рук.

— И сколько?

— Сто рэ.

— Ого! — Вахтенный даже присвистнул. — А сколько в магазине такие стоят?

— Кажется, пятьдесят пять. Но попробуй купи их там! Это же «Саламандра», самый писк моды! — похвастался парень.

— Во обдирают лопухов! — удивился вахтенный и опять было собрался присвистнуть, но увидел Гвоздева, построжал лицом, вытянулся в струнку и, бросив к виску ладонь правой руки, левой сделал отмашку, как бы подсказывая парню: отойди, мол, подальше.

— Вы ко мне? — спросил Гвоздев у послушно отступившего в сторону парня.

— Если вы, — парень заглянул в лежавшую в его ладони бумажку, — Вениамин Александрович Гвоздев, то я к вам.

— Ну, я Гвоздев, — нетерпеливо, без всякого интереса сказал Вениамин Александрович, не понимая, зачем он понадобился этому волосатому парню.

— Тогда пройдемте! — властным тоном постового милиционера произнес тот и торжествующе покосился на вахтенного, как бы говоря ему: вот как надо разговаривать с начальством.

— Куда? — иронически поинтересовался Вениамин Александрович, разглядывая парня теперь уже с нескрываемым любопытством.

Верзила, должно быть, поймал иронические нотки и несколько обиженно пояснил:

— В завком. Что-то там насчет каких-то путевок.

«А, — вспомнил Гвоздев, — Николай Иванович Носов держит свою марку».

— Пошли.

Парень еще раз торжествующе глянул на вахтенного и лениво согласился:

— Ну ладно.

— А ты кто? — поинтересовался Гвоздев, когда они отошли от причала.

— А так, кто куда пошлет.

— Что же так-то? — сочувственно спросил Вениамин Александрович, оглядывая здоровенную — косая сажень в плечах — фигуру парня.

— Так ведь мне через месяц на службу. В прошлом году окончил десятилетку, в институт не прошел по конкурсу, вот тут и кантуюсь до призыва.

— Зачем же было кантоваться-то? Шел бы на приличную работу, специальность приобрел бы. А то вон у вас на заводе девушки сварщицами работают.

— Это их личное дело. А мне, где бы ни работать, лишь бы не работать. Я вот за вами второй час хожу. И пивка уже успел хлебнуть.

«Вот такой придет на корабль, попробуй из него приличного моряка сделать», — с грустью подумал Вениамин Александрович, вспоминая, что это не всегда удавалось, приходилось таких и списывать с корабля, и начальство не дарило по этому случаю розы, расценивая сие как расписку в воспитательном бессилии. Иногда расценивая справедливо, а чаще всего — нет. Если парня ни семья, ни школа, ни комсомол не сумели наставить на путь истинный за восемнадцать лет, то за три года это не всегда удается.

Вспомнив разговор с матросом Трошкиным, Вениамин Александрович неприязненно покосился на сопровождавшего его парня.

Нет, Гвоздев не имел ничего против его длинных волос или модных ботинок. Тревожила его позиция: «где бы ни работать, лишь бы не работать». Не один этот парень придерживался ее, с таким жизненным кредо Гвоздеву приходилось сталкиваться не впервые. И каждый раз он недоумевал: «Откуда это у них?»

Проще всего объяснить это избалованностью. Служить сейчас приходят дети и даже внуки тех, кто вдосталь испытал беды и лишения войны и первых послевоенных лет. «Пусть хоть наши дети поживут хорошо!» — этот девиз стал чуть ли не всеобщим, родители из кожи лезут, чтобы их детки не знали ни хлопот, ни забот и ни в чем не нуждались. Вот и эти «сто рэ» на модные ботинки парень вряд ли сам заработал.

И все-таки Вениамин Александрович не разделял довольно распространенного мнения о том, что, когда было трудно и голодно, убеждения наших людей были тверже и выше, а сейчас, когда мы сыты, хорошо одеты и обуты, идейность у нас, мол, не та. Это далеко не так. То, что мы сегодня живем богаче, говорит о правильности и перспективности избранного нами пути.

Разумеется, и обеспеченность может быть одной из причин избалованности, но не единственной и далеко не самой главной причиной. Из нее не могла прорасти формула: «где бы ни работать, лишь бы не работать». Скорее всего, она так прочно вошла в сознание некоторых молодых людей потому, что у них стало слишком много наглядных приме-

ров того, как можно хорошо жить и не работая. Спекуляция, воровство, взяточничество, блат таят в себе глубокие моральные последствия, особенно растлевающе действуют на молодежь. Постепенно размываются понятия совести, чести, долга. И здесь, на военной службе, это особенно заметно.

Конечно, большинство парней, приходящих на корабли, морально крепкие. Но и такие вот убежденные бездельники, почти лишенные какой-либо нравственной основы, стали появляться все чаще и чаще. И это очень тревожило Гвоздева.

Модные ботинки сами по себе ерунда. Но с каким превосходством и даже с презрением смотрел этот парень на вахтенного матроса Емельянова! Наверное, он с презрением смотрит и на тех, кто за одну зарплату «вкалывает» за станком, и преклоняется перед теми, кто «умеет жить» и не на одну зарплату приобрел и автомобиль, и дачу, и еще много чего. «Пожалуй, мы стали слишком уж добренькими, если позволили спекулянтам и жуликам не бояться нас, а открыто хвастаться приобретенным нечестным путем богатством. А ведь они своим примером растлевают и других, особенно молодых».

— У тебя родители кто? — спросил Вениамин Александрович парня.

— Отец, как и вы, тоже плавает, а мать работает здесь инженером.

«Наверное, она и балует. Похоже, и на эту работу помогала устроиться, — решил Гвоздев. — Отцу-то некогда заниматься сыном, небось тоже месяцами торчит в море».

— Пойдешь по стопам отца — на флот?

— На фига́ мне это нужно — за тельняшку лишний год вкалывать? — усмехнулся парень. — Я уж лучше в матушку-пехоту, тем более что она нынче пешком не ходит.

— А как отец к этому относится?

— Известно как — брюзжит.

«Вот ведь и родители у этого парня порядочные, трудящие. Но, видно, не на их примере он воспитывается...»

Председатель завкома, пожилой сухощавый мужчина с хорошей выправкой, должно быть из отставников, сказал:

— Нам не ясно, почему третью путевку просили не заполнять. Так не положено.

— У меня маленький ребенок, боюсь, что один я с ним не управлюсь. Поэтому хочу взять свою мать. А вдруг

она не поедет? Тогда, может, сестра согласится, а фамилия у нее другая — по мужу. Если и она не поедет, я вам верну путевку, чтобы не пропадала.

— А жена что же не едет?

— Жена умерла.

— Вот оно что! — Предзавкома сочувственно вздохнул. — Однако нам действительно запрещено выдавать неукомплектованные путевки. Чтобы злоупотреблений не было, — пояснил он и куда-то позвонил. Коротко изложив суть дела, спросил: — Как же нам быть?

Наверное, ему тоже объяснили, что так не положено, он рассердился:

— Все это я и без вас знаю! Вы мне подскажите, как быть в данном случае. Хорошо, так и запишите: под мою личную ответственность.

Положив трубку, объяснил Гвоздеву:

— Все в порядке. Идите в нашу поликлинику и получите путевки. — Он встал, вышел из-за стола и протянул руку: — Желаю вам хорошего отдыха.

— Спасибо.

Проходя по коридору, Вениамин Александрович на одной из дверей прочитал табличку: «Планово-экономический отдел». Он приоткрыл дверь. В огромной, похожей на зал комнате за добрым десятком столов сидели одни женщины, и Гвоздев не сразу отыскал взглядом Нину.

— Вам кого? — спросила сидевшая за ближайшим от двери столом старушка в черных нарукавниках.

Вениамин Александрович растерялся. Фамилии Нины он не знал, отчества тоже, а назвать только имя не решался: во-первых, боялся этим скомпрометировать Нину, во-вторых, тут могло оказаться несколько Нин, и получилось бы неловко. Он перебегал взглядом от одного стола к другому, и старушка уже засомневалась:

— Может, вы не туда попали?

Тут им заинтересовались и другие, подняли головы от калькуляторов и бумаг и стали с любопытством его разглядывать. Гвоздев смутился, хотел уже прикрыть дверь, когда из-за стоявшего в дальнем углу стола поднялась Нина и, пояснив: «Это ко мне», направилась к двери, ловко лавируя между столами. Теперь на Гвоздева смотрели с еще бо́льшим любопытством, и он поспешно отступил в глубь коридора.

Плотно прикрыв за собой дверь, Нина спросила:

— Что-нибудь случилось?

— Нет, я тут в завком за путевками приходил, увидел табличку на двери и заглянул. — И Вениамин Александрович зачем-то начал объяснять, что собрался поехать с Коськой в Крым, что одному ему, пожалуй, не управиться, поэтому поедет еще мать или сестра.

Нина слушала молча, лишь недовольно хмурилась, когда кто-то проходил мимо. А дверь планово-экономического отдела почти не закрывалась, то одна, то другая женщина, выскочив в коридор, направлялась в их сторону. Одни, проходя мимо, замедляли шаг и беззастенчиво разглядывали Гвоздева, другие лишь мельком окидывали его взглядом с головы до ног и тотчас проплывали мимо.

— Пойдемте отсюда куда-нибудь, — предложил Вениамин Александрович.

— Значит, уезжаете, — сказала Нина, когда они вышли на улицу. Сказала без всякого выражения, как говорят, когда надо просто что-то сказать, в ее голосе не проклюнулось ни одной нотки сожаления. Это как-то сразу остудило Гвоздева, и он тоже безразлично подтвердил:

— Уезжаю. — И лишь спустя некоторое время добавил: — Вы уж извините меня за вчерашнее.

Нина не ответила. Когда молчание стало неловким и тягостным, она спросила, не глядя на Гвоздева:

— Наверное, вы осуждаете меня?

— Нет, — поспешно возразил Вениамин Александрович, — не осуждаю и ничуть не жалею о том, что познакомился с вами.

— А я жалею.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. И он невольно отвел свой взгляд.

Он добросовестно старался разобраться в своих ощущениях. Он действительно ничуть не жалел о том, что познакомился с Ниной, но и сказать, что испытывал какую-то особую радость, тоже не мог. Пожалуй, единственное, что он испытывал, — это чувство вины перед ней.

— Может быть, вечером я зайду? — спросил он неуверенно.

— А зачем? — грустно спросила Нина и петерпеливо посмотрела на часы, потом на второй этаж заводоуправления.

Вениамин Александрович, невольно сопровождая ее взгляд, тоже посмотрел на второй этаж и увидел прилипшие к стеклу лица с расплющенными носами.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, — сухо сказала Нина, круто повернулась и вошла в подъезд.

«Как-то нехорошо получилось, — искренне сожалел Вениамин Александрович, глядя на громко захлопнутую тугой пружиной дверь. — Даже не простились как следует...»

Но тут же поймал себя на том, что где-то в глубине души испытывает и облегчение. «Незачем все это», — как будто независимо от него, пробивалась казавшаяся теперь спасительной для него успокаивающая мысль.

Подходя к причалу, он увидел стоявшего у трапа рядом с вахтенным офицером капитан-лейтенанта Авдеева.

Должно быть, сигнальщики давно следили за передвижениями Гвоздева и все это время докладывали о них Авдееву. «Теперь ему придется работать за двоих», — сочувственно подумал было Вениамин Александрович, но тут же понял, что этим лишь пытается оправдать себя в какой-то большей вине.

Сдав дела и собрав чемодан, он по пути в аэропорт заехал к Юле Калистратовой. Она собралась сразу поставить чай, но Вениамин Александрович отказался:

— Меня внизу такси ждет. Может, я еще успею и на сегодняшний рейс.

Он передал Юле коробку с сувенирами из Франции. Юля тоже протянула ему почти такую же картонную коробку, правда перевязанную не шелковой лентой, а грубоватой бечевкой, и пояснила:

— Я тут кое-что Коське купила, мне кажется, в деревне этого нет.

— Спасибо.

Прощаясь, Юля как-то странно посмотрела на него и наставительно сказала:

— Будь благоразумным.

И ее взгляд, и этот наставительный тон несколько озадачили Гвоздева, но что она имела в виду, Вениамин Александрович так и не понял.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Прямого рейса на Челябинск не было, в Москве пришлось делать пересадку, а погода, как назло, оказалась нелетная. То есть для кого-то она была и летная, диктор скрипучим, малоразборчивым голосом то и дело объявлял о взлете и

посадке самолетов, по все трассы в сторону Урала, Сибири и Дальнего Востока были закрыты. При любом скоплении людей всегда оказываются осведомленные люди, сейчас они говорили, что Европу от Азии отсекал какой-то грозовой фронт. А пассажиры все дисциплинированные, прибывают за час до отлета и узнают, что вылет их рейса откладывается сначала на два часа. Эти два часа они толкутся в залах ожидания, в скверике перед аэропортом, выходят к железнодорожной платформе и наблюдают, как из электрички выплескивается очередная волна пассажиров, прибывших к очередному по расписанию рейсу. Потом и те и другие узнают, что вылет задерживается на неопределенное время «ввиду плохой погоды». И ждут, страдая не столько от плохой погоды, сколько от неопределенности.

Когда Вениамин Александрович почти наизусть выучил все расписание, рассмотрел многочисленные витрины и фотовыставки, побродил по прилегающей к аэровокзалу площади, забитой автобусами и пустыми такси, начал накрапывать дождик. Все бросились в зал ожидания. Там яблоку негде было упасть. Лишь на втором этаже, у входа в галерею, ведущую на посадку, ему удалось втиснуть чемодан между чьими-то узлами, сумками и авоськами и присесть на него.

Напротив, прислонившись к стене, сидя на полу, спала группа солдат с одинаковыми рюкзаками, зажатыми между коленей. Возглавлял ее совсем еще юный лейтенант, ему тоже хотелось спать, голова его то и дело валилась то влево, то вправо, но он тут же испуганно вскидывал ее, оглядывал безмятежно спящих солдат и, должно быть, каждый раз пересчитывал их. Гвоздев вспомнил ту ночь на вокзале, которую они провели с матерью после того, как продали картошку и варенец, вспомнил и угостившего его колбасой солдата и подумал: «Сколько уж лет прошло...»

Вокруг в хаотическом беспорядке валялись вещи и люди, кто-то полулежал в обнимку со спортивной сумкой «Адидас», кто-то, свернувшись калачиком и прикрыв лицо кепкой, спал на расстеленной на полу газете.

Бодрствовала, пожалуй, лишь одна девочка лет пяти или шести. Ерзая на коленях у дремлющей матери, она с любопытством оглядывалась по сторонам и беспрерывно щебетала.

— Мама, а что такое инвалид? — спрашивала она, должно быть прочитав висевшее на стене объявление о льготах инвалидам и ветеранам войны.

Молодая мать, досадливо поморщившись, все-таки начала терпеливо объяснять:

— Инвалиды — это те, у кого нет ручки или ножки, им на войне их оторвало, как твоему деду Игнату. Поняла?

— Да.

Мать опять собралась было задремать, но девочка снова спросила:

— А что такое ветеран?

На этот раз молодая мать ответила не сразу, задумчиво смотрела на висевшее на стене объявление и хмурила низенький лоб и маленький — пуговкой — носик. Гвоздев хотел было прийти ей на помощь, но она объяснила сама:

— Ветеран — это человек, который прошел всю войну от начала до конца. — Но, сообразив, что дочь не знает, когда у войны были начало и конец и сколько она вообще продолжалась, стала пояснять: — А еще ветеран — это человек, который много лет работал на заводе, на стройке, или как твоя бабушка Вера, которая всю жизнь проработала в школе учительницей. Поняла?

— Поняла, — кивнула девочка и, вздохнув, добавила: — Значит, я тоже ветеран. Я же в нашем детском садике дольше всех! А почему меня не пускают в школу без очереди?

— Потому что в школу берут только с семи лет. На будущий год и ты пойдешь.

— А год — это сколько воскресений и праздников?

Мать ответила не сразу, наверное, стала подсчитывать. Начал было считать и Гвоздев, но сбился и неожиданно подытожил: «Год — это всего один отпуск. Вот и Коська скоро начнет спрашивать, когда папа еще приедет, а кто ему ответит?»

Наверное, его испорченное откладывающимся вылетом настроение от этих размышлений испортилось бы окончательно, но тут по радио объявили о посадке на самолет в Хабаровск. Значит, трассы на восток открылись, и все в зале сразу зашевелились — кто-то побежал на первый этаж к справочному бюро, кто-то потянулся к висевшим на стенах громкоговорителям и световым табло, опасаясь пропустить объявление о посадке на свой рейс. Но задержанных рейсов оказалось так много, что Вениамин Александрович вылетел лишь через два с половиной часа.

Телеграмму он не послал, и в Челябинске его никто не встретил. Хотя от аэропорта до деревни было всего километров тридцать пять, таксист заартачился:

— Это же глухомань, оттуда придется порожняком ехать, а мне нет никакого резона. К тому же и время работы у меня заканчивается.

Табличка на ветровом стекле гласила, что времени у него еще около трех часов. Заметив, что этот факт от Гвоздева не укрылся, шофер стал оправдываться:

— Надо еще до города добраться, пассажира ненавестно куда завезти, потом доехать до парка, поставить машину на мойку. Так что ищите другую машину.

Но других машин на стоянке не было, и Вениамин Александрович предложил:

— Я уплачу и за обратный путь.

— Ну, если за оба конца, то другой разговор, — повеселел шофер. — Садитесь.

Дорога была хорошая, асфальтированная, наверное, они доехали бы до деревни не более чем за полчаса, но у Волчьей пади Вениамин Александрович попросил свернуть на проселочную дорогу, ту самую, по которой когда-то ходил в школу. Сейчас проселком, видимо, не пользовались, он зарос травой, и водитель, не видя под ней старых колдобин, то и дело чертыхался. А когда Вениамин Александрович у спуска в падь попросил остановиться, запротестовал:

— Мы так не договаривались.

— Я вам еще трояк накину.

Шофер пожал плечами, но торговаться больше не стал.

Вся луговина внизу была скошена, посредине ее стояли четыре огромных зарода сена. Травы здесь всегда были хорошие, даже в засушливые годы, потому что весной, в половодье, луг заливало и влаги хватало на все лето. Только вот вывозить сено приходилось в объезд, из-за реки, где спуск был более пологим.

Вениамин Александрович вспомнил, как на него вышла из пади стая волков, нашел и место, на котором он тогда стоял, поймал себя на том, что поискал глазами забытые тут варежки. Несмотря на возможную трагичность той ситуации, на душе было светло, ему захотелось побродить и по другим памятным с детства местам, и он даже подумал: «Может, зря я взял эти путевки?»

К деревне проселок подбирался берегом реки.

Случилось так, что за последние шесть или семь лет отпуска ему выпадали зимой и он давно не видел летнюю речку. И, увидев, даже растерялся: она была почти не похожа на ту, на которой прошло его детство. Собственно, и рекой-то ее сейчас назвать было трудно: русло сузилось до размеров чуть ли не ручейка, прежние берега отсту-

ли от уреза воды, и между ними и руслом образовались топкие пространства грязи, на которых даже трава не росла.

А раньше река была широкой и полноводной, в этом месте она круто изгибалась, и противоположный берег, подмытый течением, был почти отвесным, с желтым яром, будто вышитым черными строчками стрижиных нор. Такие же норы были и в подводной части яра, в них жили раки, мальчишки ныряли за ними и, обрезая пальцы об острые клешни, натаскивали по целому ведру и потом варили их на костре. Как-то Венька, не найдя в сенях пустого ведра, сдернул с плетня сушившийся на колу подойник. Когда он вернулся домой с закопченным подойником, на дне которого лежало несколько сбереженных для Вари и Таньки раков, мать отдубасила его мокрым вехтем.

— Чё ж ты, ирод, удумал! Спортил подойник-от, где теперь такой купишь? — и, опустившись на лавку, горестно заплакала.

Купить такой подойник из топкой луженой жести, о которую так звонко и певуче брызгали струйки молока, было и в самом деле негде. Венька, молча глотая слезы и запоздало раскаиваясь, взял подойник и опять потел на речку. До самого вечера, пока не пригнали стадо, он оттирал песком и глиной копоть, но так и не оттер. Конечно, можно было бы взять песок покрупнее, но тогда остались бы царапины, а Венька брал самый мелкий, с небольшого островка, поросшего низкими изветренными кустами посередине, с песчаным ожерельем по окружью. На том песке, похожем на муку, валяться было мягко, как на перине.

В тот вечер корова дала молока меньше чем обычно: то ли заметила, что подойник не совсем чистый, то ли не выветрившийся еще запах копоти на нее подействовал.

Почти весь следующий день Венька опять сидел на острове и оттирал песком копоть. Все-таки оттер, удой в тот вечер оказался опять прежним, и мать вскоре забыла об этой Венькиной проказе...

Сейчас одна протока высохла и островка не было, а от мелкого песка и следов не осталось.

Этот берег раньше был пологим, с тихими заводями и дремлющими над ними раскидистыми ивами и вербами, с густой, мелкой и шелковистой травкой, на которой тоже хорошо было полежать. То там, то тут к берегу спускались протоптанные между огородами тропинки, оканчивавшиеся небольшими, в две доски, мосточками, с которых ба-

бы полоскали белье и молотили его ребристыми деревянными вальками, а мальчишки ныряли вниз головой или удили рыбу.

Сейчас ни тропинок, ни мосточков не было. Рекой не пользовались, и Вениамин Александрович подумал: «Нет, хорошо, что я взял эти путевки, хоть месяц да покупаю Коську...»

2

Дома никого не было, но ключ, как всегда, лежал за бровкой; Вениамин Александрович вошел в старую избу и огляделся. Все было привычным, стояло на своих местах, только вот Коськина кроватка вытеснила из угла кадку с водой, нужда в которой давно уже отпала: протянули водопровод, и в кути появились кран и раковина. Даже запахи в избе стояли давно знакомые: пахло хлебом, парным молоком и свежевыскобленным полом. На шестке стоял закопченный таган на трех ножках с чугунком, под ним — кучка остывших углей, подернутых сизоватым пеплом. Вениамин Александрович приоткрыл крышку на чугунке, на него дохнуло знакомым с детства запахом пшеничной похлебки. Сразу захотелось есть.

А взгляд то и дело натыкался на знакомые, полузабытые и, казалось бы, совсем забытые вещи, и память тотчас вытаскивала из прошлого те или иные связанные с этими вещами события.

Вот этот таган отец ковал сам. Кузнеца в деревне тогда не было, кузней пользовались все кому не лень. Отец долго, наверное с полдня, провозился тогда с этим таганом, и Вениамину Александровичу казалось, что он и сейчас слышит, как тяжко вздыхают кожаные меха, как шипит опущенное в кадку с водой раскаленное железо...

А вон та полоска на стене в переднем углу, сколько ее ни забеливают, все равно видна. Когда-то там висела божница, на ней стояла старая икона в серебряном окладе. Бабушка Анна хотя и не очень верила в бога, но перед тем, как сесть за стол, по привычке крестилась. Однажды Венька вынул икону из оклада, а вместо нее вставил вырезанный из какого-то журнала портрет, и бабка долго продолжала на него креститься. Подмену при очередной побелке обнаружила мать и надрала Веньке уши. Бабка Анна икону стала держать под подушкой, а божницу сняли. Бабка, доставая иногда икону, чтобы помолиться, сердито шипела на Веньку:

— У, пехристь, изыдь!

В отместку за это шипенье Венька как-то подсыпал бабке в табакерку черного молотого перца, и она, обливаясь слезами, костерила его, чаще вспоминая не о боге, а о черте.

Под тем местом, где раньше была божница, на протянувшейся во всю стену лавке сейчас лежали Коськины игрушки: ведерко с совочком, зеленый самосвал, в кузове которого сидел тряпичный заяц, деревянный молоточек, гвозди, шурупы, новенький болт с гайкой и шайбой и... рогатка. «Неужели уже из рогатки стреляет? — удивился Вениамин Александрович, но, приглядевшись, узнал свою рогатку. Черенок ее почернел, резина потрескалась, а кожаный лоскут, куда вкладывался камешек, в нескольких местах продырявился. «Мужик растет! — с гордостью подумал Вениамин Александрович, разглядывая игрушки. — Однако хозяйство у него небогатое...»

Он достал из чемодана купленный в аэропорту луноход, потом распаковал коробку, которую Юля Калистратова собрала для Коськи. Она была заполнена рубашками, трусиками, носочками и еще какими-то вещичками, назначения которых Гвоздев не знал. Поставив луноход рядом с самосвалом, он прошел в пристройку.

И будто попал в совсем иной мир.

Ослепительно сверкали подвески в хрустальной люстре, свисающей с потолка. Даже при своем небольшом росте Вениамину Александровичу пришлось осторожно обойти ее, чтобы не задеть головой за эти подвески. Стеклянная часть «Хельги» тоже переливалась спрятанными отблесками хрусталя, в простенке жирно блестела красками свежая, но аляповатая копия «Трех богатырей», мрачно смотрел на них полированный коричневого цвета платяной шкаф. Кроме «Богатырей» стены занимали ковры, среди них и тот, по поводу которого в прошлый его приезд шутили, что Татьяне он достался в жестокой, чуть ли не кровопролитной битве.

Однако Вениамин Александрович не только не осудил Татьяну за этот интерьер, его даже растрогали ее попытки сделать свою квартиру похожей на городскую: поставить и неуклюжий, громоздкий, занимающий почти полкомнаты, диван, на котором ночью никто не спал, а днем на него просто боялись садиться, чтобы не испачкать яркую обивку; журнальный столик, который надо было обходить, чтобы пробраться в горницу, и на котором сроду не лежало ни одного журнала; кресло-качалку, в котором, наверное,

никто и не качался, потому что во дворе висели на березовом суку настоящие качели.

Вот только телевизор в углу и казался необходимой вещью. Вениамину Александровичу марка его была не известна, но по надписям на панели он быстро нашел, где включение, и нажал нужную клавишу. Телевизор Гвоздев, в отличие от людей, которым он уже изрядно надоел, и по сей день считал чуть ли не чудом века, наверное, потому, что ему он еще не приелся. В кают-компании большого противолодочного корабля, правда, стоял цветной «Рубин» последнего выпуска, но Вениамину Александровичу, даже когда корабль стоял на якоре, редко удавалось досмотреть до конца хотя бы одну передачу.

Ожидая, пока в телевизоре нагреются лампы, он распахнул створку и выглянул на улицу. Она была пустынна, лишь на завалинке стоявшей наискосок избы грелась на солнышке старушка. Звали ее Пелагеей, лет ей, наверное, было около ста; сколько Гвоздев помнил себя, она всегда сидела на завалинке.

— Здравствуйте, бабушка Пелагея! — крикнул он ей.

Старушка, сделав ладонь козырьком, пригляделась к нему и спросила:

— Никак Веньша?

— Он самый. Не знаете, где наши?

— Дак на работе. А Аграфена давеча в магазин собиралась, дак, поди, там. — И, обернувшись, Пелагея крикнула во двор: — Манька!

В это время нагрелся телевизор, Вениамин Александрович отошел от окна и выключил его. С улицы слышалось, как Пелагея наказывает кому-то:

— Слётай-ко в магазин, скажи баушке Фене-рестанке, што к ей сын приехал.

Когда Гвоздев снова выглянул в окно, по улице, сверкая голыми пятками, убегала девочка. «Что за Феня-рестанка? — подумал было он с недоумением, но тут же сообразил, что речь шла о его матери. — Но что такое рестанка? Может быть, арестантка? Но почему?»

Он хотел было спросить об этом Пелагею, снова высунулся в окно, но тут увидел мать. Она бежала по улице, держа в руке сдернутый с головы платок, припадая на левую ногу и загребая дорожную пыль.

Вениамин Александрович, миновав старую избу, выскочил во двор и в воротах встретился с матерью. Целуя его, она с передышками упрекала:

— Упредил бы хоть... Ух ты, запыхалась как! Чё телеграмму-то не отбил?

— Так уж получилось, не знал, когда вылечу. А где Коська?

— Дак скоро принесут. — Мать посмотрела на часы. — Скоро и Татьяна придет.

Вениамин Александрович решил, что Коську Татьяна взяла с собой на работу, и собрался было пойти в правление, но вдруг спросил:

— Слушай, мама, а почему тебя арестанткой зовут?

Аграфена Севастьяновна потупилась и тихо сказала:

— Да было тут... Не хотела тебе сказывать, да раз уж услыхал, дак лучше от меня узнай. Токо вот дай-ко присяду. А то запыхалась.

Присев на ступеньку крыльца, Аграфена Севастьяновна, глядя не на Вениамина, а куда-то поверх него, стала смущенно рассказывать:

— С Андреем-то, когда он женился на Татьяне, мы сразу карахтером не сошлись. С виду-то он вроде ничё, мужик здоровый, непьющий, самостоятельный и при хорошей должности — механиком работает. Но уж больно надсмешливый, все-то у него с подковырочкой да с ехидцей. Ну, а я тоже за словом-то не привыкла в карман лазить, спуску ему не давала. Стали мы частенько цапаться. А самое обидное для меня было то, что Танька чаще не мою сторону держала. Ну, я и на Таньку заедаться стала...

А тут еще надумал Андрей свою мать перевезти к нам из другой деревни. Старая, мол, больная вся — как ей одной жить? Она и верно хворая была, сухонькая такая да тихая, однако несговорчивая, хотела, чтобы все по ее было. Пожили мы всего месяца полтора или два, а она уже надо всеми верх взяла, и Андрей и Танька ее слушаются. Завело это меня, я завелась и стала все наперекор им делать. Ну и разгорелся тут сыр-бор, житья никому не стало. Я потребовала, чтобы Андрей увозил мать обратно, а куда ее везти, если ее дом они продали и на те деньги «Москвич» купили?

Стала я Таньку настраивать против Андрея с матерью, они тоже ругаться начали. Может, дело и до разводу дошло бы, да тут Татьяна забеременела. Андрей, узнав об этом, поутих, связываться со мной перестал, все молчал да супился, будто и не замечал меня. А мне от этого еще тошнее стало, больше, чем руготня, бесило меня это его незамечанье. А Танька между нами мечется, сон потеряла. Понимала я, что ее ребеночку это вредно, вот и решила от

них уйти. А куда уйдешь? К тебе поехать некуда, ты об ту пору учился, у тебя и у самого своего угла не было. Если уйти к чужим людям, Татьяну же и опозоришь: пересуды пойдут, дескать, родну мать из дому выжила...

А тут завернула ко мне передохнуть знакомая старушонка из дальней деревни. Носила она в город передачу сыну, он у нее в тюрьму угодил по пьянке. Дак вот она сказывала, что в тюрьме, дескать, ему хорошо: и кормят, и поят, и работа не тяжелая — коробочки какие-то клеят. Это только уж опосля я узнала, что сын-от ее вовсе и не в тюрьме сидел, а в этом... как его... про... про... Забыла слово-то! Чудное како-то... Ну, где пьяниц лечат.

— В профилактории?

— Во-во, в ём самом! Однако опосля я об этом-то узнала. А тогда смутила меня эта старушонка, вот я сдуру-то и решила себя в тюрьму посадить. Думала: и Андрею досажу, и выход из положенья не такой уж плохой. А тут еще и в нашей деревне председателя Пинка из тюрьмы вышла, она за недостачу сидела. Тоже сказывала, что там не так уж и плохо, а старух и вовсе не обижают.

А через дом от нас, по правую-то руку, жил тогда приезжий агроном, дак ево сын Петька учился в институте на прокурора и как раз на каникулы к отцу с матерью приехал. Вот и стала я потихоньку про закопы у Петьки спрашивать и про сроки выведывать. Он мне все как есть обсказал, и выходило, что меньше всего дают за мелку кражу.

Сперва я решила гуся у соседей украсть. Нюрку-то Нечаеву помнишь? Дак вот у ее. Гусей у их было немного, всего шесть, они их для себя, а не на продажу держали. Один-то гусак у них гулёна был, часто отбивался от дому, вот его-то и заманила я к себе в подворье и заперла в стайке. К ночи-то Нюрка пошла его разыскивать по деревне, у меня тоже спросила, не видала ли я его. Тут я струхнула да и сказала, что не видала. И только я это скажи, как гусак в стайке-то и загогочи: то ли хозяйкин голос узнал, то ли всю мою приманку склевал и пить попросить надумал. «Это как же он туда, паралит, забрался?» — удивляется Нюрка, а сама двери-то с запору сымает, распахивает настежь и по степам да по крыше глазами зыркает, ищет, нет ли где дыры. Тут я и признаюсь, что сама гусака заманила, и предлагаю Нюрке подать на меня за это в суд и посадить в тюрьму.

А Нюрка тоже посмеялась и погнала гуся домой. На другой день свиделись — здоровается, будто и не было ничего. И поняла я, что, если бы я даже голову этому пету-

...пеньку гусаку отрубила и в чугуне сварила, она никому не пожаловалась бы и корить не стала. А Петька-то агрономом сказывал, что за частну собственность, ежели обе стороны поладят, не токо срок не дадут, а даже и дело закроют.

А я-то уж пастоль взъярена была, что пазло Андрею и ни обчественну решила посягнуть. Опосля Никиной недостачи к нам в лавку продавщицей посадили Тоську Сафонову, из комсомолок. Дак она даже слепым старухам сдачу сдавала всю до копеечки и не обвешивала. Вот, думаю, уж эта-то мне спуску не даст.

А ведь спустила! Я стянула с прилавку отрез матерьялу, парошно при народе и прямо у ей на глазах, чтобы она тут же свидетелей могла позвать. А она даже виду не подала и отрез-от из лавки дозволила вынести. А как лавку-то закрыла, дак тоже не сразу к нам заявилась, а когда стемнело. Вымашила меня во двор и тихопечко так спрашивает: «Ты зачем, баушка, это сделала?»

Я пока молчу. А она объясняет, что матерьял дорогой, по тридцать одному рублю за метр, а в отрезе-то было восемь метров сорок сантиметров. Хоть и всего одну зиму я училась, а высчитала, что выходит около двух с половиной сотен, а за такую сумму меня уж как пить дать посадят. Уговариваю Тоську подать на меня в суд. А она отвечает, что делать этого ни в жисть не станет, а если я не верну отрез, то ее саму, как и Нинку, посадят за недостачу.

Жалко мне ее стало, ну и объяснила я ей, зачем хочу, чтобы меня арестовали. Тоська выслушала меня и тут же в избу кинулась. Об чем уж она там с Татьяной и Андреем говорила, не знаю и врать не стану. Токо выскакивает Танька, хватает меня за руку, тянет в избу и спрашивает, где тот отрез. Ну, вынула я его из заначка, отдала. Не знаю, либо Тоська опосля кому проговорилась, либо еще кто про это узнал, токо с тех пор меня арестанткой и называют...

Аграфена Севастьяновна вздохнула и выжидательно посмотрела на сына, должно быть полагая, что он посмеется над нею. Но он лишь спросил:

— Что же дальше было?

— А ничё. Андрей отступился от меня, увез мать к сестре в другу область. С дочерью-то ей лучше, и мы тут все помирились. Вот только прозвище осталось. Каюсь вот теперь, что тебя опозорила этим. Ты уж прости! — Аграфена Севастьяновна поднялась. — Ты небось с дороги-то есть хочешь? Однако чем бы тебя покормить? Ждали бы, дак приготовились.

— Похлебка в чугунке есть. Я ее уже унюхал и поем с удовольствием.

— Разве это угощение? — огорчилась было Аграфена Севастьяновна, но тут же напомнила: — Однако сам виноват. Иди-ко в подсарай, там в углу сухи полешки складены, дак нащепай. А я пока ишо чё надумаю исделать... — Она, подобрав юбку, шагнула на ступеньку крыльца.

«Постарела», — наблюдая за матерью, с болью подумал Вениамин Александрович, хотел было помочь ей, но она отвергла:

— Иди! Али забыл, как это делатца?

— Вспомню.

— Во-во, спомни! — ухмыльнулась Аграфена Севастьяновна, распахивая дверь в сени. Дверь легко отворилась, не зацепив настила крыльца и не скрипнув. А ведь сколько помнил Вениамин, столько и цеплялась, и визжала, как поросенок. «Видать, Андрей хороший хозяин», — отметил про себя Вениамин.

И тут же убедился в этом, обнаружив в углу сарая поленницу просушенных, почерневших от солнца, наверное еще прошлогодних, несучковатых березовых чурок. Топор был воткнут в старую колоду, Вениамин выдернул его, потом взял чурку и стал щепать. Дерево тонко звенело, лучинки с треском отскакивали от топора. Подобрав их, Вениамин вошел в избу и остановился в изумлении.

Аграфена Севастьяновна сидела на полу и, держа в одной руке луноход, а в другой пульт управления им, поочередно нажимала на кнопки и с недоумением следила за тем, как вслед за каждым таким нажатием поворачивается рубчатая резиновая лента, намотанная на ролики катков. Увидев Вениамина, она поспешно и смущенно, как будто ее застали за каким-то стыдным делом, отложила и луноход и пульт и попыталась встать. Однако это ей сразу не удалось, она уцепилась за ножку стола и, перебирая по ней руками, тяжело поднялась и, еще не распрямившись, спросила:

— Дак чё это?

— «Луноход» называется, — сказал Вениамин, свалил щепу на подпечек, наломал кучку помельче, сунул ее под таган и зажег. Когда пламя занялось и острые язычки его лизнули днище чугунка, он показал матери, как этот луноход управляется.

— Ишь ты, какое диво! Удумают же! Ну-ко дай я спробую...

Луноход под ее управлением метался как угорелый: то совался под лавку, то утыкался в ножку стола и недовольно жужжал, то прямиком устремлялся к двери и пытался взобраться на порог. Глаза Аграфены Севастьяновны сияли таким восторгом и азартом, что Вениамин даже начал беспокоиться, не испортит ли она игрушку, и утихомирил ее:

— Может, хватит, мама? А то Коське не останется. Татьяна что, каждый день его с собой берет?

Аграфена Севастьяновна тут же оставила игрушку в покое, опустилась на лавку.

— Дак тут оно тако дело, Веньша. В анбулатории он счас...

— Как в амбулатории?—встревожился Вениамин, вспомнив и деревенскую амбулаторию, и Феоктиста Васильевича.— Что с ним? Заболел?

— Нет, слава те осподи, здоров. Бегат вовсю. Вчерась вон на речку убёг, едва успела споймать, он уж ножкой-то в воду ступил. Вот Валя и отобрала ево у меня.

— Какая еще Валя? — окончательно встревожившись, спросил Вениамин.

— Ой, да ведь ты ничё не знашь! — спохватилась Аграфена Севастьяновна. — Ну дак слушай...

И она рассказала о том, как Коська заболел воспалением легких, как Валя по первому же зову приехала, выходила его и осталась здесь работать, как Коська ее любит и как она любит его. Рассказывая обо всем этом, Аграфена Севастьяновна настороженно поглядывала на сына, ожидая его одобрения, но он слушал как-то отрешенно.

Рассказ матери настолько ошеломил Вениамина, что он и сам не знал, как ко всему этому отнестись. Он и раньше, испытывая чувство безграничной благодарности к Минуточке за все, что она сделала, не мог избавиться и от ощущения вины перед ней. Сейчас это ощущение вины неизмеримо возросло, он даже боялся встречи с ней, не зная, как себя вести, что ей сказать. Ему захотелось как-то оттянуть момент встречи, но Аграфена Севастьяновна настояла:

— Дак ты пойди пока за имя, а я тем временем приготовлю чего и остальной народ скличу. — Однако, заметив, что Вениамин, скинув тужурку, галстук и форменную рубашку с погонами, собирается надеть Андрееву рубаху, запротестовала: — Ты, Веня, лучше в форме покажись.

— Так ведь жарко!

— А и потерпишь маленько. Мне ведь в деревне-то все завидуют, дескать, вон кака ты знаменита мать, такова сына вырастила. Мало я тебя опозорила, так еще ты обдерга-

ем пойдешь... Да ишо в этой рубахе!.. — Выдернула из рук Вениамина рубашку, поискала, куда сунуть, и бросила на полати. Немножко подумав, стоит ли говорить, и убавив голос, как будто кто-то их мог подслушать, сообщила: — В этой рубахе Андрея-то вчерась вся деревня видела пьяненького.

— Разве он пьет? — удивился Вениамин.

— Да што ты! Окстись-ко! — испугалась Аграфена Севастьяновна. — Упаси осподь!

— А говоришь, пьянехонький...

— Дак ведь как все вышло-то... — Аграфена Севастьяновна озирнулась вокруг и уже полушепотом поясняла: — Вчерась Андрей-то, не спросясь Таньки, билеты в кино купил. А Танька-то возьми да и споперечничай: дескать, как это без моего спросу? И не пошла! Он направился было билеты в кассу сдавать, да, видно, не дошел до кассы-то — чайная по дороге подвернулась. Сколь уж он там выпил — не знаю, однако билеты не сдал, а на обратной дороге сосед наш Пронька — да ты его помнишь! — скрипчал: заходи, мол, Андрюха, добавим, у меня бутыль есть! Ну, у Проньки-то завсегда поводы найдутся, оттого и не просыхат. А не просыхат потому, что мастеровит, что хошь, кому надо починит, а денег за это не берет, вот каждый и норовит ему то четушку, а то и всю поллитру поставить. А вчерась у Проньки сорокалетие сполнилось, а народу нет, вот и позвал он Андрея. «Не то де обижусь», — сказал. Нейти Андрею нельзя, и верно — обидишь, вот и добавили. Ходили потом по улице и стары песни орали... А ты — в этой же рубахе!

— Ну ладно, — согласился Вениамин, неохотно натягивая форменную рубашку с погонами. Галстук решил не надевать, однако фуражку, опять же по настоянию Аграфены Севастьяновны, пришлось надеть. Оглядев его, мать немного полюбовалась им, потом подтолкнула в спину и строго наказала:

— Ну, Вениамин, смотри там!

3

Солнце уже клонилось к закату, но было еще жарко, и Вениамин Александрович перешел на теневую сторону улочки. Он держался поближе к домам, чтобы укрыться не только от солнца, но и от излишне любопытных, не избалованных событиями сельских старушек и тоже не избалованной разнообразием жизни детворы.

Но деревня уже знала о его приезде: не осталось незамеченным ни появление такси, ни то, как, загребая пыль, семенила к дому бабушка Аграфена-арестантка. И, побросав нескончаемые домашние дела, старушки высыпали на завалинки, а мальчишки, сгруппировавшись, хвостом потянулись за Вениамином, держась на некотором расстоянии, достаточном для того, чтобы разбежаться в случае, если он их шугнет. Хотя и утверждала Аграфена Севастьяновна, что в деревне нынче мало рожают, но мальчишек набралось не менее десятка.

Впрочем, Вениамин Александрович не обращал на них внимания. Его больше волновала сейчас предстоящая встреча с сыном и с Минуточкой. Если на свидание с сыном он был готов, забыв о солидности, пуститься бегом, то встреча с Минуточкой пугала. Он все еще не решил, как ему держаться с ней, что сказать. И по мере того как приближался к амбулатории, все замедлял и замедлял шаг, пока и вовсе не остановился в задумчивости.

Однако и стоять вот так, на виду у всей улицы, было неловко, и он решительно направился в амбулаторию.

На крыльце сидел Феоктист Васильевич и читал газету. Увидев Вениамина, удивился:

— Никак разошлись с Валей-то? Они с Коськой домой побежали. Ну, здравствуй, Веня. Как живешь-можешь?

— Да ведь как могу, так и живу, — весело ответил Вениамин. Он был даже рад, что все так получилось. Теперь уже, наверное, сбежалась родня и не придется встречаться с Минуточкой наедине. — Пойдемте к нам, Феоктист Васильевич.

— Но я пока при деле, хотя пациентов и нет. Впрочем, если кому и понадоблюсь, то узнают, где найти. Однако записочку все-таки надо оставить. Я сейчас.

Он зашел в амбулаторию и вскоре вернулся, приколол кнопкой записку к двери и закрыл ее на старый амбарный замок, который Вениамин помнил еще с детства.

Около ворот стоял «Москвич» зеленого цвета, Андрей протирал его тряпкой. Увидев Вениамина, бросил тряпку на капот и, вытерев руки о подол рубахи, пошел навстречу.

— Что же не известил-то? — поздоровавшись, упрекнул он. — Я бы встретил. — И с гордостью добавил: — Транспорт у нас свой.

— Да уж вижу.

— Голова-то небось болит? — спросил у Андрея Феоктист Васильевич. — Зашел бы, я тебе таблетку дал бы.

— Да уж покуролесили вчера... — Андрей было смущенно потупился, но тут же вскинул голову и весело добавил: — Однако таблетки-то поди уже на столе стоят. Прошу!

Во дворе под навесом был накрыт стол, около него хлопотали Татьяна с матерью, а Минуточка, примостившись с краешка, поила из кружки Коську. Чуть в стороне стояли и курили Степан Никифорович Сафонов и Иван Васильевич Шумов.

Пока Татьяна, повиснув на шее, целовала Вениамина, он через ее плечо видел, как Минуточка поставила кружку, вытерла марлевой салфеточкой губы Коське и, подхватив его на руки, встала. Отстранив Татьяну, Вениамин пошел им навстречу, ощущая в ногах слабость.

— А ну-ка поздоровайся с папой! — сказала Минуточка.

Коська смотрел на отца с изумлением, глаза округлились, ротик приоткрылся от удивления. Но когда Вениамин Александрович протянул к нему руки, он испуганно прижался к Минуточке, обхватив ее ручонками за шею.

— Ишь ты, отца не признает, — обиженно заметила Агрофена Севастьяновна.

— Так откуда же ему знать? — вздохнула Татьяна.

А Минуточка уговаривала:

— Это же твой папа. А ну скажи: па-па.

Коська подумал и сказал:

— Дядя.

Некстати припомнился Митенька, и Вениамину Александровичу стало как-то обидно: чужой ребенок так доверчиво тянулся к нему, а собственный сын не признает и боится. «Но ведь Коська-то в этом не виноват», — горько подумал он и, успокаивая себя и других, сказал:

— Ничего, привыкнет.

— Конечно, привыкнет, — поддержала Минуточка и протянула руку: — С приездом вас.

Вениамин Александрович поцеловал ей руку:

— Спасибо, — и, поцеловав руку еще раз, дрогнувшим голосом повторил: — За все спасибо!

Минуточка смутилась и покраснела. А Коська, видимо поняв, что ему ничего не угрожает, потянулся к фуражке и дотронулся пальчиком до расшитого золотой канителью «краба». Вениамин Александрович снял фуражку и надел ему на голову. Личико мальчика расплылось в счастливой улыбке, и только теперь он позволил взять себя на руки.

Все сразу оживились, Татьяна с матерью опять захлопотали по хозяйству, а Андрей начал рассаживать за столом гостей. Вениамина с Валей посадили рядом, во главе стола,

кается, Валю это смущало, она сосредоточенно изучала тарелку, изредка поглядывая на Коську, старательно пытавшегося оторвать от погона звездочку.

Татьяна позвала дочерей:

— А ну-ка, снегурочки, покажитесь в обновах-то!

На крыльцо вышли две девочки в новеньких белых кофточках с синими воротничками, похожими на матросские, и плиссированных синих юбочках. Вениамин Александрович вспомнил, что видел эти кофточки и юбочки в картонной коробке, и мысленно поблагодарил Юлю Калистратову—сам он купить подарки племянницам не догадался. Девочки были погодками, сейчас они по росту сравнялись, и Вениамин Александрович не мог определить, которая из них старшая, а которая младшая. Они подошли, одновременно чмокнули его в щеки и дружно прощебетали: «Спасибо!» Вениамин Александрович хотел было тоже поцеловать их, но в это время Коське удалось-таки отколупнуть звездочку, он сразу потянул ее в рот, Валя едва успела перехватить ее.

Коська сморщился, собираясь зареветь, но передумал и принялся за другую звездочку. Всех это развеселило, лишь Аграфена Севастьяновна забеспокоилась:

— Ну как другу оторвет, а мы проглядим! Ну-ко, снегурочки, принесите ему нову-то игрушку.

Девочки сбегали в дом и вынесли луноход. Вениамин Александрович показал Коське, как им управлять. Сначала у Коськи не получалось, потому что он нажимал сразу на несколько кнопок, но вскоре сообразил, что к чему. «Техпарь!» — с гордостью подумал Вениамин Александрович.

Девочки тоже заинтересовались игрушкой, и одна из них предложила:

— А давайте по очереди? Чур, я вторая!

— Я вот вам дам очередь! Не для вас куплено! — прикрикнула на девочек Татьяна, усадила их за стол и подняла рюмку: — Ну, со свиданьицем!

Вениамин Александрович, только сейчас обнаружив, что тарелка у Вали пустая, начал торопливо навалывать в нее все подряд.

— Куда же вы столько? — запротестовала Валя, отбирая у него тарелку.

Впервые их взгляды встретились, и оба они смущенно отвели их и с преувеличенным вниманием занялись едой. Этот момент не ускользнул от Аграфены Севастьяновны, она толкнула локтем Татьяну и встревоженно шепнула:

— Гли-кось, чуждаются.

— Ничего ты, мама, не понимаешь! — отмахнулась Татьяна, тоже исподволь наблюдавшая за Вениамином и Валей, но истолковавшая их смущение по-своему.

Смущение это заметил и Феоктист Васильевич и, чтобы как-то разрядить обстановку, стал расспрашивать Вениамина о службе. Тут встряли в разговор и Степан Никифорович с Иваном Васильевичем, опять, как и в прошлый приезд, стали допытываться, будет ли война, и вспомнили свою фронтовую жизнь. Наверное, разговор долго бы еще крутился около этой темы, если бы Андрей, которому рассказать о войне было нечего, не спросил вдруг у Вениамина:

— Ты надолго приехал?

— Да вот путевки взял в Крым. Хочу Коську в Черном море покупать, это ему будет полезно, окрепнет.

— Да как же ты с ним управишься? — спросила Татьяна.

— Так ведь у меня три путевки-то. Думал, мама поедет, а может, и ты.

— Куда уж мне, старой, с места срываться, — сказала Аграфена Севастьяновна.

— А у меня вон своих дюже. Да и кто меня в самую страду с работы отпустит? — спохватилась и Татьяна и посмотрела на Валю.

— А вот у нас в это время больных мало, — заметил Феоктист Васильевич. — Потому что уборка не только на совхозных полях идет, но и в своих огородишках, людям болеть некогда.

— Вот и в войну не болели, хотя и в окопах по пояс в воде сиживали, и в снегу ночевали. Тоже некогда было хворать, — вспомнил Степан Никифорович.

— А ты в Крыму бывала? — спросила Татьяна у Вали как бы между прочим, но все поняли, какой смысл она вложила в этот вопрос, и выжидательно посмотрели на Валю.

Но она ничего не ответила, а спохватилась вдруг:

— Ой, Коську пора спать укладывать! Вон он уже осовел.

Коська сидел на ступеньке крыльца в обнимку с луноходом и сонно поклевывал носом. Валя подхватила его на руки и унесла в дом.

Застолье теперь выжидательно смотрело на Вениамина Александровича. А он молчал, понимая, какого решения от него ждут, но не зная, как ко всему этому отнестись. Он убедился, что Коська любит Минуточку и она сильно к нему привязана, что поехать им всем вместе — самый лучший вариант. Но как к этому отнесется сама Минуточка? Если даже ей и хочется поехать, то решиться на это ей бу-

дет трудно, неизбежно у нее возникнет вопрос: а на каких правах она поедет?

В госпитале, когда он впервые увидел Минуточку, и потом, после смерти Полины и его возвращения с моря, и тогда, когда он принес ей в детский садик посылку от матери, Вениамин как-то не воспринимал ее как женщину, его не интересовало, замужем она или нет, она была для него просто медицинской сестрой и очень добрым человеком.

И сейчас, узнав от матери обо всем, что тут было за эти месяцы, и проникнувшись к Вале еще большей признательностью, он лишь подумал о том, что она была бы хорошей матерью Коське, но с собой ее как-то не соотносил. Что-то мешало этому. Наверное, память о Полине.

4

А Валя в это время сидела возле Коськиной кроватки и тоже терзалась сомнениями.

Как и при первом знакомстве, особой симпатии к Гвоздеву она и сейчас не испытывала. После смерти Полины Поликарповны она лишь жалела его. Но, живя здесь, в деревне, и все больше привязываясь к Коське, она все чаще думала о том, что их могут разлучить. Рано или поздно Гвоздев женится на ком-то и заберет Коську к себе. Какой окажется та женщина, как она отнесется к пасынку? Валя заранее не доверяла этой женщине и даже ненавидела ее, еще не зная, какой она окажется — плохой или хорошей. Да и сможет ли Коська привыкнуть к ней? Пока он маленький и еще не все понимает, он может быстро забыть Валю. А что будет через год или два?

Аграфена Севастьяновна и Татьяна со свойственной им непосредственностью и прямолинейностью не скрывали своих надежд на то, что Вениамин и Валя поженятся и все будет хорошо. А в деревне многие уже давно считали ее женой Гвоздева, а Коську именно ее ребенком. Не только потому, что он звал ее мамой, а потому, что видели, как она любит его и заботится о нем даже больше, чем иная родная мать о своем кровном чаде.

Теперь складывалось все так, что Валя вроде бы расчетливо навязывается Гвоздеву. А если еще и поедет с ним в Крым, то для чего же, как только не для того, чтобы окончательно опутать Вениамина Александровича? И не только посторонние, но ведь и сам Гвоздев именно так и подумает!

И она решила отказаться. Но, глядя на спящего Коську, не могла представить себе, как она будет без него целый месяц. Но еще с большей тревогой думала о том, как же Коська будет без нее.

«Конечно, с одним отцом его отпускать нельзя, — решила она окончательно и бесповоротно. — Аграфена Севастьяновна вряд ли поедет. Надо уговорить Татьяну. Девочки уже большие, да и мы с бабушкой присмотрим за ними. А что касается страдной поры, то это лишь отговорка: Татьяна не тракторист и не комбайнер, а всего лишь счетовод, и совхозная бухгалтерия без нее как-нибудь обойдется. Но если Татьяна все-таки откажется, пусть Гвоздев едет один, без Коськи. Конечно, было бы неплохо свозить мальчика на море. Но он и без того крепенький мальчик...»

Она не оберпулась, когда кто-то вошел в избу и остановился за ее спиной, но как-то сразу догадалась, что это Вениамин Александрович. Он стоял молча, должно быть, разглядывал спящего сына. Валя хотела было встать и уйти, но он удержал ее, положив руку на плечо. И она вся сжалась, будто ожидая удара. Рука у него была тяжелая, она чуть подрагивала, выдавая его волнение, и Валя даже посочувствовала: ведь и ему, наверное, нелегко начать этот неизбежный разговор.

Но вот он все-таки решился:

— В конце концов, это вас ни к чему не обязывает...

Скажи он что-то другое или как-то иначе, Валя тотчас же сообщила бы ему, что не поедет. Но он сказал именно это, и так, что она сразу догадалась: ему понятны и ее сомнения.

И она как-то сразу, с поспешностью, неожиданной для себя, согласилась.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Вале с Коськой дали отдельную комнату, а Вениамину Александровичу пришлось поселиться в другом корпусе в общей палате. Соседями его оказались двое студентов Ленинградского арктического института, контакт с ними установился сразу, и если студенты приходили раньше, чем Вениамин Александрович успевал заснуть, разговоры затягивались почти до утра. К счастью, студенты вскоре познакомились с девушками, приходили поздно и спали до полудня, пренебрегая завтраком.

С Валей и Коськой Вениамин Александрович встречался лишь утром в столовой за завтраком. Коська уже привык к нему, называл папой и позволял брать на колени и кормить его с ложечки. Но Валя это не поощряла, настаивала, чтобы Коська ел сам, хотя потом ей приходилось снова умывать его и каждый раз менять рубашку или майку.

Первые три или четыре дня она не разрешила не только купать Коську в море, но и держать на солнце, и они по очереди сидели с ним под навесом. Возня с ним избавляла их от необходимости говорить о чем-то еще, и это устраивало обоих. Они как-то смущались друг друга, говорили чаще всего о погоде, иногда вспоминали общих знакомых. Вениамин Александрович из этих обрывочных разговоров узнал, что не только Юля Калистратова, но и сам Василий Григорьевич был в курсе всех связанных с Валей и Коськой событий, и обиделся на него за то, что тот не рассказывал об этом.

— Так ведь это я просила их ничего вам не рассказывать, — оправдывала Калистратовых Валя.

— Но я не понимаю, почему из этого надо было делать военную тайну.

— Значит, вы и сейчас ничего не понимаете, — разочарованно подытожила Валя.

Но Вениамин Александрович лукавил, прикидываясь, что не понимает, почему Валя так поступила. Он хотя и смутно, но догадывался, что́ именно заставило ее скрытничать, и старался развеять ее сомнения, делая вид, что ее отношение к нему совершенно для него безразлично. Валя в свою очередь тоже старалась как бы не замечать его, и между ними начал было пробегать холодок отчуждения, и неизвестно, чем все это кончилось бы, если бы не один случай.

Валя не умела плавать и обычно плескалась в воде, не заходя в море глубже чем по пояс. А в тот день был сильный накат, и возвращающейся от берега волной ее отнесло на глубину. Воды оказалось по шею, но Валя еще чувствовала под ногами дно и не насторожилась. Подгребая руками под ногами дно и не насторожилась. Подгребая руками и цепляясь пальцами ног за уползающую из-под них гальку, она подбиралась к берегу, воды было уже по грудь, когда набежала другая волна и, накрыв ее с головой, отнесла еще дальше. Когда волна прошла, Валя вынырнула и начала было опять спокойно подгребать руками, но тут же ее потянуло под воду, она захлебнулась. Не ощутив под ногами дна, испугалась и, отчаянно молотя руками, вынырнула на поверхность и оглянулась. Как назло, поблизости

никого не оказалось, и она едва успела крикнуть: «Тону!», как снова погрузилась в воду.

Вениамин Александрович, не зная, что Валя вообще не умеет плавать, как-то и не беспокоился за нее и в это время возился с Коськой, сооружая из камешков крепость. Он услышал, как кто-то крикнул: «Смотрите, женщина тонет!», обернулся и увидел, как трое мужчин кинулись в воду и нырнули примерно в одной точке, хотя никого в этом месте не было видно. Но вот на воды показалась зеленая шапочка, за нею почти одновременно вынырнули три головы, но тут же Вениамину Александровичу закрыли обзор вскочившие с лежаков и подбежавшие к урезу воды люди. Подхватив Коську на руки, Вениамин Александрович тоже побежал к воде и только теперь вспомнил, что у Вали именно зеленая шапочка. Оберегая Коську и расталкивая плечом столпившихся на берегу, он боком выбрался к воде и увидел, что трое мужчин несут на руках Валю. Он бросился им навстречу, одной рукой прижимая к себе Коську, а ладонью другой поддерживая безвольно свисающую вниз голову Вали.

Он не помнил, [illegible]ал Коську, но отчетливо помнил, что надо делать [illegible] случаях. Положив Валю животом на свое ко[illegible] несколько раз сильно нажал ладонью на спину, [illegible] воду. Воды вылилось немного, он нажал еще несколько раз, но вода больше не шла. Он подхватил Валю на руки, положил спиной на ближайший лежак и, набрав полную грудь воздуха, припал к ее губам и стал медленно выдыхать воздух ей в рот. Подоспевшая дежурная сестра протянула было марлевую салфеточку:

— Вот, подложите...

Но Вениамин Александрович, лишь на мгновение оторвавшись от Валиных губ, сердито прикрикнул:

— Сердце массируйте!

Сестра начала было массировать Вале грудь, но тут же вспомнила, что надо сначала проверить пульс. Положив пальцы на сонную артерию, радостно воскликнула:

— Есть пульс!

В это время Валя глубоко вздохнула и открыла глаза. Они были мутными, взгляд отрешенно устремлен в одну точку, но вот в нем промелькнуло что-то осмысленное, потом веки устало опустились. Однако сестра тут же пальцами приподняла их и сообщила:

— Все в порядке, — и попросила кого-то: — Ну-ка сбегайте за носилками, они в дежурке.

Но еще до того, как принесли носилки, Валя снова открыла глаза, и теперь взгляд был вполне осмысленным, она узнала Гвоздева, даже виновато улыбнулась ему, однако тут же взгляд ее тревожно заметался по сторонам, а Вениамин Александрович, догадавшись, что она ищет Коську, только теперь и вспомнил о нем. И тут же среди других голосов различил его крик и вскочил. Коська орал во всю мочь, отталкивая лицо державшего его на руках бородатого студента, жившего в той же комнате, что и Гвоздев. Узнав отца, Коська протянул навстречу ему ручонки, но, когда Вениамин Александрович подхватил его и прижал к себе, вдруг отвернулся и еще более истошно закричал:

— Ма-ма!

То ли Валя в это время окончательно пришла в себя, то ли услышала его крик, но сразу же приподнялась, пытаясь встать. Однако дежурная сестра тотчас же придавила ее к лежаку, строго приказав:

— Лежите!

Сил у Вали оказалось недостаточно, чтобы сопротивляться. Вениамин Александрович поднес Коську почти к самому ее лицу. Она лишь подняла руку и погладила Коську по голове.

— Не плачь, миленький... Все хорошо, — с трудом, стараясь придать голосу спокойствие, произнесла она.

И Коська замолчал.

Тут притащили носилки, теперь и второй студент — сосед Гвоздева помог сестре переложить Валю на них, и они понесли ее по ступенькам наверх, к зимнему солярию, под которым и была расположена комната дежурной сестры.

Медсестра выразительным жестом удалила Гвоздева и студентов из дежурки. Дверь за ними сразу захлопнулась, но он чутко прислушивался к тому, что происходит за нею.

Наконец сестра разрешила:

— Входите!

Гвоздев вошел и, опустив Коську на пол, бросился к Вале. Она, откинувшись на ребристую стенку солярия, сидела на топчане, устало прикрыв веки. Лицо ее было совсем зеленым. Вениамин Александрович, не отпуская ее руки, стал осторожно укладывать Валю на подушку, но ему помешала сестра.

— А ну-ка выпейте! — требовательно сказала она, держа в одной руке мензурку, а другую подсовывая Вале под голову и возвращая ее в сидячее положение.

Валя ее послушалась и приоткрыла рот, позволив сестре влить содержимое мензурки. Выпив все сразу, сестра,

видимо, перестаралась. Валя поперхнулась, хотела сплюнуть, но сестра строго сказала:

— Глотайте!

Валя глотнула, поморщилась и с упреком посмотрела было на сестру, но тут же взгляд ее встревоженно метнулся куда-то за спину Гвоздева. Вениамин Александрович, повольно следуя за ним, обернулся и увидел, что Коська пытается дотянуться до стеклянной полочки с пинцетами, шприцами и разной длины иголками. Гвоздев успел перехватить руку сына, должно быть, сделал ему больно, Коська запищал и потянулся к Вале, как бы прося у нее защиты. Валя тоже протянула навстречу ему руки, но Вениамин Александрович не дал ей Коську, мягко отстраняя ее и оправдываясь:

— Вам нельзя.

— Лежите, — подтвердила и сестра, налила из колбочки полмензурки, опрокинула в свой ярко накрашенный ротик, шумно выдохнула и сказала:

— Слава богу, обошлось!

Тут же наполнила мензурку до краев и протянула ее Гвоздеву:

— На, выпей, счастливый папаша. А то ведь у нас бывает, что и насовсем тонут. А твоя-то вон как разрумянилась! — И почти враждебно посмотрела на Валю, должно быть только теперь окончательно осознав, какие неприятности по работе могли угрожать ей при другом исходе.

Вениамин Александрович машинально опрокинул содержимое мензурки в рот, почувствовал, как обожгло нёбо, и понял, что это спирт, или, как его называют на флоте, «шило». Несмотря на мизерную дозу, он и сейчас, казалось, насквозь пропах все кишки.

А Валя действительно разрумянилась, лицо ее было хотя и утомленным, но умиротворенным, и только теперь Гвоздев вспомнил, что по инструкции в таких случаях полагалось давать именно спирт или горячий чай и прикладывать к ногам грелки.

— А грелки? — спросил он у сестры, шаря взглядом по стеклянным полкам.

— Зачем? — Сестра пожала плечами и пояснила: — Она и захлебнуться-то как следует не успела, у нее и пульс не пропадал, а уж переохлаждения и в помине нет. Ты вот что, погуляй с мальчонкой где-нибудь недалеко, а она тем временем совсем оклемается.

Вениамин Александрович подхватил на руки Коську, взгляд которого так и не отрывался от стеклянного шкафа

со шприцами, собрался уйти, но тут Валя неожиданно бодрым голосом остановила его:

— Подождите, я с вами.

Сестра попыталась снова придавить ее к топчану, но Валя решительно отвела ее руку, встала и, уцепившись за локоть Гвоздева, заверила:

— Мы уж сами.

И потом, опираясь на его локоть, старалась идти уверенно и успокаивала:

— Все уже прошло.

Голос ее был настолько ровным и спокойным, что Вениамин Александрович поверил ей и, лишь войдя в палату и увидев, как Валя бессильно опустилась на кровать, понял, что у нее еще не все прошло, и осторожно предложил:

— Может, вызвать врача?

— Не надо, я немножко полежу, и все будет в порядке. Уложите Коську, — вяло произнесла она, откинулась на подушку и тотчас уснула.

Вениамин Александрович сдернул с ее кровати никелевое покрывало, укутал ее. Пока он занимался этим, Коська успел залезть под стол и оттуда начал управлять луноходом, почему-то стараясь запнать его под ноги отцу. Один раз это ему удалось, и Вениамин Александрович услышал, как хрустнул под его каблуком плексиглас, и тут же, не давая Коське осознать столь печальный для него факт, подхватил его на руки и вынес из палаты.

Но, выйдя в коридор, от двери далеко не удалялся, а то и дело припадал к ней ухом, хотя в коридоре было тихо: наступил час ужина и все ушли в столовую. Вениамин Александрович подумал, что надо бы покормить хотя бы Коську, но тот уже, убаюкавшись у него на руках и раскатав пухленькие губки, спал. Осторожно приоткрыв дверь, Вениамин Александрович на цыпочках вошел в палату и прислушался. Дыхание у Вали было спокойным и ровным.

Разобрав одной рукой постель и раздев Коську, он сунул его под одеяло и присел на краешек его кровати. Уходящий за горы луч солнца черкнул было по никелированной спинке кровати, отблеск его упал на лицо Коськи, но тут же исчез. Тем не менее Вениамин Александрович поспешно встал, задернул занавески и, убедившись, что отблеск не разбудил ни Валю, ни Коську, присел к столу. Собрался было пойти в столовую и принести ужин в палату, но побоялся уйти. «В крайнем случае сбегаю в ресторан»,— решил он.

Его тоже почему-то потянуло ко сну; хотя сегодня он почти не плавал, все тело ломило, и, подложив локти, он уронил на них голову и сразу уснул.

Проснулся он, когда солнце, еще не взойдя, уже подрумянило вершины гор.

Видимо, Валя почью вставала: пикейное покрывало, аккуратно свернутое, лежало в кресле, сарафан висел на никелированной спинке кровати и сполз чуть ли не до полу, постель была разобрана, а Валя лежала под одеялом. Коська же раскутался и от холода свернулся калачиком, отогревая руки между коленями.

Вениамин Александрович встал, осторожно, чтобы не разбудить, укутал Коську и на цыпочках стал пробираться к двери, но, глянув на Валю, в изумлении остановился.

Впервые он обнаружил, что она не просто недурна собой, по красива. Веки были чуть припухлыми, а ресницы темными и длинными, слегка загибающимися вверх, можно было даже подумать, что, по нынешней моде, они специально подкрашены и загнуты, но Вениамин Александрович за эти дни узнал, что Валя вообще [illegible]ется. Слегка вздернутый носик придавал лицу [illegible] бродушия, а маленькие ямочки на щеках усиливали [illegible] впечатление. Загоревшее, разрумянившееся от сна [illegible] сохраняло первозданную, как у младенца, чистоту и свежесть.

До этого он как-то стеснялся разглядывать Валю, а сейчас, разглядев, поразился тому, что не замечал раньше ее пусть и не броскую, но такой свежести красоту.

Должно быть, его взгляд потревожил Валю, чуть дрогнули ее ресницы, и Вениамин Александрович, точно пойманный на месте преступления воришка, испуганно съежился. Но Валя не проснулась, лишь повернула голову набок, как бы уводя лицо от его взгляда. Вениамин Александрович поспешно вышел из палаты и тихонько прикрыл за собой дверь.

2

Именно с этого раннего утра все и началось.

Вениамин Александрович не был человеком сентиментальным, наоборот, его считали крайне сдержанным в выражении своих чувств, пожалуй даже суровым, но не злым.

Скорее всего, сдержанность его объяснялась тем, что вырос он в деревне, где она испокон веков почиталась за несомненную солидность и достоинство. Да и суровая служ-

бы на море не располагала к душещипательным сантиментам. А возможно, что некоторую замкнутость характера и склонность к иронии, а еще больше — к самоиронии, он унаследовал от матери.

А сейчас в нем проснулась такая нежность, о которой он не мог и подозревать и даже испугался этой неожиданной своей способности как-то по-иному воспринимать мир и попытался укротить ее, но она снова рвалась наружу, и он ничего не мог поделать с собой.

Валя сразу заметила в нем перемену, но сначала не придала ей значения, полагая, что его столь заботливое внимание к ней объясняется вчерашним случаем, он считает ее все еще больной и потому так необычно мягок и внимателен. Она чувствовала себя хорошо, но воды стала бояться и даже в сопровождении Вениамина Александровича, когда они оставляли Коську под чьим-нибудь надежным присмотром, со страхом входила в море.

А он решил научить ее плавать и тянул сразу на глубину, чисто символически поддерживая ладонью.

Страх перед водой мешал Вале усвоить науку плавания. Она все делала правильно, пока Вениамин Александрович, хотя бы символически, поддерживал ее, но стоило ему убрать ладонь, как сразу нарушалась координация движений рук и ног, тело становилось непослушным и тяжелым, ее начинало тянуть ко дну. Гвоздев вспомнил разговор с Авдеевым, но воспользоваться его методом не решался, опасаясь, что, нахлебавшись воды еще раз, Валя будет бояться ее всю жизнь.

А вот Коська усвоил все гораздо быстрее. Узнав от Вали, что благодаря новой методике незапрещения, Коська и ходить-то начал в семь месяцев, и прочитав найденную Валей же в библиотеке книжку Никитиных о воспитании детей, Вениамин Александрович уже на пятый день пребывания в пансионате стал учить сына плавать.

По-собачьи загребая под себя воду ручонками и работая ножками, Коська уверенно держался на воде, и теперь за ним только смотри и смотри: не успеет обсохнуть, как снова лезет в воду. Зато вечером его не надо уговаривать лечь в постель, сразу после ужина сам тянется к кровати и засыпает даже чуть раньше, чем его головка успевает коснуться подушки. Убедившись, что он теперь спит до утра беспробудно, Вениамин Александрович с Валей однажды рискнули даже пойти на танцы, попросив, однако, дежурную по этажу немедленно сообщить им, если Коська все-таки проснется. Тем не менее несколько раз и сами наве-

дывались в палату, но Коська не проснулся даже тогда, когда они после танцев зажгли свет, вскипятили и стали пить чай.

Собственно, чай пила одна Валя. Вениамин Александрович стакан ни разу даже и не пригубил, а все размешивал и размешивал ложкой давно растаявший сахар. Взгляд его был устремлен в никуда или в какое-то невидимое Вале пространство, он застыл в отрешенной от всего неподвижности, и оттого, наверное, было трудно даже предположить, о чем думает сейчас Гвоздев.

А он вспоминал, как танцевал с Ниной, как радовался гибкости и послушности ее упругого тела, и невольно сравнивал свои ощущения тогда и сегодня, когда он всего каких-нибудь минут пятнадцать назад танцевал с Валей. В этом сравнении явно выигрывала Валя.

«Что же это я их сравниваю, как призовых лошадей на скачках? — устыдился наконец он. — Почему же я ни одну из них не сравниваю с Ниной? Забывать ее стал? Нет, наверное, она всегда будет стоять между нами...»

Покраснев, он сделал глоток и, лишь чтобы справиться с чувством стыда, сказал:

— Остыл.

— Сейчас я вскипячу и заварю свежий, — сказала Валя, выплеснула за окно из его стакана, наполнила его водой из графина и включила в розетку кипятильник.

За то время, пока они ждали, когда вскипит вода, они не произнесли ни одного слова, но именно в это время что-то между ними произошло. Что именно — они так и не поняли. Но Гвоздеву определенно не хотелось уходить, а Валя каким-то образом об этом догадалась. И смущенно предложила:

— Я вас немножко провожу. До вашего корпуса.

Но до его корпуса они так и не дошли, а задержались на нагревшейся за день на солнце, отдающей тепло в прохладную ночь широкой веранде, с которой хорошо были видны и спадающие к морю сначала верхушки пирамидальных тополей, а потом и менее освещенные дежурными лампочками крутые лестницы и многоцветные многоточия раскиданных по бухте якорных, топовых и ходовых огней.

— Красиво! — сказала Валя. — У нас в базе, если смотреть сверху, с четвертого этажа госпиталя, огни вроде бы даже ярче, но какие-то холодные...

— А вы и родились там?

— Нет. — Валя нерешительно помедлила, как бы сомневаясь, стоит ли рассказывать, и уже иным, срывающимся

от волнения голосом продолжила: — Родилась я в Москве. А в той базе служил мой отец.

— Он был моряком?

— Да.

— Постойте-ка... Новосельцев, Новосельцев, — начал припоминать Вениамин Александрович, пытаясь установить, где и когда он слышал эту фамилию. — Что-то с ним было связано... — И вдруг вспомнил: — Ну конечно! Он погиб, спасая матроса? — обрадованно спросил Гвоздев.

— Да.

Валя припомнила разговор с мичманом Варфоломеевым на могиле матери и отметила, что Константин Анисимович почти вот так же обрадовался, узнав, кем был ее отец. «Вот и Вениамин Александрович слышал об отце, а я о нем долго ничего не знала...»

Как-то так получилось, что к ней все относились хорошо, но у нее не было близкой подруги, с которой можно было бы поткровенничать. Кроме мичмана Варфоломеева, она никому не рассказывала и о своей нелегкой судьбе. А сейчас ей почему-то захотелось рассказать, может быть, потому, что Гвоздев, как и Варфоломеев, слышал о ее отце. И она стала рассказывать обо всем подробно, не утаила и того, как завидовала своим сверстникам, которых отцы водили в зоопарк и покупали им мороженое...

Гвоздев слушал внимательно, не перебивая. Она не видела его лица, но, судя по тому, как он выкуривал одну сигарету за другой, рассказ его взволновал. И Валя, решив быть откровенной до конца, рассказала и о том, как невзлюбила его за «железный» тон, когда он звонил по телефону, как представляла его в виде гвоздя с широкой шляпкой, почему не хотела, чтобы он знал, что она живет в деревне, и как боялась ехать с ним сюда, опасаясь, что он расценит ее согласие как навязчивость.

Когда она умолкла, Вениамин Александрович в порыве благодарности неожиданно обхватил ее рукой за талию, притянул к себе и дрогнувшим голосом сказал:

— Глупенькая...

Но тут же испуганно отдернул руку и полез в карман за очередной сигаретой. Когда он прикуривал, руки у него дрожали и он долго не мог попасть сигаретой в трепетный язычок пламени. Наконец прикурив, стал жадно хватать горьковатый дым, видимо собираясь что-то сказать, но еще не решаясь, и Валя испугалась, что сейчас он скажет что-то не то и не так и разрушит возникшее в ней доверие к нему.

— Что-то прохладно стало, я, пожалуй, пойду, — сказала она, поежившись.

— Да, конечно, не хватает еще, чтобы вы простудились! — Голос у него был встревоженным.

— Спокойной ночи!

— Утром я зайду, — пообещал он, теперь уже расстроенно, и стал неторопливо спускаться по лестнице на прикатанную битым кирпичом дорожку.

В это время из вороха облаков выпуталась луна — круглая и полновесная, как каравай испеченного в русской печи хлеба, и особенно яркая в этом темном южном небе. Свет ее половодьем затопил все вокруг, по дорожке далеко протянулась непомерно длинная тень Гвоздева, он шел по ней медленно и задумчиво, должно быть не замечая ни этой тени, ни самой луны.

Валя уже пожалела, что не выслушала его, и расстроилась. Долго не могла заснуть, вспоминая все свои встречи с Гвоздевым, начиная от первой, в госпитале.

Ночь была какой-то изрытой, ей снились странные сны — то светлые и радостные, то мрачные.

...Солнечный день на склоне холма, покрытого удивительно яркими цветами, которыми они с отцом осыпали смеющуюся от радости мать, вдруг сменился темной, до костей пронизывающей холодом ночью и слепым бураном, когда она возвращалась из соседней деревни, потеряла дорогу и долго бродила по пояс в снегу, замерзая и плача от бессилия, но думая не о себе, а о том, что Коське без нее будет совсем плохо...

Потом почему-то приснился мотоциклетный лихач Тимоха, он ехал по улице, не держась за руль; Валя, вцепившись в него, сидела сзади, и ей было не страшно, а даже весело: ветер так приятно обвевал лицо, трепал волосы, щекотно залетал под платье, что казалось, будто она не на мотоцикле едет, а парит в воздухе, как птица.

Но парила она недолго, вдруг кудрявый затылок Тимохи начал осыпаться и обнаружилась, пока еще начинающаяся, не больше пятака, лысина доктора Григоренко. Но все вокруг нее опадало, Валя даже попыталась прижать ладошкой волосы Григоренко, но они, как вода, вытекали между пальцев.

Потом все вокруг стало холодным и зеленым, она ощутила, как вся наполняется горькой водой и ее тянет вниз, в мрачную, все шире и шире разверзающуюся под нею бездонную пропасть...

В нелепом сочетании сновидений было что-то угнетающее. Валя проснулась с тяжелой головой. Коська еще спал, сильно сбросив одеяло и зябко свернувшись калачиком. Осторожно укрыв его, Валя постояла над ним, вглядываясь в его личико. И поймала себя на том, что ищет сходства с лицом Вениамина Александровича.

3

Теперь они говорили много и обо всем, перескакивая с одной темы на другую, как будто опасаясь, что кто-то вдруг помешает им высказаться до конца. Вениамин Александрович обнаружил, что Валя не только начитана, но и умна, мысли у нее не заимствованные из книг, а свои, выношенные, суждения не только самостоятельны, но и оригинальны.

Однажды они пошли на выставку картин местного художника-пейзажиста. Картин было много, но художник почему-то писал только деревья и кустарники, все они были изуродованными. Вениамин Александрович пытался углядеть в этом уродстве некую символичность, не углядел и спросил об этом Валю.

— Никакого символа тут нет, — убежденно сказала она. — По-моему, творчество этого художника целесообразнее оценивать в кубометрах изображенной им древесины.

Вениамин Александрович рассмеялся. Он вполне разделял такую оценку творчества этого художника.

Потом они с Валей много спорили о только что прочитанном ими новом романе Юрия Бондарева «Игра», и Гвоздев обнаружил у Вали не только тонкий художественный вкус, но и незаурядный полемический задор.

На многое их взгляды совпадали, но Вениамин Александрович иногда предумышленно возражал Вале, чтобы втянуть ее в спор, и любовался ею, когда она горячо и заинтересованно начинала в чем-то убеждать его.

Гвоздеву нравилось наблюдать за Валей.

Однажды он, лежа на топчане, вздремнул. Но жесткие ребра топчана так впивались в тело, что скоро он проснулся и, едва открыв глаза, увидел лицо Вали. Сначала взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, он был задумчивым и отрешенным, в нем ничего нельзя было прочитать. Но вот он упал на высокую отвесную скалу, лицо Вали стало вдруг напряженным, в глазах появился страх. Что она предста-

вила в этот момент? Падение со скалы? Или представила, как об эту скалу разбивается корабль, слышатся отчаянные крики людей, треск ломающегося дерева и скрежет металла?

А вот из-за мыса показался и белоснежный теплоход с красной полосой на трубе. Наверное, там играет музыка, но ее еще не слышно, смутно различаются и фигурки людей на палубах, и лицо Вали, словно она уже слышит еще не донесшиеся сюда звуки оркестра, становится мечтательным, глаза светятся тихой, умиротворенной радостью.

Теплоход, так и не донеся музыку, скрывается за очередным мысом, и Валя следит за парящей высоко в небе птицей, и кажется, что Валя летит вместе с нею.

Она как бы открывалась навстречу всему, что сейчас видела, и легко переходила от одного состояния к другому.

Но еще больше Вениамина Александровича поразил Коська. Проследив за взглядом Вали, он тоже увидел парящую высоко в небе птицу, и в нем тоже все изменилось. Выражение лица и взгляд у него стали одинаковыми с Валиными, казалось, они оба [illegible] ощущают одно и то же: необъятность пространства, синеву неба и моря, испытывают восторг полета. Должно быть, они видели то, чего не видел Вениамин Александрович.

И это их единение всколыхнуло в Гвоздеве чувство особой признательности Вале.

Их свел несчастный случай. Но случай иногда бывает мудрым.

Вениамин Александрович часто думал о том, что же заставило Валю поступить так, как она поступила, уехав в деревню. Только жалость? Врожденная доброта? Милосердие? Но что такое милосердие? Вот раньше медицинских сестер называли сестрами милосердия. Наверное, предполагалось, что у них прежде всего должно быть доброе сердце.

Сам Гвоздев ни разу серьезно не болел и мог судить о медиках, лишь наблюдая за корабельными врачами. Вот Коновалов, например, милосерден? Наверное, хотя и нельзя назвать его мягким человеком. Иногда он ох как кусается! Но вот что в нем всегда есть, так это сострадание к больному. Может, именно способность сострадать и есть милосердие? И слово «милосердие» не потому ли стали редко употреблять, что начали утрачивать чувство сострадания к ближнему?

Но только ли сострадание к Коське двигало поступками Вали? Нет, в них было и нечто гораздо большее. Что именно?

Теперь Вениамину Александровичу казалось, что он знает Валю очень давно. Со свойственной его профессии практичностью он даже подсчитал, сколько он ее знает.

В среднем почти каждый корабельный офицер по меньшей мере полгода бывает в море. Если из остающейся половины исключить дежурства и вахты и учесть очередность съезда на берег, то получится, что в году он бывает дома раз двадцать пять — тридцать. Если еще учесть, что на берег он сходит после ужина и возвращается к подъему флага и, допустим, четыре-пять часов все-таки спит, то каждый раз общается с домашними не более пяти, ну пусть даже шести часов. Шесть умножить на тридцать, получится сто восемьдесят, максимум двести часов. А они с Валей здесь уже двадцатые сутки, каждый день вместе часов по шестнадцать, это уже более трехсот часов вместе, то есть выходит, что более полутора лет совместной жизни в «нормальных» условиях военно-морской семьи. Ну, можно еще набросить на их встречи до этого.

Он выложил перед Валей эти свои математические расчеты и сказал:

— Вот видите, как давно мы знаем друг друга!

Валя сначала приняла это за очередную шутку, но вспомнила, как редко виделась с отцом за время их недолгой совместной жизни, и в который уж раз подумала о нелегкой участи жен моряков. «Похоже, что и мне предстоит разделить эту участь», — подумала она и поняла, что если Вениамин Александрович сделает ей предложение, то теперь она примет его.

За эти двадцать дней она убедилась, что Гвоздев, несмотря на свою сдержанность и даже суровость, человек добрый и мягкий. А его честность и порядочность и раньше не вызывали у нее сомнения. В нем ощущалась какая-то надежность и устойчивость. Открывая в нем все новые достоинства, Валя постепенно проникалась не только уважением к нему, но и дружеским расположением и симпатией и начинала верить, что со временем может и полюбить его.

Но все произошло как-то внезапно.

Увлеченные разговорами, они тем не менее не спускали глаз с Коськи, но перестали замечать, сколько времени он находится в воде. А в тот день он почти не вылезал из отведенного для малышей лягушатника, видимо, переохладился, и к вечеру у него поднялась температура. Валя растерла его борным спиртом, тепло укутала, напоила горячим молоком с медом и положила к ногам грелку.

Коська было спокойно уснул, но к ночи температура

подскочила до тридцати восьми и трех десятых, у него начался бред, и Валя испугалась, как бы опять не возобновилось воспаление легких. Она привела дежурного врача, тот долго выслушивал Коську и успокоил:

— С легкими все в порядке. Обыкновенное переохлаждение. Поставьте ему горчичники и вот этот порошок давайте четыре раза в сутки. И подержите его дня три-четыре в постели. Утром я зайду.

А температура все поднималась, дошла до тридцати восьми и шести десятых, Коська весь горел, хватая воздух сухими, потрескавшимися губами, тянулся к Вале и звал: «Мама, мама!» Валя завернула его в одеяло, взяла на руки и стала укачивать, то и дело касаясь губами его лобика. Вениамин Александрович стоял за ее спиной и тревожно смотрел на личико сына. Оно как-то сразу осунулось, глаза ввалились, в их лихорадочном блеске были испуг и боль.

Лишь к утру температура спала, и Коська уснул. Валя бережно переложила его на кровать, расправила одеяло и прислушалась к его дыханию. Оно стало более глубоким, черты лица обрели спокойное выражение, Коська даже чему-то улыбнулся во сне. Валя, не поднимаясь со стула, опустила голову к его ногам и затихла в этой неудобной позе.

— Идите поспите, а я пока посижу возле него, — сказал Вениамин Александрович и, подхватив Валю за локти, помог ей встать.

Поднявшись со стула, Валя устало прислонилась к Вениамину Александровичу, уронила голову ему на грудь. Он осторожно поддерживал ее; испытывая необычайный прилив нежности, боялся шелохнуться, чтобы не разрушить ее совсем еще хрупкое доверие к нему. Но вот Валя подняла голову, попыталась отстраниться, однако Вениамин Александрович не дал, поймал в ладони ее лицо и поцеловал. Он со страхом ждал, что сейчас Валя возмутится. Но она лишь опустила голову и закрыла глаза. И он уже решительно притянул ее к себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Вениамин Александрович решил, что лучше всего ему перевестись на Тихоокеанский флот, в какой-нибудь отдаленное место, скажем на Камчатку, где меньше вероятности

встретить старого сослуживца, знавшего о Полине и приключившейся беде. Ведь Коська будет расти, и не дай бог, если когда-нибудь случайно узнает, что Валя не родная его мать. И в деревню можно еще поездить год-другой, а потом придется воздержаться.

Решили, что Валя с Коськой приедут к нему на новое место службы, когда он получит хоть какое-нибудь жилье. И как ни трудно Вениамину Александровичу расставаться с ними, но придется. Правда, про себя он решил, что не будет ждать, пока ему дадут жилье, а сразу же по прибытии на новое место снимет хотя бы комнату.

Вопрос о переводе на другой флот может решить только командующий, но нельзя обращаться к нему через голову Еремеева и Кулешова, так что завтра все равно придется идти в штаб и связываться с ними по телефону, а может, даже и по радио, потому что и телефонная связь не всегда надежна, и он все-таки командир корабля, и телефонисткам необязательно знать, [illegible] и почему он переводится...

Когда он приехал [illegible] главную базу, «Стремительного» там уже не было: [illegible] после ремонта он ушел в свою базу пополнять боекомплект и провизию. А вот куда и надолго ли пойдет дальше, неизвестно. Об этом наверняка знает Петруша Вяткин, но обращаться к нему не хотелось. «А может, Виктор Волжанин знает?»

Было воскресенье, к тому же дело шло к вечеру, надо позаботиться и о ночлеге. Хотя «дикарский» сезон уже закончился — в школах начались занятия, но на городские гостиницы рассчитывать не приходилось: в выходные дни они переполнены приезжающими из других баз офицерами и сверхсрочниками. Они бронируют места заранее, и лишь в гарнизонной гостинице есть резерв для командированных и отпускников. Вениамин Александрович отправился туда. Если и там не окажется мест, то на одну-то ночь приютит Виктор Волжанин...

В гарнизонной гостинице не оказалось ни свободных мест, ни Виктора Волжанина.

— Так ведь он уже более трех месяцев назад уехал отсюда, — сообщила дежурная.

— Куда?

— Кажется, к жене.

— Он что, женился?

— А кто его знает? Только пришла женщина как-то ночью и увела его отсюда... А на другой или на третий... — засомневалась было дежурная, но почти убежденно вспомнила: — На третий, да, на третий — и вещички свои увез.

— Не знаете, кто она?

— Сказала, что работает вместе с ним. В газете, стало быть. И документ показала... По делу, говорит, пришла, а сама увела его, — рассказывала словоохотливая дежурная с явным осуждением и досадой на то, что она тут явно что-то или кого-то упустила.

«Светлана! — сразу догадался Вениамин Александрович и искренне порадовался и за Виктора и за Светлану. — Надо их поздравить».

Гвоздев оставил свой багаж в камере хранения при гостинице и пошел в редакцию. Там у дежурного узнал домашний телефон Светланы Шабровой и тотчас, не ожидая, пока у дежурного пропадет интерес к такой справке, позвонил.

Трубку снял Виктор:

— Веня?! Ты сейчас где?

— Пока в редакции.

— Немедленно дуй сюда! — Виктор назвал адрес.

Надо было купить какой-нибудь подарок, но промтоварные магазины в воскресенье не работали, в цветочных киосках продавали только синтетические ромашки и гвоздики. Вениамин Александрович вспомнил, как они с Петрушей Вяткиным заходили в цветочный павильон, кажется, он был где-то неподалеку отсюда, но сразу не смог найти этот павильон, долго плутал по каким-то узким улочкам и переулкам и ощущал себя парашютистом-десантником, сброшенным в непроглядную ночь на незнакомую местность.

И все-таки он отыскал этот павильон, но там тоже были только синтетические цветы. За прилавком сидела и читала книгу знакомая продавщица. Вениамин Александрович даже вспомнил, что ее зовут Надей, но обращаться к ней почему-то не хотелось. Вместе с еще двумя покупателями — средних лет мужчиной и пожилой женщиной — он постоял возле расставленных на широком подоконнике горшочков с аспарагусами и цикламенами и направился было к двери, но продавщица окликнула:

— Товарищ капитан второго ранга!

Гвоздев подошел к прилавку, поздоровался и заметил:

— Я вижу, торговля у нас не очень процветает.

— Увы, мало завозят, в городе всего один питомник, — объяснила Надя и, проницательно прищурившись, ехидно спросила: — А у вас опять кто-то из сослуживцев родился?

— Нет, друг женился.

— Уж не Петруша ли? — Усмешка теперь не оставляла сомнений в том, что ответ Наде не безразличен.

— Нет, не он. Я ведь только что из отпуска, с тех пор его так и не видел, — зачем-то стал объяснять Вениамин Александрович.

— Подождите минутку, — сказала Надя, покосившись на все еще стоявших в перешительности покупателей у подоконника, и громко спросила их: — Ну что, граждане, выбрали?

— Из чего тут выбирать-то? — обиженно сказал мужчина и сразу же ушел, гордо и протестующе.

Женщина подхватила с подоконника горшочек с цикламенами и подошла к прилавку. Пока Надя упаковывала горшочек в бумагу и принимала деньги, Гвоздев изучал развешанные на стенах аляповатые плакаты, утверждающие, что цветы — лучший подарок, а также призывающие покупателей и продавцов быть взаимно вежливыми. Вспомнилась выставка крымского художника, предложение Вали оценивать его труд в кубометрах изображенной им древесины, и Вениамин Александрович улыбнулся.

Должно быть, Надя отнесла эту улыбку на свой счет, улыбнулась в ответ и сказала:

— Сейчас я вам что-нибудь подберу, — и скрылась в подсобке.

Букет из чайных роз был роскошным, и Гвоздев искренне поблагодарил Надю.

— Заходите еще, — пригласила она с кокетливым вызовом, и Вениамин Александрович догадался, что Петруша окончательно лишился ее доверия.

Когда он, напевая «Свадебный марш» Мендельсона, появился на пороге квартиры Светланы, то первой, кого он увидел, была... Юля Калистратова. Живот у нее уже, как говорится, лез на нос, лицо покрылось коричневыми пятнами, но глаза были счастливые. И раньше чем Гвоздев успел вручить букет Светлане, Юля преподнесла ему свой:

— Поздравляю! И тебя, и Валюшу!

Судя по выражению лиц выскочивших из кухни Светланы и Виктора, тут все были в курсе его дел.

— Ну, вы даете, ребята! — только и оставалось сказать Гвоздеву удивленно.

Впрочем, удивляться тут особенно было нечему: Вениамин Александрович еще от Вали узнал, что не только Юля, но и сам Калистратов был «в курсе». Как только Юля вслед за Светланой удалилась на кухню, разговор перекинулся на чисто служебные дела, Виктор стал подробно расспрашивать о визите во Францию, о том, какие перемены про-

нашли за последние месяцы на «Стремительном». Спросил и об Афанасьеве:

— Как он там? Приживается?

— По-моему, даже приживется. Но, знаешь ли, боевой корабль не купеческий дом, где содержали и приживалок. Мне нужен деятельный заместитель...

— А чем, собственно, тебя не устраивает Афанасьев? — испытующе глядя в глаза Гвоздеву, спросил Волжанин.

— Формально он делает вроде бы все, что полагается, ленивым его не назовешь. Но в нем нет инициативности. Он мне напоминает кипяченую воду: утолить жажду можно, а удовольствия не получишь.

Но тут женщины внесли такие блюда, что оба невольно примолкли и набросились на еду.

Юля подробно расспрашивала о Коське и Вале, о том, как они отдохнули на море. Решение Гвоздева перевестись на Тихоокеанский флот она одобрила, хотя и посожалела:

— А мне так хотелось повидать и Коську и Валю! Честно говоря, я по ним скучаю.

Когда женщины [illegible] на кухню, Вениамин спросил Виктора:

— Как твой очерк?

— Идет. Вот уже [illegible] прислали. — С напускным безразличием Виктор [illegible] на полки стопку гранок и ловко раскинул их листы, как фокусник раскидывает перед ошеломленным зрителем колоду карт. — Журнал-то солидный, толстый, конечно, слегка поцензурили, но тем не менее...

Очерк назывался «Его поле» и начинался с рассказа о том, как Малинин возил на курорт мать. Этот эпизод многое всколыхнул и в памяти самого Гвоздева. «Вот и моя мать ни разу не была на курорте», — с горечью подумал он и стал более внимательно вчитываться в каждую фразу.

Но читать было трудно: видимо, наборщик попался неопытный — сквозь бесчисленные нагромождения ошибок порой не сразу можно было добраться до смысла. Невольно вспомнилась листовка, сброшенная с вертолета на палубу «Стремительного» в Средиземном море, вся связанная с этим история. Теперь она казалась просто курьезной.

И Виктор то и дело выглядывал из кухни, должно быть, ему не терпелось узнать мнение Гвоздева об очерке. Едва Вениамин Александрович успел дочитать его, как Волжанин оказался рядом и с деланным равнодушием спросил:

— Ну и как?

— По-моему, хорошо, — не стал томить его Гвоздев. — Во всяком случае, портрет Малинина весьма достоверен. По-

жалуй, ты сумел ухватить в нем главное: вот это возникающее вокруг него какое-то силовое поле. Я его тоже ощущал. Но объясняешь ты его несколько смутно, почти в духе модных мистификаций экстрасенсов. Ты еще поразмышляй над этим.

Виктор взял из рук Гвоздева верстку, нашел нужную страницу, бегло перечитал ее и задумчиво сказал:

— Может, ты и прав...

2

И все-таки поле было!

Когда Вениамин Александрович вошел в кабинет командующего флотом, Малинин разговаривал по телефону. Не отнимая трубки от уха, он встал, протянул Гвоздеву руку и, когда тот осторожно пожал ее, жестом указал на одно из глубоких кресел, стоявших перед широким письменным столом, по всей его площади заваленным бумагами.

Сначала Гвоздева поразили именно монбланы этих бумаг. Но, сам привыкший к порядку, он отметил, что этот завал — только кажущийся, у каждой горы тут свое предназначение. Самая высокая из них — «депутатская». Опускаясь в кресло, Вениамин Александрович успел узнать ее назначение — взгляд его случайно был привлечен жирно отпечатанным типографским бланком: «Депутат Верховного Совета СССР». Видимо, это был ответ кому-то из избирателей.

«Пожалуй, мне не стоило напрашиваться на прием, можно было просто подать рапорт по команде. У командующего и без меня хватает дел», — уже начал раскаиваться Гвоздев и достал из кармана свой рапорт. Развернув лист, он стал тщательно разглаживать его на колене, но складки никак не разглаживались. Командующий недоуменно вытянул шею, из-за бумаг ему не было видно, что за манипуляции проделывает Гвоздев. Тому ничего не оставалось, как показать Малинину листок и виновато пожать плечами. Командующий улыбнулся, как бы подсказывая: ничего, мол, страшного, — но тут же нахмурился и сухо сказал в трубку:

— Я не могу разрешить использовать матросов с кораблей на хозяйственных работах. Что значит — для города? А они для кого несут службу? Не для вашего города? Верно, дело мы делаем общее, но каждый выполняет свои задачи. Мы и так вам немало помогаем, даже балуем вас, вы уже начинаете полагать, что флот — эта ваша бесплатная

рабочая сила. Так вот прошу вас: больше с такими просьбами ко мне не обращаться. До скорого свидания. Как это — когда? Да вот сегодня же и встретимся на бюро обкома. Как это — забыли? Нет, вы не забыли, а подумали, что я не приеду, мне-то далеко, а вы под боком у обкома и благоденствуете. Нет, на бюро я об этом не скажу, мы уж с вами как-нибудь в коридоре объяснимся... До свидания.

Положив трубку на рычаг, командующий долго еще не отнимал от нее руку, задумчиво глядя в пространство перед собой.

Подтекст разговора был настолько очевидным, что Гвоздев сразу же мысленно одобрил отказ командующего кому-то из представителей местной власти: Вениамину Александровичу самому не раз приходилось отбиваться от нажимов «сверху», когда требовали выделить матросов на различные посторонние работы.

— Как отдохнули, Вениамин Александрович? — спросил Малинин.

— Спасибо, товарищ командующий, отлично! И дома побывал, и в море с Коськой, с сынишкой, поплескался...

— В море — это хорошо! Наверное, многие думают, что мы тут из воды не вылезаем, а мы вот только в отпуске и можем покупаться.

«А ведь ему и в отпуске не придется!» — подумал Гвоздев, вспомнив, что командующий в этом году в отпуске еще не был, а купальный сезон и на Черном море уже кончился. И Вениамину Александровичу опять стало стыдно, что он зря отнимает у Малинина время. И, вскочив с кресла, он спросил:

— Разрешите обратиться, товарищ командующий? — и протянул рапорт.

Малинин удивленно вскинул брови, взял рапорт и стал читать. Потом отложил его в сторону, встал, обошел стол и протянул Гвоздеву руку:

— Поздравляю, Вениамин Александрович! Желаю вам счастливой семейной жизни! — И, усаживаясь в кресло напротив, вздохнул: — Честно говоря, не хочется вас отпускать, да ничего не поделаешь — придется. Вот только кем прикажете заменить вас?

Вопрос этот для Гвоздева не был неожиданным. Для Вениамина Александровича самым удобным выходом было бы сдать дела Авдееву. Он знает и корабль, и людей, и положение дел. Авдеев старался изо всех сил, а выдвижение могло бы еще больше вдохновить его. И тем не менее Вениамин Александрович не решился продолжить кандида-

туру Авдеева: слишком мало у того опыта, ему бы еще год-другой походить в старпомах. Ведь стоит ему один раз на чем-нибудь сорваться, как все решат, что с его назначением поспешили, и если и не снимут его, то надолго «замарируют». А с другой стороны, назначение «варяга» не только Авдеев, но и другие офицеры вряд ли встретят с воодушевлением.

В этой ситуации наиболее целесообразна была бы прямая замена: кто-то из командиров-тихоокеанцев назначается на «Стремительный», а Гвоздев принимает его корабль. Но и в этом случае были два обстоятельства, смущавшие Вениамина Александровича. Во-первых, среди тихоокеанцев найдется немало достойных занять командирский мостик, они тоже вряд ли обрадуются «варягу», и придется начинать службу если уж не при явной неблагожелательности, то при настороженной недоверчивости безусловно. Во-вторых, на прямую замену уйдет несколько месяцев, а Вениамину Александровичу хотелось как можно быстрее перевезти Валю с Коськой.

И Гвоздев сказал:

— Я готов пойти и старпомом.

— Ну за что же вас понижать-то? — усмехнулся командующий. Должно быть, он разгадал ход рассуждений Гвоздева. — Тогда уж лучше куда-нибудь на бережок.

В это время затрещал один из многочисленных телефонных аппаратов, командующий приподнялся, чтобы отключить его, и Гвоздев ответил ему уже в спину:

— Только не на берег!

Перекинув рычажок переключателя, командующий плюхнулся в кресло и рассмеялся:

— Я так и думал!

— Почему? — удивился Гвоздев.

— Потому что... — Малинин внимательно посмотрел на него и задумчиво сказал: — Есть в море что-то такое, что тянет к себе. Вот вы, насколько я знаю, родились далеко от моря. А что-то же вас тянет к нему! Верно?

— Верно, — признался Гвоздев.

— Вот именно! — торжествующе сказал командующий и снова рассмеялся. Потом стал задумчиво рассуждать вслух: — А что тянет? Романтика? В какой-то степени, может, и она. Но мы с тобой, — переход на «ты» Гвоздев опять, как и тогда, на корабле, расценил как доверительность, — во всяком случае я, уже не в том возрасте, чтобы обольщаться лишь красотами. Мы-то знаем, что море бывает и злым. Так чем же оно нас тянет?

— А ведь вы тоже родились не на море! — заметил Гвоздев, вспомнив очерк Виктора Волжанина.

— Верно, я попал на море лишь потому, что из всех военных училищ только морские были высшими, а мне хотелось первым в нашем роду получить высшее образование...

Вениамин Александрович вспомнил, почему он сам поступил в военно-морское училище, и покраснел.

К счастью, настойчиво звонил телефон — на этот раз оперативный, он не отключался, — и Малинин поспешно схватил трубку. Кто-то торопливо, почти захлебываясь, докладывал ему о чем-то, Гвоздев не мог разобрать, лишь что-то булькало в трубке почти непрерывно и так громко, что Малинин даже слегка отстранил ее от уха. И чем дольше он слушал, тем более хмурым становилось его лицо.

— Ну и что же вы предлагаете? — наконец сердито спросил командующий. — В таком случае зачем же мне-то звоните? Ах, доложить! Не доложить вы хотите, а проще получить. А я хочу сначала выслушать ... ведь вы в этом деле должны быть более компетентны, чем я. Вот когда у вас будут свои конкретные предложения, тогда и посоветуемся. На все размышления и расчеты даю вашему управлению сутки. Завтра, — командующий взглянул на часы, — ровно в двенадцать тридцать жду вас с докладом.

Положив трубку, Малинин сделал пометку в настольном календаре, снова опустился в кресло и устало сказал:

— Такие вот дела! — и посетовал: — Трудно менять привычки, годами устоявшийся стиль работы. Но самое трудное — преодолеть инерцию мышления. Тут ведь еще и вот в чем дело: всякая инерция мышления берет начало от решений, которые в свое время оказались правильными, хорошо себя зарекомендовали. Но то, что годилось когда-то, скажем лет десять назад, сегодня не годится, в наши дни время не только летит быстрее, но и несравнимо больше в себя вмещает. За ним трудно успеть, переучиваться приходится почти на бегу, и первейшее качество любого руководителя — это самостоятельность мышления и поступков...

Не понимая, почему командующий заговорил об этом именно с ним, Вениамин Александрович все-таки напомнил:

— Но на военной службе почти все регламентируется уставами и наставлениями, инструкциями и приказами.

— Нет, не все регламентируется. В каждом конкретном случае мы лишь руководствуемся уставами, накопленным в них опытом, но решение принимаем с учетом обстановки,

наличия сил и средств, уровня подготовки и так далее. Конечно, в нашем деле необходима особая осмотрительность и осторожность. Но и смелость, и умение взять на себя всю полноту ответственности! А сколько еще у нас на разных командных высотах сидит начальников, которые предпочитают не брать ответственность, и если, вот как этот, — командующий кивнул на оперативный телефон, — не сумеют переложить ее на других, то будут выжидать, затягивать время, играть в ту, давно известную игру, которая называется: «Черное с белым не берите, «да» и «нет» не говорите»... Они знают, что за промедление и даже за уклонение от принятия решения их лишь пожурят, а вот за независимость и смелость могут и шею наломать. Так ведь?

— Бывает, — согласился Гвоздев, припоминая, сколько раз и ему «ломали косточки».

— А вы не бойтесь сломать шею!

Только теперь Вениамин Александрович догадался, к чему завел командующий весь этот разговор. Есть на флоте такой сигнал: «Флагман указывает курс». Так вот сейчас Малинин указывал ему, Гвоздеву, курс на будущее, на всю оставшуюся службу. И Вениамин Александрович стал не просто внимательнее слушать — он буквально впитывал каждую мысль, каждое слово командующего, почти физически ощущая на себе могучее влияние того невидимого поля притяжения, которое распространялось вокруг этого человека.

Но тут вошел вице-адмирал, начальник штаба флота, и, недовольно покосившись на Гвоздева, протянул Малинину какой-то документ. Тот сначала глянул мельком, потом стал читать более внимательно, встал с кресла и, обходя стол, направился на свое привычное рабочее место. Вениамин Александрович сообразил, что он тут сейчас лишний, и спросил:

— Разрешите идти, товарищ командующий?

Малинин глянул на часы и разрешил:

— Да, пожалуйста. Но перед отъездом обязательно загляните.

В приемной толпилось десятка два адмиралов и капитанов первого ранга. Ловко маневрируя среди этого созвездия, Вениамин Александрович добрался уже до самой двери, когда его неожиданно окликнули.

— Ну что? — спросил контр-адмирал Кулешов.

— «Добро» на перевод дал, а вот кому и когда передавать дела, не сказал, — коротко доложил Гвоздев.

— Ну, это уже детали. Ждите меня здесь, у меня вертолет. Думаю, что больше часа нас здесь не продержат.

А порученец уже приглашал пройти в кабинет командующего всех собравшихся здесь, и они по старшинству один за другим исчезали за дверью. Вскоре приемная опустела, порученец плотно прикрыл дверь и посоветовал Гвоздеву:

— А вы пока пообедайте у нас, а то ведь раньше ужина в свою базу и не попадете. — И, не ожидая согласия Вениамина Александровича, кивнул рассыльному матросу: — Проводите капитана второго ранга в штабную столовую.

3

Начальник штаба флота, собственно, не удивил командующего каким-то уж очень ошеломляющим сообщением. Он принес всего лишь перевод статьи из журнала «Navy» о неизбежности послеядерной зимы. Данные, обнародованные британским журналом, тоже не были новыми для Малинина. По роду службы он знал, наверное, несколько больше, чем корреспондент журнала, подающий эти данные чуть ли не как сенсацию, преподнесенную уходящим веком.

«Да, скоро кончится и двадцатый век... Нашей эры... Как же и чем он кончится?»

Наверное, в подборе и сопоставлении фактов и цифр у британского корреспондента было что-то, заставляющее еще раз встревожиться.

Александр Михайлович, отпустив Гвоздева и ожидая, пока войдут и рассядутся за приставным столом командиры баз и корабельных соединений, подошел к окну и обнаружил в себе какое-то странное беспокойство. Может быть, это беспокойство, уже давно поселившееся в нем, обострилось всего лишь оттого, что он увидел косяк улетающих на юг диких гусей и вспомнил добиравшуюся до мачты корабля в Средиземном море утку-подранка? Или подумал, что природа заранее и очень мудро все предусмотрела? Весна сменяется летом, лето — осенью, потом наступает зима... Конечно, природа веками приспосабливалась к этому круговороту... Но ведь и все живое на земле — сама природа! И человек — не более чем ее детище! Пусть даже и наивысшее создание природы, но с нею же обращающееся с таким варварским несочувствием...

«Куда это меня понесло?» — пытался остановить в себе этот неожиданно откуда взявшийся вихрь Малинин, но оста-

...лять его не смог, скомкав лишь до удобного ему, да и ...ким другим, защитительного самооправдания: все мы живем ...му же предназначенному для нас кругу. Так было и ...ть. Но вот будет ли дальше?

...Нельзя сказать, чтобы в нем только сейчас поселилось ...сомнение, но почему-то пришло с другой стороны и в ...фрах, которые он и до этого знал. Или просто не сопо-...ставлял?

Да нет же! Сопоставлял!

Тогда так: все дело в их расстановке?

Нет, дело тут не в расстановке. Вспомни, как это было!

Ну вспоминай же, как это было!

Не вспомнишь. Потому хотя бы, что не в твоих глазах ...ыл и погибал ужас недоумения?

Но ты-то вот теперь все знаешь...

Неужели тебя не остановит давно лежащая в тебе забо-...ну вот хотя бы об этом косяке гусей?

Ведь он сейчас улетит... Вспомни же! Вспомни!

И память услужливо выискивала.

...После взрыва первых двух атомных бомб в Хиросиме ...Нагасаки специалисты, не только военные, учитывали три ...актора: ударную и световую волну и рентгеновское излу-...чение. Причем действие ударной волны представлялось тог-...да наиболее опасным, ее измеряли почти фантастическим ...по тем временам тротиловым эквивалентом, соотносили, со-поставляли и опасались более всего. Учитывали и рентге-новское излучение. Его расчленили на альфа-, бета- и гам-...ма-излучение и выяснили, что дальше всех распространяют-...ся гамма-лучи. И стали учитывать главным образом их.

Но когда атомные реакторы поселили в соседние с жи-...лыми отсеки подводных лодок, выяснилось, что альфой и ...бетой тоже не стоит пренебрегать. Появилось новое поня-...тие: бэр — биологический эквивалент радиации. С учетом его ...и строилась биологическая защита. А потом однажды — ...Александр Михайлович служил тогда на другом флоте — ...пришли на лодку физики и сказали подводникам: «Ребята, ...вы тут как-то уж очень запросто ходите, а мы обнаружили ...доселе неизвестную частичку, которая тоже может проник-...нуть сквозь вашу биологическую защиту».

После этого, по тем же расчетам физиков, стали ставить ...новую защиту.

А опасаться-то, оказывается, больше всего надо было ...другого: экологических последствий.

И сейчас, как на экране дисплея, выстраивались в логи-

ческую цепочку хотя и не новые для Малинина, но приобретающие катастрофическое значение цифры.

Предположим, бомба мощностью в одну мегатонну взрывается над лесным массивом. Возникает пожар на площади примерно в тысячу квадратных километров. Тепловое выделение при этом в десятки раз превысит энергию самого взрыва. А ведь имеющихся только в США бомб достаточно, чтобы выжечь леса на площади не в одну тысячу, а в десятки миллионов квадратных километров.

Восходящими потоками воздуха значительная часть продуктов сгорания будет поднята вверх и рассеяна в стратосфере. Облака сажи, пепла и ядовитых газов будут поглощать и рассеивать солнечный свет, затемнят землю, наступит так называемая послеядерная зима: нарушится радиационный баланс планеты, температура на ее поверхности снизится на 30—50 градусов. Коренным образом изменится система движения воздушных масс, наступит климатическая катастрофа, через несколько дней погибнут и флора и фауна...

Наступит послеядерная зима...

И ничего не будет...

И этого косяка диких гусей не будет...

Непроизвольно припомнилось, что Гвоздев в разговоре назвал имя своего сына: Коська. И тотчас сопоставилось: косяк — Коська. Неужели Коське так ничего и не останется?..

— Товарищ командующий, все приглашенные на совещание собрались, — тихо доложил за спиной начальник штаба.

— Ну что ж, тогда начнем, — сказал Малинин, отрываясь от окна и усаживаясь на свое место. — Сегодня у нас один вопрос: о готовности к зимним плаваниям. Кто докладывает первым?

Как это давно принято на флоте, первым докладывает самый младший. На сей раз им был недавно назначенный командиром бригады капитан второго ранга Севастьянов. Докладывал он кратко и толково. Малинин был в этой бригаде недавно, положение дел знал, но слушал внимательно: хотелось убедиться, насколько сам молодой комбриг правильно оценивает ситуацию. Тот оценивал правильно, только вот, пожалуй, слишком много вины брал на себя. В недостатках и ошибках повинен был не он, а его предшественник. А может, и хорошо, что Севастьянов не перекладывает вину на предшественника? Нет, тут не кокетство и даже не деликатность, а, пожалуй, сознание того, что пред-

стоит многое поправить, и расчетливое понимание, как это лучше сделать.

Следующих докладчиков Александр Михайлович слушал вполуха. Готовя это совещание, работники штаба потрудились неплохо, положение дел в соединениях представлялось более или менее ясным, оставалось лишь кое-что уточнить и внести поправку в проект приказа. Но навеянные статьей в английском журнале размышления поселили в душе какое-то внутреннее неудовлетворение, теперь казалось, что в проекте приказа учтено далеко не все, и он пытался понять сейчас: что же не учтено?

Подтолкнуло выступление контр-адмирала Горина:

— У меня нет решительно никаких конкретных данных, я не знаю, собственно, на что опереться в своих ну, ощущениях, что ли. Мы вот все больше цифры сопоставляем... Но лично меня тревожит, что после недавней встречи на высшем уровне в Женеве стало поселяться у нас благодушие...

Вот оно — то, что и самого Малинина тревожило!

После встречи в Женеве, кроме туманных заверений, в ответ на наши предложения со стороны американцев не последовало никаких ответных действий. Более того, в ответ на наш мораторий на испытания ядерного оружия американская сторона пригласила нас присутствовать... при очередном подземном взрыве! Тут уж, как пишут, комментарии излишни!

И Горин правильно ощутил опасность благодушия. А может, это просто перестраховка? И Горина, и его, Малинина, излишние опасения? Кто подтвердит, что они не так уж и необоснованны?

Махалов опять выливает ушат победных реляций. Есть среди них цифры и факты, действительно говорящие о положительных сдвигах. Но многое опять из области выполнения взятых с потолка обязательств. Махалов подозревает Горина чуть ли не в паникерстве.

А где же Куленов? Ага, вон он, забился в угол и лишь иронически-снисходительно поглядывает на Махалова. «Ах, Игорь Васильевич, если бы ты знал, сколько подножек совал тебе после того тылового учения базы Махалов, ты бы не был столь снисходительным...»

Вот еще кто мог бы поддержать Горина: контр-адмирал Еремеев. «А где же он? Да я ведь сам послал его на «Стремительный», — вспомнил Малинин.

И подумал: не слишком ли легко согласился он на перевод Гвоздева на Тихоокеанский флот? Конечно, такие, как

Гвоздев нужны не только здесь, но и на Тихоокеанском флоте, и на любом другом.

А ведь попроси Гвоздев вообще отпустить его со службы, Малинин отпустил бы. И может быть, в этих обстоятельствах это было бы гуманнее и лучше и для самого Гвоздева, и для его семьи. Он заслужил и это право, но не только не захотел им воспользоваться — даже и не помышлял об этом. Вон даже испугался, как бы не перевели его на берег, где куда уж легче, чем на корабле. А он хочет служить только на корабле, потому что это его Дело.

Наверное, подвижничество — особая черта русского человека. Конечно, не перевелись подвижники и в других нациях, но, пожалуй, нигде нет столь преданного служения Делу, такого добровольного самоотречения во имя его, отказа не только от житейских соблазнов, но и ограничения элементарных, естественных потребностей, вовлечения в самоотдачу во имя Дела и своих близких. И уже безропотно несут свой крест и жены, и дети, многие годы терпят и неуют необжитых мест, и частые переезды, стужу и зной, подавляют в себе желание жить «как все», пользоваться достигнутыми благами быта и культуры. А легко ли это?

Александр Михайлович невольно перелистал в памяти годы своей службы. А память услужливо подсовывала ему один год за другим...

Большинство их прошло на Севере. В каких только условиях не приходилось жить! Да разве дело только в паровом отоплении и канализации? А то, что сыну пришлось за десять лет учиться в девяти школах? Или вот, казалось бы, и вовсе пустяк: за те же десять лет жене просто некуда было надеть свое выходное платье, и оно так новеньким и вышло из моды. И помнится, жену это огорчило больше, чем печное отопление, — такова уж женская психология. А ведь до этого ни разу ни на что больше и не пожаловалась. Терпела.

Да, терпелив русский человек! И ведь не только терпит, но порой еще и смущенно оправдывается: ладно, как-нибудь проживем.

Но иногда и слишком терпим! Разве не видели многие, как на их глазах начинали утверждаться почти как норма и тупеядство, и пьянство, и лихоимство, и пресловутый блат? Но в лучшем случае говорили об этом в курилках и затишках, а то и вовсе отмахивались: а ну их!

Может быть, Малинина привлекала в Гвоздеве не только преданность Делу и готовность к самоотречению во имя его, но и нетерпимость к беспорядку. Пусть и ошибся он,

настаивая на списании с корабля лейтенанта Гребенюка, но, наводя порядок, не перегибал палку, его нетерпимость оправдывалась не только собственным самоотречением, но и уважением к людям. Малинин почувствовал это еще при первом посещении «Стремительного» и убедился при плавании на нем в Средиземном море. И сейчас флоту ох как нужны такие командиры!

Да, отпускать Гвоздева жаль, похоже, ему и самому не хочется уходить, но ничего не поделаешь. Тут как раз такой случай, когда обстоятельства оказываются сильнее...

Однако принимать командование кораблем, до этого не послужив на нем, — дело непростое. И Малинин вспомнил, как он сам впервые принимал корабль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

I

Тогда его назначили командиром сторожевого корабля. Прежний командир поступил в академию, ему надо было успеть к началу занятий, а корабль находился еще в Атлантике, за тысячи миль от базы, и в ближайшее время возвращать его оттуда не собирались. Малинин добирался туда с оказией, на танкере, который должен был дозаправить сторожевик. На прием — передачу корабля было лишь несколько часов, с этой же оказией предшественник должен уйти, он едва успел передать документы да сказать несколько общих напутствий. Все остальное Малинину пришлось постигать эмпирическим путем. И неизвестно еще, как бы все у него сложилось, не окажись на корабле толковый старпом (на помощников и заместителей Малинину почему-то везло и позже) и крепкий офицерский коллектив.

Корабль находился в океане давно, экипаж уже устал и истосковался по земле, и приход нового командира истолковал как верный признак скорого возвращения домой. Не оставят же неопытного командира на длительный срок в океане! Хотя и был в этих рассуждениях определенный резон, однако сам-то Малинин знал, что сторожевику предстоит бороздить Атлантику еще не менее месяца, и энергично взялся за дело.

Прежде всего он составил для себя четкий распорядок дня и твердо придерживался его. Рассчитывать на личное знакомство с каждым членом экипажа не приходилось, в океане ему полагается быть на мостике, а во время ежедневных

ного обхода корабля на боевых постах надолго задерживаться тоже некогда. Для более детального знакомства хотя бы с основными узлами корабля оставалось только время его личного отдыха, и на сон он выделил лишь пять часов в сутки. Он распорядился назначить дублеров вахтенных офицеров, чтобы пропустить через мостик и тех молодых офицеров, которые еще не допущены к самостоятельному несению вахты. Это позволило ему, не отрываясь от управления кораблем, более или менее основательно познакомиться со всеми офицерами, выявить их возможности, наладить взаимопонимание.

Долгожданный приказ о возвращении корабля в базу сильно озадачил Александра Михайловича. Командование предписывало возвращаться сразу к месту постоянного базирования корабля, в «штатную» базу, не заходя в промежуточную. А этот заход в промежуточную базу был позарез нужен: за время длительного плавания кое-что поизносилось, требовало замены или хотя бы текущего ремонта, но запасных частей не хватило. А до «штатной» базы была не одна тысяча миль.

Малинин собрал корабельное вече: заместителей, командиров боевых частей и начальников служб. Он опасался, как бы в стремлении поскорее вернуться домой они в чем-то не понадеялись лишь на авось и сразу предупредил:

— Сами понимаете: совершить такой переход — не в полигон прогуляться. Поэтому докладывайте как на духу, откровенно и беспристрастно, учитывая не только наличные изъяны, но и возможные...

Его поняли, выложили все начистоту. Итоги оказались куда печальнее, чем он предполагал. Нужна была базовая подготовка к переходу. И Малинин отправил радиограмму с обоснованием необходимости захода в промежуточную базу. Ответ командования был обескураживающе простым: «Следовать к месту постоянного базирования. О начале движения донести».

Снова собрали вече. Решили на ходу вести планово-предупредительный ремонт, усилить контроль за эксплуатацией механизмов, особенно отслуживших свой срок, на переходе работать лишь в две боевые смены из наиболее опытных специалистов. Но тут возразил штурман:

— О каком ремонте вы говорите? Нас настигает циклон. Вон он уже визитную карточку прислал. — Штурман указал на норд-вест.

День был солнечный, небо казалось тонким и непрочным, и никого не удивили узкие длинные облака на норд-весте,

прорехами обозначившиеся в прозрачном полого неба. Правда, океан был относительно спокойным, но все уже знали, что эти облака — гончие циклопа. Куда они побегут, туда нагрянет и циклон, сотрясая небо и океан, поднимая волну, которая на своем пути будет корежить, гнуть, скручивать и сносить все, что не способно выдержать ее бешеный напор. А как продугадать силу этого напора?

Малинину невольно вспомнился тот многодневный шторм, когда погиб мичман Котомкин.

— Принесите синоптическую карту, — мрачно попросил он штурмана.

Петли и разорванные кольца изобар на этой карте скручивались в гигантское колесо, оно неотвратимо катилось в сторону корабля. Если лечь на курс, почти перпендикулярный его движению, то можно еще успеть выскочить из-под этого колеса. Большинство опытных командиров кораблей и капитанов судов так и делают, преодолевая ложный командирский стыд, зато обходясь меньшими потерями. Но если сейчас лечь на этот перпендикуляр, то отклонение от курса будет настолько большим, что наличных ресурсов не хватит на путь до базы. Надеяться на дозаправку рискованно: неизвестно, сколько еще таких колес прокатится за время их перехода.

И Александр Михайлович принял компромиссное решение: лечь на промежуточный курс. Он не позволял совсем уж выскочить из циклона, но хотя бы уйти из его центра и сохранить достаточно ресурсов на переход до базы. Приказав ложиться на этот курс, Малинин распустил вече и объявил по боевой трансляции:

— Корабль по-штормовому приготовить!

2

Однако циклон тоже повернул, он и дальше тащился за сторожевиком, как верный пес за хозяином. Но тащился чуть сбоку: Малинину все-таки удалось вырваться из его центра, и волна хотя и забредала на палубу, но была не столь уж сокрушительной. Тем не менее Александр Михайлович запретил ходить по верхней палубе.

Но вскоре ему пришлось отменить это запрещение, потому что навалилась новая беда: началось обледенение корпуса и надстроек. Кроме боцманской команды на борьбу с обледенением бросили почти всех свободных от вахт моряков, вооружив их аварийным инструментом: лопатами, ло-

мами, топорами и другими подручными средствами. Страховочные концы, которыми привязывались моряки, мешали работать, но Малинин приказал офицерам лично наблюдать за тем, чтобы какой-нибудь беспечный ухарь не отвязался.

Все понимали, что теперь опасность надвигалась не снизу — от океана, а сверху — из воздуха, лютой стужей. Нараставший на верхней палубе и надстройках лед изменил центр остойчивости корабля, тут недолго и «сыграть оверкиль» — перевернуться. И все работали прямо-таки с остервенением. Вскоре Малинин физически ощутил, как по мере сбрасывания ледяного панциря корабль становится послушнее.

Но, как говорится, пришла беда — открывай ворота. В шпигатах образовались ледяные пробки, сток воды прекратился, и снова начал нарастать лед. А согласно законам физики, чем он становится толще, тем стремительнее нарастает. Он неумолимо поднимался вверх по надстройкам, по консолям пусковых ракетных установок, по мачтам, вот уже добрался и до антенн. А оттуда его ломиком не сковырнешь.

— Дать горячую воду в пожарную магистраль! — приказал Малинин.

— Есть! — привычно отметили с поста энергетики и живучести. Но на этот раз в голосе командира электромеханической боевой части не было привычной уверенности. И Малинин понимал механика: расходовать и без того ограниченные запасы пресной воды было по меньшей мере рискованно. Но иного выхода не было.

Александр Михайлович выскочил из ходового поста на крыло мостика. Холодный, пронзительный ветер как ножом резанул по всему телу. Внизу копошились люди, раскатывая по палубе пожарные шланги. И вот уже тонкие, как шпаги, струи воды, окутанные паром, дружно вскинулись вверх.

— Шпигаты, пусть сначала шпигаты пробивают! — крикнул Малинин в ходовую рубку, и вахтенный офицер тотчас передал его приказание по трансляции.

Кто-то накинул на плечи Малинина тулуп и исчез с мостика раньше, чем тот успел обернуться и поблагодарить. Просунув руки в рукава, Александр Михайлович перегнулся через ограждение и стал наблюдать, как пробивают шпигаты. Воды на это уходило слишком много.

Но вот шпаги струй снова вскинулись вверх, и корабль по самую макушку окутался паром. Сквозь его клубы груд-

но было что-либо разглядеть, но уже слышно стало, как, опадая, шуршат по металлу пластинки льда. Когда очистились мачты, консоли пусковых ракетных установок и стволы реактивных бомбометов, Малинин вернулся в ходовую рубку и запросил пост энергетики и живучести о расходе воды.

Доложив, сколько тонн пресной воды израсходовано, командир БЧ-5 на этот раз вслух выразил свое недовольство:

— Так мы и до базы не дошлепаем.

И тут штурман напомнил:

— Товарищ командир, а ведь неподалеку Гольфстрим!

Малинин сразу ухватился за эту соломинку:

— Ищите его, штурман! Кровь из носу, а найдите!

— Пóнято! — бодро ответил штурман.

Но Малинин знал, что отыскать это теплое течение в океане не так-то просто, оно меняется в зависимости от других течений, от погоды, от температуры поверхностного слоя и прочих факторов. Однако идея, подсказанная штурманом, сейчас была единственно надежной, и Малинин приказал через каждые пятнадцать минут делать замеры температуры воды за бортом.

А лед опять нарастал. И опять пошли в ход ломы и лопаты, топоры и даже молотки...

Наконец-то нащупали и Гольфстрим! Легкая дымка над поверхностью океана четко обозначала его путь. Штурман определил направление и скорость течения, и корабль лег по его курсу. Но лишь спустя некоторое время с надстроек с грохотом посыпались вниз первые оползни льда. А примерно через час главный боцман доложил:

— Товарищ командир, на верхней палубе порядок!

Его доклад эхом прокатился по всему кораблю. Оно было потеряпным где-то, может быть, еще до того, как к ним прицепился циклон, ритмом нормальной корабельной жизни, и Малинин отозвался на него радостно, тоже почти ликующе:

— Есть, порядок!

Должно быть, в этот ликующий возглас он вложил остатки сил и устало опустился в кресло. Старпом внимательно посмотрел на него и напомнил:

— Пора бы вам и отдохнуть, Александр Михайлович. Я уж тут как-нибудь управлюсь.

— А ведь я и в самом деле что-то устал, — виновато признался Малинин.

— Еще бы! Третьи сутки на ногах.

Спустившись в каюту, Александр Михайлович с удивлением обнаружил на столе поднос с двумя дымящимися стаканами чая, с поджаренными ломтиками хлеба и тонкими

пластинками сыра. Все было так, как он любил. «Однако когда он успел распорядиться?» — подумал о старпоме.

Но есть почему-то не хотелось, и он выпил лишь чай. И сразу почувствовал, как по всему телу начало растекаться тепло. Сняв лишь ботинки и галстук, он упал на постель поверх одеяла и глянул на полку, уставленную будильниками. Их было что-то около дюжины, квадратных и круглых, механических и электронных, но все они в море вышли из строя еще у его предшественника. Иногда под ударом волны какой-нибудь из них, встряхнувшись, начинал тикать так поспешно, как будто торопился наверстать упущенное время. По духу его даже при сильной встряске едва хватало на десяток ударов.

Сам Малинин будильниками вот уже давно не пользовался. У него надежно срабатывали биологические часы, он просыпался тогда, когда было нужно. Эта способность, наверное, выработалась за годы корабельной службы, а может, и передалась по наследству: сколько он помнил, в их доме никогда не держали будильника, а мать просыпалась в любое время, стоило ей только «загадать» его.

На этот раз Малинин выделил себе на сон ровно четыре часа.

3

Но проснулся он раньше и не сразу понял, что его разбудило. Может быть, изменилась качка? Но она по-прежнему была бортовой, и Александр Михайлович, чтобы не вывалиться из постели, лежал по диагонали и привычно упирался головой в переборку, а пятками — в специально подложенный валик дивана. Сквозь толстое стекло иллюминатора едва проникала в каюту тоже привычная мелодия, в которой сплетались могучий рев океана и тонкий вой турбин. Свист ветра сюда не проникал. Прислушавшись внимательнее, Малинин вдруг обнаружил, что сейчас что-то разладилось в этом дуэте, в нем преобладала ария океана, а турбины пели что-то не то, кажется, одна из них явно «дала петуха».

Он поспешно вскочил и нажал клавишу переговорного устройства:

— В чем дело?

— Восемь минут назад прекратилась нормальная подача топлива на форсунки, — доложил старпом. — Один двигатель пришлось остановить.

— Почему меня не разбудили?

— Ждал, пока механики разберутся, установят причину неисправности.

«Уж признался бы, что пожалел будить», — мысленно упрекнул Малинин старпома, а вслух сказал:

— Сейчас поднимусь.

Пока он надел галстук, ботинки, канадку и шапку и поднялся на мостик, установили и причину: засорился фильтр топкой очистки топлива.

— Ну так замените.

— Нечем, товарищ командир. — Механик развел руками. — Запасного нет. Надеялись сменить в промежуточной базе.

— Сами почистить сможем?

— В принципе — да. Но где его сушить? Габариты же! На верхней палубе при такой погоде ему не меньше недели надо сушиться. К тому же он засолится, а тут, как в супе: недосол на столе, а пересол — на спине...

— О какой неделе вы говорите?! Максимум — сутки. А пока, — Малинин отвернул рукав и помотрел на часы, — даю вам ровно час на размышления. Ищите другой выход. Найдете или не найдете, но через час доложите.

Механик ушел с низко опущенными плечами и таким расстроенным лицом, что Александр Михайлович даже пожалел его. Поразмыслив, Малинин тоже решил спуститься в машину и скинул канадку.

А в «преисподней» стояла такая жарища, что вниру было скидывать и тужурку. Корабельные «духи» почти все были в одних тельняшках и, увидев командира, начали было натягивать рубахи, но Малинин махнул рукой: не надо. Хотя работал только один двигатель, в машине стоял такой грохот, что перекричать его было невозможно. А между тем «духи» спокойно разговаривали между собой, слышали и понимали друг друга. А может, и не слышали, а, как глухонемые, понимали по губам — эту тайну Малинин так и не постиг.

В посту энергетики и живучести собрались офицеры БЧ-5.

Послушав их, Малинин понял, что промывка фильтра — дело хотя тоже не простое, но уже решенное, теперь все упирается в просушку.

— А если освободить кормовой кубрик и сушить там? — предложил он.

— Там он будет сохнуть еще дольше, чем на палубе.

И тут командир дивизиона движения, до этого молча чертивший что-то в блокноте, убежденно сказал:

— А ведь можно его и в машине сушить!

— Где ты его там развесишь? Габариты же!

— Так ведь я предлагаю сушить его по частям. Под воздуходувками. Вот, смотрите. — Офицер подвинул блокнот на середину стола.

Все склонились над чертежом, заелозили, то оттесняя один другого плечом, то стукаясь головами, о чем-то заспорили. Через их плечи Александр Михайлович тоже заглянул в чертеж, но ничего не понял и тихо удалился.

Через час он снова заглянул в машину. Под горячими струями воздуходувок метались люди, движения их рук и ног напоминали ритуальный танец какого-то дикого племени. Иногда кто-то высовывался наружу, хватал глоток-другой свежего воздуха и тут же нырял обратно, в «преисподнюю».

— Как черти работают! — похвалил Малинин.

— Как положено, — скромно отозвался было командир БЧ-5, но радости от командирской похвалы скрыть не мог и не хвастливо, но с гордостью добавил: — На том стоим!

Через несколько часов запустили второй двигатель...

Эти воспоминания разбудили в Малинине какую-то особую нежность и тоску по прежней корабельной жизни, и он искренне позавидовал Гвоздеву.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

I

Пока Вениамин Александрович переодевался, развешивал и раскладывал в шкафу вынутые из чемодана вещи, Авдеев успел подготовить всю документацию. Докладывал кратко, но с исчерпывающей ясностью, чувствовалось, что к докладу он подготовился основательно, продумал все до мелочей, и у Гвоздева пока не возникало вопросов. Его лишь несколько огорчало радостное возбуждение Авдеева, тот явно спешил побыстрее сдать дела и облегченно вздохнуть. Гвоздев даже поискал, к чему бы придраться, но тут же устыдился этого желания, сообразив, что на месте Авдеева он, пожалуй, тоже поспешил бы избавиться от лишней обузы. Все-таки Авдееву пришлось тянуть воз за двоих, и хотя, если не считать перехода из завода в свою базу, в море

«Стремительный» не выходил, но на корабле забот всегда хватает.

Потом они вместе обошли корабль. Он сверкал чистотой, из внутренних помещений еще не выветрился запах краски, но, кроме Гвоздева, его никто уже не замечал, настроение у моряков было приподнятое: похоже, они радовались не только обновлению корабля, но и возвращению командира и всюду встречали его улыбками и шутками. Вениамин Александрович тоже рад был их видеть, охотно отзывался на шутки, вступал в разговоры, поэтому обход затянулся до самого отбоя.

Осмотр постов, расположенных на верхней палубе, Вениамин Александрович решил отложить до утра. Наверху сейчас было темно, к тому же дул северный ветер, он швырял в лицо горсти сухой снежной крупы, слепил. Палуба была скользкой, и пока они с Авдеевым добрались от кормы до коридора офицерских кают, оба изрядно продрогли.

— Может, чайком побалуемся, Николай Алексеевич?— предложил Гвоздев.

— Будет сделано! — Авдеев заглянул в окошечко камбуза и сказал вестовому: — Ненашев, заварите покрепче нашего фирменного!

Так уж повелось на флоте, что помимо прочих отличий почти на каждом корабле есть какое-нибудь, да свое, фирменное блюдо. На одном это традиционные макароны по-флотски, но к ним подается соевый соус, на другом — необыкновенно наваристые щи по-русски, на третьем подают такие холодные закуски, что после них уже не хочется ни первого, ни второго. И зачастую секрет тут заключается не в каком-то особом мастерстве коков, а в том, у кого из интендантов или заведующих кают-компанией окажется побогаче фантазия. Один запасется тем же соевым соусом, который на складах и появляется-то, может быть, раз в год; другой беспрепятственно выберет все сахарные косточки, ибо остальные интенданты предпочитают им мякоть; третий вместо селедки выпишет соленые грузди, которые с репчатым луком да под сметаной не хуже паюсной икры. Нередко между интендантами, как в квартирном бюро, происходят и двойные, и даже тройные обмены.

Лейтенант Бурковский специализируется на чае. Он ухитряется где-то доставать не только индийский и цейлонский, но даже китайский и английский и строго следит, чтобы вестовые все сорта смешивали в нужных пропорциях. Зато какой получается аромат!

В кают-компании сидели капитан третьего ранга Белоглазов и флагманский минер капитан второго ранга Карпухин и со свистом потягивали дымящийся чай. Присутствие Карпухина на корабле в столь поздний час несколько удивило Гвоздева: на стоянке «флажки» редко задерживались на борту после восемнадцати. Для вечернего чаепития время тоже было неподходящее — укрепленные на переборке круглые морские часы показывали двадцать три восемнадцать.

— Каким ветром? — спросил Вениамин Александрович, пожимая Карпухину руку.

— Да вот сюрприз вам доставил.

— Мы зарядили правый аппарат новой торпедой, — поспешил доложить Белоглазов и назвал номер образца.

Гвоздев еще до отпуска слышал, что эта торпеда вот-вот должна поступить на вооружение. «Стало быть, она не только поступила, но и уже заряжена в аппарат. А раз заряжена, то в ближайшее время предстоят стрельбы. Не исключено, что завтра [illegible]. А я не готов», — подумал Вениамин Александрович и спросил:

— Описание есть?

— Пока всего в одном экземпляре, — сообщил Карпухин.

— На сутки одолжите?

— Только на одну ночь.

— Идет.

Карпухин достал из-за спины папку, вынул из нее довольно пухлую книжку и протянул Гвоздеву.

— Однако! — удивился Гвоздев, взвешивая книжку на ладони.

— Да, за одну ночь трудно осилить, — посочувствовал Карпухин и вздохнул: — Придется, видно, и мне эту ночку пободрствовать.

— Спасибо. Может, сейчас и приступим?

— Можно и сейчас, — согласился Карпухин.

Допив чай, они сдвинули стаканы на край стола, развернули вклеенную в книгу схему.

Торпеда была противолодочной, самонаводящейся. В общем-то принцип ее действия был известен и по предыдущим образцам, но в этой оказалось и несколько новых узлов. Собственно, они-то и обеспечивали торпеде большую дальность и глубину хода, чуткость и маневренность, возможность использования на любом курсе и на большой скорости. Теперь кораблю необязательно было ложиться на курс сближения, рассчитывать упреждение — все это тор-

ведa делала сама. И стрелять ею можно было тотчас после обнаружения подводной лодки.

Но как ни толково объяснил все это Карпухин по схемам, разобраться в новых узлах можно было лишь на «живой» торпеде, и с утра Гвоздев с Белоглазовым отправились в береговые торпедные классы. Там на действующем макете все оказалось куда нагляднее и яснее, и через два часа они уже вернулись на корабль.

И как раз вовремя: буквально за пять минут до их возвращения поступило приказание выйти в море. Уже прогревались турбины, наготове стояли в оранжевых жилетах моряки швартовной команды, главный боцман мичман Протасов распекал на баке матроса, тянувшего шланг для обмывки якорь-цепи и зацепившегося за кнехт.

Однако, увидев подходящего к трапу командира корабля, смел с лица грозное выражение и почти весело крикнул:

— П-пошевеливайтесь, орёлики!

Авдеев, перегнувшись через ограждение мостика, сообщил, что должен подъехать контр-адмирал Еремеев, и Гвоздев, поднявшись на борт, остался у трапа, чтобы встретить начальство. Вскоре подошла машина, и Еремеев легко взбежал по трапу. Выслушав рапорт Гвоздева, заметил:

— Как говорят в Одессе, живем без разбегу. Отвык небось от таких темпов?

— Немножко есть.

— Пока попривыкнешь, пусть Авдеев похозяйничает. Передай, чтобы отходил.

Гвоздев заскочил в рубку дежурного по кораблю и позвонил на мостик:

— Николай Алексеевич, меня нет. Понял?

— Чего уж тут не понять, — не скрывая огорчения, ответил Авдеев.

— Отходя!

— Есть! — уже по-уставному бодро ответил Авдеев. И тотчас над палубой прогрохотал усиленный динамиками его голос: — По местам стоять, с якоря и швартовов сниматься!

Контр-адмирал Еремеев приехал в походном обмундировании и сразу полез на мостик, а Гвоздев забежал в свою каюту, чтобы тоже одеться по-походному. Когда и он взобрался на мостик, «Стремительный» уже отдал швартовые и потихоньку подтягивался к якорю.

— За кормой чисто, до берега пятьдесят метров! — доложили с кормового поста.

Тотчас же с бака донеслось:

— На клюзе тридцать два! Якорь-цепь тугo!

— Выбирай!

Загудел шпиль, якорь-цепь завибрировала, как натянутая струна; чуть оседая, задрожал от напряжения корпус корабля. Вспомнив, как оборвали якорь-цепь в Средиземном море, Вениамин Александрович тоже напрягся и, лишь когда якорь оторвался от грунта, облегченно вздохнул. Должно быть, по выражению его лица Еремеев догадался, о чем он вспомнил, и спросил:

— А деревянный-то куда дели?

— Раскурочил его Протасов.

— Может, в музей бы его?

— Дабы наш позор демонстрировать?

— Ну, не позор — вы тут не виноваты. А вот находчивость — да Кстати, ты мне что-то тогда говорил насчет старого коня, — припомнил контр-адмирал.

Вениамин Александрович лишь пожал плечами. Конечно, и он вспомнил тогдашний разговор о Протасове, но подумал, что сейчас продолжать его не стоит. Конечно, боцмана пора бы и сменить, но не сейчас. Судя по всему, этот выход в море — экзамен для Авдеева. Вот так же когда-то, отстранив командира от управления кораблем, экзаменовали Калистратова. «Если вместо меня назначат Авдеева, то Протасов с его опытом пока, пожалуй, пригодится», — решил Вениамин Александрович и спросил у Еремеева:

— Кто же наш «супостат» на сей раз?

— Ладейщиков.

— Ого! — невольно вырвалось у Гвоздева. Он хорошо знал командира подводной лодки Ивана Андреевича Ладейщикова. Это был один из наиболее умных, расчетливых и хитрых командиров, он нередко принимал самые неожиданные, казалось бы, нелогичные решения, что и позволяло ему уклониться от преследования, и командиры противолодочных кораблей не любили работать с его лодкой. Да, Авдееву не позавидуешь...

И опять, словно угадав его мысли, Еремеев тоже посочувствовал Авдееву:

— Что и говорить, Ладейщиков — мужик ушлый.

И оба примолкли, внимательно прислушиваясь к командам, которые подавал Авдеев, и присматриваясь к действиям исполнявших их моряков.

...Две тугие струи из брандспойтов, словно серебряные шпаги, скрестились на последних звеньях якоря-цепи, сбивая с нее песок и ил. Вот из воды показался и якорь, шпа-

ли струй дружно ударили по нему, и брызги посыпались от всего, точно искры.

— Флаг перепести, гюйс спустить!

Почти одновременно упали с флагштоков гюйс и флаг, а по фалу взбирался к верхушке мачты свернутый в трубочку другой флаг — поменьше. Вот он дошел до гафеля, сигнальщик резко дернул за фал, и флаг распахнулся. Его бело-голубое полотнище с красным серпом и молотом сначала заполоскалось, а потом туго натянулось на ветру.

— Вперед самый малый!

Звякнул машинный телеграф, и корабль дал ход.

2

Северный ветер повалился на норд-норд-вест, дул порывами, но небо было ясным, лишь кое-где дотаивали в его глубине прозрачные льдинки вчерашних облаков. Море еще не успело раскачаться, появились лишь первые отары белых волн-барашков. На «Стремительном» качка почти не ощущалась, но следовавшие за ним малые противолодочные корабли пошатывало, а катера-торпедоловы уже начали зарываться носом в волну.

На подходе к полигону группа развернулась в поисковый ордер, он растянулся чуть ли не до самого горизонта. Хотя зоны поиска каждого корабля надежно перекрывали друг друга, но были настолько широкими, что маневры и сигналы соседнего корабля можно было различать только в бинокль или в визир. Это лишний раз напоминало, что дальность действия гидроакустических средств значительно увеличилась. И ход был весьма приличным, за кормой кораблей кипели пенистые буруны, различимые, как это ни парадоксально, более отчетливо, чем световые и флажные сигналы.

Вениамин Александрович невольно вспомнил те времена, когда корабли поисково-ударной группы располагались чуть ли не борт о борт и полали, как сонные мухи. Стоило чуть-чуть увеличить скорость поиска, и вибраторы гидроакустических станций засорялись шумом собственных винтов, корабли становились настолько глухими, что едва не натыкались на подводные лодки. Но ведь и лодки тогда были другими! А теперь попробуй за нее уцепиться, если она тоже слышит тебя далеко, и подводный ход у нее чуть поменьше твоего, и она может запросто увернуться или

нырнуть под температурный слой воды, надежно защищаясь зонами акустического молчания.

— Ну что ж, пойдем поглядим, как твои шустряки воюют, — предложил Еремеев, направляясь к трапу. Должно быть, употребив любимое выражение Калистратова, он хотел напомнить, что Авдеев все-таки не Калистратов и тут нужен глаз да глаз.

Но прежде чем спуститься в центральный командный пункт, Гвоздев с высоты мостика еще раз окинул корабль привычным, пожалуй, даже более придирчивым, чем всегда, взглядом. Над головой вращались ажурные полукружья и лепестки разнообразных радиолокационных антенн. Одни из них вели поиск цели в ближних секторах, другие устремляли свои невидимые лучи к горизонту, третьи обшаривали воздушное пространство.

А палуба ощетинилась стволами скорострельных пушек, реактивных бомбовых установок, длинными и короткими, толстыми и тонкими телами холодно поблескивавших ракет, плотно, как пальцы, сжатыми, покрытыми шаровой краской трубами торпедных аппаратов. Вениамин Александрович невольно задержал взгляд на аппарате правого борта и мысленно произнес, как мольбу: «Не подведи...»

В центральном командном пункте царил полумрак, на лицах сидевших за столами и пультами людей разноцветно отражался свет многочисленных табло, макетов, планшетов и шкал, ровно жужжали и пощелкивали датчики многочисленных приборов, лишь изредка доносились из выгородок чуть приглушенные внутренним вниманием и сосредоточенностью отрывистые слова команд и докладов. Гвоздев стоял за спиной сидевшего у автомата торпедной стрельбы капитана третьего ранга Белоглазова и чутко вслушивался в доносившиеся из рубки гидроакустиков всякие эха реверберации и бульканье посылок гидролокатора. На гидроакустической станции работал старшина первой статьи Семиглазов, он был сейчас богом, от него зависело все и вся, его доклада ждали, как приговора.

Но бог молчал, плотно смежив свои уста и весь обратившись в слух. Изредка он вскидывал ту или другую длань, плотнее прижимал то один, то другой наушник, и все сразу замирали и сдерживали дыхание. Но Семиглазов, немного послушав, опускал руку и еще плотнее сжимал губы.

Корабли дошли до дальней кромки полигона, повернули «все вдруг», легли на новый галс, а гидроакустический бог все молчал. И уже, холодя душу, прокрадывалось сом-

ненно: а вдруг не обнаружим лодку? Тогда все козе под хвост: бессонные вахты и тренировки до автоматизма, изматывающие тело и душу штормы, работа до седьмого пота, превышение нормативов, классность...

Лишь на четвертом галсе, когда многие уже утратили всякую надежду, старшина первой статьи Семиглазов развернул устав и будничпо, словно сообщал о чем-то привычном, доложил:

— Эхо-контакт! Пеленг... Дистанция...

Все сразу всколыхнулись, но тут же замерли в немых позах, остановленные прозвучавшей, как удар хлыста, командой Авдеева:

— Классифицировать контакт!

Вениамин Александрович почувствовал, как у него оборвалось сердце. Ведь обнаруженная цель могла оказаться и просто косяком рыбы, и подводной скалой, и затопленным когда-то судном, и еще черт знает чем. А тут еще какой-то зловредный, прыгающий в воображении чертик ехидно нашептывал: «А тебе-то, собственно, что волноваться? Ведь ты все равно уходишь с этого корабля...»

Чтобы избавиться от этого мистического шепота, Гвоздев тряхнул головой, и в этот момент Семиглазов почти так же бесстрастно доложил:

— Подводная лодка! Дистанция увеличивается, тон эха ниже...

Стало быть, командир лодки понял, что его обнаружили, и пытается оторваться. Но приборы «Стремительного» уже цепко держали лодку в электронных щупальцах. Следя за ее маневрированием, контр-адмирал Еремеев не то одобрительно, не то огорченно заметил:

— Однако ловок этот Ладейщиков! Сейчас он нырнет и может уйти.

И точно: лодка начала стремительно уходить на большую глубину.

А Семиглазов уже встревоженно докладывал:

— Тон эха много ниже!

Неужели Ладейщиков оторвется? Сейчас все решают даже не секунды, а доли секунд.

Авдеев увеличил ход. Неужели он думает догонять лодку? Или он забыл, что торпеда самонаводящаяся и она быстрее нагонит лодку? К тому же значительное увеличение хода создает помехи работе акустика, он может потерять контакт с лодкой.

— Атака подводной лодки торпедами! — наконец-то раз-неслась долгожданная команда Авдеева. — Первый аппарат — то-онсь!

Казалось, пауза длится не доли секунды, а минуты, часы, сутки...

— Пли!

Никто не почувствовал даже толчка, лишь голос торпедиста оглушительно прогремел в динамике боевой трансляции:

— Торпеда вышла!

Гвоздев лишь несколько мгновений следил за ней и, убедившись, что торпеда пошла в нужном направлении, рванулся наверх. Теперь дальнейшие действия Авдеева его уже мало интересовали, успех атаки далее зависел только от работы электронной начинки самой торпеды.

Корабль полным ходом шел на противолодочном зигзаге. Таков уж закон морского боя: нанес удар — сделай все, чтобы уклониться от ответного удара. Ни Гвоздев, ни Авдеев не знали, будет ли лодка стрелять в ответ, но, как говорится, бережёного и бог бережет. Акустические станции и все наружные посты наблюдения сейчас напряженно следили, не появится ли где световой след торпеды, нацеленной на этот раз в «Стремительный».

Но обнаружить такой след сейчас было чрезвычайно трудно. Заштормило, теперь море было сплошь покрыто барашками, ветер срывал с гребней волн пенные пучки брызг. Море было похоже на огромный кипящий котел с дымящейся поверхностью, на которой то тут, то там, как куски мяса, то всплывали, то исчезали в пучине силуэты малых противолодочных кораблей и катеров-торпедоловов.

Время хода торпеды истекало, вот-вот она должна всплыть, и Авдеев, приказав лечь на курс ее поиска, сам вышел на крыло мостика. Вслед за ним вышел и контр-адмирал Еремеев и, окинув взглядом горизонт, озабоченно нахмурился и пригрозил:

— Ох и всыплю я этим ветродуям!

Ветродуи, они же синоптики, прогнозировали ветер не более четырех баллов, а море — до трех. Сейчас волнение было уже около пяти, а ветер все усиливался.

— Смотреть внимательнее! — предупредил Авдеев. Даже в искаженном динамиками его голосе ощущалось волнение, которое тут же передалось остальным.

Еще бы не передалось! Каждый на корабле, от трюмного матроса, в одиночестве несущего вахту у главного опорного подшипника в коридоре гребного вала, до сигнальщиков и

поднявшегося на приступку контр-адмирала Еремеева, — все поняли, что даже если торпеда и настигла лодку и «поразила» ее — это еще полдела. Сейчас главное — найти и поднять саму торпеду. Только заключенные в ее теле приборы и осциллограмма могут дать полную и ясную картину всей атаки, оценить ее. Но дело даже не в этом. А вдруг в торпеде не сработал или неправильно сработал какой-нибудь приборчик и она ушла куда-то в сторону или нырнула на глубину, воткнулась носом в грунт и уже не выберется оттуда?

На памяти Вениамина Александровича был случай, когда он потерял торпеду. Тогда тоже все началось хорошо, торпеда уже пошла к цели и вдруг исчезла. В течение двух недель тральщики ощупывали каждый сантиметр грунта, но торпеду не нашли. Естественно, не установив причину ее исчезновения, всю вину свалили на корабль, командиру минно-торпедной боевой части капитан-лейтенанту Гвоздеву вынесли строгий выговор и сделали на него денежный начет. Лишь через пять месяцев кто-то еще утопил в полигоне торпеду, стали ее искать и нашли. Но когда подняли с грунта, то выяснилось, что торпеда-то гвоздевская, а причина ее затопления крылась в небольшом дефекте.

Но ведь то была старая торпеда, образца тридцать девятого года, а тут новейшая.

А расчетное время хода торпеды за этим воспоминанием уже истекло, она должна всплыть и подавать световые и звуковые сигналы. Но ни тех, ни других пока не поймали. Конечно, в такой чертолом световые сигналы можно и не заметить. Но где же звуковые?

И вдруг Авдеев хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— А ведь мы, похоже, не там ищем! — и ринулся по трапу вниз, в центральный командный пункт.

— Сообразил-таки! — проворчал контр-адмирал Еремеев, но вздохнул облегченно. — Вы поучли, что торпеда сама вела поиск, а Ладейщиков, обнаружив ее, начал петлять и нырять. Пока она гонялась за лодкой, шло время и расходовался ее ресурс. Так что сюда она уже не могла дойти, а всплыла где-то у нас за кормой. Если вообще всплыла... — Еремеев суеверно сплюнул через левое плечо и постучал костяшками пальцев по деревянному планширу.

Снизу поступила команда Авдеева: ложиться на обратный курс. Когда и сам Авдеев появился в ходовом посту, контр-адмирал спросил:

— Все понял?

— Так точно! Я не учел, что... — начал было пояснять Авдеев, но Еремеев оборвал его:

— Хорошо, что сам догадался. Хотя бы теперь-то ее не прозевай.

И Авдеев, выдернув из зажимов микрофон, оглушительно рявкнул в него:

— На всех постах — смотреть внимательнее!

Через двадцать восемь минут торпеду обнаружили, хотя и с трудом. Расписанное ярко-красными полосами тело практического зарядного отделения было похоже на поплавок удочки, оно лишь на мгновение мелькнуло на гребне волны и тут же исчезло, будто утянутое в пучину попавшейся на крючок крупной рыбой. Этого мгновения, наверное, не хватило бы, чтобы заметить почти невидимый на солнце свет лампочки, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы кто-то из акустиков поймал и запеленговал звуковой сигнал. И вот уже по указанному радистом пеленгу развернулись бинокли и головки визиров, туда устремились сотни глаз. И когда поплавок снова на миг взметнулся на гребень волны, его заметили почти все.

Авдеев по УКВ передавал координаты на торпедолов.

Но когда подошел торпедолов, выяснилось, что на такой волне вряд ли удастся зааркань торпеду. Она то скрывалась под водой, то выныривала ненадолго, и трудно было предвидеть, в каком месте она вынырнет в очередной раз. Еще беспорядочнее швыряло катер, поэтому близко подходить было крайне рискованно. Командир катера заходил и с наветренной стороны, и с подветренной, матросы с отпорными крюками, корячась на палубе и рискуя каждую секунду свалиться за борт, пытались дотянуться до подъемного рыма на головке торпеды, но видно было, что им это не удастся.

— Может, заборчик поставить? — предложил Авдеев.

Контр-адмирал Еремеев внимательно посмотрел на него, потом перевел взгляд на Гвоздева, должно быть, на сей раз он сомневался в способности Авдеева поставить «заборчик» именно там, где нужно. Вениамин Александрович и сам уже прикинул и понял: волна хотя и не такая высокая, но длинная, перекрыть ее корпусом «Стремительного» можно, однако на такой волне при обтекании может возникнуть притягивание, поэтому подходить лучше поближе к торпеде, но так, чтобы не навалиться на нее. «Стремительный» все-таки не катеришко-торпедолов, тут столкновение чревато гораздо более трагическими последствиями. Рассчитать точно сейчас невозможно, однако Гвоздев уже прикинул, на

каком расстоянии от торпеды наиболее целесообразно и наименее безопасно поставить «заборчик», то есть прикрыть корпусом большого противолодочного корабля катер и торпеду, максимально погасить волну. Вениамин Александрович уже рассчитал и курсы для этого маневра, но адмирал отвернулся от него и согласно кивнул Авдееву:

— Действуйте.

Предупредив по УКВ командира торпедолова о том, что он будет прикрывать его корпусом, и выставив по бортам боцманов с кранцами, Авдеев начал маневрировать и курсами и ходом. И Гвоздев убедился, что они близки к рассчитанным им самим. «Молодец!» — мысленно похвалил он старпома и впервые пожалел, что так и не решился предложить командующему вместо себя Авдеева. Но похоже, что командующий и сам об этом подумал: ведь не случайно же именно «Стремительному» доверено провести практическую стрельбу новой торпедой и не случайно сам командир соединения контр-адмирал Еремеев решил приглядеть за этим лично.

А Еремеев сидел в кресле на правом крыле мостика и с безучастным видом наблюдал за маневрами «Стремительного». И лишь когда корабль, зайдя с наветренной стороны, застопорил ход и лег в дрейф, адмирал приподнялся и встревоженно глянул за борт: не слишком ли близко подошли?

Катер подбирался осторожно, как кот к мышонку. Хотя на всю длину «Стремительного», на расстоянии чуть ли не полкабельтова, волна пригасла, но командир торпедолова все еще опасался, как бы в эту притихшую полосу не забрела какая-нибудь шальная волна, и подвигался к торпеде толчками: то даст ход, то застопорит, то задним подработает. Крючковые на торпедолове теперь привязаны страховочными концами и могут работать впагиб и с вытянутыми руками. Вот одному из них удалось наконец зацепиться за подъемный рым, головку торпеды тут же намертво захлестнула удавка, и Гвоздев, оберпувшись к Еремееву, радостно доложил:

— Порядок! Зааркапили!

— Молодцы!

Адмирал приподнялся, тоже перегнулся через планшир и, увидев, что за кормой катера уже вскипает бурунчик, за которым тянется трос с торпедой, опустился в кресло и сказал:

— Мною лично замечено, что корабли похожи на лошадей: к дому бегут куда как шустрее, чем из дому.

Адмирал приказал остальным кораблям укрыться в ближайшей бухте, а «Стремительный» полным ходом направился в базу, надвое разваливая форштевнем волну и широко распуская пенистые усы. Качка почти не ощущалась, лишь при смене курса корабль крепило чуть больше обычного. И может быть, только Гвоздев и замечал это, потому что ощущал громаду корабля как собственное тело, ощущал в малейшем его вздрагивании. Это пришло давно, наверное, еще со второго года его старпомовской службы.

И тут же озабоченно подумалось: «А как Авдеев, ощущает ли он?»

Подумалось не случайно: Гвоздев уже понял, что контр-адмирал Еремеев, как всегда, будет до конца последователен и самостоятельно входить в гавань и швартоваться предстоит тоже Авдееву. Наверное, и Авдеев это понимает. «Как бы не занижонил!» — совсем уже встревоженно подумал Вениамин Александрович.

Тревога оказалась не напрасной: на входной створ Авдеев лег, не сбавляя хода, в опасной близости миновав скалистый островок, прозванный моряками «Монахом». Островок и в самом деле напоминал монашеский клобук, он был, видимо, тектонического происхождения, но высунулся из моря на несколько веков раньше, чем средиземноморские острова, у основания оброс похожим на бороду кустарником — мелким и кривым, неизвестно как и прижившимся здесь.

С рейдового поста сообщили, что швартоваться придется к шестому причалу. Когда подошли к нему поближе, Гвоздев увидел, что почти вся стенка уже занята другими кораблями, оставалась лишь узкая щель между сторожевиком и большим десантным кораблем, в которую «Стремительному» придется в буквальном смысле втискиваться. Сможет ли это сделать Авдеев, не царапнув чужой борт? Швартовка лишь дилетантам кажется простым делом. На самом деле тут нужны не только глазомер и доскопальное знание маневренных качеств своего корабля, но еще и интуиция, и абсолютная уверенность, что каждая команда будет исполнена мгновенно. Стоит лишь чуть упустить момент отдачи якоря, промедлить с реверсом, зазеваться швартовным группам — и, глядишь, налезешь на соседний корабль или навалишься на бетонную стенку причала.

А тут еще дует сильный боковик, надо учитывать и немалую парусность «Стремительного»...

Гвоздев, мысленно прикинув, где лучше бросить якорь, когда застопорить ход, когда подработать реверсом, пыта-

ся припомнить, сколько раз предоставлял Авдееву возможность швартоваться самостоятельно. Эти разы легко посчитать по пальцам, потому что в должности старшего помощника Авдеев прослужил недолго, да и то почти все время в Средиземном море, где они и к берегу-то не подходили. Ну, еще перегонял он корабль из завода в свою базу, но неизвестно, какие условия швартовки тогда были...

Вениамину Александровичу показалось, что Авдеев поздновато начал разворачиваться против ветра и не вовремя застопорил ход.

— Отдать якорь! Флаг перепести, гюйс поднять!

Загрохотала в клюзе якорь-цепь, послышался всплеск упавшего в воду якоря, а вскоре мичман Прогасов доложил:

— На клюзе двадцать... Тридцать... Якорь забрал!

Авдеев толкнул ручку машинного телеграфа на «малый назад» и выскочил на крыло мостика. Наблюдая за кормой, то и дело поправлял ее:

— Право пять... Руль прямо!.. Лево два!

Корма нацеливалась то на сторожевик, то на «десантника», и каждый раз Гвоздеву хотелось вмешаться, подправить, но он лишь сильнее сжимал руками поручень и стискивал зубы. Он знал: стоит ему вмешаться всего лишь один раз, Еремеев не зачтет эту швартовку Авдееву, более того, сочтет ее неудавшейся.

Но вот корма втиснулась в узкую щель между соседними кораблями, и Авдеев скомандовал:

— Якорь-цепь задержать!

На туго натянутом поводе якорь-цепи корабль пятится более смирно. Теперь все обратилось в слух: не скребнет ли чужой борт?

— Подать кормовой!

Вскинулась ввысь легость на тонком капроновом лине, ее тут же подхватили на причале. Принимать швартовые отрядили матросов с обоих кораблей, хотя хватило бы и с одного. Но, наверное, оба командира уже заметили, что на мостике хозяйничает Авдеев, и посочувствовали ему.

Выбрали бросательный, сразу четверо матросов подхватили швартов и набросили его петлю на чугунную тумбу. В тот же момент Авдеев подработал «самым малым вперед», и корма мягко привалилась к причалу.

— А ведь ничего! — сдержанно похвалил контр-адмирал Еремеев, и Гвоздев, заметив, как разглаживается его лицо, понял, что адмиралу тоже потребовались усилия, чтобы удержаться от вмешательства.

3

Торпедолов пришел намного позже, потом торпеду перевозили на козлы, потом ждали кого-то из специалистов, потом вынули из нее записывающие «потроха» и отнесли в лабораторию. А пока там читали графики и проявляли пленку, Гвоздев с Еремеевым томились в береговом кабинете помощника оперативного, безуспешно пытался отвлечь себя и Гвоздева посторонними разговорами:

— А погодка-то! На охоту бы сейчас!

Вениамин Александрович знал, что контр-адмирал Еремеев — заядлый охотник, но знал также, что в последние года два ему ни разу не удалось выбраться на охоту, и сочувственно отозвался:

— Да, неплохо бы. На волков.

— Почему именно на волков? — удивился Еремеев.

И Гвоздев стал рассказывать о том, как к нему подступала волчья стая. Рассказывал неторопливо, с подробностями, поглядывая на оперативный телефон и ничего хорошего не ожидая от звонка из лаборатории.

Еремеев, должно быть, на телефон оборачиваться стеснялся, но тоже ничего хорошего от него не ожидал, поэтому рассказ Вениамина Александровича слушал рассеянно, однако возразил с убежденностью знающего зверье человека:

— Все равно не тронули бы!

— Может, и не тронули бы, но я об этом тогда не знал. Во всяком случае, перепугался.

— А может, все-таки останешься? — задал Еремеев вопрос, выпадающий из логики разговора.

— Я бы и сам этого хотел, — грустно сказал Гвоздев,— но не могу...

И тут оглушительно зазвенел телефон.

Еремеев, не оборачиваясь, выхватил из-за спины трубку:

— Ну что?

Едва доносившийся до Гвоздева чей-то голос частил так взволнованно, что приподнял Вениамина Александровича со стула.

— Да сиди ты! — жестом остановил его Еремеев и, наверное еще не дослушав, похвалил: — А ведь все записала! — И, бросив трубку, вытащил из нижнего ящика стола подготовленную Самохваловым кальку маневрирования: — Вот смотри: все сошлось!

Гвоздеву почему-то вспомнилось, как в школьные времена подгонял он решение задач под напечатанные в конце учебника ответы, решая задачи в обратном порядке и не подозревая, что это намного труднее...

Должно быть, Еремеев заметил его отрешенность и, сунув кальку обратно в стол, сказал:

— Ладно, пошли пить твой фирменный чай.

В приемную уже переселился на ночь дежурный по штабу и полусонно вскинулся было доложить, но Еремеев попридержал его:

— Сидите. Если что — я на «Стремительном».

В командирском тамбуре нетерпеливо переминался с ноги на ногу старшина первой статьи Валерий Кондрашов.

— Товарищ контр-адмирал, разрешите обратиться к капитану второго ранга Гвоздеву?

— Разрешаю. — Еремеев бочком протиснулся в флагманскую каюту, бросив на ходу через плечо: — Я пока руки помою.

Кондрашов подождал, пока за адмиралом захлопнется дверь, и сообщил:

— Я по личному вопросу.

— Заходите. — Гвоздев распахнул дверь своей каюты и жестом пригласил старшину войти.

— Извините, не могу, — отказался Кондрашов и стал выдирать из-под обшлага форменки циферблат больших и очень модных стальных часов, но, так и не выдрав его, замямлил: — У меня скоро поезд, так вот я проститься пришел... И вот вам мой подарок. — Он протянул магнитофонную кассету. — Думал, не дождусь и так и не скажу, поэтому записал. Радисты прокрутят. — Старшина сунул Гвоздеву широкую, как лопата, ладонь: — До свидания, товарищ командир! Спасибо вам за все! А остальное — радисты прокрутят. — И затопал по трапу вниз.

Гвоздев повертел в руках кассету, недоуменно пожал плечами и пошел в радиорубку.

— Вот тут Кондрашов мне что-то подарил, прокрутите, — сказал он вахтенному радисту.

— А, дождался-таки! Он же отслужил, домой едет, а поезд у него раз в неделю ходит... Уж как переживал, что не увидит вас! Поэтому и записал. Сейчас прокрутим, товарищ командир. — Радист протянул Гвоздеву наушники, взял у него кассету и поставил на магнитофон.

Недолго пошипев, пленка голосом Кондрашова повторила:

«Товарищ командир! Спасибо вам за все! А эту песню я посвятил вам и оставляю на память...»

И — приглушенно:

«Лёш, пиши!»

«Да пишу уж!»

Аккорды сначала громкие, потом все затихают, как бы прислушиваются к словам:

Не снизошла еще фантазия людей
До пара, электричества, бензина,
Когда явилась пара кораблей,
Два белокурых: Бриг и Бригантина.
Вода их благосклонно приняла,
И ветры подружились, забияки.
Любовь их на флагштоках подняла
Свои опознавательные знаки.
Они ласкались кончиками рей,
Играли, прижимаясь бортом к борту,
И волны необъезженных морей
Несли к какому-то неведомому порту.
Прозрачен океан в ладонях дна,
И пена брызг хмельна весельем тостов.
А в море рядом с Ним Она одна,
Словно самый таинственный остров.
Хранил еще от их причалов след
И Старый Свет, и неоткрытый Новый.
Для них открытым был весь белый свет,
И каждый вечер был для них медовый.
Им бухты открывались на пути,
И наготы лагуны не стеснялись.
Лишь в Робинзоны некому идти,
И клады там еще не зарывались.
Встречали их причалы без людей,
Дул суховей с материков печали,
Взахлеб кричали души кораблей,
Но души берегов не отвечали.
И вот настал однажды день:
От мыса Горн до будущей Канады
Легла и в море растянулась тень
От парусов прославленной армады.
И Бриг от изумленья оробел.
Шли флагманы, богато разодеты,
Фрегаты — кавалеры каравелл
И легкими корнетами — корветы.
И столько будет их — не сосчитать, —
Открытых островов и навигаций.
И вот уже отважились мечтать
О пристанях иных цивилизаций.
Из космоса оглядываясь вниз,
Мы все же ищем их и верим просто
В хотя б один, но неоткрытый мыс,
В хотя б один таинственнейший остров.

Потом слышно было, как Кондрашов прижал ладонью струны и сказал:

«Желаю вам, товарищ командир, счастья в новой семейной жизни!»

Гвоздев удивился: и откуда они, черти, все знают?

Вернувшись в каюту, он открыл нижний ящик стола, чтобы положить туда кассету. Этот ящик он называл личным, в него не попадали служебные документы, тут хранились лишь принадлежащие ему вещи: письма, коробка с орденом и медалями, свидетельство о рождении, аттестат зрелости, диплом об окончании высшего военно-морского училища... Сверху лежал фотоальбом в темно-вишневом сафьяновом переплете. Гвоздев рассеянно, наугад открыл его и обмер: всю страницу занимала фотография Полины на фоне петергофских фонтанов. Он сразу вспомнил, когда это было, и опять его остро пронзила знакомая боль.

После смерти Полины эта боль долго жила в нем, иногда утихая, иногда притаиваясь. Порой, опасаясь, как бы она не ушла совсем, он укалывал себя воспоминаниями, как врач, проверяющий иглой, не отмерла ли ткань, и ощущал, где боль сохранилась, где утихла, откуда совсем ушла. Он сжал в комок всю оставшуюся боль и постарался спрятать ее подальше. И она притаилась где-то глубоко-глубоко.

Вместе с болью затаилась, но еще не ушла и жалость к самому себе.

Когда он понял, что полюбил Валю, эта жалость сразу ушла, и он опасался, что вместе с ней уйдет и память о Полине. Но она не ушла вот, и это, наверное, хорошо...

— Команде чай пить! — прорвалось из трансляции.

Задвинув ящик, Гвоздев направился в флагманскую каюту, но Еремеева там уже не было, и он поспешил в кают-компанию. Там собрались почти все офицеры и тихо переговаривались между собой в ожидании приглашения.

— Прошу к столу! — пригласил Гвоздев.

Расселись мгновенно, будто упали в свои расписанные флотским ритуалом кресла. Вестовые в свеженакрахмаленных куртках тут же бесшумно, как белые тени, замелькали, подавая чай.

По правую руку сидит Еремеев. Тут он уже не начальник, а гость и держится соответственно: благодушно улыбается и кивком благодарит вестового. Кто это сказал, что за столом лучше всего сидеть с людьми, которые от тебя не зависят и ты от них не зависишь? Но Еремеев никогда не подчеркивал свое превосходство, умел оберегать не только свое достоинство. Каков-то будет новый начальник?

Слева — Авдеев. Интересно, кто займет его место, если Авдеева назначат командиром? Может, кто-то из командиров боевых частей своего же корабля? Кто именно?

Он перебегал взглядом с одного лица на другое, и ему становилось все печальнее, как будто он терял близких людей. А ведь и близких! У него было такое ощущение, что он покидает хорошо обжитый дом. Дом не потому, что «в море — дома, на берегу — в гостях». Конечно, на корабле, он и впредь будет находиться чаще, чем на берегу. К тому же им с Валей и с Коськой надо обживать новый дом, где-то уже на другом краю земли начинать все сначала. Ему-то — ладно, он в общем-то уже привык скитаться, а каково будет Вале?

Перед отъездом он все-таки спросил ее: а не страшно ли ей? Она ответила не задумываясь: нет, не страшно. И все-таки нет-нет да и пробивалась мысль: а не бросить ли службу? В конце концов и он, и Валя достаточно настрадались, и неизвестно, сколько придется страдать Коське.

Но вслед за этой мыслью каждый раз неизменно всплывала и другая: но ведь кому-то же и служить надо!

И вот теперь он понял, как важно еще и с кем служить. Ему казалось, что лучше сослуживцев он уже не встретит, и это еще больше усугубляло горечь предстоящей разлуки с теми, с кем многие годы делил и кров, и опасность, и радость, и беду...

Должно быть, сидящие поблизости заметили его состояние и притихли, лишь дальний лейтенантский угол над чем-то дружно смеется — похоже, над очередной остротой Петрова. Самохвалов, еще не вполне свыкшийся с положением командира боевой части, тянется к этому углу, обращаясь к единственному хмуро молчавшему лейтенанту Гребенюку:

— Николай Николаевич, не надо по пустякам изображать на своем челе мировую скорбь.

Гребенюк расстроился действительно из-за пустяка: будучи лучшим на корабле шахматистом, вчера неожиданно прозевал элементарную ловушку и проиграл партию Самохвалову. Но в ответ на его реплику сейчас изображает улыбку:

— Что вы! Мой ляк отражает лишь давнее поклонение вашему таланту.

— Вот как — даже давнее? Значит, вы так умело его скрывали, что я и теперь сомневаюсь...

— А крестьяне, они всегда сомневаются, — начал вплезать в разговор Геннадий Петров.

Лейтенантская «камчатка» сразу насторожилась: сейчас начнется самое интересное...

«А ведь я буду там, на Камчатке, скучать без вас, ребята», — подумал Гвоздев. Он уже не прислушивался к возникшему в лейтенатском углу привычному застольному трепу, а думал о том, как ему тут было хорошо. Ему уже казалось, что они сошлись на этом корабле не по воле кадровиков, не по случайному совпадению распределений и назначений, а всю жизнь были вместе.

В море много дорог. По ним идут и романтики, и работяги, и фантазеры, и калымщики — кого только не приходилось встречать за эти годы!

Но в море много и перекрестков. И вот все они, сидящие здесь, встретились на самом важном перекрестке — войны и мира. Пока что мир нуждается в их защите, и все они понимают, что на этом перекрестке наивысшего Долга — их место, их призвание, их судьба.

Устьянцев В. А.

У83 Флагман: Роман. — М.: Воениздат, 1987. — 351 с.

1 р. 70 к.

Роман посвящен сегодняшней жизни военных моряков.

Командующий флотом Малинин, командир большого противолодочного корабля Гвоздев, журналист Волжанин, медсестра Валя — эти и другие герои романа изображены не только в сфере своей служебной деятельности — автор показывает жизнь во всем ее многообразии, в сложном, порой трагическом, переплетении судеб.

У $\frac{4702010201\text{-}218}{068(02)\text{-}87}$ 140-87

ББК 84Р7

Виктор Александрович Устьянцев

ФЛАГМАН

Редактор *С. А. Бабинская*
Художник *Н. Н. Пшенецкий*
Художественный редактор *В. В. Поляков*
Технический редактор *О. В. Рыбина*
Корректор *А. А. Халилуллина*

ИБ № 2628

Сдано в набор 02.03.87. Подписано в печать 01.06.87. Г-11912.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн.-нов. Печать высокая.
Печ. л. 11. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 21,25. Усл. кр.-отт. 18,92.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/457. Зак. 315. Цена 1 р. 70 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.